

ДЖАЛИЛ
МАМЕД
КУЛИЗАДЕ

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

2

ДЖАЛИЛ МАМЕДУЛИЗАДЕ

(МОЛЛА-НАСРЕДИН)

**ИЗБРАННЫЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ**

В ДВУХ ТОМАХ

2

Фельетоны

Статьи

Воспоминания

М. Ф. Ахундов adına
Азербайжан Республика
КІТАБХАНАСЫ

АЗЕРБАЙДЖАНСКОЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
БАКУ · 1966

2-235990-51

ФЕЛЬЕТНЫ

Составление, послесловие и комментарии
АББАСА ЗАМАНОВА

С думой о вас явился я к вам, о мои братья мусульмане! С думой о тех, кому речь моя не по душе и кто под разными предлогами убегает от меня— погадать у гадалки, натравить собак, послушать сказки дервиша, поспать в бане или заняться другими не менее важными делами. Но мудрецы изрекли: «Обращайся к тем, кто не внемлет тебе».

О мои братья мусульмане! Когда вы услышите от меня нечто смешное и, разинув рот до ушей, закрыв глаза, будете хохотать так, что у вас, того и гляди, лопнут от смеха кишки, а потом станете вытирать выступившие на глазах слезы не платком, а полкой рубахи и посылать проклятия шайтану. — не подумайте, что вы смеялись над Молла-Насреддином.

О мои братья мусульмане! Если вы захотите узнать, над кем смеетесь, положите перед собою зеркало и внимательно всмотритесь в свое изображение.

Я уже кончаю свое обращение к вам, но мне хотелось бы извиниться перед вами вот в чем: вы должны простить меня, мои братья турки*, за то, что я говорю с вами на вашем родном, простом турецком языке. Я знаю, что говорить по-турецки непристойно, это показывает невежество говорящего, но, право, надо вспоминать прошлое. Вспомните пору своего младенчества, когда вы ревели в люльке — уши разболелись, — а мать, успокаивая дитя, напевала колыбельную на родном языке. Потом ваша бедная мать пугала вас: «Не плачь, дитя мое, не плачь, а то бабайка придет и заберет моего маленького!»

Вы пугались и замолкали.

Что плохого, говоря иной раз на родном языке, вспоминать славные дни прошлого?!

ПИСЬМО ИЗ МОГИЛЫ

Ахунд Гаджи-Молла-Джалил-ага из города Ятыя, в феврале покинувший сей бренный мир, одиннадцатого апреля прислал своим святым братьям такое письмо с того света:

«О други мои! Я очень на вас обижен, и причина сей обиды в том, что, когда я был жив, вы мне сто тридцать два раза на дню говаривали:

— Гаджи-ага, все суета сует, благодарение аллаху, он посылает тебе кусок хлеба насыщенного, собери вокруг детишек и ешь его в свое удовольствие, смиренно опустив голову. Чего тебе еще надо в короткой жизни? К чему тебе днем и ночью жить в трудах и тяготах? Разве недостаточно тебе доходов, что получаешь ты в качестве моллы, проповедника и марсияхана? К чему обременять себя еще обязанностями мутавелли*, чтобы сограждане подозревали тебя во всех смертных грехах?

Когда вы говорили мне эти слова, то, помню, клялись кораном, что скорее будут прокляты до седьмого колена ваши предки, чем вы, если даже предложат миллион, и сам губернатор будет с вами заодно, согласитесь стать мутавелли нашего города! Вы еще к этому добавляли, что это — самое грязное и низкое занятие во всем мире!

Потом я заболел, и вы несколько раз приходили меня навещать. Тогда я чувствовал себя не очень уж плохо и, принимая лекарство врача Иванова, постепенно исцелялся от недуга.

Как-то один из вас пришел навещать меня. Вспомни, о друг, как ты, войдя, обнял меня. На столе стояло лекарство, только что принесенное из аптеки. Оно было красного цвета и очень помогало мне. О друг! Ты взял в

руки склянку, вытащил пробку и, поднеся лекарство к носу, так поморщился, что стал похож на старую обезьяну; потом снова понюхал и плюнул на склянку. Лицо твое было обращено ко мне и оттого несколько брызгов твоей слюны упало на мое лицо, и я вытер лицо краем одеяла. Снова поморщившись, ты, точно скаженный, выскочил с лекарством за дверь и с такой злостью швырнул склянку о кирпичную стену, что я со страху ушел с головой под одеяло и стал читать молитву против лукавого.

Потом ты подошел ко мне и сказал:

— Ай, Гаджи-Молла-Джалил-ага! Ради всевышнего, что создал из пустоты и небо, и землю, не пей лекарство нечестивых!

— Но что же, дорогой мой, мне пить, чтобы поправиться?—спросил я.

— Не пей, не пей, не пей! — твердил ты. — Уповай на всевышнего!

— Хорошо, — согласился я, — если не советуешь, пить не буду.

Помнишь, друг, как ты нагнулся ко мне и, приблизив свои уста к моему правому уху, прошептал:

— Хочешь выздороветь?

— Хочу, как же не хотеть! — ответил я.

— Тогда поклянись, — молвил ты, — что исполнишь то, что тебе скажу!

Я поклялся. Ты достал из кармана четыре пилюли и протянул мне:

— Это чудодейственные пилюли. Одну примешь сейчас, вторую — в обед, третью — вечером, и последнюю — в полночь.

— Слушаюсь, — сказал я и спросил: — А если врач захочет узнать, почему я не выпил его лекарство, что мне ответить ему?

— Ответь, — наказал ты, — что погадал, вышло плохо, и ты не стал пить. Вот и все!

О святой друг! Подавиться бы тебе своей «чудодейственной пилюлей»! Ты хорошо знал, что данное тобой лекарство — бесонское зелье!

В ту ночь, когда я принял последнюю твою пилюлю, я распростился с жизнью. Да еще пришлось мне накануне краснеть от стыда перед врачом. Уже в тушке он почувствовал запах выкинутого тобой лекарства, а по-

том, войдя ко мне и не увидев склянки на столе, догадался и спросил:

— Почему не выпили мое лекарство?

— Я погадал и вышло плохо, вот и бросил, — ответил я.

Бедный врач взял свою шляпу и, сказав лишь одно слово: «хорошо», оставил меня.

О мои святые братья! Дошло до меня, что из-за должности мутавелли города вы вступили в драку, и, когда угощали друг друга кулаками, ваши чалмы упали в реку. В это время два сбежавших с уроков ученика из русско-мусульманской школы сидели на берегу реки и, опустив ноги в воду, восхваляли в стихах своих учителей. Заметив в воде ваши плавающие чалмы, они стали забрасывать их камнями.

Еще в одном хочу упрекнуть вас, о мои святые братья! Помните, когда я лежал больной, однажды вы пришли ко мне и сказали: «Молла-Джалил-ага, почему ты так боишься смерти? Пусть боятся ее бесчестные плуты и обманщики. А тебе, слава аллаху, суждены райские кущи и отдохновенье в обществе гурий и ангелов».

И вот теперь, придя сюда, я вспоминаю ваши слова, и сердце мое обливается кровью...

Многое я мог бы еще сказать, но боюсь, что вконец расстрою вас... Хочу лишь добавить: бесконечное благодарение всевышнему за то, что прожил на свете неплохие дни. Ах, эти дни, эти времена!..

Блаженны времена, когда народ был безязык.

Я, зная, пивал себе чай и плов вкушать привык.

Я паству наставлял свою, и всех пленил мой язык.

Народ был челядь, я — султан. Я многого достиг.

Добро текло рекой в карман. Мощна полным-полна.

О эти славные деньки, златые времена!

Я радовался от души, приняв неважд дары.

При виде глупых ликовал. Ведь простакни щедры.

Мне было честь и место там, где шумные пиры.

Кругом — кто хвор, кто глух иль слеп — и все ко мне добры.

Моллою зван, я ханом был — так чтили все меня.

О эти славные деньки, златые времена!

Повышу голос — нагоню на паству божескую страх.

Прогневаюсь — и ужас вмиг прочту у набожных в глазах.

А разъярюсь — так обращу всех в зыбкий и ничтожный прах.

Запричитают в голос тут, взмолятся — «о аллах!».

И к небесам и день и ночь мольба вознесена.

О эти славные деньки, златые времена!

Жил — не тужил. Что лихо есть, что есть беда — не знал.

Блаженствовал в тепле и хворь я никогда не знал.

Все ел да пил да попивал и мук труда не знал.

Алкал и мучил я. Ни чести и ни стыда не знал.

На то аллаха поля мне были, друзья, дена.

О эти славные деньки, златые времена!*

«Молла-Насреддин», 2 апреля 1906 г., № 3.

ТАЙНЫЙ ОТВЕТ МОЛЛА-НАСРЕДДИНА

В Баку—Демдемеки*

Демдемеки, да ты просто сошел с ума! Как же ты не побоялся написать мне такие слова?! Иль тебе жизнь надоела? А если бы я и вправду поместил твою заметку в нашем журнале, о чем так просишь, как бы ты сохранил тогда свою шкуру?

Знай, что бакинцы забросали бы тебя камнями, и ни один из них не стал бы покупать наш журнал. Ну, скажи, как я могу написать, что в бакинских читальных поют лишь совы?! Разве могу я написать, что никто не думает о судьбе бакинского благотворительного общества, а члены его лентяи и тугодумы?! О чем ты думаешь, когда предлагаешь написать, что улицы Баку полны нищенствующими мусульманскими женщинами и детьми?!

Эх, Демдемеки, ты и впрямь пустомеля! Разве могу я написать, что девятого апреля двое знаменитых мусульманских гласных* выхватили шестизарядные пистолеты и с площадной руганью набросились друг на друга? Да разве можно поверить в то, что они... просто язык не поворачивается сказать это!

Демдемеки, могу ли я в журнале поместить весть о том, что двадцать восьмого числа месяца сафара фанатичные кубинцы и бакинцы устроили в Биби-Эйбате такое самоистязание, что у некоторых и по сей день из голов сочится кровь?!

Ты просто с ума спятил, Демдемеки, да и только! Послушай, разве могу я написать, что в декабре бакинцы возили на ишаках по улицам Баку воров, которые приехали туда промышлять из иных мест, но что стоит им поймать своих воров, как тут же отпускают их на волю, потому что они, эти самые бакинские воровы—родственники гласных?

Ну, теперь-то ты, Демдемеки, понял, что я не могу исполнить твою просьбу и поместить в журнале присланную тобой заметку?! Что бы ты, несчастный, делал, напечатай я в журнале твои слова? Как бы жизнь свою уберег?

«Молла-Насреддин», 21 апреля 1906 г., № 3.

ЗА ЧТО ВЫ МЕНЯ БЬЕТЕ?

О моллы, за что вы меня бьете? Или вы боитесь меня? Боитесь, что я пойду к народу и шепну ему на ухо несколько слов, расскажу кое о чем? Или вы боитесь, что слуги будут топить самовар картинками моего журнала, а дети будут забавляться картинками из него, и люди в конце концов узнают кое-что? Может быть, вы понимаете, что одной страной не могут править два падишаха, в одну эпоху не могут жить два моллы: либо Молла-Хасреддин*, либо Молла-Насреддин?

Но ничего, так и быть — бейте меня. Но, моллы, я знаю, что дни пробегут, воды протекут, время обновится, и нищие сироты, босые и голые братья мои узнают наконец, кто их враг, а кто друг, вырвут из ваших рук толстые дубинки и начнут... Но о том, что будет дальше, я лучше помолчу.

И это будет тогда, когда оборванные и голые, чумазы и обросшие братья мои поймут наконец разницу между мною и вами. Ведь хотя и вы моллы, и я молла*, между нами есть все-таки небольшая разница.

И я скажу вам несколько слов, хотя, знаю, у вас от этого может разболеться голова.

Разница между нами состоит вот в чем:

Во-первых, я, будучи моллой и читая проповеди своим братьям мусульманам, говорю им: поклоняйтесь лишь аллаху, повинуйтесь лишь пророку и имамам. А вы говорите: поклоняйтесь и повинуйтесь и аллаху, и имамам, и пророкам, и моллам, и дервишам, и тем, кто показывает фокусы со змеями, предсказывает судьбу, гадает на воде, налитой в таз, пишет заклинания, колдует,

повинуйтесь джинну, хамзату, калиле, димне, шайтану, диву, марриху, сарриху, амаху, сашану, жуку, куфле, комару, оводу — в общем, всем и всякому.

Во-вторых, хоть и я молла, и вы моллы, я говорю братьям мусульманам: о мусульмане, откройте глаза и посмотрите на меня; а вы моллы, говорите: о мусульмане, закройте глаза и посмотрите на меня.

В-третьих, когда я вижу на улице мусульманского мальчика, я говорю ему: дитя мое, вытри нос. И это дитя рукавом архалука начинает вытирать нос. Но вы, моллы, встретив этого мальчика, говорите ему: а ну-ка, пострел, беги к своему отцу и скажи ему, что, если он не пришлет сегодня обещанное, я прочту заклинание, и он тотчас окаменеет.

В-четвертых, хоть и я молла, и вы моллы, однако между нами небольшая разница, состоящая в том, что я, по крайней мере, беру в руки небольшие клочки толстой бумаги и печатаю всякие сказки и небылицы, рисую разных там змей и лягушек и раздаю мусульманам, чтобы ребята, глядя на картинки, смеялись, и чтобы слугам было чем разжигать огонь. А вы, моллы, говорите: «К черту и ребят, и слуг!»

Вы, моллы, говорите:

Пусть мрет, как хочет, мой народ, — какое дело мне?

К врагам за помощью идет — какое дело мне?

Потише, спящих не буди, пускай еще поспят!

Когда б никто из них не встал, я был бы очень рад.

А если встанет кто-нибудь — в постель его, назад!

О, лишь бы мне здоровым быть — весь мир да рухнет в ад!

Пусть мрет, как хочет, мой народ, — какое дело мне?

К врагам за помощью идет — какое дело мне?

Что из истории земли примеры приводить?

Зачем о прошлых временах сегодня говорить?

Мне с хлебом голубицы неси — вот это наша приты!

Зачем в грядущее глядеть — мы там не будем жить!

Пусть мрет, как хочет, мой народ, — какое дело мне?

К врагам за помощью идет — какое дело мне?

Я б сыну родины желал остаться не у дел.

В грязь по горло прозябать — презренного удал!

Вдова пусть нищенкой пойдет — терпеть ей бог велел.

Моя же слава пусть растет, не зная, где предел.
 Пусть мрет, как хочет, мой народ, — какое дело мне?
 К врагам за помощью идет — какое дело мне?

В какую ни пойди страну — увидишь ты прогресс!
 Хоть в чем-нибудь страна всегда иметь должна прогресс!
 Когда в ночи приснится нам рассвет, весна, прогресс,
 Тогда мы с вами обречем и в мире сна прогресс.
 Пусть мрет, как хочет, мой народ, — какое дело мне?
 К врагам за помощью идет — какое дело мне?*

«Молла-Насреддин», 28 апреля 1906 г., № 4.

Слушайте, бакинцы, ради аллаха, оставьте меня в покое! Что дурного в том, если я некоторыми забавными рассказами хотел потешить вас, дабы настроение ваше улучшилось, и вы переварили свою пиццу хорошо. Ведь не за тем я приехал к вам, чтобы нажить себе врагов.

Прежде всего вспомню этого нерадивого Демдемеки*, будь он неладен; с самого начала запутал все, взял и написал столько лжи и небывицы, что все жители Баку отвернулись от меня.

Не успел смыться Демдемеки, появились на арене ученики последнего класса бакинской русско-татарской школы и возвели на своих учителей столько клеветы, что я и до сих пор стыжусь за них.

Признаюсь, я допустил большую оплошность и заявляю, что причиной такой оплошности послужили красота почерка учащихся и безукоризненное правописание, иначе ни в коем случае, с ходу, не выкинув в суть дела, не напечатал бы этого письма.

Несомненно, люди, обманываясь внешней стороной вещей, часто ошибаются. В том числе и я. Откуда я мог бы знать, что это изящное письмо по существу состоит из лжи и измышлений.

Откровенно говоря, крайне недоволен этими учениками, написавшими жалобу. Во-первых, где это видано, чтобы младшие жаловались на старших? Какое уж ваше дело, что учителя «не ложатся спать до четырех часов утра»? Они люди образованные, интеллигенты. Где это видано, чтобы образованный человек ложился спать раньше четырех часов утра? И откуда вы знаете, чем

занимаются ваши учителя до поздней ночи? Может быть, они радуют в молитвах? Может быть, они по ночам держат совет и скорбят по бедам народным? Коль скоро вы этого не знаете, какое вы имеете право жаловаться? Вот если бы наши образованные люди до четырех часов утра предавались бы развлечениям в клубах и только в десять часов утра, протирая опухшие и красные, как яблоки, глаза, отворяли бы двери школы, тогда возможно, у вас были бы кое-какие основания жаловаться на них.

Но я знаю, вы говорите неправду.

Впрочем, все это дела давно минувшие.

А теперь выступила на арену другая мелюзга; приказчики вздумали досаждают Молла-Насреддину.

Какое мне дело, братцы, если вы утром, в шесть часов приходите в контору, а уходите домой поздно вечером, в десять часов? Что я могу поделать, если ваши хозяева-мусульмане даже по пятницам загоняют вас в конторы, запирают двери и заставляют вас работать при свете лампы, лишая вас света божьего? При чем уж тут я, если ваша заработная плата мизерная, труд неизмеримо велик, а отдыха никакого?

Честное слово, я в замешательстве, не знаю, писать мне об этом или нет? Не напишу — вы обидитесь, напишу — ваши товарищи-приказчики, подобно ученикам последнего класса первой русско-татарской школы, начнут доказывать на страницах газет «Гейт» и «Иршад», что Молла-ами, неправ, что, мол, наши хозяева щедры, человечны, милосердны и благородны, пекутся, заботятся о нас, питают к нам искреннюю, сердечную любовь, словно к родным детям, что они гораздо больше приверженцы свободы, чем сам Витте и Дурново.

Клянусь, я в замешательстве. Не знаю, писать или нет.

Все-таки лучше не писать.

«Молла-Насреддин», 19 мая 1906 г., № 7.

2-235 990

На свете много людей убежало из школы. Не берусь судить, как у других народов, но знаю, что на земле нет ни одного мусульманина, который не убежал бы с уроков. В предыдущем номере мы уже говорили: кто убегает с уроков, тот будет ученым. Теперь повторяем ту же мысль: тому, что все мусульмане становятся учеными, первая и последняя причина — их бегство с уроков.

Короче говоря, кто не убегает с уроков, тот не мусульманин.

Известно, что есть много причин тому, чтобы убежать с уроков. Вот, скажем, видишь: пока тринадцатилетний мальчишка, оседлав камышовую тростинку, скачет с гиком и ржанием из одного конца улицы в другой, он жив и здоров. Но как только он идет в школу, щеки бедняги, румяные, как шекинские яблоки, начинают блекнуть. Отец мальчика приходит к лекарю Гаджи-Кериму, рассказывает ему о случившемся, лекарь, едва взглянув на мальчика, пишет молитву на клочке бумаги и говорит отцу ребенка:

— У твоего сына никаких болезней нет. Фалакки испугался, да и только.

И ребенок, услышав эти слова, начинает убежать с уроков.

Или бывает так: ребенок ходит в школу, учитель благоволит к нему, дарит лаской и вниманием; например, он всегда сажает ребенка рядом с собой, покупает на базаре изюм и горох и напихает ими карманы своего любимчика, а когда тот не знает урока, не привязывает мальчика за ноги к фалакке, не дает трудных заданий,

М. Ф. Ахундов adına
Azərbaycan Respublikası
KİTABXANASI

и каждый раз, когда ребенок не выучит урока, берет его за подбородок и говорит: голубчик, умоляю, не расстраивай ты меня, хорошенько выучи урок, иначе я обижусь на тебя.

Но вот мальчуган заболевает оспой. И тут происходит что-то непонятное. Учитель совсем охладевает к бедняге, даже смотреть на него не хочет, а рядом с собой сажает другого смазливового мальчишка и набивает карманы и горохом карманы своего нового любимчика. Бедняга ревниво смотрит на своего соперника, потом берет книги, направляется к дверям и, надевая башмаки, заявляет своему наставнику:

— Ты вот теперь и горох отдаешь Джафару, а я после этого назло тебе и в школу не буду ходить, и халвы тебе больше не принесу.

Но часто бывает и такое: как только ребенок идет в школу, в его семье происходит несчастье, особенно, если в этой школе преподают еще и русский язык.

Несколько лет назад в деревне Данабаш один мальчик пошел в школу, у отца его в течение одной ночи семь баранов пало от разрыва сердца. Отец ребенка идет к ахунду деревни Данабаш Гаджи-Молла-Намазали и рассказывает ему о приключившейся беде. Ахунд отвечает, что это возмездие, которое ниспослал ему аллах за грехи, им совершенные. Пришелец клянется, что никакого грешного дела не совершал, если не считать того, что разрешил сыну пойти на урок русского языка. Ахунд прикусывает палец, произносит:

— Так бы сразу и сказал, сын праведного! Зачем же ты заставляешь меня голову ломать!

Крестьянин идет домой, берет палку и, раз-другой огрев жену, начинает ругать ее:

— Ах, собачья дочь, зачем ты родила этого ребенка, чтобы он пошел на уроки русского языка и стал виновником гибели наших овец!

И ребенок, увидев, какой оборот принимают дела, убегает с уроков.

Но то, как я сам убежал с уроков, не похоже ни на один из рассказанных случаев...

Однако на этот раз я слишком докучил вам.

Даст бог, на следующей неделе я еще раз рискну утомить вас и подробно расскажу всю историю.

До тринадцати лет я на улицах затевал петушинные бои. Ах, минувшие дни!..

Как-то пришел я к покойному отцу и сказал:

— Отец,пусти меня в школу.

Покойный сильно любил меня, потому что, кроме меня, у него никого не было. Именно из любви ко мне, не желая обидеть отказом, отец согласился, но при условии, что прежде он сходит к Молла-Исмаилу и узнает, что по этому поводу говорят священные книги. Молла-Исмаила теперь нет в живых; мир праху его тысячу раз. Покойный был и моллой, и поэтом. Все свои стихи он записал в одну тетрадку и, когда приходили к нему за советом, он брал свою тетрадку, закрывал глаза, наугад открывал какую-нибудь страничку и читал с нее, шевеля губами.

Когда отец задал вопрос, идти мне на занятия или не идти, покойный Молла-Исмаил раскрыл тетрадку, как сказано выше, и прочитал отцу вот эти самые стихи:

В тот день, когда аллах тебе дарует сына,

Судьбу твою шадя, —

Пошли за колдуном, чтоб козни злого джинна

Не тронули дитя.

Дай крошке талисман, припомни все приметы

Юродивых старух,

Используй заговор, заклятья, амулеты —

Смути нечестый дух!

Коль занеможет сын, простинет не на шутку,

Забьется о больном:

Не вызывай врача, не оксверняй малютку —

Пошли за колдуном.

Коль ночью твой малыш запачкает пеленку,

Заплачет, закричит —

Вели жене пугать бабайками мальчонку,

Пока не замолчит.

С младенчества дитя учи отборной брани,

Стараний не жалей.

И вот они, смотри, плоды твоих стараний:
Мальчишка все наглей!

Открой его глазам нескромности природы,
Пусть знает, что к чему,
Пусть видит наперед все выходы и входы,
Готовый ко всему.

Одним его не мучь — не посылай учиться,
Не мнужь его обид.
Придет пора: поймет, привыкнет, наловчится,
Словчит — и будет сыт.

Вдолби ему в башку поверия и страхи,
И все, чему учен...
Постижь, что плутовство — доходное занятие,
Довольно для юнца.
Пусть шьет, ворует, врет, купается в разврате —
И радуется отца.

Но вот твой дом богат и сахаром и пловом...
Всего не перечести!
Да! Вырос твой сынок отнюдь не безголовым —
Хвала ему и чести!

И вдруг — арест, тюрьма, и сына ждет расплата...
Ты в ужасе... Бодрись!
Борись, купи судью, присяжных, адвоката,
В лепешку расшибись!
Но приговор суров... Последнее свиданье...
Последнее прощанье...

Ты ищ и одинок, и скудно подаешься,
Зажатое в горсти,
И душу не спасти...
Деньжонок наскрести,
На ужин набрести...
Ученому вовеки
Не быть в такой чести!*

Одним словом, стал я ходить в школу. Честно говоря, была у меня большая охота к учению. И поэтому, каждый раз возвращаясь из школы, я обкладывался

книгами и начинал готовить уроки. Мое усердие досадило отцу, и он раза два сказал мне:

— Сынок, не изводи себя. Далось тебе это учение!

Я пропустил слова отца мимо ушей и продолжал заниматься своим делом. В один из дней я, как обычно, сидел за книгами. И вдруг вижу — отец мой идет к матери и говорит ей эти слова:

Я не пойму, что взял мой сын хорошего от книг,
Журналов и газет!

Наука — скука, дребедень! Он похудел от них,
Лица на бедном нет.

Заполнив чтением свой досуг, ума лишился он,
Аллах, ну что за бред?

Я верю: будет мальчик мой молитвами спасен.
Жена, а твой совет?

Злодейка! Гром тебя срази! Во всем твоя вина!
Твой, твой дела!..

Такой порядок в дом вошел с тобой, моя жена!
О ты, источник зла!

Ослепнут пусть твои глаза, чтоб меньше мне страдать
У ведьмы на глазах!

Бывало ль, чтоб свое дитя в огонь бросала мать?
Сожги тебя аллах!

Ты, ты заставила меня отдать его туда,
Где учат, мучат их!

О чем ты думаешь теперь? Молчишь? Вель вся беда —
От выдумок твоих.

Не знаю, можно ли сейчас несчастного спасти?
Подумай ты сама:

Уроки!.. Школа!.. Столько книг!.. Ах, сбился он с пути!
Ах, он сошел с ума!

Ты погубила сына, ты разрушила мой дом.
Ты, ты, родная мать!

Некучество!.. Тысяча наук! Я с ними незнаком
И не хочу их знать!

Теперь так же времена — ему б Рустамом быть,
Героем наших дней!

Как я, потом и грабежом богатство накопить, —
Тогда б он стал умней.

Я так хотел, чтобы мальчик мой был уважаем, чтим,
Чтоб он спокойно жил!

Привольной жизни чтоб достиг он кулаком своим,
Чтоб славу заслужил!
Такой прекрасный мальчуган на гибель обречен!
Неопытный сынок!
Не засмеется никогда и еле дышит он.
Исчах совсем, поблек!
Ах, непутевый сын, себе ты, видно, хочешь зла!
Да разве можно так!
Тебя не кража, не разбой — наука увлекла.
Попался ты впросак.
Послушай, перестань читать, о свет очей моих!
Яви ты верность мне!
Джигитом стань и побеждай наездников лихих
На бешеном коне!
Оставь ученье, милый мой, ты жив едва-едва,
О жертва чепухи!
От этих книжек у тебя вскружилась голова.
К чему тебе стихи?
Тебя же, сколько ни учишь, как сердце не тревожи
Не влюбит подлый свет!
В морях поэзии теперь будь жемчугом — и все ж
Тебе признанья нет.
Наукой денег не добыть — пойми ты наконец!
А деньги — не пустяк!
Нет, нет, ясна мне мысль твоя. Тебе я не отец —
И к черту, если так!
От книги ни на шаг,
С печалью встань и ляг.
Так век свой сократив,
Поймешь: весь мир — твой враг!*

*«Молла-Насреддин», 19 и 26 мая, 16 июня 1906 г.,
№№ 7, 8, 11.*

ОЧЕНЬ СТРАННО

В Шемахе пристав Джебраилов разоряет дом бедной и одинокой женщины, а в итоге шишки летят на меня — один из шемахинских священнослужителей так вопит на меня, что голос его доносится до Тифлиса. Но, не довольствуясь этим, он пишет мне: «Ну Молла-Насреддин! Погоди, увидишь, что я с тобой сделаю!».

Братец мой, клянусь аллахом, я и в лицо не видел браилова. Начиная с 7 апреля, я рассказываю сказки на Воронцовской улице в Тифлисе, и в жизни своей еще ни разу не был в Шемахе!

В Нахичевани начальник Энкель накостылял мусульманам. И когда несчастные рассказывают моллам о своем горе, те отвечают им, что начальник не виноват и что да проклянет аллах Молла-Насреддина!

Но, полноте, в чем же тут моя вина?

Дзегамский пристав Огаричев, втолкнув в конюшню ни в чем не повинного Сеид-Ганифу, так охаживал его кулаком по носу, что целое ведро можно было наполнить кровью.

Начальник Раут в Казахе срывает с мусульман их папахи и хлещет их по бритым, гладким, как мрамор, головам, а в ответ на это один из святых отцов гянджинской паствы ежеутренне ходит на прием к приставу первого участка. И, встретив на улице меня, он отворачивается и не отвечает на мое приветствие.

Эриванский губернатор, услышав слово «мусульманин», тотчас притворяется больным, а при встрече с нашими кази не здоровается с ними за руку, дабы те не утруждали себя мытьем рук после возвращения домой.

Но господа моллы, вымещая на мне свою злобу на губернатора, говорят народу: «Не читайте журнал этого еретика — Молла-Насреддина!»

Некто из Баку (я-то наверняка знаю, что это или хан, или иранский молла) прислал мне письмо, в котором доказывает, что самый славный и большой город в мире — это Тебриз, самая большая река — Аракс, первая деревня — Данабаш и что лишь по вине Молла-Насреддина иранское правительство переживает кризис.

В Тифлисе... стойте, что же я хотел сказать?.. Забыл... Ну, словом...

Когда я написал эти строки, откуда-то свыше мне был голос:

— Не горюй, Молла-Насреддин, все это пройдет.

«Молла-Насреддин», 26 мая 1906 г., № 9.

Известно, что очень мало книг для преподавания в школах по новому методу. Поэтому, желая сделать благое дело во имя нации и родины, мы вместе с коллегами «Мозаланом»*, «Хоп-Хопом»*, «Ляглагы»* и «Хардамхяялом»*, приложив все наши старания, сообща задумали составить учебник арифметики.

Если какой-либо ученик найдет правильный ответ на одну из этих задач и пришлет в нашу редакцию, ему, как только книга выйдет из печати, будет отправлен один экземпляр, но при условии, если его фамилия будет оканчиваться на «ов».

Книга, которую мы готовим, состоит из арифметических упражнений, русские называют их «задачами».

Вступительная часть книги (для начинающих)

1. В одной семье четыре ребенка, у каждого ребенка своя мать. Спрашивается, сколько жен у хозяина дома?

2. В книге, по которой обучает молла, 42 страницы, каждую страницу школьник учит два месяца. За какой срок ученик одолет всю книгу?

3. В Балаханах каждому рабочему Талышханов выдает в день по три оплеухи и 17 копеек. Исходя из этого, чему будет равняться ежедневный заработок четырех тысяч рабочих?

4. У быка, который на своих рогах держит Землю, после землетрясения в Шемахе отломился один рог у самого основания. Сколько теперь рогов у этого быка?

5. Ребенку до четырнадцатилетнего возраста каждый

день дают по два фунта хурмы. Спрашивается, сколько хурмы съедает ребенок за четыре года?

6. В России народные депутаты два месяца бьются, но ничего не могут добиться. Исходя из этого, чего они добьются за 12 лет?

7. Молла, привязав ноги ученика к фалакке, ломает одиннадцать розог. Сколько розог молла должен приготовить для наказания семерых учеников?

8. Хлеб, который продается на базарах Тебриза, состоит из одной части муки и трех частей земли. Если и дальше будут продавать такой хлеб, то через сколько лет исчезнут земли и горы Азербайджана?

9. За месяц на Кавказе миллион мусульман и армян приказывают долго жить. Спрашивается, сколько мусульман и армян останется на Кавказе через пять лет?

10. Пахарь из собранной пшеницы 10 частей из тридцати отдает землевладельцу, 10 частей отдает молле и дервишам (за толкование снов, заклинания против напасти и за другие заботы). 10 отдает главе и приставу в качестве взятки и на судебные расходы. Сколько пшеницы остается самому пахарю?

11. Некий семьянин принес домой три яблока, одно отдал сыну, другое — дочери, а третье съел сам. Сколько яблок досталось жене?

12. В купелях нахичеванских бань, построенных семьдесят лет назад, вода меняется раз в семь лет. Сколько раз до сих пор менялась вода в этих банях?

13. Как только приглашенные на поминки молла, хан и беки собираются вместе, сразу закрываются ворота, чтобы бедняки не могли проникнуть во двор. Сколько бедняков будут сыты, если в году справят две тысячи поминок?

14. Эриванский губернатор, который уже 14 лет на этом посту, каждый год увольняет с работы 14 мусульман. Сколько всего мусульман уволил губернатор?

15. Мусульманский мальчик, вернувшийся домой после четырех лет обучения, говорит с матерью по-русски. На каком языке будет говорить он после 14 лет учебы?

16. На Кавказе новые мусульманские журналисты в каждой строке пять раз употребляют «шу» и семь раз «иштя». Спрашивается, сколько штук «ш» набирается в типографиях за один день?

17. В Тифлисе в новой мечети женской школы «Свя-

тая Нина» мусульманские девушки намаз совершают на русском языке. Через сколько лет мусульманские девушки будут в состоянии трудиться на ниве просвещения и прогресса своей нации?

18. Каждому уполномоченному по распродаже журнала «Молла-Насреддин» в городах наших было отправлено 14 писем с тем, чтобы они еженедельно посылали выручку в нашу редакцию. Сколько до сих пор потрачено марок на каждого представителя журнала?

«Молла-Насреддин», 9 и 23 июня 1906 г., №№ 10 и 12.

Даже камни — услышь они глас мой печальный — заплачут.
Что же ты, человек, не внемлешь стенамъ моимъ?

Шаки.*

Стого дня, как начал выходить этот журнал, в нашу редакцию поступило 116 писем из Баку и Эривани. В начале этих писем написано так: «Жалоба на иранское консульство». В конце их подпись: «Подданный Ирана», или же «Иранский рабочий».

Мы не напечатали ни одного из этих писем, как известию нашим читателям, и печатать не будем.

На то есть две причины.

Первая причина заключается в том, что мы не хотим, чтобы консулы обижались на нас. Мы никогда не позволяли себе нападать на влиятельных людей, избегали задевать сильных мира сего. Известно, что с такими знатными и уважаемыми людьми, как консулы, следует быть осторожным. Откровенно говоря, мы боимся.

Вторая причина, по которой мы не печатали этих писем, заключается в том, что мы внимательно прочли все 116 писем и не обнаружили в них ни слова правды; от начала до конца все — ложь, клевета, вымысел, басни, сказки и прочее.

Например, Кербелай-Фарадж из Баку пишет:

«Пьяный ферраш консульства на Верхне-Тазалирской улице, у двери кабака, преградил мне дорогу, держа в руке стакан с вином, и потребовал от меня четыре рубля. Я сказал ему: «Клянусь аллахом, я рабочий человек, у меня нет денег». Ферраш разозлился на меня, выплеснул вино из стакана прямо в лицо мне и поволок меня к намбу. Короче говоря, они избili меня, отобрали четыре рубля, затем отпустили. Я кричал, орал, спрашивал, почему взыскивают с меня эти деньги. Они ответили,

что мы эти деньги взыскиваем по той причине, что, во-первых, ты подданный Ирана. Во-вторых, потому, что ты должен вносить пожертвование в пользу благотворительного общества... Как ни старался я потом отыскать консула, найти к нему доступ, пожаловаться ему, меня так и не пропустили к нему».

Мы приводим это письмо как образец. В остальных 115 письмах точно такая же чушь, ерунда.

Например, Уста-Али из Эривани пишет:

«Иранский консул в Эривани создает группы из феррашей во главе с наибами и посылает их к Нахичеванскому тракту и к дороге в Учкилсэ*. В руках наивов — зонтики, у феррашей — кизилевые палки. С утра до вечера они сидят на обочине дороги и ждут, не появится ли вдали группа пеших путников, покрытых дорожной пылью, с согбенными спинами, босых и оборванных, которые едва плетутся от усталости, потупив головы. Увидев их, наиб и ферраш преграждают им дорогу и первым делом спрашивают: «Откуда вы?» Если люди говорят, что они подданные России, их отпускают с миром. Но стоит им ответить: «Мы из Ирана», — считайте, песенка их спета. Наиб собственноручно начинает обыскивать карманы путников. Если кто из них вздумает выказать недовольство этим, ферраши получают приказание поколотить непокорного. Случается, некоторые путники проявляют особое упрямство и непочтительность. Таких в конечном итоге доставляют к консулу». Например, Мешади-Гейдаркули пишет, что «меня привезли к консулу и доложили: «Этот человек слишком много говорит». Разгневанный консул вскопчил на ноги. Никак не забыть, вижу, что это рослый человек, чуть ли не в два раза выше меня. Я ему приходился по пояс. Так вот, консул в гневе подскокил ко мне, поднял свою правую ногу и каблучком ударил меня в голову. Сбив с моей головы папаху, он так хватил меня кулаком по макушке, что я едва не отдал богу душу. На следующий день он взял с меня подарок — сахарную голову, после чего он простил мое непослушание. Я сказал ему: «Хан, между нами говоря, вчера ты незрядо отлупщевал меня». Вы только послушайте, что ответил мне хан: «Я, мой дорогой, не из тех, кто даром ест хлеб. Я всегда в поте лица служил нашему падишаху!»

Короче говоря, остальные 114 писем примерно такого

же содержания, — всевозможная ложь и клевета. Я хочу сказать, что клеветы в адрес иранских консулов сказано и написано много. Точно такой же клеветой являются и слова Ибрагим-бека, сказанные им в его «Путевых записках» в адрес министра иностранных дел Ирана:

«Нельзя не пожаловаться аллаху на одно неприглядное обстоятельство: куда бы ты ни попал, повсюду ты встретишь несчастных иранцев, судьба которых достойна большого сострадания. Спасаясь от гнета, они покидают родной край, однако чужбина подвергает их еще большим испытаниям. В Греции и России, в какую бы деревню ты ни заглянул, ты встретишь кучку бессовестных прохвостов, объединившихся вокруг человека, которого они называют консулом, вместе с которым они грабят и притесняют этих несчастных, покинувших свою родину».

«Молла-Насреддин», 14 июля 1906 г.

ЧТО ДЕЛАТЬ?

Вот как с Думой-то получилось!*
Что же теперь делать?

Дума все-таки была некоторым развлечением; порою мы читали в телеграммах речи наших депутатов и как-то коротали свои дни.

И все кончилось.

Что же теперь делать?

Мы с товарищами долго думали над этим вопросом, но так ничего и не придумали, потому что мнения наши разошлись, каждый из нас мыслил по-своему.

К примеру, говорю я: — Вот, товарищ Мозалан*, ты же умный мужчина, скажи, Думу разогнали, что теперь делать людям?

Вы только послушайте, что ответил мне этот злосчастный Мозалан:

— Люди теперь должны спать.

Говорю ему:

— Братец ты мой, ради аллаха, не болтай с бухты-барухты! Услышит народ, что ты ему советуешь, — будет порицать тебя.

А несчастный уперся и твердит свое:

— Люди должны теперь спать.

Затем поворачиваюсь я к Лаглаги*, чтобы узнать его мнение. А он, чертов сын, действительно оказался болтуном. Я обращаюсь к нему с серьезным делом, а послушайте, что он мне отвечает:

— Было это или нет, но рассказывают, что в некоем царстве, в некоем государстве жили-были волк и несколько маленьких, тощих и хилых, бедных и беззащит-

ных, бесприютных и беспризорных, голодных и сырых овец. И однажды волк, подобравшись к овцам...

Тут я остановил Лаглаги и сказал ему:

— Ступай, милый, и рассказывай свою сказку другим. Тебе только сказки и рассказывать, ни на что другое ты не способен. Ступай, вопрос о Думе — не твоего ума дело.

Вот вам и мнение Лаглаги!

Дошла очередь до Хардамхаяла*.

— Эх, товарищ, хоть бы ты мне ответил, — вот разогнали Думу, что же теперь людям делать?

И он, царствие небесное его родителю, — вы только послушайте, что он изрек. «Я, — говорит, — ничего не могу по этому поводу сказать, не заглянув в календарь Наджмуд-довле»*.

На том дело и кончилось.

Остался Хоп-Хоп*. А его мнение таково, что народ должен собраться и написать заявления Музафердиншаху* и попросить его, чтобы тот, вняв просьбе народа, вмешался в вопрос о судьбе Думы.

— Дорогой мой Хоп-Хоп, — ответил я ему, — я боюсь, что иранский падишах, вмешавшись в этот вопрос, займет, как и германский и австрийский падишахи, сторону царя.

Хоп-Хоп подумал немного и ответил:

— Ты прав, Молла-Насреддин, я этого как-то не учел!

Вот вам и Хоп-Хоп!

Остался Гыздырмалы*.

А этот несчастный раб божий вечно разъезжает по курортам, и я вынужден был дать ему телеграмму с оплаченным ответом в Кисловодск, чтобы узнать его мнение. Через несколько часов я получил ответ такого содержания: «Вместе с юными беками Баку, Карабаха, Гянджи и Эривани, вместе с несколькими иранцами, в обществе милых дамочек пью кахетинское и шлю тебе привет».

Вот вам мнение Гыздырмалы!

Остался один я. Выскажу свое мнение:

— Мое мнение такое — надо... воевать! Прошу не волноваться — поймите меня правильно! Потерпите немного, и вы узнаете, что я имею в виду.

Так вот — надо начать резню!

Возникает вопрос — кто кого должен резать?

Мне нет дела до других народов России, я говорю о Кавказе. И я советую так: пусть соберутся все армяне, в течение одного дня перережут всех мусульман до единого, а затем пусть соберутся мусульмане и перережут всех армян.

Именно таким путем можно выместить всю свою злость на Думу. Другого выхода нет.

Будет еще лучше, если к этой резне присоединятся и грузины. Мы советуем, а там — как им угодно: хотят — присоединятся, не хотят — не надо, черт с ними!

Вот так!

Надо воевать!

Сделаем тут отступление: в Тифлисе выходит газета, называется она «Голос Кавказа», она сторонница падишаха. В Тифлисе у нее тысяча четыреста подписчиков только из мусульман; сколько в других местах — не знаю. Ну, словом...

Вчера один из репортеров этой газеты встречает меня на улице и говорит:

— Эй, Молла-Насреддин, говорят, в Баку армяне и мусульмане перерезали друг друга. Ты слышал?

Я ему отвечаю:

— Не слышал. Но мне кажется, что это сообщение не соответствует действительности.

Я заметил, что мой собеседник приуныл. И я сказал:

— Не горюй, братец, знаешь, два месяца тому назад во Франции в одной из университетских клиник вскрыли черепа кавказскому армянину и кавказскому мусульманину и стали взвешивать их мозги на весах. И в это время заметили, что на чаше весов ничего нет. Оказалось, что мозги эти были настолько тяжелы, что тут же улетучились.

Мой собеседник репортер сразу понял меня и, радостно пожав мне руку, сказал «спасибо» и тотчас удалился.

«Молла-Насреддин», 21 июля 1906 г., № 16.

О Голощапov, друг неверный! Это ли называется проявление дружбы? Разве между нами был такой уговор?

Неужели ты не ведаешь, кого убиваешь, чьи дома обстреливаешь из пушек, чьи кварталы предаешь огню?

Неужели ты не знаешь карабахских мусульман? Неужели ты не знаешь других мусульман?

Неужели такова плата мусульманам за добро, которое они сделали твоему царю?

Неужели эта плата за то, что с первых дней русско-японской войны наши священнослужители и сам шейх-уль-ислам не спускались с минберов, призывая мусульман молиться за поражение японцев? Я думаю, худо пришлось бы тебе, если бы наши моллы не возносили своих молитв. Знай, ни один русский солдат не вернулся бы живым и здоровым из Маньчжурии. Так-то ты платишь за эту преданность, о коварный Голощапov!

Такова, выходит, плата за то, что наши муфтин, как например, Султанов, ради блага твоего царя, стремясь заслужить его царское «спасибо», шпионят за представителями мусульман, которые находятся в Петербурге?

Сколько мудрых, проникательных министров пытались разогнать государственную Думу и не смогли, а шемахинец Гаджи-Абдурагим-эфенди написал заклинание на кусочках хлеба, отправил это заклинание царю и тем самым в течение недели разогнал Думу. И такова ваша благодарность!

Семьдесят две национальности возроптали, схватили твоего царя за шиворот и говорят: «Довольно, царь, немоготу! Отныне мы не позволим, чтобы твои министры и

губернаторы душили нас!» А когда дошел черед и до нас, мусульман, мы сказали: «На все воля аллаха, какое нам дело до этого». За это ли нам такое возмездие?

А может быть, ты, коварный Голощапov, творишь все это потому, что хорошо знаешь мусульман?

Или ты творишь такие дела потому, что тебе известно: когда муфтий и шейх-уль-ислам пойдут жаловаться на тебя наместнику, наместник не пожелает даже слушать их?

Или ты расстреливаешь мусульман потому, что ты осведомлен об их преданности и благородстве?

Или ты делаешь это, полагая, что мусульмане — дикие люди, не способные постоять за себя и друг за друга, — гянджинцу нет дела до бакинца, бакинцу — до выходца из Ирана, эриванцу — до ширванца?

Или тебе заранее было известно, что в тот момент, когда ты станешь обстреливать из пушек и ружей Карабах, бакинские мусульмане, Везиров и Агаларов в Тифлисе будут помышлять об открытии публичного дома, а кази и моллы в деревнях и городах за восемь грошей будут разгадывать простолюдникам сны?

Неужели все это заранее было известно тебе, о коварный Голощапov?

«Молла-Насреддин», 28 июля 1906 г., № 17.

ЧТО Я ВИДЕЛ СРЕДИ МУСУЛЬМАН

Некий Рейнгарт, немец по происхождению, в 1892 году рождения Христова пустился в кругосветное путешествие пешком ходом и, за четыре года завершив тяжелое странствие, написал и издал книгу о том, что довелось ему видеть в пути. Экземпляр своей книги господин Рейнгарт прислал нам с просьбой рассказать о ней в журнале, чтобы читатели заинтересовались ею. Из письма путешественника видно, что по экземпляру книги он послал также в редакции «Иршад» и «Гейт».

С 895-ой страницы книги — раздела «Что я видел среди мусульман» — начинается описание путешествия по Кавказу и Ирану. На 912-ой странице говорится о деревне Салахлы. Путешественник пишет: «В полдень с большими трудностями достиг я наконец деревни Салахлы и, встретив на улице мальчика, спросил у него:

— Скажи, есть ли у вас школа?

Мальчик построил страшную рожу, крикнул «хох!» и дал стрекача.

Потом я встретил мужчину и захотел у него узнать, есть ли здесь школа.

Мужчина удивился:

— Никакой школы я не знаю.

— Тогда окажите любезность, — сказал я, — познать меня с каким-нибудь аксакалом или сведущим человеком вашей деревни.

Мужчина показал рукой в сторону:

— Вои, сидят там.

Я повернулся и увидел пять человек, сидящих под тенью. Подойдя к ним, я заметил, что они пьют вино, тут

же разливая его из бурдюка в стаканы. Сперва я спросил: «Какой вы национальности?» Все в один голос ответили: «Мы мусульмане». Потом я узнал, что эти господа — беки деревни Салахлы».

На 917-ой странице господин Рейнгарт описывает путешествие в Шемаху:

«Перейдя реку Кирдман, пришел в Шемаху. На улице навстречу мне степенно шагал человек. Люди, сидевшие вдоль забора, при виде его быстро вскакивали с мест и почтительно здоровались с ним. Я понял, что это — уважаемый здесь человек, а заметив в его руке четки, решил, что, по всей вероятности, духовное лицо. Я продолжал наблюдать за ним и не заметил, как кто-то подошел ко мне:

— Друг, что ты так внимательно смотришь на гаджи-агу? — спросил он меня.

— Какой-то такой гаджи-ага?

— А тот, что с четками идет.

— Кем же он является?

— Господин этот — самый уважаемый и праведный человек нашего города.

— Машаллах! — не сдержал я восторга.

— А ты сначала послушай, — прервал он меня, — а потом говори «машаллах!»

— Слушаю.

— Я, — начал мой собеседник, — шемахинец Алиаддин, сын Молла-Гани. Нас пятеро братьев и две сестры. Во время землетрясения наши дома рухнули, и мы всем родом переехали в Гянджу. А этот гаджи, что ходит с четками, захватил наши участки, построил дома, и в год три-четыре раза приглашает в гости «ученых» и «благородных» горожан, они едят плов, потом как ни в чем не бывало совершают намаз, хотя и знают, что дома эти построены на захваченных участках.

Узнав об этом, я побежал догонять того самого гаджи и, настигнув его, спросил:

— Скажите, какой вы национальности?

— Что за вопрос? Слава аллаху, мусульманин.

— Спасибо, — поблагодарил я его».

На 955-ой странице путешественник заводит речь о городе Реште.

«Кази Решта блюститель шариата Ахунд Гаджи-Молла-Мехти такое вытворяет с жителями Решта и в око-

бенности Гирана, что вопли народа доходят до небес. Стоит какому-нибудь правителю прибыть в Решт, как Ахунд Молла-Мехти тотчас объединяется с ним, и они вдвоем начинают сдирать шкуру с несчастных жителей. Награбленное таким образом у бедноты добро он делит с правителем.

Господин Рейнгарт далее пишет:

«Я решил повидаться с Ахундом. Господин кази, узнав, что я европеец, почтительно приблизился ко мне и поздоровался за руку. Я спросил у него:

— Господин Ахунд, какой вы национальности?

— Благодарение аллаху, я мусульманин, — ответил он».

На 967-ой странице рассказывается о Баку. Путешественник восхваляет бакинцев и даже в одном месте книги сравнивает их по красоте и смелости с богатырем Рустамом. Но жаль, что здесь порвано несколько страниц. В конце бакинского раздела путешествий господин Рейнгарт пишет:

«В Баку у каждого встречного я спрашивал: «Ради святого, скажите мне правду, какой вы национальности?» и он мне клялся: «Благодарение аллаху, я мусульманин».

Продолжение следует.

От редакции:

«Тот, кто захочет приобрести книгу господина Рейнгарта, пусть обращается в одну из ежедневных мусульманских газет, выходящих в Тифлисе».

«Молла-Насреддин», 11 августа 1906 г., № 19.

Господин путешественник в одном месте своей книги рассказывает о Тифлисе. Он пишет:

«28 августа прибыл я в Тифлис и решил пойти посмотреть школы. Вначале направился я в третью мужскую гимназию. Во дворе гимназии было очень много народу, стоял невообразимый гвалт; столпились мужчины, женщины и дети. Узнал, что сегодня в гимназию принимают новых учеников. Дети были различных национальностей: русские, грузины, немало армян, евреев. Я видел несколько плачущих женщин. Оказалось, что их детей не приняли, потому что все места уже были заняты (в России такое часто случается). Обратился я к одному человеку и спросил:

— Братец, скажи мне, разве нет в этом городе мусульман?»

Он покосился на меня и, указав рукой в направлении гилбэ ответил:

— Шайтан-базар много.

— Какой Шайтан-базар? — переспросил я.

— Мусульманский мир, — пояснил он.

Направился я к Шайтан-базару и, вправду, встретил там много мусульман. Узнал я, что в Тифлисе живет около двадцати тысяч мусульман.

Подшел я к одному мусульманину и спросил:

— Господин мешади, где здесь мусульманская гимназия?

Мешади ответил мне так:

— Отстань! За кого ты меня принимаешь?

Оставил его и пошел дальше. Перед чайханой, окружив молду, стояло несколько мусульман. Один из них спросил у молды:

— Уважаемый ахунд, ради аллаха, растолкуй нам, где находятся знаменитые города Джабилга и Джабилса*, о которых так много написано в книгах, видны они или незримы?

Не успел молла ответить, как спросил другой:

— Господин молла, ради аллаха, объясни нам, какого цвета и каков из себя ишак Даджала?*

И третий спросил:

— На чем покоятся семь небес над нами и семь земель под нами? На чем зиждется мир ангелов и душ, величие, духовный мир, мир человечества? На воде или на суше?»

Господин Рейнарт заключает: «После того, что я услышал, мне ничего не оставалось, как вызвать фэзтон, сесть и поехать прямо на вокзал, что я и сделал».

На этом кончается повествование о тифлисском путешествии господина Рейнарта.

«Молла-Насреддин», 25 августа 1906 г., № 21.

Несколько дней назад в одной из турецких газет я прочел о том, что у известного русского поэта Крылова есть басня под названием «Абирин ве гилаб». Я немного знаю по-русски и, помнится, в начальной школе изучали басни Крылова, оттого, не скрою, удивился: как же мне не известна такая басня? Взял сборник Крылова, стал его перелистывать и не нашел басни под таким названием. Потом задумался и долго ломал себе голову над тем, что же все-таки означает «абирин ве гилаб»?

И тут мне на помощь пришел знаток арабского языка и растолковал смысл непонятных мне слов: оказывается «абирин» — это по-арабски «прохожие», а «гилаб» — «собаки».

«Вон оно что! — осенило меня — Ведь эту басню мы учили извусть еще в первый год, как начали заниматься русским языком».

Теперь я очень жалею, что не знаю арабского языка: если бы знал, то в жизни не стал бы ни читать по-турецки, ни писать, ни переводить, вообще не стал бы на этом языке разговаривать!

Но вот что я еще вспомнил: русским читателям известно, что Крылов писал свои басни на простом русском языке с тем, чтобы его хорошо понимал русский народ. Если бы только Крылов знал, что турки, переводя его басни, «прохожих» и «собак» будут называть не по-турецки, а по-арабски «абирин» и «гилаб», то, может быть, стал бы писать свои басни на французском или немецком языках.

Но жаль, очень жаль, что я не изучал серьезно арабский язык!

«Молла-Насреддин», 25 августа 1906 г., № 21.

ОТВЕТ ГОСПОДИНУ АХМЕД-БЕКУ АГАЕВУ*

Относительно подписчиков

Господин Ахмед-бек! Заведя в уважаемой газете «Иршад» разговор о закрытии «Хаят», ты сетуешь, что мусульмане не склонны читать газеты. Пишешь, что у цивилизованных народов есть множество газет и журналов, и что у каждой газеты и журнала есть бесчисленное множество подписчиков. Пишешь ты, что во всем Иране нет ежедневного издания, что мусульмане Кавказа не могут обеспечить выпуск двух газет, и после всего этого заключаешь, что виноваты во всем, во-первых, моллы, во-вторых, «Молла-Насреддин».

От своего имени, а если того хотят и моллы, то и от их имени, и помимо молл, даже от имени гаджи, мешади, ханов, беков — ну, не буду утомлять тебя перечислением — от имени всех мусульман я посчитал нужным ответить тебе.

Ты говоришь, мусульмане не любят читать газеты, как другие народы. А что, брат, бедным мусульманам делать? Что вы такое пишете, чтобы мусульмане, прочитав, отвели душу? Погоди, сейчас возьму в руки один из старых номеров «Иршада» и внимательно его прочитаю. Ну, как, что тут написано? Вот, номер такой-то, потом следуют условия подписки (конечно, это вопрос денежный, и ты о нем напишешь прежде всего). Далее крупным шрифтом набрано: «Иршад», Свобода, Равенство, Справедливость».

Ладно, свободу и справедливость оставим в стороне, не будем о них распространяться, потому что в нынешнее время ежедневно об этом заводить речь. Поговорим немного о равенстве.

И что же такое «равенство»? Если крестьянин и бек сталкиваются лицом к лицу, и крестьянин кланяется беку, то и бек тоже должен поклониться крестьянину?

Если сегодня холоп, увидев господина, вскакивает на ноги, то завтра господин, увидев холопа, тоже должен вытннуться в струнку?

Ответь-ка!

Если скажешь «да», я подумаю, ты шутишь. Если скажешь «нет», тогда что это за «равновомания»?

Ахмед-бек, клянусь аллахом, ты шутишь!

Скажи-ка мне, видел ли ты хоть раз в жизни крестьянина, который, взвалив на спину кувшин с медом, с узелком яиц в одной руке, с пятью-шестью квочками в другой, обливаясь потом, в рваной одежде, пешком, бо-соногий, направляется ко двору помещика, мед и яйца кладет перед ханом, кур отдает слуге, красного петушка протягивает маленькому барчонку; в это время хан выходит на балкон, и крестьянин сгибается в дугу и произносит «салам»...

Умоляю тебя, Ахмед-бек, признайся-ка мне честь по чести, видел или слышал ты хоть раз в жизни, чтобы на «салам» крестьянина хан ответил: «алейкас-салам»?

Очевидцем таких случаев я бывал не раз. Мед, яйца, петух — это своим чередом, но каждый раз, когда крестьянин произносил «салам», хан и ага неизменно отвечали: «Убирайся к черту!»

Так-то.

Перейдем к содержанию газеты.

В начале дано несколько объявлений (конечно, что сулит доход, тому честь и почет, змея — и той, будь она с мощной).

Вот, скажем, одно из объявлений: доктор Амина-ханум Бахадуршахаде, окончившая женский медицинский институт в Петербурге, принимает больных, таких-то, таких-то...

Мало того, что пишешь в газете такие вещи, ты еще и жалуешься, что мусульмане не читают газет. Очень забавно! Только того и не хватало, чтобы девушки наши где-то оклывивали врачебные курсы и лечили больных!

Говоришь «Амина-ханум», тут же — «университета». Клянусь аллахом, не понимаю. Когда речь заходит о женщине-мусульманке, это всегда напоминает мне жальку.

Хватит об этом. Посмотрим на другую страницу.

Телеграфные сообщения: Полтава. Толпа крестьян сожгла имение помещика Васильева.

Пишешь такую несусветную ложь и еще жалуешься, что мусульмане не читают газеты. Как можно поверить твоим сообщениям? Возможно ли убедить наших крестьян в достоверности этого происшествия? Если уж общаете, то сообщайте такое, чтобы можно было поверить. Если вы напишете, что помещики возмутились и сообща разорили дома крестьян — пожалуйста, в это и я поверю, и наши крестьяне поверят. Такие дела в наших краях каждый день происходят.

Перейдем к сообщениям из-за границы.

Президент Северо-Американских Соединенных штатов... такой-то, такой-то...

Ради аллаха, помилуй, Ахмед-бек: до Америки ли нам? Какое нам дело до того, что президент сделал то-то или не сделал того-то?

А в конце ты снова поместил ряд объявлений. Например, одно из них гласит:

Объявление

(к сведению Османской державы)

В Тебризе по дешевым ценам продаются хафия (то есть государственные шпионы). Желающие приобрести могут обратиться в тебризскую полицию.

Ах, ах! Как мне жаль вас, мусульмане!

Несут в газетах такую дрянь да еще жалуется на вас, что газет не читаете.

А вот еще одно объявление:

Объявление

В Гяндже на такой-то улице первая в мусульманском квартале виноторговая лавка...

Ах, ах, мусульмане!

Замираю, не дыша, стоит стройный стан увидеть.

Обретаю влюб, вник, стоит мне тюльпан увидеть.

Вермогут Агабада — заклинатель и дervанш,

Дьну с ократ к цепям безумств, стоит талисман увидеть.

Только влюбница о жосе, влюбляюсь, как змея,

Дивинге пламенем облит, не могу обман увидеть.

Подсурмленные глаза возвращают мне покой,
Распускаю слюни я, стоит мне банан увидеть.

Опьяняющий нарцисс кровожаден, как палач,
Заиграет в каждом кровь, стоит обезьян увидеть.

Я — поэт, вошел в экстаз, не откажется никто
Смысла здравого в стихах сквозь такой туман увидеть*.

«Молла-Насреддин», 22 сентября 1906 г., № 2.

КУДА ИДУТ ДЕНЬГИ ИРАНСКИХ РАБОЧИХ?

Прежде мне часто приходилось бывать в Джульфе. Всякий раз приезжая туда, я заходил во двор таможи и наблюдал, как проходит таможенный досмотр.

Известно, что всех, кто направляется из Ирана в Россию, а из России — в Иран, обыскивают, дабы не пропустить контрабандный товар.

Часто осенней порой я видел такую картину: таможенные чиновники выстраивают в ряд иранских рабочих, возвращающихся из России на родину, и обыскивают их; рабочие сами выкладывают содержимое карманов и узелков на землю, чтобы чиновники могли все осмотреть.

Я подходил к ним ближе и наблюдал. В карманах и узелках этих людей находились, главным образом, следующие предметы: две сухие лепешки, нож с черной рукояткой, кремь и кресало, чубук, кисет с табаком, иголка, нитки, кошелек; в кошельке — три пятака, две трехкопеечные монеты, две монеты по копейке, два двугривенных, два пятиалтынных и рубль серебром; всего — рубль девяносто пять копеек.

У некоторых рабочих, кроме этого, имелось три с половиной аршина ситцу, у других — маленькое зеркальце, у третьих детская шапочка с красным верхом, русские бусинки, из тех, что пять штук на копейку.

Словом, вещи меня не интересовали, но денег больше двух рублей я ни у кого не видел.

Иногда и заговаривал с некоторыми рабочими, спрашивал: «Зачем вы перебрались из Ирана в Россию?»

Они отвечали мне: «На родине наши семьи голодают,

мы шли на чужбину, чтобы заработать для них на хлеб насущный».

Я спрашивал: «Отчего ваши семьи голодают? В чем причина?»

Они отвечали: «Об этом нас не спрашивай, обратись с этим вопросом к нашему духовенству и правителям».

Иранские рабочие зарабатывают в день рубль, рубль с половиной, иногда — два рубля. Расходы каждого рабочего ежедневно таковы: шесть копеек — хлеб, копейка — сыр, тридцать шесть копеек — дыни или арбуз, копейка — табак; итого, в общей сложности — сорок четыре копейки.

Куда же идут остальные деньги иранских рабочих?

До сих пор никто не мог ответить мне на этот вопрос. Впоследствии я переехал в Тифлис. Как хорошо, что я сделал это, так как после моего приезда в этот город я начал постепенно постигать кое-какие тайны и уяснить себе некоторые истины.

Однажды на улице мне встретился какой-то раб божий, который обратил внимание на мою задумчивость. — Молла-Насреддин, — сказал он, — я знаю, о чем ты задумался.

— О чем? — спросил я.

— Ты ломаешь голову над тем, куда иранские рабочие тратят свои деньги.

— Верно, — ответил я.

Раб божий схватил мою руку и потащил меня на улицу Гудовича, одну из солидных улиц Тифлиса. Остановившись перед высоким красным домом, он сказал мне:

— Знаешь ли ты, чей этот дом?

— Нет, — ответил я.

Мой приятель начал с того, что этот дом принадлежит его снательству, высокопочтительному господину Эрфэ-уд-Довле.

Я спросил:

— Кто он — этот Эрфэ-уд-Довле?

Он ответил, что этот субъект является чрезвычайным полномочным послом Иранской державы в Стамбуле.

— Странно, — сказал я, — какая связь между Стамбулом и иранскими рабочими, работающими на Кавказе и в России?

Мой знакомый начал рассказывать мне:

— Десять-пятнадцать лет тому назад светлейший по-

вельитель господин Мирза-Рза-Хан в чине помощника министра и в должности генерального консула пребывал в Тифлисе. Это здание является памятником заслуг «венца нашей головы» перед родиной и нацией. Кроме этого дома, у «господина» имеются прекрасные дома в Боржоме и других местах.

Я ответил:

— Понятно.

Приятель продолжал:

— Дом, который ты видишь, стоит по меньшей мере пятьдесят-шестьдесят тысяч рублей.

Я ответил:

— Ясно.

— Если к этому прибавить стоимость остальной недвижимости хана, общая сумма составит примерно двести тысяч рублей.

Я сказал:

— Очень занято.

— Жалование, которое иранский консул в Тифлисе получает от своего правительства, составляет сто двадцать рублей в месяц, в год выходит — тысяча четыреста рублей. Двести тысяч рублей — это годовичное жалование ста пятидесяти консулов, или, скажем, жалование одного консула за сто пятьдесят лет. Но каким образом можно скопить двести тысяч рублей за три-четыре года, находясь на должности консула?

Я ответил:

— Не знаю.

Приятель вновь, взяв меня за руку, потащил на улицу Алексева и, показав на красивый дом, сказал, что этот дом принадлежит такому-то хану, который находится на должности консула в таком-то городе. После этого он опять хотел потащить меня куда-то, но я уже устал и сказал ему:

— Дорогой мой, есть лишь один способ для того, чтобы запросто стать владельцем нескольких домов. В иранских книгах этот способ называется: «Протягивать руку к чужому добру...»

— А в турецких книгах об этом пишут: «Сосать пивной...»

Мой приятель не понял меня.

Я сказал:

— Шелковичные черви.

Приятель не понял и на сей раз.

Я сказал:

— Паук!.. Кровопийца!.. Разбойник!..

— Не понимаю, — ответил он.

— Не понимаешь?.. Так я объясню тебе в следующем номере, — сказал я ему.

«Молла-Насреддин», 6 октября 1906 г., № 27.

Если кого-то одурачивают и обирают до нитки, пожалуй, неблагородно ничего не дать ему взамен. Когда европейцы четыреста лет тому назад обманом выуживали золото у диких племен Америки, они по крайней мере взамен давали дикарям разноцветные бусы.

Да, нагие индейцы, обитавшие в лесах Америки четыреста лет тому назад, отдавая свое золото пришельцам из Европы, все же взамен брали двухгрошовые разноцветные бусы.

Ладно, пусть это пока остается в стороне, мне до этого нет дела.

Двадцать первого числа месяца рамазан — был я в мечети. Только что прибывший из Ирана Молла-Наджафули пожелал читать проповедь. Когда я входил в мечеть, услышал из уст святого отца сии слова:

— И прогнали сатану окаянного от врат дома аллаха. И было у сатаны много детей мужского рода, но из женского была только одна дочь, и имя ей Тартаба-ханум. Эта самая Тартаба-ханум всегда обманывает женщин, уговаривает, мол, не давайте денег моллам, и сама моллам не дает денег. И те, кто повинется этой Тартаба-ханум, сами те же Тартаба-ханум! Да проклянет аллах Тартаба-ханум! Да проклянет аллах Тартаба-ханум! Да проклянет аллах и тех женщин, которые ее слушаются!

После этих слов несчастные женщины всполошились, собрали меж собой немного денег, завернули в платок, подозвали мальчишку и попросили его отнести деньги к минберу.

Может, многие бедные женщины ценой немалых

трудностей копили эти деньги на дешевый сыр, чтобы дети не сидели на сухом хлебе в дни, когда их отцы уйдут кутить, оставив семью без мясного. Быть может, многие бедные женщины брались за тысячи разных работ, чтобы скопить деньги и отдать их, когда придет деревниш или сенд. Или, когда захворает ребенок, мать ведет его к Зохре-хале, та говорит, что «у ребенка в носу застряла соринка», берет его на руки, дует ему в нос, из носа выпадает семя арбуза, горошина или фасоль, величиной с орех, — и мать отдает Зохре-хале те же сбережения.

Выходя из мечети, один краснобородый мужчина говорил другому краснобородому:

— Молла-Наджафули человек очень сведущий. Да сохранил его аллах от напасти. Слышал, он даже знает, как зовут дочь сатаны.

Хотел я сказать тому самому краснобородому: «Эй киши, почему не спросите у «очень сведущего» моллы, в какой книге написаны произнесенные им слова и кем они сказаны?» А потом подумал-подумал и сказал сам себе: «От мертвых ничего не услышишь».

Да, голые, дикие люди лесов Америки четыреста лет назад, отдавая свое золото европейским вымогателям, все же взамен брали у них двухгрошовые бусы; а теперь, в двадцатом веке, люди, в одной части света, того и гляди, станут воскрешать умерших, сошлют папаху самому черту, полетят в небо и подадут вести с луны и звезд, но... Но в другой части света «индейцы» Ирана и Кавказа, отдавая насущный хлеб своих детей разбойникам самых различных мастей, взамен не просят у них даже двухкопеечных бус.

Выйдя из мечети, я не мог сдержаться себя, бегом догнал мужчину с красной бородой, который хвалил моллу, и сказал ему:

Ты поддался на обман, ты поверил в ложь, бедняга.
Омрачилась жизнь твоя, плохо ты живешь, бедняга.

Изменяет твой кумир, и просвета нет в судьбе,
Но не жалуешься ты, хоть и невтерпеж, бедняга.

Наградил тебя молла кучей призрачных надежд —
Ты от радости уже места не найдешь, бедняга.

Если б в зеркало сейчас посмотрел ты на себя,—
Не сдержался б, зарыдал: с домовым ты схож, бедняга.

Лжеучеными лишен ты последнего ума,
Отдай этим хитрецам твой последний грош, бедняга.

Если б слушался меня, не попал бы ты впросак,
Я не дал бы никому учинять грабеж, бедняга.

Добрый мой прими совет, от прохвостов отвернись,
Иль раздастся, но вотще, поздный твой скулеж, бедняга*.

«Молла-Насреддин», 10 ноября 1906 г., № 32.

Если мы понаблюдаем за теми, кто ходит в наши мечети, то увидим, что это — рабочие, амбалы-носильщики, канканщики, нищие, брадобреи, лапотники, кузнецы, лотошники и мелкие торговцы, бакалейщики, кербелан, мешади и небогатые гаджи.

Если иностранец придет в нашу мечеть, то он решит, что среди мусульман нет ни одного солидного, имущего, благородного, опрятного, ни одного бека, хана, чиновного, сановного, образованного человека; он решит, что мусульманское население состоит сплошь из оборванного и голодного, нищего и забитого рабочего люда, темных мешади и кербелан.

Почему же наши беки и ханы, наши образованные, чиновные люди избегают мечети?

В Петербурге живет десять тысяч мусульман. Среди них есть немало высокопоставленных лиц, генералов, полковников, врачей, студентов, ханов и помещиков. Но в единственную мечеть Петербурга ходят лишь бедные татары, старьевщики, промышляющие скупкой обносок, старых калош и ботинок, грязных аптекарских склянок. То же самое и в Москве. В Тифлисе в суннитские мечети ходят лишь казанские татары-фаэтонщики. А шиитские мечети посещают иранские рабочие и амбалы. В Баку миллионеры и образованные в мечети не ходят. В деревне Данабаш завсегда являлись мечети являются только бедные крестьяне, а помещики в мечеть вовсе не ходят.

Что же мешает богатым и образованным ходить в мечеть?

Об этом я не раз спрашивал у тех, кто избегает по-

сещення мечети, и мне приходилось слышать много отпелов. Если не боитесь утомиться, я расскажу о них.

Однажды я спросил молодого бека:

— Почему ты не ходишь в мечеть?

Юноша мне ответил так:

— Эх, Молла-Насреддин, царство небесное твоему отцу, рассуди, как мне быть? Брюки мои так узки, что я не могу сесть, поджав колени. А в мечети, как ты знаешь, нет стульев. Вот и не знаю я, что делать.

Вот ответ молодого бека.

Однажды я спросил богатого хана:

— Почему ты не ходишь в мечеть?

Хан мне ответил так:

— Дорогой дед Молла-Насреддин, в этом надо обвинять не меня. Причина моего непосещения кроется в том, что когда думаешь пойти туда, то не знаешь, сколько денег взять с собой. Мечети наши перестали быть местом поклонения, они превратились в пристанища нищих. Стоит мне войти туда, как тотчас голодные сенды и моллы слетаются, будто воробы, на ступеньки, загораживают мне дорогу и требуют подаяние.

Я сказал хану, что моллы нигде жалованья не получают и, если им не помочь, то где они возьмут деньги на хлеб насущный? Хан сказал, что это не его забота. Вот вам и его ответ.

Что же касается образованных, то и они приводят несколько причин своего непосещения мечети:

Во-первых, говорят один, большинство посетителей мечети — люди лысые, а всем известно, что лысый мажет голову курдючным салом. Поэтому в мечети всегда пахнет жареным мясом и бозбашем. Вот причина, по которой образованные не посещают мечети.

Другие из образованных говорят, что с детства привычны надевать туфли, а не башмаки. Зайдешь в туфлях в мечеть и тотчас все оборачиваются в твою сторону, лезут глаза на обувь и недовольно ворчат: это, мол, «варшавские туфли», их шьют русские, «нечестивые», и нечего осквернять нашу мечеть, проваливай-ка отсюда!

А иные образованные не ходят в мечеть, потому что им не нравится проповедь моллы. Приходим, говорят, садимся, молла взбирается на минбер и начинает:

— О мусульмане, знайте, что в душе человека две точки: белая и черная. Когда человек совершает бла-

гие дела, белая точка покрывает черную, а у греховного человека черная точка застит белую, чем больше он в грехах погрязнет. А для тех, кто изучает чужеземные науки, нет пути к спасению, потому что в их душе черные точки изо дня в день растут и поглощают белые. Да будут прокляты и на этом и на том свете те, кто изучает чужеземные науки! Аминь, создатель вселенной!

Вот ответ образованных.

Что говорят другие по поводу своего непосещения мечети, меня не интересует, но, думается мне, доводы образованных обосновательны и нелепы.

Во-первых, допустим, что большинство входящих в мечеть — люди лысые; допустим также, что они мажут головы курдючным салом. Но ведь не все же лысые мажут головы курдючным салом! И потом — обвинять лишь лысых было бы несправедливо: дурной запах исходит больше от носков и башмаков, потому что многие не стирают свои носки и не меняют их месяцами. Но какое это имеет значение?

Во-вторых, нельзя принять всерьез и доводы тех, кто ходит в мечеть в туфлях. Разве нельзя одолжить на время башмаки и вернуть их по возвращении из мечети?

В-третьих, что же до проповедей молл относительно изучающих чужеземные науки, то я бы мог по этому поводу написать так много слов, что не хватило бы для них бумаги со всех фабрик Европы.

Но, между нами говоря, к чему болтать лишнее!

Вспомнились мне слова Ибрагим-бека:*

«Одни умерли, но живы, другие, живя — мертвы!»

«Молла-Насреддин», 24 ноября 1906 г., № 34.

ТОЛСТОПУЗЫЕ

Разослав новым подписчикам календари и книжки, мы надеялись несколько увеличить число своих читателей. Но, да проклянет аллах шайтана, каждый день приходит, стоит над душой и начинает подстрекать: возьмите да напишите в своем журнале, что наследник престола в Тебризе собрал вокруг себя «верноподданных» разбойников и посылает их грабить города и веси Ирана, а награбленное добро частью отдает разбойникам, частью берет себе.

Прочитав в нашем журнале это сообщение, наследник престола Мухаммедали Мирза распоряжается склягать наш журнал прямо на иранской границе. Это раз.

Мы пишем, что деньги, отпущенные на нужды медресе, переходили из рук в руки и в конце концов со звоном упали в карман инженера. В ответ на наше выступление святые отцы, получающие жалованье от государства, выносят решение: покупать и читать «Молла-Насреддина» равносильно тому, что покупать и пить вино.

Это два.

Турецкий консул прислал нам в редакцию предложение: «Если еще раз неodobрительно отзоветесь о султане Гамиде*, то есть, если еще раз напишите о том, как турецкий министр иностранных дел явился к султану и заявил: да пребудет султан во здравии, европейские государства собираются передать королю Греции Крит, а султан Абдулгамид тут же позвал к себе одну из жен — гречанку — и сказал ей: «И Крит, и Сирию, и Боснию дарю тебе за родинку единую твою» — если напишете такое вновь, я сообщу в Стамбул, чтобы «Молла-Насреддина» не пускали на турецкую землю».

Это третье.

Большая часть нашего издания рассылается в карабахские и эриванские края. И сегодня проклятый шайтан опять припелся. Пристал:

— Чего ж не пишете?

Говорим:

— О чем не пишем?

Отвечает:

— Разве не долетают до ваших ушей стоны голодающих из эриванской и карабахской стороны?

Но мы-то знаем, что шайтан только того и хочет, чтобы толстопузые Эривани, Нахичевани и Карабах обиделись на нас и в итоге запретили бы наш журнал в эриванском и карабахском краях.

Однако слово «толстопузый» произнесенное по наушению шайтана, напомнило мне некоторые вещи.

Теперь, будь, что будет. Мы все же надеемся, что некоторые из братьев-мусульман, может, на досуге перелистают наш журнал с первого номера по тридцать девятый и, положив руку на сердце, скажут: «Нет Молла-Насреддин не врал и не клеветник».

Но перейдем к делу.

Толстопузый... Очень забавное слово.

Отчего у человека толстеют пузо и шея?

Это меня не интересует. Отчего толстеет, от того и пусть толстеет. А вот если у человека есть сколько-нибудь забот, печалей, я думаю, жирку поубавится и брюхо станет тоньше.

В любой стране, в любых краях много толстопузых людей. Немало толстопузых в Карабахе и Эриванской губернии. Большинство из них, а может, и все, — помещики.

Впрочем, и это меня не интересует. Несколько дней тому назад побывал я в Карабахе и Эриванской губернии. На этот раз я был уверен, что не встречу ни одного толстопузого, ибо от стонов голодающих Эривани и Карабаха содрогаются грузины в Тифлисе. К слову, раньше в Карабахе я знал сто шестьдесят одного толстопузого помещика. Ну, а что я, горемычный, увидел теперь? Ни у одного из них брюхо не уменьшилось. В Эриванской губернии двести тридцать четыре толстопузых хана, бека и аги — никаких изменений не увидел.

Здесь нужно сказать: «Да проклянет аллах шайтана!» и остановится.

О мои уважаемые читатели! О други мои! Я пишу эти слова не для того, чтобы вы посмотрели журнал, отложили его в сторону и забыли мои слова! Я пишу это, чтобы вы прочитали и задумались. Я эти слова пишу, чтобы вы задумались, пишу, чтобы вы пораскинули умом.

Упомянутых выше толстопузых я знаю всех до единого. Некоторые из них настолько богаты, что могут купить остров Яву. А кто же лишен всего? Подданные толстопузых.

В Эривани у хана Бахшали тридцать две деревни. В Нахичевани есть помещики, которые в год получают тридцать тысяч, а то и сорок тысяч дохода. Если это не так, пусть нахичеванцы напишут, что Молла-Насреддин говорит неправду.

Да проклянет аллах шайтана!

Все это обойдется.

Однако мы отвлеклись от главного.

Слава аллаху — наши ученые находятся в здравом уме. О бедных и несчастных нечего беспокоиться, о них порадеет сам всевышний — это нас не касается. Творец сам должен печься о сотворенных им созданиях.

Молла-Садык из деревни Данабаш всегда говорил:

— Единственно стоящий народ на земле — мусульмане. Остальные нации — нечто вроде животных.

Я спрашивал:

— Откуда ты это знаешь?

— Написано в книге «Умдатул-эфкар»*

Молла-Садык говорил правду. Но наш «Хоп-Хоп»* говорит несколько по-другому:

Давай что хочешь — не давай гроша из состояния,
Пускай скитаются и мрут голодные крестьяне.

Долгов сполна не возвращай, навек запомни это,
И никогда не принимай бедняцкого привета.

Забудь что хочешь — не забудь хмельной и жгучей влаги,
Копить старайся только зло, не помышляй о благе.

Красненьешь изредка — красней, но не стыдись порока
И где б ни лег, подольше спи, встать — одна морока.

Куда ни вздумаешь — иди, но в школу ни ногою,
Одна забава надост, скорей займись другою.

Сначала все обдумай, взвесь, а после хладнокровно
Ловчи, чтоб чаши на весах вовек не встали ровню.

С народом лямку не тяни, не то протянешь ноги,
Тяни-потягивай кальян, не ведая тревоги.

Ты на сироток не гляди, не хочешь — и не надо,
Зато с красоток не своди ласкающего взгляда.

Не увеличивай добра, старайся зло умножить,
Не помогай, а ниже гни того, кто встать не может*.

«Молла-Насреддин», 8 декабря 1906 г., № 35.

Известно, что всякий деловой человек в конце года кладет перед собой счета и тетради и начинает подсчитывать доходы и убытки. И я неделю назад собрал моих товарищей. Заперли дверь и занялись подсчетами; подобно тому, как некоторые мусульмане в Агдаме, затворившись в одном доме, держат совет, затем идут и доносят местным властям, что, мол, такой-то мусульманин прячет в своем доме винтовку; такой-то в прошлом совершил такое-то преступление.

Словом, собрал я всех моих товарищей, и мы, подобно тем агдамцам, начали подсчитывать.

Выяснилось, что в течение девяти месяцев мы выпустили 39 номеров журнала «Молла-Насреддин», в этих 39 номерах мы поместили 139 рисунков, изображающих мютрюбов. Из-за того, что мы напечатали эти рисунки, на нас обиделись 1999 мешади и кербелая.

Пах-пах-пах!..

Вот это доход!.. Вот это итог! Действительно, это похоже на то, как в далеком прошлом Молла-Насреддин торговал яйцами.

Словом, за девять месяцев мы выпустили 39 номеров журнала. В этих 39 номерах мы поместили 139 карикатур на пьяниц мусульман. Из-за этих карикатур на нас обиделись 1999 молл.

Пах-пах-пах!..

Хвала такой коммерции! Тот, кто не назовет нас глупцами, — сам глупец.

Однако вернемся к нашим подсчетам.

В течение этих девяти месяцев мы перевели бумаги на 39 номеров журнала, в этих 39 номерах мы поместили

139 карикатур на картежников. Из-за того, что мы поместили эти карикатуры, на нас обиделись 1999 благочестивых гаджи.

Так, скажите на милость, и это называется торговлей?

Кроме того, в этих 39 номерах мы поместили 1999 карикатур на гадальщиков, алхимиков, заклинателей змей, самозванных лекарей, шарлатанов, прорицателей, прихлебателей, знахарей, колдунов, фокусников, канагоходцев, птичников, собачников и прочих; помимо этого, мы поместили рисунки к сказкам и басням. Благодаря этому мы настроили против себя 99 процентов всего исламского мира.

Хвала такой коммерции!.. Блистательная коммерция!.. Короче говоря, обратимся опять к подсчетам.

Итак, мы сели с товарищами за подсчеты. Считали, считали и вдруг видим, что светает. Получилось так, как в городе Казахе, беки с вечера садятся за карты, играют, играют, играют и вдруг видят — за окном рассвет.

Здесь я позволю себе сделать небольшое отступление.

Иногда я сажусь, кладу перед собой папаху и начинаю размышлять, говорю себе так: «Послушай, дорогой мой, что тебе надо от этих мусульман?» И сам же отвечаю себе: «Честное слово, я сам не знаю, что мне надо от них».

Например, вчера я развернул 67-ой номер газеты «Санджак», которая выходит в Египте, и начал читать статью под заголовком «Упадок исламских наций», т. е. стремительное падение мусульман сверху вниз.

Закончив читать статью, я опять задал себе вопрос: «Послушай, дорогой мой, что тебе надо от этих мусульман?» И опять же я отвечал сам себе: «Честное слово, я сам не знаю, что мне надо от них».

Да, мне вспомнилось новое происшествие. Сардар Макинской провинции Мургуза-Кули-хан издал приказ своим подданным: в течение недели словить и доставить для свадебного пиршества во дворе сардара по 200 куропаток от каждой деревни; не выполнивших этого приказа сардар предложит гостям сожрать вместо куропаток.

Между нами говоря, до провозглашения конституции в Иране подобные приказы не издавались.

Больше нет у меня новостей, достойных внимания.

Тридцать амшари жалуются мне из Баку, что их не пустили в мечеть на панихиду по усопшем шахе. Вот содержание письма: «Мы, тридцать амшари, встали у входа в мечеть и хотели было войти внутрь, но тут подошел какой-то богатый гаджи. Его встретили словами «пожалуйте, пожалуйте», — и усадили у самого минбара. Подошел важный чиновник, его тоже проводили и усадили у самого минбара. Явился бек — то же самое, явился хан — опять то же. Каждого солидного человека встречали словами: «Пожалуйте, пожалуйте», — провожали и усаживали перед минбаром. А простым смертным приходилось потом, толкаясь, протискиваться в мечеть. Мы решили последовать их примеру и, не дожидаясь разрешения, войти внутрь, но нам сказали: «Вы — амшари. Ваше место — у входа!» Господам стали подносить чай, кофе, папиросы. А мы до конца так и стояли у входа...»

Письмо подписали все тридцать амшари.

Слушайте, амшари, все тридцать амшари, пославшие мне письмо, новострите уши свои и послушайте, что я вам скажу.

Я до сих пор не знал, что такое амшари, мне казалось, что амшари — это рабочий, хаммал, колодезник, землекоп, жнец, слуга, водонос, человек, разжигающий кальян, истопник в бане. Я считал, что амшари — это тля, прах, камень, кустарник, но я никак не предполагал, что амшари тоже человек.

Помню, когда-то мне довелось побывать в одной из деревень Ирана. Я видел, что сельский богатей или молла заполняет свои амбары зерном, но кругом не было

видно ни души. И когда я спросил: «Куда девался народ?» — мне ответили, что «все, спасаясь от голода, разбрелось по российской земле».

И мне тогда показалось, что амшари — не человек, а какое-то животное, нечто вроде клячи.

Прежде, если амшари не пускали на траурные собрания или на другие сборища, они молча присаживались на корточки у порога, смиренно опустив головы, или же говорили со вздохом:

— О аллах, хвала твоему престолу!

Тогда мне казалось, что амшари — невинные агнцы. А теперь они пишут жалобу Молла-Насреддину, потому что в Баку их не пускают на траурное собрание.

О земляки-амшари, написавшие мне письмо, новострите уши свои и внимательно слушайте, что я вам скажу! Если вы хотите, чтобы вас считали за людей и пускали в общество, вы должны последовать моему совету.

Во-первых, о несчастные и сырые амшари разоренного края — Ирана, все вы должны взяться за руки, то есть Мухаммедвели должен ухватить за руку Гасана, Гасан — Кербелай-Касума, Кербелай-Касум — Уста-Джафара, Уста-Джафар — за руку Мешади-Ахверди. Словом, все амшари должны взяться за руки, то есть объединиться!

Во-вторых, товарищи мои, босые и голые амшари! Как только вы возьметесь за руки, вы снова напишите мне письмо и спросите: «Что же нам делать теперь?» И я наизомню вам, что в прошлые времена большой патриот и настоящий ученый господин Мирза Мелькумянц* написал книгу об обездоленных; я напишу вам — найдите эту книгу, положите ее перед собою и читайте. Прочитав эту книгу, возьмите ее под мышку и, перемахнув через Аракс, идите в разоренный свой край. Там в каком-нибудь укромном уголке положите перед собою эту книгу, «Книгу пугающих Ибрагим-бека»* и читайте, читайте, читайте!

А когда прочитаете, задумайтесь.

О амшари, братья мои агне и босые, голодные и холодные! Если вы хотите, чтобы и вас считали за людей и пускали в общество, вы должны последовать моему совету. Ибо, клянусь аллахом, клянусь землей и небом, — нет для вас другого пути к избавлению, чем тот, который я вам указал.

И еще вот о чем я хотел сказать вам.

Боюсь я, что вы понадеетесь на свободы в Иране и опять заснете. Не особенно полагайтесь на эти свободы! Лучше послушайте, что по этому поводу говорит наш Хоп-Хоп*.

Свобода! Хотелось халвы мне отведасть твоей,
Отведасть и крикнуть: «Что в мире свободы вкусней?»
И вот мне приснилась пристань («К добру» — пожелай!),
И сласти свободы навалом лежали на ней.
Их стали в мешочки, в мешки и в тюки паковать —
И вскоре гора поднялась под руками людей.
Не раз и не два помышляя я об этой халве
И молвил: «Ах, дайте, друзья, мне кусочек живей!»
Но грозною тучей взглянул на меня кладовщик.
«Эй, к пальме свободы ты, малыш, тянуться не смей!
Красавица эта Ирану, пойми, суждена!
Что ты для нее? Помолчи! Осторожнее! Эй!»
Я, стоя в сторонке, смотрел, как глотает тюки
Один из стоящих у пристани той кораблей.
Раздался гудок — и по синим волнам поплыла
Подруга, что сердцу всех ближе, родней и милей.
Внезапно на мачте я траурный флаг различил —
Зловещее слово, певца пожелей!
Нет, надпись прочел я и понял: погнб капитан.
А волны бунтуют, и пена взлетает до рей.
И вопли сквозь ночь с боевого летят корабля:
«Спасите свободу! Беда! Помогите скорей!»
Проснувшись от воплей, увидел я темь вокруг —
И грустно «прости» прошептал я свободе моей!..*

*Молла-Насреддин, 19 января 1907 г., № 13.

Если возьмешь в руки любую мусульманскую газету или журнал, прочтешь любую мусульманскую книгу, то непременно увидишь, что они с первой и до последней строки заполнены воплями и криками об отсталости мусульман, призывами к «несчастному» народу «проснуться ото сна невежества, изучать науки и вступить на стезю прогресса и просвещения».

Теперь нет на свете ни одной мусульманской газеты, чтобы в ней не содержались такого рода заклинания. Нет ни одного человека в мусульманском мире, который бы не слышал этих слов. Нет — ни в Азербайджане, ни в Тегеране — ни одного подвижника и патриота, который бы не твердил: «О несчастный мусульманин, проснись ото сна невежества!»

Да, газеты и журналы наполнены призывами патриотов, а читатели и слушатели, глядя друг на друга, восторгаются: «Пах-пах! Здорово написано!» или «Пах-пах! Здорово сказано!..»

А что касается меня, то я, Молла-Насреддин, говорю, что грош цена таким словам! Потому что тот, кто изрекает подобное, должен прежде всего привести доводы и доказательства, объяснить и раскрыть свою мысль. А болтать и кричать каждый может, но что толку?

Да, краснобаи предлагают несчастному мусульманину «проснуться ото сна невежества!» Прекрасно! Но разве не следовало бы тут же пояснить и раскрыть смысл этих слов? Что значит «ото сна невежества»? Разве мусульманин пребывает «во сне невежества»? В чем провинился несчастный, что «дремлет в невежестве?»

Ни один человек, в ком есть капля совести, не сможет

отрицать того, что в мире нет и не найти народа, который бы сравнился с мусульманами в поклонении аллаху и повиновении старшим.

И почему это «несчастный» мусульманин «прозябает во сне невежества»? Неужто мусульмане дожили до такого дня, когда их ставят ниже всяких там японских идолопоклонников, похожих на гога и магога? Неужто нечестивые французы лучше мусульман только потому, что имеют пять-десять ружей и пушек? Неужто гяуры англичане доблестнее мусульман только благодаря тому, что они содержат пяти-шестимиллионное войско — одержимых дикарей?

Что касается меня, то я, Молла-Насреддин, со всей прямой заявляю, что говорить о каком-то «сне невежества» и призывать мусульман по примеру других народов «вступить на стезю прогресса и просвещения» по меньшей мере бесчестно!

Два года назад, когда русские и японцы воевали, не было и дня, чтобы наш Шейх-уль-Ислам и наши муфтии, кази и моллы не молились бы в мечетях: «О всевышний! Мощью твоей да будет острым меч русских и падут, сраженные смертью японцы, признающие вместо аллаха идола».

А теперь газета «Меджлис»*, выходящая в Тегеране, пишет: «Наш падишах приравнял свой титул к титулу японского падишаха». Да, именно японского падишаха.

Но, думается мне, мысль эта верна наполовину: голова иранского падишаха, может быть, и похожа на голову японского падишаха, но другими своими делами они совсем не похожи. Надеюсь, жители Тебриза подтвердят мои слова.

Но не о том моя речь! Мы не только приравниваем голову мусульманского падишаха с головой японского, но и гордимся этим. Разве это не бесчестье?

Твердим, что отстали, должны изучать науки, развиваться, двигаться вперед, стать вровень с цивилизованными народами мира. Пах-пах! Какие чудесные слова! Какая мудрость!

«Стать вровень», но с какими народами? Что это за «цивилизованные народы»? Не знаете? А я вам скажу: это те же нечестивые французы и гяуры англичане, те же русские и немцы, те же американцы и японцы.

Помню, в детстве, когда случилось мне пошалить и

нечаянно разбить посуду, покойная бабушка ругала меня: «Ах ты идолопоклонник, сын идолопоклонника!» Бедная бабушка! Если бы ты была жива, узнала бы, что мы приравниваем голову нашего падишаха к голове японского падишаха и похвально этим.

И это разве не бесчестье?

Несколько лет назад Мирза-Гасан, завершив образование в Европе, вернулся в наш город, с французской шляпой на голове, ни один наш молла не здоровался с несчастным Мирза-Гасаном только за то, что тот походил на француза. А теперь кричим о том, что надо вступить на стезю прогресса и стать в ряды европейских народов.

Когда я думаю об этом, то не знаю, какие же нам науки надобно изучать, чтобы развиваться? Неужто кроме химии есть еще другие науки?

Да, просвещение. Что значит просвещение? Или за просвещением надо далеко ездить? Ну скажите, какой чужеземный ученый в силах написать такую мудрейшую религиозно-схоластическую книгу, как «Ихтиярат»? И надо ли нам, правоверным мусульманам, опускаться до других народов-нечестивцев? Где же наша твердость в вере и принципы, наше благочестие и молитвы?

До сего времени говорили, что если какой-либо мусульманин станет походить на представителя иной национальности, то в судный день он будет держать ответ не со своими сородичами. Что же делать в таком случае иранскому Мамадали-шаху*, которого уподобили японскому микадо?

И разве могут после этого благочестивые мусульмане двигаться по пути прогресса, то есть стать похожими на гяуров? Это же не что иное, как бесстыдство и бесчестье!

«Молла-Насреддин», 3 марта 1907 года, № 9.

Заберн-ка, домовой,
Этого зверька с собой!

О тчего, не знаю, но с тех пор, как голод стал косить людей в Зангезуре и Карабахе, еще более возросло уважение наших мусульман к богачам.

К примеру, спрашиваешь у одного:

— Что нового в вашем городе?

— Да так, ничего особенного, — отвечает он. — Вот только заняты мы очень: помогаем всем народом на свадьбе у такого-то богача или на панихиде у другого.

Спрашиваю:

— А сколько денег этот самый бек послал голодающим Зангезура и Карабаха?

Отвечает:

— Ни копейки.

— Но почему же, — удивляюсь, — вы так почитаете его? Хитрец смотрит, вылизывая глаза, и молчит.

— Что же молчишь ты, джейран мой? — спрашиваешь.

Снова молчит, не так-то просто ответить?

Козьма Прутков* пишет, что покорность и раболепие больше всего свойственны мусульманам. Знаменитый Дарвин замечает, что среди некоторых животных встречаются случаи безропотного повиновения. К примеру, если овечка неожиданно повстречает волка, или если в лесу слабая зверюшка оказывается лицом к лицу с тигром, то первые покорно падают ниц. Можно считать, что это своего рода выражение послушания и уважения в мире животных, хотя, если хорошенько вдуматься, можно убедиться, что между покорным лесным зверем и раболепствующими мусульманами есть существенная разница. А как же иначе? Ведь мы, слава аллаху, не животные, а люди.

Разница заключается в том, что слабое животное при виде сильного смиренно склоняет голову только со страху, а у нас раболепие проистекает не от страха перед богачом.

А от чего? Хотел бы я видеть того мужа, который набрался бы смелости и ответил на мой вопрос!..

Я вот что скажу, и, думаю, читатели согласятся со мной: мы склоняем голову при виде богача, принимая во внимание лишь его богатство, а не человечность, ум, душевное благородство или заслуги перед народом. Если бы мы учитывали прежде всего благородные качества, то их несравненно больше находили бы у бедняков, нежели у богачей.

Разве уступает в человечности канкан-колодезник Джафарали из Эривани тамошним богачам? И разве эти богачи послали денег голодающим Зангезура и Эривани больше, чем Джафарали?

Если говорить по совести, то безвестный учитель, кустарь или бедный бакалейщик в Баку не уступают по достоинству бакинским богачам.

В Агдаме цирюльник Гусейн, наверно, никому в жизни дурного не сделал, но почему мы не удостаиваем его ответным приветствием и в то же время кланяемся карабахским бекам, которые только тем и занимаются, что шпионят друг за другом?

Я бы хотел видеть молодца, который набрался бы смелости и ответил на мой вопрос.

Если бы богач платил за рабский поклон копейку, наше раболепие можно было бы еще объяснить: выгодно, потому что кланяемся.

Среди иных народов такого не увидишь. Там, если богач не служит народу своим богатством, его не уважают.

Пусть рядом гибнут от голода, а богачи Эривани и Нахичевани кейфуют, пусть рядом голод косит людей, а богачи Баку склочничают и беки Карабаха занимают-ся склоками и интригами, — нам все нипочем, мы, как прежде, так и теперь, при виде толстосумов будем гнуть-ся в три погребели.

О мои братья-мусульмане! Одно лишь слово хочу сказать вам:

В Зангезуре мусульмане умирают голодной смертью.

На этом я кончаю. Теперь дело ваше — кому кланяться.

Но не забывайте, когда речь заходит о человечности и благородстве, мы мусульмане, говорим: «Бедные армяне, знать бы, какой ответ будут держать они перед аллахом».

А пока в Зангезуре голодные мусульмане с радостью бегут к вагонам с пшеницей и видят, что пшеница эта послана армянами голодающим армянам.

Мы, мусульмане, очень хорошие люди, куда уж армянам до нас...

«Молла-Насреддин», 24 марта 1907 г., № 12.

Когда я прочел 65-й номер «Иршада»*, мне показалось, что письмо шемахинского депутата Наджафа Яхья-оглы и ответ Агаева* на это письмо написаны всерьез. Но перечитав их, я увидел, что и письмо Наджафа Яхья-оглы, и ответ Агаева написаны в шутку.

Тот, кто хочет узнать, действительно ли они написаны в шутку или всерьез, должен найти 65-й номер «Иршада» и еще раз прочитать письмо Наджафа Яхья-оглы и ответ Агаева.

Когда в «Иршад» поступило письмо Наджафа Яхья-оглы, Агаев подумал, что оно — шутливое и по этой причине написал ответ тоже в шутку.

До Молла-Насреддина подобных шуток не было; но теперь, с легкой руки Молла-Насреддина, всем захотелось шутить.

Начнем с письма Наджафа Яхья-оглы. Но здесь хотелось бы дать кое-какие разъяснения: нам думается, что письмо сочинил не Наджаф Яхья-оглы, — оно наверняка написано самим Гаджи-Меджид-эфенди*, в крайнем случае — его людьми. А Наджаф Яхья-оглы — и это подтвердят мои шемахинские братья — никогда и ни за что не додумается до таких писем.

Но разговор не о том. Допустим, что письмо все-таки написано самим Наджафом Яхья-оглы и посмотрим, о чем оно.

Наджаф Яхья-оглы пишет: «Я считаю излишним перечислять деяния этого достопочтенного лица (то-есть кази Гаджи-Меджид-эфенди), его рвение и усердие, направленные на благо нации, во имя ее единения, благоденствия, прогресса и просвещения».

Аллах свидетель — Наджаф Яхья-оглы решил расмешить нас, потому что деяния Гаджи-Меджид-эфенди на попрание благоденствия и единения народа заключались лишь в том, что он, дабы проложить путь для своего секретаря Гаибова, однажды ночью послал Наджафа Яхья-оглы к инспектору Леонтьеву, чтобы тот принял двух учителей по богословию — одного для суннитских, а другого для шиитских детей. Тем самым достопочтенный гаджи бросил в гушу шемахицев семя раздора, поднял вопрос о суннитах и шиитах.

Что же касается «прогресса и просвещения», то по этому поводу мы можем сказать о Гаджи-Меджид-эфенди вот что: господин Гаджи-Меджид-эфенди в нарушение порядков в медресе при мечети Джума лишил молл жалованья и доходов для того, чтобы сын кази Ибрагима-Халила не смог преподавать в медресе и не прославился, ибо это могло причинить ущерб престижу Гаджи-Меджид-эфенди.

Если господин Наджаф Яхья-оглы считает это «деянием во имя прогресса и просвещения» — тогда другое дело. Разве Гаджи-Меджид-эфенди основал какое-либо медресе в духе требований времени? Или воспитал сорок-пятьдесят образованных молл? Мы что-то не помним, чтобы он создал хоть одно серьезное, стабильное медресе с несколькими постоянно работающими учителями, помимо той игрушечной школки, которую открыл ради своего племянника. Да и из той, молитвами правоверных, ничего не вышло.

Кому, помимо двух родственников своих и знакомых богачей, принес пользу Гаджи-Меджид-эфенди?

Разве не Гаджи-Меджид-эфенди ратовал за то, чтобы председателями на собраниях были такие господа, как, скажем, Гамид-паша, Гаджи-Муштафа и иже с ними, заставляющие благовоспитанных девушек растирать их поясницы; разве не он в три погибели гнул и лебезил перед ними, выставляя их тем самым в выгодном свете?

Разве не Гаджи-Меджид-эфенди ежегодно писал богатым гаджи письма и прикарманивал принадлежащее бедноте отчисление — зекят, разве не он выдавал удостоверение неграмотным и невежественным моллам?

Но допустим, что это — мелочи, и вернемся к письму Наджаф-бека.

Господин Наджаф Яхья-оглы говорит, что дом Гаджи-

Меджид-эфенди построен не на жалованье. И правда — при жалованьи в двадцать пять рублей не построишь дом в пятьдесят тысяч.

Молла-Насреддин бессилен что-нибудь возразить против этой истины; но дело в том, что у Гаджи-Меджид-эфенди, кроме жалованья, нет других источников дохода — какой-либо собственности, поступлений из других сел. А разве дом стоимостью в пятьдесят или в двадцать пять тысяч рублей — гриб, который вдруг сам по себе вырастает из-под земли?

Но, между нами говоря, Наджаф Яхья-оглы слегка подшучивает, говоря в письме о деревне Дияллы; да и как можно принять всерьез, если известно, что дом, доставшийся Гаджи-Меджид-эфенди в наследство от отца в деревне Дияллы, состоит всего-навсего из двух-трех маленьких строений.

Но допустим, что и это — мелочи, и снова вернемся к письму.

Господин Наджаф Яхья-оглы пишет: «Я уполномочен всеми приверженцами ислама».

И здесь вспомнилось мне вот что:

Священник села Данабаш, покойный Молла-Таркули говаривал, что селенне Данабаш — «пуп» земли, то есть ее центр.

Бедный Молла-Таркули, царство тебе небесное, мир праху твоему! Если бы ты пожил еще немного, узнал бы, что есть в мире город Шемаха и живут там Яхьяевы, которые считают себя правомочными говорить от имени всех, кто верит в ислам.

Бедная деревня Данабаш! И когда ты успела уполномочить господина Яхьяева?

Ежели кто прочтет письмо Наджафа Яхьяева, то убедится, что он шутит. Так подумал и бедный Агаев, и, в тон Яхьяеву, взял да написал ответ тоже в шутку.

А незадачливые шемахицы полагают, что ответ Агаева серьезен.

Агаев, к примеру, пишет: «Мудрый наш наставник Гаджи-Меджид-эфенди».

И Молла-Насреддин утверждает, что Гаджи-Меджид-эфенди — мудрый наставник. Это можно обосновать тем, что гаджи до сих пор не подпустил к себе близко ни одного настоящего ученого, а членами меджлиса назначил двух немощных, невежественных молл, чтобы те

раскрывали его тайни политиканских проделок и были бы его послушными рабами, каковыми они и являются.

А дальше Агаев, снова шутя, пишет: «Заслуги Гаджи-Меджид-эфенди перед всем исламским миром, перед всеми мусульманами столь велики, что не представляется возможным хоть в какой-то мере отблагодарить его! Душой своей, устами своими, пером своим он свершил много славных дел на благо верующих мусульман, стал их гордостью и надежнейшей опорой».

Видно, и в голову не приходило бедным шемахинцам, что эти слова написаны смеха ради.

Да, «душой своей» он проявил самоотверженность. Да, душой и телом, проявляя, так сказать, героизм, он превратился, так сказать, в щепку.

И это сами шемахинцы знают лучше нас. Какое счастье, что мы, слава аллаху, не умерли и дожили до этого дня, когда на глазах у всех надеждой и гордостью мусульман, называют человека, обладающего такими высокими качествами, как тщеславие, ненасытная жадность, стяжательство, эгоизм, деспотизм.

Агаев еще сообщает, что в редакцию газеты «Иршад» поступило много писем о достопочтенном Гаджи-Меджид-эфенди, и что он «аккуратно» собрал эти письма и, с божьей помощью, представит их Гаджи-эфенди».

И это — чистейшая шутка! Уж кто-кто, а Агаев газетное дело знает лучше всех.

Когда задумываешься над подобными делами, вспоминаешь, к примеру, голодный люд Зангезура. Но потом говоришь самому себе: «А стоит ли беспокоиться и терзаться, когда в Шемахе живет «наша гордость».

Потом вспоминаются дикие кавказские мусульмане и снова думаешь: стоит ли горевать и мучиться, когда в Шемахе живет «наша надежнейшая опора» — Гаджи-Меджид-эфенди.

Потом вспоминаешь стонущие под пятой ипоземцев и постепенно идущие навстречу своей гибели мусульманские народы в иных краях, но снова и снова успокаиваешь себя — ведь в Шемахе восседает «надежда наша» — Гаджи-Меджид-эфенди.

Приходит в голову и еще очень многое, но самое лучшее — быть кратким и немногословным.

«Молла-Насреддин», 21 апреля 1907 г., № 16.

Уважаемая газета «Тарджуман» сообщает в своем 36-ом номере, что пятеро мусульманских депутатов Думы, отрекшись от ислама, приняли религию рабочих, и еще два депутата, отрекшись от мусульманства, обратились в социал-демократическую веру.

Читая эти слова «Тарджумана», вспоминаешь минувшие дни.

Года полтора назад, когда некоторые мусульмане ходили по улицам Тифлиса под красным знаменем с лозунгом: «Да здравствует свобода!», наши почтенные моллы говорили народу: «Не слушайте этих глупцов, они отреклись от ислама!»

А теперь и «Тарджуман» говорит то же самое.

Бедный Гаджи-Мирза-Гасан-ага! За что посадили тебя на мула и изгнали из Тебриза? В чем ты провинился? В том, что ты говорил: «Сторонники конституции сошли с пути истины». Так зачем же поступили с тобой подобным образом, если у тебя оказывается такой единомышленник, как газета «Тарджуман».

«Тарджуман» пишет, что программа «рабочих» противоречит шариаду, потому что рабочие требуют распределения частных поместий между трудящимися, а раз так, то владельцы поместий не дадут на это согласия. Если же поместья будут у них отняты насильно, то поселившимся в них нельзя будет, следовательно, совершать намаз — он не будет принят аллахом.

Таким образом, из поучений «Тарджумана» выходит, что, например, во всем Макинском ханстве должен быть признан действительным только тот намаз, который со-

вершит Муртуза-Кули-хан*, и если хотя бы одна пядь макинской земли будет передана какому-нибудь крестьянину, и этот крестьянин совершит на этой пяди земли молитву, то она будет недействительна.

Словом, в том же номере «Тарджуман» говорит о многом. Начинает, например, со старых турецких падишахов и, восхваляя их, доходит до точки. Она, например, пишет, что турецкие падишахи — да благословит аллах их память! — оставили нам прекрасные обычаи.

И в самом деле, пусть аллах благословит их память, раз они оставили нам прекрасные обычаи.

Но, да простит меня аллах, мне вспоминается, что прежние турецкие падишахи были чем-то вроде бандитских атаманов, и никогда не задумывались над тем, чтобы позаботиться о нас, несчастных. Все их помыслы и стремления были направлены на то, чтобы развлекаться с женщинами и мальчиками и всегда жертвовать интересами нации ради удовлетворения своих страстей.

Велик аллах, велик аллах! «Тарджуман» расхваливает прежних падишахов, «Таза хаят»* превозносит нынешних падишахов, но бессовестные ничего не говорят о том, что же останется на нашу долю, на долю бедняков.

Да, вспомнил. Надо сказать, а то еще забуду.

В 7-ом номере «Таза хаят» насильно понуждает и нас поклонить колени перед турецким султаном и пишет, что «Молла-Насреддин» и все мусульманские газеты читают султана священной особой.

Что делать бедняжке «Таза хаят», она только что прибыла из Кюкамара и ни статей Молла-Насреддина не читала, ни рисунков его не видела.

Да, мы говорили о «Тарджумане».

Ну что же еще сказать?

«Молла-Насреддин», 28 апреля 1907 г., № 17.

письмо первое

Господин шейх! Я слышал, что, когда некоторые образованные мусульманки приходят к вам на прием, вы принимаете этих женщин, и они сидят с открытыми лицами и спокойно беседуют с вами. Кроме того, я слышал еще, что вы время от времени посещаете женские школы и, встречаясь с обучающимися там молоденькими девушками мусульманками, беседуете с ними, а иногда слушаете их ответы на уроках.

Я давно слышал об этом, но не верил своим ушам. Я знаю, что появление мусульманки перед чужим мужчиной с открытым лицом — грех, и потому я не хотел верить, что вы встречались и разговаривали с мусульманками, лица которых не были закрыты.

Но двадцать седьмого мая в одиннадцать часов я увидел вас в тифлисском «институте». Там выдавали удостоверения, окончившим курс девушкам, и по этому случаю вы были приглашены.

Вы встретились и беседовали там с молоденькими мусульманками. О чем вы говорили — меня не касается, — достаточно того, что вы беседовали с ними.

Господин шейх! Я очень прошу вас объясните мне, как же все-таки — грех это или не грех, когда девушки, не прикрыв лицо, беседуют с мужчинами, в том числе и с вашей светлостью?

Известно, что мы люди темные и, то, что знают ваши ноги, не разумеют и наши головы. Но мы знаем, что мусульманские девушки, обучающиеся в этих школах, учатся девять лет и за это время встречаются и разговаривают, не прикрывая лица, с девятью тысячами мужчин, с учителями, а вы, зная все это, сами идете туда,

и, встречаясь с мусульманскими девушками, разговариваете с ними, а иногда даже хвалите их.

Господин шейх, очень прошу вас: объясните мне, пожалуйста, как это следует понимать?

письмо второе

Господин шейх!

Вы видели свидетельства об окончании заведения, которые выдавались учащимся, а затем и я увидел их. Из свидетельств, выданных армянским, русским и грузинским девушкам, явствует, что они, помимо других предметов, изучали закон божий и родные языки; а в свидетельствах, выданных мусульманским девушкам, сказано, что мусульманские девушки не изучали закон божий и родной язык.

Господин шейх! Простите меня, я во всем этом не разбираюсь, ибо то, что знают ваши ноги, не разумеют и наши головы; но вы знаете, что в вашей достопочтенной школе девушкам других национальностей преподают законы их религии и родного языка. Но почему-то не хотят взять в школу одного мусульманского учителя с жалованьем в пятнадцать рублей в месяц, чтобы двадцатипятилетние девушки после окончания школы могли написать на родном языке свои имена и научились бы чему-нибудь мусульманскому.

Простите, господин шейх, несколько неприлично спрашивать вас об этом, — как-то вы в фазтоне ехали в школу, мне показалось, что вы едете к директору школы объясняться, ругаться с ним по поводу того, что мусульманские девушки не изучают родной язык; но теперь стало известно, что вы ни с кем не ругались и поехали туда лишь для того, чтобы поговорить с девушками.

Известно и то, что вот уже свыше двадцати лет вы ежегодно приходите в школу и беседуете со школьницами. Вы убеждаетесь, что двадцатипятилетние девушки мусульманки не умеют говорить на своем родном языке, и разговариваете с большинством из них по-русски!

И вы ни с кем не собираетесь ссориться из-за того, что мусульманских девушек стараются обрусить.

Господин шейх, конечно, то, что знают ваши ноги, разумеют и наши головы, но, когда начинаешь думать обо всем этом, как-то одно с другим не вяжется.

Господин шейх, даже я, будучи, по определению Казимир-Керим-аги*, «гяуром», «нечестивцем», пожалел мусульманских девушек и спросил директора заведения, почему он не сделал так, чтобы мусульманские девушки изучали богословие и родной язык.

А вы, будучи шейхом, главой мусульман, никогда не занкинулись об этом.

Ради аллаха, господин шейх, растолкуйте мне, пожалуйста, что это значит?

Умоляю вас, господин шейх, объясните, в чем же тут дело?

«Мелли-Паредити», 2 июня 1907 г., № 29.

Среди чужеземцев пройдох и развратников много.

И если кто-нибудь, обойдя города России и Европы, вернется в мусульманские края и побывает в Тебризе, Тегеране, Ардебиле, Астаре, Баку, Нахичевани, в деревне Данабаш, он может подумать, что среди мусульман и в помине нет плутовства, разврата и что все это свойственно лишь иноверцам.

Эх, Молла-Насреддин, помолчал бы, попрдержал бы свой язык, не суйся, куда не следует! Не разоблачай тайн, не срывай покровов, не возись с погрязшими в дерьме, не то вонь от них распространится по всему свету!

Те, кто хорошо знаком с взаимоотношениями между мужем и женой, мужчиной и женщиной как у нас, так и среди чужеземных народов, — поймут меня. Те же, кто незнаком со всем этим, — тот... хорошо бы, если они и вовсе не слушали меня.

Никто не станет отрицать того, что чужеземцы гяуры берут себе в жены лишь одну женщину и до конца дней своих живут с ней. Если муж и жена нравятся друг другу, до самой смерти ничто не разлучит их; если он и она не нравятся друг другу — они опять-таки будут стремиться к тому, чтобы как-нибудь прожить вместе. Но если они станут неприятны друг другу, если они превращают друг друга — тогда они разводятся.

Это естественно и так должно быть в мире.

Справедливости ради следует сказать, что среди чужеземцев бываю случаи, когда мужчина, даже любя жену, вступает в близость с другой женщиной.

Но здесь следует оговориться.

Во-первых, среди чужеземцев близость мужа с другой женщиной осуждается, и, если жена узнает об этом, она тотчас разведется с мужем, и мораль позволяет ей поступать так. Во-вторых, среди чужеземцев-гяуров лишь распущенная молодежь и холостяки, то есть неженатые мужчины, не довольствуясь одной женщиной, гонятся за несколькими женщинами, посещают дома терпимости, притоны.

А теперь посмотрим, как обстоит дело у мусульман. Имеют ли место в мусульманской среде разврат и проституция, или нет?

Не знаю, может, и не имеют. Дай бог, чтобы было так!

Пишу эти слова и смотрю из окна на черные тучи. Сначала мне кажется, что тучи эти — сгусток влаги из Черного и Каспийского морей и теплота солнца притянула эту влагу к себе, чтобы создать из нее дождь. Но вдруг мне начинает казаться, что эти тучи образовались из тяжких вздохов и стонов мусульманок, а дождь — не из испарений морских, а из горьких слез несчастных женщин!

Итак, посмотрим, как обстоит дело у мусульман.

Во-первых, разница между нами и чужеземцами состоит в том, что среди мусульман считается благим, как молитва, делом, когда женатый мужчина поглядывает на другую женщину или ухаживает за ней. И, во-вторых, разница между нами и чужеземцами состоит в том, что теми, кто, не довольствуясь одной, волочится за несколькими женщинами, являются правоверные и добродетельные краснобородые и черноторые гаджи, мешади и моллы.

А происходит это по двум причинам.

Во-первых, наши моллы не объясняют людям причин многоженства, ибо это для них — источник жизни. Вот один мужчина, идя по улице, видит, что у такой-то женщины икры белые, толстые лодыжки, и, слава аллаху, видны (не потому ли, кстати сказать, наши незамужние женщины не носят длинных юбок?).

Так вот, после того как мешади мелкомком взглянет на ноги женщины, он тотчас бежит к молле и просит сделать так, чтобы она стала его женой! А молла не так глуп, чтобы спрашивать, есть ли у этого мешади

дома жена или нет. Тотчас появляется сахарная голова — и делу конец!

Во-вторых, утешением развратников и кутил является так называемая сийга.

Все мешади знают, что, к примеру, в Хорасане наши моллы в течение часа заключают брак сийга между одной женщиной и десятью мужчинами.

Многие наши мешади получали удовольствие от такого рода браков. А теперь вступление в брак сийга с какой-либо женщиной там, на месте, считается даже одним из условий паломничества в Хорасан*.

Мы говорим, что все это свято, как молитва, но чужеземцы, глядя на нас со стороны, говорят: «Эй, братья мусульмане, так не годится, вы упрекаете нашу молодежь в том, что она занимается кутежами и развратом, в то время как ваши мешади после поклонения святым шляются ночью по улицам в поисках домов терпимости».

Разве это неправда?

В 16-ом номере нашего журнала мы сказали несколько слов о проповеди, которую произнес Молла-Таркули о браке сийга. Наши слова не понравились господину Гаджи-Мирза-Молла-Джафаркули из Астары, и он заявил в мечети, что мы выступаем против шарната.

Мы обещаем поговорить с ахундом Молла-Джафаркули в следующих номерах, ибо мы уже и без того наговорили всякой всячины. Но мне хочется спросить ахунда об одном: «Господин Молла-Джафаркули-ага! Скажите, слова ли мои противны шарнату, или то, что Мирза-Абдулкерим в течение шести дней держал у себя дома проститутку и вместе со слугой услаждался ею, предварительно заключив брак сийга между этой женщиной и своим слугой?»

**Молла-Насреддин, 12 мая 1907 г., № 19.*

Я просто голову потерял.

Все заняты своим делом — пахарь пашет, торговец торгует, ханы охотятся, моллы заключают временные браки — сийга, газетчики издают газеты, в общем, каждый тихо и спокойно, чинно-благородно делает свое дело, и лишь я, грешный, забытый аллахом горемыка, совсем от рук отбился.

Нет такой бессмыслицы, нелепицы и глупости, которой бы я не напел. Вот и теперь взбрело в голову пустое. Только очень прошу вас, не шумите прежде времени, дайте высказаться, а потом, после прочтения, подумайте, еще раз прочтите, а потом можете говорить мне, что хотите.

А я вот о чем хочу сказать: посылаем мы своих детей учиться на врача, возвращаются они по окончании медицинского заведения с врачебными дипломами и начинают лечить людей, сделавшись, как принято у нас говорить, «русскими врачами». Так вот, и наши молодые люди, как русские врачи, изучив науки, лечат людей. Но одного я никак не пойму: а нужны ли все-таки мусульманам обученные врачи или не нужны?

Кто прочтет мои слова, пусть не подумает, что я шуучу. Это один из насущных вопросов. У меня по этому поводу есть еще о чем говорить. И то, что я пишу, весьма серьезно и никаких шуток тут нет.

Да, извольте ответить: нужны ли мусульманам «русские врачи», т. е. изучившие медицинские науки, получившие дипломы врачи?

Знать это очень важно, важнее важного. Потому что, если, допустим, не нужны, то незачем нам посылать своих детей учиться на врача.

Никто не должен думать, что вопрос этот пустячный, не стоящий внимания. Потому что, если нам не нужны ученые медики, то незачем переводить деньги и прибегать к услугам образованного врача. А раз так, то к чему разговоры о каких-то докторях?

Очень прошу вас не отказать в любезности ответить мне: нужны нам, мусульманам, русские врачи или изучившие науку врачи или вовсе не нужны?

Мой ответ таков:

Я, Молла-Насреддин, утверждаю, что нам, мусульманам, образованные врачи или нужны, или не нужны.

Прошу прощения, видите ли, я выпалил все единым духом, но не окончил мысль. Сказать правду, я боюсь, клянусь аллахом, боюсь. Боюсь, что раскритичитесь, боюсь, что краснобородые кербелан из Ордубада начнут вопить, мол, я, Молла-Насреддин, взбесился!..

В прошлом номере журнала мы писали, что шушинец Яхья-киши не вынул совету русского врача, не отнес больной матери пива, а мать вечером того же дня скончалась.

А теперь послушайте, что нам пишет Яхья-киши:

«Господин Молла-Насреддин, в 24-ом номере вашего журнала вы высмеивали меня за то, что я не послушался русского врача и не понес матери пива».

Господин Молла-ами*, вы напрасно смеетесь надо мной. За мной нет и капли вины. Мы, слава аллаху, мусульмане, а известно, что у каждой нации — свои обычаи, своя заветная книга. Для нас, мусульман, такой книгой является «Ихтиярат»*, и ни один правоверный не смеет усомниться в ней. Это такая священная книга, что всякий раз, проходя по торговым рядам, я видел, с каким благоговением берут ее в руки наши набожные гаджи и моллы; прежде чем раскрыть «Ихтиярат», они сначала прикладывают уста к ней.

На 89-ой странице этой книги, на четырнадцатой (сверху) строке написано: «Тот, у кого десятого числа любого месяца возьмут кровь, занеможет».

А теперь, дядя Молла, скажи, как я должен был поступить? Когда к нам пришел русский врач, было десятое число месяца джамади-аввал. Что же мне оставалось делать? Как же я мог принести в тот день долой пива?

Мать скончалась, на то, видно, была воля господня.

Пришел ее смертный час — и умерла она. Так по какому праву вы смеетесь надо мной? Вот и все. Житель города Шуша Яхья-киши».

Как только мы получили письмо Яхья-киши, тотчас достали «Ихтиярат», открыли ту самую страницу и убедились, что Яхья-киши совершенно прав. Потом стали перелистывать книгу с самого начала и увидели, что она с первой и до последней строки рассказывает о врачевании, и нет ни одной болезни, ни одного недуга, о лечении которого здесь не было бы написано. К примеру, на 90-ой странице, повествуя о бритье головы, сочинитель книги пишет: тот, кто бреет голову первого числа месяца, сокращает себе жизнь; тот, кто бреет голову второго числа месяца, достигает заветного; тот, кто бреет голову третьего числа месяца, накличет на себя беду, и в таком духе до конца.

Оставим бритье и перейдем к вопросу о кровопускании. Это один из важнейших вопросов. Но какой русский врач до сих пор слышал, что «тот, у кого десятого числа любого месяца возьмут кровь, занеможет и ослабеет»? А если это так, то незачем идти к врачу или звать его к больному. Дался мне такой врач, который не ведает о таких простых вещах. И на кой мне его наука! Где же его ученость! А раз так, то к чему суетловить с каких-то докторях?

Несомненно, вопрос этот не пустячный. Нашим мусульманам надлежит в этом отношении проявлять осторожность.

И в самом деле, кто хочет, пусть раскроет книгу «Ихтиярат» и убедится в том, что нет такой болезни, о лечении которой не было бы написано в этой книге.

Но одного не могу понять: почему же все-таки кто-то из мусульман прибегает к услугам русского врача? Я лично сам в Нахичевани видел, с каким благоговением и трепетом правоверные и почтенные гаджи брали в руки «Ихтиярат» и, прежде чем открыть книгу, прикладывали ее к устам. Но удивительно, что когда тем же самым правоверным гаджи приходилось туго, они приводили к своим больным русского врача.

Не могу понять этого. Я говорю так: «или русский врач, или книга «Ихтиярат»! Кто хочет, пусть верит в это, а кто хочет, пусть верит в то».

Но пусть все запомнят: как бы учен ни был врач,

пусть бы он всю жизнь учился в европейских университетах, но коль скоро этот самый врач не имеет понятия о книге «Ихтиярат», — для меня он не врач, и я его в жизни не позову к своему больному.

И не подумайте, что шучу, совершенно серьезно говорю!

«Молла-Насреддин», 8 июля 1907 г., № 25.

Известно, что во многих местностях в этом году засуха, и посевы гибнут, сгорая от недостатка влаги. Известно также, что в некоторых местах люди вышли в поле молить аллаха о ниспослании дождя. Но, как стало известно, аллах не вынул их мольбе и дождя не послал — ни в Агдаме, ни где-либо другом месте.

Несравненный писатель Мирза-Мелкум-хан писал так в своей газете «Ганун»*: «С речью своей я обращаюсь к тем, кто является человеком».

Я говорю иначе: «Я обращаюсь к тем, у кого есть уши».

Перейдем к делу.

Нигде еще обращение молящихся не было принято аллахом, и нигде людям не был дарован дождь.

Ведь и раньше случалось, что лето бывало жарким, засушливым, и мусульмане много раз выходили в поле помолиться аллаху. Я сам неоднократно видел и слышал об этом; сам много раз наблюдал за молящимися в поле. И еще ни разу не было такого случая, чтобы аллах сжалился над теми, кто выходил на поле молиться, и ниспослал им дождь.

В чем же кроется причина?

На этот вопрос надо ответить обстоятельно.

Мирза-Мелкум-хан пишет: «С речью своей я обращаюсь к тем, кто является человеком».

А я говорю: «Я обращаюсь к тем, у кого есть уши».

Выйти в поле поклониться аллаху, совершать намаз, давать те или иные обеты — все это является религиозным долгом, обязанностью человека. Но взамен этого

Аллах ничем не обязан человеку, ничего ему не должен. Аллах создал нас из ничего, и наш долг — молиться аллаху. Вот и все! И у нас нет никакого права требовать или просить от аллаха чего-нибудь на том основании, что мы, мол, молимся аллаху, совершаем намаз, выходим в поле на поклонение всевышнему, и он должен нас вознаградить.

А как поступаем мы? Говорим аллаху: «Мы помолились тебе, а ты пошли нам дождь, чтобы мы напоили хлопок, взрастили и собрали его, продали и вырученные деньги положили в карман». То есть мы хотим продать нашу молитву аллаху и взамен получить дождь, получить воду для наших посевов.

Но что же в этом от «религиозного долга» — это же самая настоящая сделка, настоящий торг! И если мы честные люди, то почему мы вспоминаем аллаха лишь тогда, когда попадаем в тяжелое положение и нуждаемся в нем? В Агдаме, к примеру, среди тех, кто вышел в поле помолиться аллаху, было несколько гиндарцев. Но если они так преданы аллаху, то почему в таком большом селе, как Гиндарх, до сих пор нет мечети, чтобы мусульмане могли совершать там свой ежедневный намаз?

Разве аллах не видит и не знает этого?

Это — первая причина того, почему аллах не выслет мольбам и не посылает людям дождя.

А вторая причина состоит в том, что аллах хорошо знает — если он сжалится над мусульманами и дарует им дождь, то, конечно, хлопок утолит жажду и не горит, а пышно расцветет и пойдет в рост.

Но все дело в том, что не достанется мусульманам их хлопок: хлопок Кербелай-Гейдара попадет Кербелай-Халилу, а хлопок Кербелай-Халила достанется Кербелай-Гейдару.

Это вторая причина.

Третья причина состоит в том, что если после каждой молитвы аллах будет посылать людям дождь, то какой дурак станет после всего этого рыть арыки и колодцы, отводить воду из Аракса или Куры, чтобы запасть к лету.

Молитва — молитвой, а дождь сам по себе. Дождечку — литься, мусульманину — молиться. Но ведь всему свое время. Хоть молись, хоть нет, в жару дождя не

увидишь, а в мороз — града. Каждое время года имеет свой нрав. Весной дождит, зимой — снежит, летом — печет, и никуда от этого не денешься. Если семнадцать тысяч правоверных мусульман соберутся вместе и семнадцать ночей и дней будут молиться — просить зимою града, они его все равно не увидят. Другие народы молятся, когда надо, но если посевам нужна вода — трудятся не покладая рук, достают воду из таких мест, что уму непостижимо, и поливают посевы.

А мы?

Мы, имея под боком Куру и Аракс, остаемся летом без воды и европейские путешественники, приезжая к нам и глядя на нас, восклицают: «О несчастные мусульмане!»

Мы крадем и сжигаем ворота мечети и, оставляя без внимания Куру, Аракс и скрытые под землей воды, лицемерно обращаем свои взоры к аллаху и просим у него воды.

Негоже так!

Вот и третья причина.

Осталось мне сказать еще вот о чем.

Два крестьянина, из тех, что вышли в Агдаме в поле, чтобы помолиться аллаху, не вынесли сильной жары, заболели и умерли.

А Мирза-Мелкум-хан пишет: «С речью своей я обращаюсь к тем, кто является человеком».

«Молла-Насреддин», 24 июля 1907 г., № 27

Однажды, после того как знаменитый оратор из иранских муджтехидов Мирза-Джафар выступил в Тифлисе с речью, я встретился с ним на улице и сказал:

— Дорогой мой, у меня нет возражений против твоей речи. Но я прошу тебя, когда ты поедешь в Иран, не заезжай в Нахичевань, возьми билет прямо до Джульфы.

Бедняга некоторое время недоуменно смотрел на меня и спросил:

— Это почему же?

— Потому, — ответил я, — что в твоей сегодняшней речи есть слова, которые придутся не по вкусу нашим нахичеванцам.

Бедняга Мирза-Джафар опять озадаченно посмотрел на меня и спросил:

— Что же я сказал такого?

Я ответил:

— В твоей речи ты изволил говорить: «Братья-мусульмане, откройте свои глаза и приглядитесь внимательно, кто мы такие есть и кто есть другие нации. Чего достигли мы, и чего — они?..» Затем ты в конце речи сказал: «Братья-мусульмане, сплотитесь, изучите науки и — станьте людьми!»

Бедняга Мирза-Джафар, все еще недоумевая, спросил меня:

— Но какой вред от моих слов нахичеванцам?

Я сказал:

— Брат мой, приходилось ли тебе видеть лягушек?

— Видел, — ответил Мирза-Джафар.

— Подумай хорошенько, как похожи лягушки на людей!

— Не понимаю, куда ты клонишь?

— Ничего, поймешь, когда поедешь в Нахичевань.

Прошло немного времени, как я услышал, что Мирза-Джафар поехал в Нахичевань. «Несчастный, ты погиб!» — сказал я про себя. Потом до меня дошло, что нахичеванские мусульмане, или мусульманские нахичеванцы (по-разному толкуют, одни говорят: нахичеванские мусульмане, другие: мусульманские нахичеванцы), короче говоря, я слышал, что наши дорогие братья-мусульмане, проживающие в Нахичеванском уезде, пошли и донесли властям, будто Мирза-Джафар привез в кармане из Тифлиса экземпляр газеты «Хаблюль-метин».

Правительственные чиновники спросили доносчиков:

— А что это такое — «Хаблюль-метин»?

Господа нахичеванцы ответили:

— «Хаблюль-метин» — это бумажная бомба.

Затем я услышал, что полицейские чины нагрянули с обыском к Мирза-Джафару. Найдя экземпляр газеты «Хаблюль-метин», они составили протокол, завернули газету в три листа бумаги, а сверху приложили печать: после чего шестеро городских препроводили Мирза-Джафара в присутственное место и заключили под арест.

Каждый, кто возьмет в руки лягушку и внимательно приглядится к ней, увидит, что лягушка действительно очень похожа на человека.

«Молла-Насреддин», 5 августа 1907 г., № 29.

БОЧКА ВОДЫ

(Черногородским рабочим в Баку)

О пять вы, господа рабочие, распустили свои языки, жалуетесь в 91-ом номере газеты «Таза хаят»* на управляющего заводом, который выдает в день всего лишь одну бочку воды на пятьдесят два человека. Вы пишете, что из-за недостатка воды вынуждены ходить по дворам, канючить, и добавляете к этому всякие другие лишние слова.

Разумеется, когда вы писали об этом, вообразили, что тот, кто прочтет ваши жалобы, задумается над вашим положением, пожалеет вас, а ваш управляющий проявит участие к вам.

Бочка воды!

Разве одной бочки воды мало на пятьдесят два человека? Почему вы не экономите воду? Или вы ежедневно не слышите от наших проповедников о том, что «бережливость — это добродетель»? Неужто вам не хватает одной бочки воды?

Тут для каждого очевидно, что вы слишком расточительны, иначе ни за что не поверю, будто пятидесяти двум рабочим не хватает одной бочки воды.

Да, надо быть бережливым. Бережливость! Бережливость! Одна бочка воды — это не шутка; разумеется, при условии, если вы не будете бесконечно лить и пить, а то ведь каждый из вас будет хватать свою кружку и кричать: «Мне воды!.. Мне воды!..» Конечно, в таком случае вам не хватит одной бочки, да и двух бочек будет мало.

Например, вообразим, что мусульманство все — это одна бочка воды. Поглядите только! Сколько, подобно вам, жаждущих, набросилось на эту бочку: сто три-

надцать миллионов марсияханов, столько же проповедников, семьдесят два миллиона сендов, двести миллионов ков, сорок четыре миллиона ханов, беков и заводчиков, триста миллионов заклинателей, гадалщиков, колдунов, предсказателей, мусульманских знахарей, преподающих в школах молл, любителей прость на поминках, шейхов (например, таких, как шейх города Кубы) и прочих, и прочих...

Восемьсот сорок четыре миллиона шелковичных червей набросились на одну бочку воды, то есть, на мусульманские нации, и никто из них не жалуется: «Мало воды!» А тут, видите ли, одной бочки воды недостает пятидесяти двум рабочим!

Может быть, с божьей помощью, я напишу вашему управляющему, и он закажет для вас билеты в Европу, на курорт, в Карлсбад; будете пить там целебную прохладную водичку, растолстеее, а то могут отправить и в Питигорск, Дарачичек или Абастуман.

Может быть, вы и впрямь льстите себя такой надеждой?

Больше того, вы, потеряв стыд и совесть, пишете жалобы и позорите нас в глазах русского правительства! Ведь с каким трудом удалось нам завоевать себя имя! Ведь в смысле благососпитанности ни одна нация так не прославилась, как мы, мусульмане. Вы тоже теперь хотите осрамить нас, подобно опозорившим нас бессовестным депутатам государственной Думы, как изволил сказать Мамед-ага Шахтахтинский*.

Да покарает аллах злокозненных!

Да опозорит аллах имена ваших пятидесяти двух рабочих, чтобы ни в каком обществе о вас даже не вспоминали совсем. Да обрушит аллах ваши роскошные хоромы и высокие чертоги вам же на головы! И да не онемеют уста, которые скажут «аминь»!

Ну, а теперь, задам вам одну загадку. Скажите-ка, по какой причине так измываются над вами?

А ну-ка, угадайте!

Потому что вы, все пятьдесят два человека, неграмотны. Признавайтесь честь по чести, так это или не так?

Между нами говоря, эту жалобу в «Таза хаят» вы написали не сами, а попросили кого-то сделать это за вас. Ведь я хорошо знаю вас всех. Среди вас один толь-

ко Кербелай-Гасан-Кули может с грехом пополам нацарапать свое имя, да и то у него, вместо «Гасан-Кули», получается: «Хадаран-Кули».

Но здесь есть одна загвоздка.

Представим себе, что вы, упаси аллах, ни с того, ни с сего решили определить своих детей учиться (разумеется, я говорю не об изучении книги «Джамен-Аббаси»)*; да, допустим, вы посылаете своих детей учиться в новые школы, где им преподают учителя в короткополых одеждах. (Но ведь это нехорошо, так как ваши дети возьмут под сомнение существование быка, на котором жидется Земля!). Итак, они будут учиться, а затем, предположим, станут такими же, как вы, рабочими Черного города. Тогда дело будет плохо. Тогда, если им привезут бочку воды и скажут: «Пейте поменьше, не сдохнете!» — они, ваши дети, станут плечом к плечу с песней на устах:

Знания нам, как факел, озарили путь,
Совесть — пластелин наш, действий смысл и суть!

«Молла-Насреддин». 2 августа 1907 г., № 30.

Неоднократно я читал в газетах о том, что в закрытии журнала «Фюзат»* повинен ахунд Чаиртке*. Но читал я и удивлялся. Ведь Чаиртке — это маленькое, слабенкое безобидное насекомое, которое мы все давно хорошо знаем. Это — насекомое — мелкая сошка, у которого нет своей воли. Хозяин приказывает: «Правь в болото!» И ему приходится править.

Теперь давайте посмотрим, почему закрыли «Фюзат».

Сказители преданий, сладкоречивые рассказчики говорят о том, что в некие времена на земле не было никого, кроме аллаха, существовали лишь турецкое и иранское государства. Иранское государство имело конституцию, у турецкого же — таковой не было. Турецкое государство понаблюдало и нашло, что иранская конституция сбивает людей с пути истины. Например, люди опустошают амбары святых отцов; беспокоят ханов с тысячеклетней родословной. Они же прогнали урмийского священнослужителя Хюджат-уль-Ислама; требуют от своего падишаха отчета и не позволяют его визирям продавать страну по своему усмотрению.

Турецкий падишах, увидев такое, рассудил про себя: клянусь аллахом, я не должен допустить, чтобы в Иране окрепла конституция и перекинулась в нашу страну.

Однажды в полночь, тайком, неожиданно для всех турецкое войско перешло границу Ирана, вторглось в Урмийский край и принялось убивать несчастных иранцев, не щадя бедных и сирых, слабых и хворых, старых и малых.

На этом мы остановимся и перенесемся в Баку.

Бакинский падишах*, как и падишах турецкий, очень боится иранской конституции. Он опасался, что иранская конституция перекинется в Баку, сбросит его с падишахского трона. Когда до него дошло известие о нападении турецкого падишаха на Иран, он был на седьмом небе от радости. Несколько дней он провел в размышлениях, затем призвал к себе своего особого советника, посоветовался с ним, после этого возложил коран на голову ахунда Чаиртке и приказал:

— Не теряй времени, немедленно доставь этот коран турецкому падишаху.

Надо сказать, бакинский падишах знал, что у турецкого султана корана не сыскать.

Ахунд Чаиртке поклонился ему, взял коран и взобрался на нефтяную вышку, повернулся лицом в сторону Турции и воскликнул: «Да поможет аллах!»; затем он подпрыгнул и перепорхнул прямо на Иилдыз*, передал турецкому султану коран и доложил, от чьего имени преподнес ему этот подарок.

Турецкий султан отложил коран в сторону и сказал ахунду Чаиртке:

— Садись, пожалуйста.

Чаиртке сел.

Султан приказал своему главному секретарю Тахсин-паше:

— Поддай кальян для ахунда Чаиртке!

Ахунд Чаиртке начал покуривать кальян, а султан завел с ним беседу и спросил:

— Что хорошего в Баку, господин Чаиртке?

Чаиртке ответил:

— В Баку нет ничего особенного, да будет султан здоров!

— А все-таки, — наставлял султан. — Все же, что там у вас, в Баку, примечательного?

— Да будет султан здоров, в Баку очень много нефти, — отвечал Чаиртке, — есть арбузы, мясники, издаются газеты, есть хорошие моллы...

Услышав слово «газеты», султан прервал его:

— Погоди, погоди! Скажи мне, кто выпускает вот этот «Фюзат»?

Молла Чаиртке объяснил турецкому султану, что «Фюзат» выпускает тот самый бакинский падишах, который прислал ему коран.

Султан разгневался, вызвал главного визиря и сказал:

— Передай Джалалу Унсизаде*, пусть принесет одиннадцатый номер этого «Фюзата».

Султан раскрыл «Фюзат» на 162-й странице, положил перед ахундом Чаиртке и приказал:

— Читай!

Ахунд Чаиртке прочел и видит, что на указанной странице написаны следующие слова:

«След за русской революцией в различных частях земного шара самодержавие начало заменяться республикой. В Европе, на Балканском полуострове, принц небольшой Черногории предоставил своему маленькому народу конституционные свободы, в результате чего созвано национальное собрание, то есть собрание представителей народа. На Востоке, в Иранском государстве, положен конец абсолютной монархии, создано национальное собрание, которое открывает перед иранским народом путь к процветанию и счастью. В Индии брамины, буддисты и мусульмане начали борьбу за священные права человека; они вот-вот потребуют провозглашения независимости и конституции. В Африке буры, которые не так давно в результате военного поражения потеряли свою независимость, сегодня вновь добились свобод под английским флагом и начинают управляться с помощью собрания представителей. В другой части Африки египтяне, познав блага свободы, начинают добиваться созыва парламента. Как явствует из сказанного, — нигде, кроме Турции, самодержавие не в силах удержаться, и все это благодаря тому, что самодержавные режимы не способны противостоять ударам русской революции. Бурные потоки свободы со всех сторон захлестывают Турцию, повергая ее в чудовищный водоворот. Несомненно, ладья турецкого самодержавия будет потоплена в этом водовороте, а ее кормчий найдется пред лицом великой опасности. Турецкий султан отлично понимает это. Именно поэтому, когда в России разогнали государственную Думу, в Турции закалывали жертвенных баранов...».

Кочив читать, ахунд Чаиртке сказал:

— Да будет султан здоров, кланюсь вашей дрожащей головой, наш бакинский падишах и знать не знает про эту статью. Наш падишах — человек неграмотный.

Султан дал волю своему гневу, покричал, потопал ногами, затем, успокоившись, взял стил, извлек из кармана листок бумаги, нацепил на августейший нос очки и принялся строчить письмо бакинскому падишаху. Закончив писать письмо, он свернул его вчетверо, передал ахунду Чаиртке и сказал:

— Доставишь этот фирман бакинскому падишаху, который прислал тебя сюда.

Ахунд Чаиртке сказал «гоп!» — подпрыгнул и очутился в Баку.

(С божьей помощью продолжение следует).

«Молла-Насреддин», 18 ноября 1908 г., № 43.

Зайдешь в любую канцелярию и видишь: за рядами столов сидят русские, армяне и представители иных национальностей. Но редко встретишь среди них хоть одного мусульманина, чтобы подойти и сказать о своем деле. Не дай бог, если не знаешь русского языка: так и останешься стоять, хлопая глазами; точь-в-точь как это мы делаем, наблюдая деятельность наших молл на попроще единения. К примеру, как только наши моллы предвидят, что от подобной деятельности им перепадут кое-какие денежки на бозбаш, — трудятся, засучив рукава. Но стоит моллам увидеть, что выгод нет ни на грош, они из кожи лезут вон, чтобы расстронить всякое там единение и согласие, особенно — в школах...

Вернемся к теме.

Не встретив в канцелярии служащего-мусульманина, ты впадешь в уныние и чувствуешь себя чужим и беспомощным. Есть кое-что такое, о чем наши братья-мусульмане хорошо не ведают. Да, плохо не встретить в канцелярии служащего-мусульманина, но порою еще хуже встретить его: увидишь в канцелярии мусульманского служаку и тотчас вспомнишь... красильный чан. Быстро скажите: «Проклятие шайтану!» и постарайтесь забыть про чан. Лучше перенеситесь мысленно в Эривань, в Агдаш, Карабах или еще куда хотите. А пока что давайте поговорим о секретаре Мервского начальника Гамидбеке Карагёзове.

В детстве мы были шалунами. Однажды пришла к нам покойная Молла-Периджихан-хала. Как раз в тот день мы своей шалостью вывели из терпения нашу по-

койнюю бабушку и она, рассердившись, бросила в нас чашку с простоквашей. Чашка разбилась, и брызгами выпачкало пол и стенку. Покойная Молла-Периджахан грамотной женщиной была, совершила паломничество в Кербелу. Ездил и в Хорасан. Говорили, будто она знает все науки; а еще некоторые болтуны смеют утверждать, что наши мусульманские женщины невежественны и забиты... Словом, вошла к нам Молла-Периджахан и, застав бабушку расстроенной, сообразила, что к чему, поняла, что мы набедокурили. Сначала Молла-Периджахан повернула к нам лицо и трижды сокрушенно вздохнула: «Пуф, пуф, пуф!» Потом она обратилась к бабушке:

— Царство небесное твоим родителям, поседела и состарилась ты, так неужто не можешь найти управу на этих сорванцов?

— Клянусь аллахом, валлах-биллах, не могу! — сказала бабушка.

Покойная Периджахан выпрямилась и, размахивая руками, стала кричать:

— Нечего с ними нянчиться! Вели-ка этих черепах окунуть в красильный чан.

Бабушка наша внимательно слушала, а Молла-Периджахан продолжала:

— Завтра суббота, день подходящий! К закату пошли их к красильщику, пусть он хорошенько окунет их головой в красильный чан, мозги вправит! Я вчера в одну книжку заглядывала, там и прочла, что чан — лучшее средство от шалунов и проказников! И расстраивать тебя перестанут, и ты дары аллаха бросать в их головы не будешь.

Назавтра нас повели к красильщику и окунули в чан. Царство небесное тебе и хвала, Периджахан-хала! Да, мы говорили о Мерве.

Недавно мусульманские юноши поставили там спектакль — они играли трагедию «Горе Фахраддина»*. Если мы начнем описывать, как секретарь начальника Гамидбек Карагёзов поиздевался над молодыми театральными, да так подло и жестоко, что у них, как говорится, пошло носом материнское молоко, — вы обвините нас в болтовне. Лишь одного не могу не сказать: если мервских театралов в детстве, как и меня, отучали бы от шалости таким чудодейственным способом, как оку-

нание в красильный чан, то бедняги теперь при виде мусульманских служак-карагёзовых в наших канцеляриях обязательно вспомнили бы все тот же красильный чан.

А пока довольно об этом.

«Молла-Насреддин», 20 января 1908 г., № 3.

Есть один насущный и важный вопрос, которому мы не придаем значения, отмахиваемся: «А, будь, что будет!».

Я говорю о том, что в последнее время не находятся мужья для наших взрослых девушек, ждут они суженых годами — и в конце концов выходят за кого придется, но многие так и остаются сидеть дома, не найдя подходящей партии. (То-то раздолье богатым старикам!).

В чем тут причина? Почему невест стало больше, а женихов меньше? Причина вот в чем. Наши сыновья уезжают, где-то там изучают европейские науки и получают европейское воспитание. Один из них, возвращаясь на родину после учения, привозят с собой, смотря по вкусу, девушку русскую, еврейку или какой-нибудь другой национальности, совершают брачный обряд и берут их в жены.

Другие же молодые люди возвращаются на родину, чтобы здесь подыскать себе девушку-мусульманку и жениться. Но ходит молодой человек, ищет, спрашивает, и в конце концов видит, что нет мусульманки образованной и получившей соответствующее воспитание. Ждет парень еще несколько лет, ждет, но и он тоже, наконец, находит или русскую девушку, или еврейку, или же, махнув рукой — «эх, будь, что будет!» — берет в жены мусульманку.

Итак, парень берет девушку, приводит ее домой и говорит себе: «Может, как-нибудь уживемся».

В один из дней поднимается жена рано утром, собирается одеться и пойти к матери. Муж спрашивает: «Куда ты собралась?» Жена отвечает: «Сегодня ночью

видела сон, пойду к матери и скажу, чтобы она сходила к Молле-Хакверди и попросила его посмотреть в священные книги». Муж говорит: «Не ходи, это напрасная затея, потому что сны ничего не значат».

Жене эти слова не нравятся, она сердится на мужа и два дня с ним не разговаривает.

Проходит еще несколько дней. Муж как-то присматривается и видит, что жена среди бела дня не надевает чулок и ходит с оголенными ногами и в присутствии его брата, и при других посторонних мужчинах; но конечно, само собой разумеется, голову и лицо она прячет под большим платком. Муж говорит: «Неудобно, надень чулки». А жена отвечает: «Ради аллаха, не терзай мою душу, дома не ходят в чулках, человек надевает чулки, когда идет на поминки или в баню».

Такой ответ выводит из себя мужа, и он два дня не разговаривает с женой.

Проходит еще несколько дней. Жена видит, что муж каждый вечер кладет перед собой книгу, читает или берет бумагу, пишет. Время тянется медленно, жену одолевает сон, а муж никак не оторвется от своей книги и бумаг. Подождая еще немного, жена злится, входит к мужу и выговаривает ему следующее: «Эй, муженек, ради аллаха, брось к черту эти книги и бумаги, оставь свое «бу-бу-бу», — поменьше водись с джиннами и шайтанами, душу свою пожалей! Ну, что тут такого ты нашел, что из-за этого лишаешь себя сна? Здоровье свое пожалей, да оторвись же наконец...эх, провались дом того, кто выдумал эти книги!».

■ Это важный, весьма важный вопрос. Если мы этот вопрос оставим нерешенным, ни один наш образованный молодой человек не женится на мусульманской девушке. Нужно найти какой-нибудь выход из этого положения; прямо вот сейчас, немедленно, на завтра нельзя откладывать!

Что касается нас, мы видим два выхода:

1. Один выход состоит в том, чтобы не посылать наших сыновей учиться в Европу; к примеру, молодые люди Неграма и Ордубада свое «образование» получают в Тебризе и, возвратясь на родину, женятся здесь и до конца своих дней живут в мире и согласии.

Или же:

2. Если мы посылаем своих сыновей учиться в Европу, то и дочерей мы должны определять в школу, пусть и они хоть немножко приобщатся к наукам и получат современное воспитание. Мы так понимаем и так говорим. Кто как хочет, пусть так и поймет.

«Молла-Насреддин», 10 февраля 1908 г., № 6.

Все те же слова, все те же.

Стоит взять в руки любую газету — одни и те же слова, все одно и то же. Вот развернем первую попавшуюся газету и прочтем: «Мы веками прозябаем в невежестве! Что мы видели? Чего добились? Когда мы видели радостные дни? Какой мы избрали путь спасения, чтобы и потомков не постигла наша участь? Если иностранцы скажут: «Мы изучили науки и стали образованными, осознали свои человеческие права и уважаем друг друга и, вместо того чтобы убивать, помогаем бедным и нищим, обучаем своих детей наукам и указываем потомкам праведный путь», и спросят нас: «А что сделали вы?» — какими благими деяниями сможем мы им ответить?» и т. д.

Все те же слова, все одно и то же слышим мы, начиная со времени русско-японской войны... Одни и те же слова.

Теперь наш мусульманский брат, прочитав подобное, молча закрывает газету, откладывает ее в сторону и, сокрушенно вздохнув, возвращается к своим делам. И очень правильно поступает, потому что это все в нашем квартале называется «переливанием из пустого в порожнее».

Когда к больному приводят врача, тот первым делом слушает пульс больного, затем прикладывает ухо к его груди и говорит, что у тебя, мол, малярия или ангина. Но если врач ограничится лишь этими словами и покинет больного, не назначив ему лечения, то мы ему и ломаного гроша не дадим; но ежели врач, определив болезнь, даст малярику хину, страдающему ангиной про-

лишет йод, заболевшему холерой — бутин, а кожному больному смажет болячку йодоформом — тогда другое дело. Все эти лекарства являются своего рода ядами, и введенные в организм уничтожают микробы, то есть возбудителей болезни, и человек выздоравливает.

А некоторые наши суесловные витни похожи на врачей, которые, прослушав пульс больного, тут же спешат откланяться и ищут, куда положили свои шапки при входе.

Издравле в тело нашего народа впивались и впиваются миллионы прожорливых микробов, высасывая из него кровь, заражая болезнями. Эти микробы — наш позор!

Одним выкрикиванием слов «свобода, свобода!» нельзя встать на путь освобождения! Нельзя открыть школу, произнося «школа, школа!» — а если и откроется она после этих слов, ничем иным, кроме зубрежки книги «Джамен-Аббаси»*, там заниматься не будут.

Одними словами дела не сделаешь. Надо устранить микробы из организма народа! Нельзя исцелить больного слезами и заклинаниями!

«Молла-Насреддин», 2 марта 1908 г., № 9.

О разрушении селения Тохмахангель, расположенного близ Эривани, мы узнали из газеты «Закавказье»*.

История такова: тридцать лет назад несколько мусульман арендовали клочок городской земли, занялись земледелием, построили себе домики и обосновали небольшое поселение. И вот теперь городская управа приказывает мусульманам: «Уходите отсюда!» Крестьяне говорят: «Помилуйте, ведь мы вовремя и до копейки платим за аренду земли, в чем мы провинились, что вы гоните наши семьи с насиженных мест?» Городская управа отвечает: «Гоним, потому что так нам хочется».

Мусульмане просят дать им время и возможность найти место, куда бы они могли переехать и разобрать своими руками подпорки, стены, окна и двери лачуг с тем, чтобы перенести на новое место. Управа не разрешает и посылает к ним своих людей, которые и стирают с лица земли деревню.

Мусульмане бегут в Эривань, чтобы позвать на помощь эриванских мусульман, и видят, как молодые бекские и ханские сынки на фаэтонах отправляются на вокзал встретить русских девушек, прибывающих из Тифлиса, чтобы поехать с ними повеселиться. Крестьяне идут с протянутыми руками к кушчам и к гаджи-мешади, но те встречают их со словами «катитесь отсюда!»

Бегут крестьяне на мечетскую площадь и видят, что мусульмане устремляются в мечеть. Наши крестьяне следуют за ними в Голубую мечеть в надежде найти милосердие и совет.

Проповедник городской мечети избирается на минбар и, обратив лицо к правоверным, вещает:

— Судьба некоторых мусульман predeterminedена созвездием Ближнецов в знаке Зодиака, а это означает, что им суждены счастливые дни, полные довольства и радости, но с условием: нельзя делиться ни с кем своей печалью, ибо избавление от всех бед — в руках всевышнего и ни одному смертному не под силу выводить ближнего из беды, и потому нет надобности просить о помощи у других!

Тохмахангель снесли. Говорят, в тот день шел сильный дождь и было холодно. Женщины, прижав к груди младенцев, высыпали на улицы, маленькие дети босиком, дрожа и плача, брели по грязи.

Эриванские мусульмане лучше нас знают о случившемся. И нам нечего добавит к этому. Мы лишь хотели бы сказать пару слов мусульманам, живущим в других городах: крестьяне вдоль и поперек исходили Эривань, обращались за помощью к каждому мусульманину и все, точно сговорившись, гнали их: «Убирайтесь, какое нам дело до вас?»

Вот в настоящее время в Эривани имеется много правочерных и почтенных мусульман, которые осторожно заворачивают в бумагу наш журнал «Молла-Насреддин» и, остановив проходящего мимо молодого человека, просят: «На, возьми, прочти-ка нам, что пишет Молла». Молодой человек удивляется: «А почему сами не прочтете?» Правочерный отвечает: «Поганый он!»

Я не могу вспомнить ни одного народа, который безропотно взирал бы со стороны на то, как на его глазах разрушают деревню, где живут братья, и выгоняют на улицу женщин и детей.

И до этого мы дожили!..

«Молла-Насреддин», 30 марта 1908 г., № 11.

Слава аллаху, благодаря козням шайтана в Гяндже создалось такое положение, что мусульмане хотят бежать из города куда глаза глядят.

А все дело в том, что недоброжелатели донесли правительству будто мусульмане горных деревень к югу от Гянджи запрятали много оружия и продовольствия, чтобы в случае войны передать все это турецким войскам. Прибывшие по этому доносу правительственные войска обшарили мусульманские деревни, перерыли даже кладбище, но ничего не обнаружили.

Слава, слава аллаху!

Мы от всей души благодарим аллаха за то, что на головы мусульман обрушиваются такие неприятности.

Сладкий сон имеет свои особенности: кто крепко спит, того словами не разбудить. Другое дело, пнешь раз — зашевелится, пнешь еще — откроет глаза, а после третьего пинка, глядишь, и на ноги встанет.

Если бросим взгляд на историю, то увидим, что пробуждение большинства народов земли произошло по способу «пинка».

Возьмем, к примеру, китайцев.

Четыре тысячи лет наши китайские братья сладко спали. В двести шестом году до христианской эры китайцы построили вокруг своей страны высокую и широкую стену, чтобы чужеземцы не смогли нарушить их сладкого сна, ибо они знали, что стоящий бык всегда наступает копытами на голову быку лежащему.

И мы, мусульмане, воздвигли вокруг себя стену. — мы считаем весь мир оскверненным, а сами себе кажемся благоухающими цветочками и не желаем перейти через стену и посмотреть, что творится на свете.

Но мы всегда забываем, что возведенная нами стена — это всего-навсего забор для нас самих, и что чужезем-

цы, легко перешагнув через него, затопчут ногами нас, спящих.

Так и случилось с Китайской стеной.

Построенную миллионами людей Китайскую стену впервые преодолел в тысяча двести восьмидесятом году христианской эры Чингисхан, войска которого затоптали спящих китайцев.

Это был первый пиннок, от которого зашевелились спящие.

Затем в тысяча шестьсот сорок четвертом году маньчжурские племена вторглись в китайские земли и опять намяли бока китайцам.

После второго пинка китайцы открыли глаза.

Третьим пинком их наградили японцы, которые в тысяча восемьсот девяносто шестом году пошли на китайцев войной и смяли их.

И лишь после этого третьего пинка китайцы встали на ноги. Теперь же они, очнувшись, стали так быстро двигаться вперед, что все европейские государства съезжились от страха.

Именно поэтому мы от чистого сердца благодарим всевышнего за доносы гянджинских шайтанов и за те беды, которые обрушились на наши головы благодаря этим доносам. Может быть, подобные пинки помогут нам прозреть, открыть блаженно-незрячие очи. Может быть, с легкой руки гянджинских недругов мы раскроем глаза и увидим, что в нашей стене расплодился паразиты, порожденные плесенью и нечистью, и уже тысячелетия пьют нашу кровь, может быть, мы увидим, что в каждой деревне, в каждом городе объявился свой «пророк», сдирающий с нас шкуру, может быть, мы увидим, как гахайские гаджишейх-мухаммеда, арешские самеды, шемахинские гамид-паша, кюрдамирские шейх-мустафы, уста-сулейманы, гянджинские сенды, кубинские шейх-махмуды, «святые профдохи в Казахе, Шехи, Дагестане, именуя себя «шейхами», очищают карманы наших мужчин, а наших молоденьких девушек берут себе в жены и держат под замком.

Именно поэтому мы тысячу раз благодарим аллаха за те мучения, которые причинили мусульманам гянджинские шайтаны. Покуда глаза закрыты, ничего нельзя увидеть. Но стоит их раскрыть, как можно увидеть очень и очень многое.

3 а последнее время в некоторых мусульманских газетах попадаются статьи о западных женщинах*.

Судя по содержанию этих статей, все западные женщины лишены стыда и чести, или, говоря иначе, все они — нечто вроде проституток.

Мне на это возразить нечего, ибо и я знаю, что европейские и американские женщины испорченные. Но иногда я все-таки думаю: а, может быть, среди этих женщин найдется хоть одна или две порядочные женщины.

Но, судя по статьям наших новоявленных философов, найти такую женщину среди европейцев невозможно.

Я воздаю хвалу аллаху за то, что благодаря нашим новоявленным литераторам глаза мои прозрели, и я узнал многое из того, что мне раньше не было известно. Я понял, что мои представления о западных женщинах неверны; знания мои о них были ошибочными.

До сих пор мне казалось, что, хотя все западные женщины испорченные, все же среди них нашлась одна хорошая французская девушка по имени Жанна д'Арк*, которая с саблей в руке защитила от нашествия врагов свою родную Францию.

Жаль, как жаль! Теперь становится известно, что и она была непотребной девкой! В один из дней 1885 года молоденькая болгарская учительница* с красным флагом в руке вышла на площадь и своей патристической речью так воодушевила болгар, что в течение двух-трех часов вокруг нее собралось свыше двадцати тысяч

добровольцев, которые напали на турецких чиновников, прогнали их из страны, и Румели*, выйдя из-под турецкого владычества, воссоединилась с Болгарией.

Жаль, очень жаль, что и она, по словам наших журналистов, тоже была распутницей!

До сих пор мне казалось, что, хотя русские женщины порочны и неверны, все же среди них были такие, как Волконская или Трубецкая*, и они в какой-то мере оказались верными своим мужьям, когда правительство сослало их мужей на каторгу в Сибирь. Они с большими трудностями и мучениями добились разрешения у русского царя последовать за своими мужьями в Сибирь и всю жизнь провели в страданиях и лишениях, скитаясь вместе с мужьями по сибирским острогам. А между тем каждая из них, будучи дочерью знатных и богатых людей, могла развестись с мужем и выйти замуж за другого; русские законы, как известно, дают право на это.

А теперь оказывается, что и они были проститутками!

Жаль, очень жаль!

Я знал, конечно, что западные женщины не имеют стыда и чести, но мне казалось, что и среди них найдутся тысячи женщин, которые трудятся на поприще науки, просвещения и составляют гордость своего народа. Если начать перечислять их имена, пришлось бы напечатать толстую книгу!

Да, но зачем нам все это? Ведь я же глубоко ошибаюсь! Теперь наши философы доказывают, что западные женщины, все до единой, являются проститутками.

Ах, ах!!! Я, оказывается, и понятия не имею о том, что творится на свете!!!

Я помню, что в Европе много говорилось об «эмансипации» женщин. И говорилось не только в газетах, — этот вопрос обсуждался европейскими учеными, об этом написаны толстые книги. На все европейские языки переведены сочинения известных философов Канта и Джона Милля по женскому вопросу.

И, сопоставляя сочинения европейских философов с писаниной наших мусульманских философов, видишь нечто такое, о чем и хочется сказать:

Во-первых, на Западе об эмансипации женщин пишут известные европейские и американские философы, книги которых переведены на несколько языков, а наши

писатели, совершающие свои открытия в женском вопросе, — это лавочники и проповедники, и имена их толком не знают даже на той улице, на которой они живут.

Во-вторых, европейские философы, рассматривая женский вопрос, говорили о женщинах многих народов, но ни об одной из них не высказывались оскорбительно, а писания наших философов от начала до конца состоят из неуважительных, оскорбительных выпадов против западных женщин.

В-третьих, когда читаешь сочинения европейских ученых по женскому вопросу, видишь, что эти бестии рассказывают тебе обо всех уголках мира; а когда читаешь то, что пишут наши философы, кажется, что они, кроме нескольких пьяных женщин, разгуливающих ногами по темным улицам Баку и Тифлиса, никаких других не видели.

Определенно, не видели!

Вот и все!

Много словне — привычка у Лаглаги. Вот и сейчас мне осталось сказать еще кое о чем, но буду краток: молле к лицу разглагольствовать о потустороннем мире и о «сомнениях», а философия — дело философов.

Верно сказал покойный Агехи:*

Эти вещи неприятны, неважны Агехи:

Вадор неведжы о науках, бред о музике — профана.

«Молод-Насреддин», 13 апреля 1907 г., № 15

ЧЕРЕПНАЯ КОРОБКА

(О событиях в Иране)

Читая книги, выпускаемые иранскими издательствами, я всегда твердил, что эта нация не способна управлять своей страной. Но мне неизменно говорили, что «это не так».

Всегда, читая брошюры и календари, выпускаемые в Иране, я твердил, что нация эта не способна защищать свою родину от врагов. Но мне упорно говорили, что «это не так».

Я и сейчас повторяю свои слова об иранцах. Но эта мысль не нова, она стара, как мир, хотя многие и не соглашались со мной, но я надеюсь, есть немало и таких, которые подтвердят мои слова.

И так как эта мысль не нова, я не хочу останавливаться на ней и разжевывать ее. Оставим старые речи, тем более, что мне в голову пришла новая идея. И я хочу сообщить ее уважаемым читателям.

Почему Иран докатился до нынешнего положения? Основная причина в том, что иранцы, ложась спать, не снимают с головы папаху, и постепенно их черепные коробки делаются меньше. А медицина утверждает, что с уменьшением черепной коробки уменьшается и количество мозга, а с ним заодно убывает и разум. Вот мы и пришли к вопросу «о папaxe».

Если даже кое-кому этот вопрос и кажется мелким и не заслуживающим внимания, мы считаем нужным со всей смелостью и прямотой заявить: политики нашего времени, обсуждая нынешнее положение в Иране, ни на минуту не должны забывать вопрос «о папaxe».

И, если некоторым лицам этот вопрос покажется маловажным, мы со всей смелостью можем сказать им,

что политики нашего времени при обсуждении иранских событий и на йоту не должны отступать от вопроса «о папaxe».

Известно, что, по сравнению с другими народами, мусульмане носят самые большие папахы в мире и не снимают их ни в летний зной, ни ночью, ложась спать. Величина, вес и форма мусульманских папах хорошо известны друзьям Молла-Насреддина и потому излишне докучать всем многословием.

Но хотелось бы поразмыслить о том, с какого века и при каких обстоятельствах утвердился среди мусульман обычай носить такие папахы.

Некоторые предполагают, что пристрастие мусульман к большим папахам зародилось с того времени, когда дети стали учить коран. Когда появился коран, моллы, поправляя детей, ошибавшихся при чтении сур корана «алиф-лам» и стихов «хатамаллах», били пятерней по их башкам, и дети вынуждены были надеть папахы, чтобы удар молл не причинял сильной боли. Но если обратимся к истории, то увидим, что это предположение лишено оснований, потому что еще с древних времен персы носили большущие папахы и не снимали их ни летом, ни ложась спать.

Историкам должно быть известно, что знаменитый греческий историк Геродот в четырехста пятидесятом году до рождения Христа совершил путешествие по Египту и по толщине черепной коробки опознавал убитых в войне с египтянами персов. Путешественник объяснял уменьшение черепной коробки персов влиянием больших и тяжелых папах. Это второе мнение подтверждают более древние источники, памятники старши и историки.

И вот, видя нынешние дела, я порой думаю: открой любящую иранскую газету и, несомненно, там прочтешь такое:

«Караул! Отстаем! Догоняй другие народы! Братья, друзья, давайте изучать науки, идти вперед, чтобы не быть под пятой у других наций!»

Хорошие это слова! Но одного здесь не хватает: надо бы нам думать и об укреплении черепных коробок, чтобы наука, которую мы будем изучать, не выветрилась из наших голов.

Да, вопрос «о папaxe» — не из легких.

«Молла-Насреддин», 28 апреля 1908 г., № 17.

Если чувал уже старый, он начинает рваться и расплзаться то с одной стороны, то с другой.

— Слушай, чувал продырявился, подавай шило, зашью.

Залатаешь одну дыру, а там, глядишь, в другом месте образовалась дыра, и вновь сыплется просо из чувала.

— А ну-ка, подавай мне шило!

И эту дыру зашиваешь. Поднимаешь мешок, навьючиваешь осла, и снова, глядишь, струйкой течет на землю просо.

— Эй, не гони осла! Да стой же! Опять продырявился чувал!

— Стой, стой! Тыфу ты! Все просо рассыпалось!

Чувал турецкого государства прохудился настолько, что не бывает дня, чтобы там не образовалась новая дыра. Ничего не поделаешь — сгнил чувал. Вот и теперь из вновь образовавшейся дыры вот-вот выпадет остров Самос.

— Эй, подавай шило, зашью дыру.

Но напрасен труд, потому что чувал стар, а в старом чувале держать просо трудно. Население острова Самос — греки. Хотя нация эта относится к «нечистым», к «гяурам», но у нее высокая культура, и она старательная, трудолюбивая. И эту нацию можно удержать только в новом и добротном чувале.

А в современном турецком чувале греки не удержатся, потому что чувал уже гнилой.

В турецком государстве могут жить безропотно и тихо только сами турки. И причина в том, что рванный чувал удерживает лишь траву и чертополох. А просо и пшеницу в нем удержать нельзя.

Короче говоря, нация, которая считает возможным для себя жить под властью султана Абдулгамид^а, — должна раз и навсегда отказаться от своей чести и человеческого достоинства.

Вынести турецкое правление, жить в султанской империи могут лишь турки и подобные им мусульмане. Потому что в старом и дырявом чувале можно удержать лишь полынь и солону. А армяне, славяне, греки и другие подобные им нации скорее готовы будут погибнуть, нежели быть под владычеством такого правителя, как султан Абдулгамид. А вся премудрость в том, что, как ни старайся наполнить рванный чувал просом или пшеницей, — все равно ничего не получится, будет высыпаться то из одной, то из другой дыры. Захочешь зашить одну дыру, взамен появятся две, потому что чувал гнилой.

— А ну-ка дай шило, зашью дыру!

Зашьешь, а там, глядишь, — новая дыра. А все потому, что чувал прогнил.

«Молла-Насреддин», 26 мая 1908 г., № 21.

Сейчас в Тебризе царит голод, люди мечтают о куске хлеба. Воду от мельниц отвели, чтобы мельницы замерли. Город окружен конными стражниками, движение всюду приостановлено. Погибли семьи сторонников конституции, уцелевшим удалось найти убежище в Армении. Разрушены и разграблены кварталы Бегмешэ, Биланку, Пюрсанку, Хябан, Барчай, Маральян.

На это есть причина.

Не знающие обстоятельств дела могут подумать, что тебризская война — это война политическая, т. е. могут подумать, будто сторонников конституции — меньшинство, поэтому их давят, а сторонников падишаха — большинство, поэтому они берут верх и побеждают. Это вовсе не так.

В Иране есть всего несколько человек сторонников Мамедали-шаха*, которые поддерживают его исключительно в своих личных, корыстных целях. Одни получили взятки, другие — обещания, потому-то они и поддерживают шаха. В Тебризе это — Гаджи-Мирза-Гасан, муджтехид Имам-Джума, Мир-Хашим, меняла Гаджи-Ибрагим, Гаджи Мир-Мааф, Гаджи Низамудовле, Шуджан-Нязам, Гаджи-Фарамаз, Саргам, Лоту-Кязым, Лоту-Гасан, Лоту-Аскер*. То есть в Тебризе живет всего двенадцать человек сторонников шаха. В Тегеране — не больше.

Однако мы видим, что жители Тебриза громят кварталы сторонников конституции, а их самих топят в крови.

Пусть никто не говорит будто цель нападающих — уничтожить врагов падишаха и восстановить старые по-

рядки. Ничуть не бывало. Кроме перечисленных нами двенадцати человек, в Тебризе нет ни одной души, которая желала бы подобного.

Тогда что же за катавасия?

Если хорошо разобраться во всем этом, мы узнаем, что некий Гаджи-Мирза-Гасан заверил мусульман, которые поедают травы в лесах Тебриза, будто все сторонники конституции являются бабитами. И все тут «Отец учил: иди вслепую, бей напрападую».

— Эй, держи!.. Хватай этого сукина сына бабита!

— Бей!.. Держи!..

— Хватай!.. Не упусти!..

— На, вот тебе!.. Бейте этих бабитов!

— У-р-р-а-а!.. У-р-р-а-а!..

Такова суть тебризской катавасии.

Иначе и не могло случиться. Например, мне говорят, что какой-то человек — бабит, то есть — вероотступник. Разумеется, я буду знать, что этого человека необходимо убить. И все! Неужто я дам себе труд разбираться, действительно ли он бабит? Зачем же мне мешкать, раздумывая о какой-то свободе совести!

Милейший, свобода совести и квартал Девечи — вещи несовместимые.

Такие штучки у нас не пройдут — и точка. Вот вам суть тебризской заварухи.

Муджтехид, гм-гм, муджтехид...

На глазах у Гаджи-Мирза-Гасан-аги тысячи мусульманских семей бежали в Армению и нашли убежище в домах иноверцев. А управляющий русского банка Бидолович пожертвовал пять тысяч туменов, дабы голодные мусульманские семьи, оставшиеся без крова, получили по куску хлеба и не погибли от голода.

В прошлом мы писали о том, что муджтехиды в сырую погоду, когда на улицах грязь, взбираются на спины носильщиков. За это муджтехиды обиделись на нас. А теперь мы хотим, чтобы все увидели муджтехид Гаджи-Мирза-Гасана. Пусть люди узнают, что на свете существуют подобные проходимцы и бандиты.

Весь одну я слышал, да не верится.

Газеты сообщают, что живущие в Тифлисе иранцы послали отсюда в Стамбул телеграмму султану Абдулгамиду*, в которой молятся за его благополучие. Услыхав об этом, я крайне удивился.

И вот почему:

Во-первых, сколько бы я ни думал, не смог вспомнить ни одного благодеяния султана, за что бы он был достоин молитвы, перелистал все газеты, в надежде отыскать хотя бы одно доброе дело султана, но ничего не нашел;

во-вторых, никак не укладывалось в голове, что за султана молятся именно иранцы; потому что в эти самые минуты войска султана, его воины курды и разбойничьи отряды вторглись в Иран, грабят и рушат его деревни.

Наконец я встретил одного приятеля иранца и спросил:

— Правда ли, что вы послали султану благодарственную телеграмму?

— Да, правда, — ответил мой собеседник.

— По какому это поводу?

— Как это по какому поводу? Султан провозгласил конституцию.

Я опасюсь, как бы не нашлись еще у нас люди, обманутые незнанием истинного положения дел, и не послали бы, по примеру тифлиских иранцев, телеграмму в такую даль самому султану, и потому считаю своим долгом изложить суть дела.

Конституция провозглашена десятого июля сего года

в Салониках младотурками, а не султаном Абдулгамидом. Едва эта весть дошла до султана, как он услышал, в довершение всего, что третья армия идет на Стамбул, грозя разрушить город и взять его самого в плен. Днем позже, одиннадцатого июля, пойдя на хитрость, задумав обмануть народ и «задобрить» армию, султан объявил конституцию. Но он забыл, что «камень, брошенный вслед, угодит в пятку». Не знал, что ему, кроме тифлиских иранцев, никого провести не удастся.

Вот какова подоплека принятия турецкой конституции.

Но об одном горько сожалею я.

Ах, бедные, несчастные, одуроченные и обманутые! Мне очень жаль малых детишек, чьи отцы, как представители народа, придут в Стамбул на национальный меджлис, а их дети будут ждать, когда им через месяц, а то и через год, привезут из Стамбула красивые фески с султанчиками.

Да, мне очень жаль первых депутатов первого национального меджлиса Турции, потому что я напуган, — ведь своими глазами видел, чем кончаются подобные меджлисы. Где не услышишь о созыве национального собрания, так заранее знаешь, чем это кончится.

И до сих пор я не могу понять: чего ждут иранцы от султана?

* «Молла-Насреддин». 21 июля 1908 г., № 29

Газета «Хаблюль-метин», выходящая в Калькутте на персидском языке, пишет в третьем номере, что султан Абдулгамид не простой смертный, а некое божество; пишет, что султан Абдулгамид может считаться и действительно считается одним из первых среди мировых политиков; газета пишет, что «хотя европейцы считают султана Абдулгамид тираном и противником конституции, но подобный султану конституционалист еще не являлся в мире».

Вне сомнения, каждый иранец, читавший третий номер газеты «Хаблюль-метин», не станет сомневаться в том, что султан Абдулгамид — ангельская личность, первый политик в мире и истый конституционалист.

Может быть, газета «Хаблюль-метин» и права, но в связи с тем, что она не приводит в подтверждение своих слов никакого довода, мы считаем необходимым внести некоторую ясность в дело и кое-что объяснить читателям.

С тех пор, как султан Абдулгамид воссел на престол, турецкая империя стала распадаться на клочки и пришла в упадок. Мы это ясно видим и знаем, потому что она расположена недалеко от нас. А «Хаблюль-метин» этого не видит и не знает, потому что расстояние между Калькуттой и Стамбулом велико.

Но мы все же подтверждаем, что равногу султану политика в мире не сыскать. Это доказывается тем, что, грабя и разоряя страну, он сумел завоевать столь пылкую любовь в мусульманском мире, что даже в захудалой нашей Нухе и Шемахе мусульмане, слышав имя султана, тотчас же поднимаются на ноги.

Нет у нас возражений и насчет того, что султан является конституционалистом. Как же пойдешь против истины? Правда, по приказу султана в темницы заточены и гибнут тысячи лучших сынов народа, но их стоны, конечно, не могут дойти до Калькутты, потому что расстояние велико. Но мы-то слышим и знаем об этом, потому что Турция — рядом.

«Лично от своего имени и по данному мне поручению иранских республиканцев выражаю свою низжайшую признательность Его Величеству султану за его великодушные и священные дары нам...»

Это пишет «Хаблюль-метин», потому что бедняга и впрямь думает, что турецкую конституцию создал и провозгласил султан Абдулгамид.

Как горько, что газета, заслужившая уважение читателей-иранцев, очернила свои страницы вышеуказанными строками.

Льстить властелинам, — занятие религиозных расказчиков, таких, как Мирза-Дадн. Но это не к лицу газете «Хаблюль-метин».

«Молла-Насреддин», 25 августа 1908 г., № 34.

Погода никогда не остается неизменной. И вообще на свете нет ничего, чтобы не претерпевало изменений. Летом дождей не бывает, обычно стоит хорошая погода. Но вот наступает осень, постепенно небо затягивают черные тучи. Затем небо вновь проясняется. Но придет время, когда черные тучи вновь закроют небо.

Кажется, летний сезон младотурок идет к концу. И он не мог не миновать, ибо на свете ничто не вечно, и нет ничего такого, чтобы в один прекрасный день не изменилось.

Я прочел в газете «Вагт» о том, что шейх турецкого султана, тот самый шейх Абульхуда, который сейчас находится в заключении, заявил младотуркам: «Если вы не освободите меня из тюрьмы, я с помощью заклинаний уничтожу конституционную монархию и возвращу назад прежний режим!»

Это заявление — дело нешуточное, им нельзя пренебрегать.

Прочитав в газете «Вагт» это сообщение, я встал, подошел к окну и заинтересовался, какая погода. Правда, небо пока не было безоблачным, солнце грело, как осенью, но вот к вечеру подул холодноватый ветер. В конце августа после такого ветра погода часто внезапно изменяется, становится пасмурно.

Шейх Абульхуда несколько не ошибается: уничтожить мусульманскую конституцию — дело какого-нибудь часа. Я хочу представить себе, что намерен предпринять достопочтенный шейх. Наверное, в один прекрасный

день шейх Абульхуда возвестит туркам о том, что младотурки и все сторонники конституции — вероотступники-бабиты, а сама конституция противоречит шариату.

Не дай бог, чтобы шейх Абульхуда произнес подобные слова! Но если он их произнесет, известно, что может случиться.

Если же кое-кто захочет возразить мне и скажет: «Ничего не произойдет, и пусть, мол, шейх Абульхуда произнесет, что ему угодно, — ход событий в Турции не повернется вспять», — вот в таком случае я попрошу этого человека выставить свои доводы и объяснить мне, какая разница между Тебризом и Стамбулом?

К черту эту проклятую осень! Затягивается и конца не видать. А после осени наступает зима, тоже пора унылая.

Что касается весны, один лишь аллах ведает, когда она грянет.

«Молла-Насреддин». 25 августа 1908 г., № 34.

Настала осень. Начались занятия. Неплохо бы поговорить о наших учителях.

Если кто-нибудь через сто лет заинтересуется школьными делами кавказских мусульман, для них можно написать несколько следующих строк.

Сейчас на Кавказе нет ни одной мусульманской школы, где бы среди учителей не было одного-двух наставников с чалмой на голове. Что касается положения в государственных школах, то и в них, если часть учащихся мусульмане, найдется хотя бы один учитель в чалме.

Некоторые из этих учителей с чалмой — приходские моллы, но большинство — кази и члены духовного совета, то есть все они — служащие, получающие жалованье от духовного управления. Эти учителя с чалмой, все как один, влиятельные в своих кругах люди.

Помимо того, что они считаются официальными служащими духовного управления, они ко всему этому являются также проповедниками и марсияханами. Известно также, что все наши собрания, печальные или радостные, не обходятся без них.

Помимо этого, каждый из них состоит учителем в одной или двух-трех школах.

Нельзя сказать, что эти учителя в чалме много зарабатывают своей учительской деятельностью. Например, в деревне Данабаш молла Таркули зарабатывает в школе в месяц семьдесят две копейки.

Уроки, которые дают моллы, везде одинаковы и нет в этом отношении разницы между теми, кто получает меньше, кто больше.

Молла приходит на урок, когда ему заблагорассу-

дится. Захочет — придет, не захочет (или некогда) — не явится. Во время уразы и мухаррама моллы не приходят в школы, так как во время ярмарки они перегружаются чересчур. Не приходят в школы и в том случае, если им надо идти в дом умершего, или они должны скрепить брачный договор, или совершить церемонию развода, или они приглашены в гости, или на поминки, или читать марсия. Короче говоря, есть еще тысячи важных дел, которые дают им повод не приходить в школу. Но жалованье в школах они получают во всех случаях. К примеру, бакинский молла Рухулла-Эфенди постоянно бывает в своей мечети, на минбаре, и в то же время он является учителем в двух городских школах и в школе «Саадат». В городской школе из семидесяти пяти уроков в год, которые он должен провести, он пропускает сорок пять уроков, имея возможность присутствовать только на тридцати уроках.

Что он, бедняга, может поделывать? Не разорваться же ему на части!

Уроки, которые они дают, везде одинаковы: первый раздел — как совершать намаз, второй раздел — рассказ об Овдж-ибн-Унгюне*, третий раздел — как во время молитвы переносить тяжесть тела на левую ногу.

Везде одно и то же, будь то селение Данабаш, или медресе в Ордубаде, или гимназия в Тифлисе, или духовные школы в Баку:

На сей раз хватит.

«Молла-Насреддин». 8 сентября 1908 г., № 36,

Ш айтан, шайтан, шайтан...

Куда бы ни ступила нога мусульманина, что бы он ни сделал — всюду и везде — шайтан. Ни в одной точке земного шара, ни у какого народа шайтан не так моден, как у нас, мусульман. Имя шайтана не сходит с наших уст, им наполнено все наше существо, думы и дела наши, он в мечетях и на минбарах, в домах и улицах, где мы живем.

Представьте себе, что наступил месяц рамазан. Праведник взбирается на минбар и, сотворив молитву за упокой души наших ханов, богачей, кулаков и кочи, скажет непременно:

— Да проклянет аллах шайтана!

Малых детей пугают домовыми и лешими, а мусульман с самых малых лет пугают шайтаном, чтобы они не убивали ближнего и не крали друг у друга кур.

Когда дети по ночам просыпаются и начинают плакать и капризничать, иные матери не хотят лишиться сладкого сна, чтобы накормить их грудью; узнать, что мучает младенцев — может, они голодны, может, блохи их кусают, или что-нибудь болит у них. Ленивые матери прибегают к помощи шайтана и пугают им детей, чтобы те умолкли. Дети и вправду умолкают и до пятнадцати лет думают, что есть лешие, которые по ночам ходят по домам и забирают плачущих детей в темные дремучие леса... И взрослые так думают...

С незапамятных времен мусульманин предполагает, что у него есть враг по имени шайтан, который только о том и помышляет, чтобы сбить его с праведного пути

В представлении мусульманина шайтан — хитрое соз-

дание с колпаком на макушке, ну точь в-точь какой надевают дети в Нахичевани; кончик колпака острый, и с него свисает колокольчик; носит шайтан короткую одежду, имеет хвост. Взгляд его полон вероломства и хитрости, а один глаз — слепой.

Как-то решил слепой шайтан свергнуть в грех некоего благоверного из еврейского племени по имени Бер-Сиса. Долго думал шайтан, как это осуществить, и придумал: устроил так, что заболела одна девушка, и он сказал ее родителям, что вылечить их дочь может только тот самый благоверный. Повели ее к Бер-Сиса, а проклятый шайтан влез ему в душу и толкнул на грех.

И еще рассказывают: собрали в Стамбуле иранские и кавказские свободолобцы пятьсот лир, чтобы послать тебризской бедноте и думали с помощью купца-грека по имени Гастилла отправить по назначению; но слепой шайтан явился в обличье двух людей (один из них был Гаджи-Гасанали, а другой был мелким торговцем) к Гастилле и шепнул ему на ухо, что на эти деньги будет куплено оружие для революционных войск Саттархана*, припугнул купца, сказав, что «сообщим об этом Рахимхану», и он разорит твой дом и контору в Тебризе», и тем самым помешал отправке собранных денег в Тебриз.

Другие нации остерегаются врагов, а мусульманин опасается шайтана; когда другие боятся встретить в лесу медведя, мусульманин думает о сказочном чудовище — диве; кто остерегается волка, а мусульманин — лешего; инородца темнота не страшит, а тридцатипятилетний удалец-мусульманин дрожит при одной мысли о джине. Мусульманин боится всего на свете — джина, змеи, темноты, чиха, шайтана.

Мусульманин, призывая на помощь аллаха, говорит: «О всевышний, защити и сохрани меня от шайтана!» или «О всевышний, отведи от меня козны шайтана!»

Пусть «Тот же человек» из газеты «Тарагги»* не подумает, что речь здесь идет о Карабахском или Нахичеванском шайтане, — нет, совсем о другом шайтане говорю я. Моя речь — о слепом шайтане; у него острокопечный колпак с колокольчиком, о нем говорится в мусульманских книгах. Это тот самый слепой шайтан, который недавно затеял «тяжбу молл» в деревне Караязы, закончившуюся тем, что оба моллы отправились в Тиф-

лис, и каждый из них на спине притащил три огромные головки сахара. Один тащит свою кладь в консульство, другой — к шейх-уль-исламу.

Да пошлет аллах проклятие шайтану!
Это будет не скоро!..

«Молла-Насреддин» 15 сентября 1908 г., № 37

Если понаблюдать со стороны, сразу заметишь, что некоторые наши мусульмане на Кавказе, немного подучившись, русскому языку, всегда пишут по-русски. Можно подумать, что они не изучали мусульманский язык*; а потом выясняется, что изучали, притом основательно, многие по десять лет учились.

Того, кто хочет уличить меня во лжи, прошу внимателен — он не вправе называть меня лгуном.

Все мусульмане, окончившие русский университет, пишут по-русски; даже письма матерям они пишут по-русски. Пока оставим их в покое — к ним у меня никаких претензий нет. Они по-русски учились больше, чем по-мусульмански, и потому больше привыкли мыслить и писать по-русски, нежели по-мусульмански. Пишут по-русски выпускники средних русских школ и все учителя; те, которые не имеют мусульманского образования и те, которые учились по-мусульмански пятнадцать лет. Даже преподаватель тюркского языка, ежели он три года учился по-русски, пишет своему товарищу письмо на русском языке.

Короче говоря, мусульмане, проучившиеся десять лет по-мусульмански и три года по-русски, пишут друг другу письма на русском языке.

Положим на стол в какой-нибудь комнате или читальном зале две газеты: одну — на тюркском, другую — на русском языке. Если туда войдет мусульманин, который учился по-русски столько же лет, сколько по-тюркски, он прежде всего возьмет в руки русскую газету, чтобы узнать, о каких новостях в ней написано.

Даже если туда войдет мусульманин, который пять лет учился по-русски, а семь-восемь лет по-мусульмански — и тот прежде всего прочтет русскую газету.

Я уже не говорю о книгах: мусульмане, имеющие в одинаковой степени русское и мусульманское образование, сто раз в год берут в руки русскую книгу и, может, один раз раскрывают книгу на родном языке и, то не успев узнать, как она называется и кто ее автор, издают пренебрежительное «эх!» — и, отложив книгу в сторону, начинают искать папиросу и спички.

Но пусть никто не думает, что я пытаюсь обвинять в чем-то подобных молодых людей.

Все в мире идет своим чередом: вода всегда стекает в низину, у голодного при виде хлеба текут слюнки, снег тает от тепла, в зимние холода каждый норовит залезть с головой под одеяло, а усталого одолевает сон.

Русские говорят: «Насильно мил не будешь...».

Каждый делает то, что ему нравится и дается легко. Армяне, грузины, русские, поляки и другие народы — все они по сравнению с нами больше пользуются своим языком и письменностью. Но не потому, что у них больше пристрастия к своему языку, чем у нас. Правда, среди нас есть еще и так называемые «половинчатые», которые, говоря по-русски, смотрят по сторонам, чтобы не упустить, если какой амшари или носильщик, глядя на него, удивится и подумает: «Ну и силен!».

Но вместе с тем, самая первая и главная причина всего этого состоит в том, что писать и читать по-мусульмански очень и очень трудно; эта трудность превращает наших малограмотных мусульман в неграмотных и изнуряет, изматывает силы очень грамотных мусульман.

Мы просим наших читателей — гаджи, мешади и кербелаев — простить нас. Наши слова к ним не относятся. Ибо поскольку они не в дружбе с русским письмом, мне и в голову не придет мысль о том, что они в состоянии понять, о чем, собственно, идет речь.

Почему мусульманские газеты мало читаются? Почему же, если на Кавказе в течение года выходят из печати две мусульманские книги, книговладельцы сле-

шат зимою растопить печь именно этими книгами! Не подумайте, что я шучу!

«Тарагги», «Таза хаят»* и «Молла-Насреддин», выходящие на Кавказе, имеют не более шести-семи тысяч читателей. Но на этом же Кавказе среди тех же мусульман есть более семи тысяч молодых людей, которые читают русские газеты. Через десять лет число людей, читающих по-мусульмански, еще более сократится, а число людей, читающих по-русски, возрастет в пять раз. А через тридцать лет будет так: каждый, кто будет искать газету, чтобы узнать новости о балканских делах, не согласится установить рядышком «алиф» и «лям», «мим», и «нун»*, вытащить из чрева «джимов» точки или искать при свете свечи точки, оторвавшиеся от «шина» и упавшие на пол в типографии.

Да, через тридцать лет будет именно так! Надо говорить не только о сегодняшних делах; важно подумать немножко и о будущем.

Допустим, в Шуше Абдурагим-ага и Молла-Шукурали уцепились за мечети и говорят, будто эти мечети достались им от их предков.

Допустим в Гяндже Мирбагир-ага, ежедневно обращаясь в мечети к женщинам, говорит им о богоугодности брака сийга:

Это сегодня, но подумаем же о том, что будет завтра!

Что плохого в том, если мы обратим свои взоры к будущему?

«Молла-Насреддин». 3 ноября 1908 г., № 41.

**ДАЖЕ НАМНИ ЗАПЛАЧУТ,
СУРОВ ЭТОТ ДЕНЬ,
БРЕЮТ, ГЛЯНЬ, СКОЛЬКО ТЫСЯЧ
ГОЛОВ В ЭТОТ ДЕНЬ.**

Да, началось бритье голов. У цирюльников не редкохнут нет времени. В траурный день ашура будут надсекать себе головы двести семьдесят миллионов мусульман.

Впрочем, это старая тема. Но есть вопрос, о котором, быть может, наши читатели и не слышали. Вот об этом мы и хотим поговорить.

Когда замечают какое-либо диковинное явление, европейские общества затрачивают много средств на то, чтобы изучить и исследовать его с точки зрения науки и затем довести все до сведения общества.

Наша ашура представляет для европейцев такой исключительный интерес, что они посвятили ей несколько томов книг. В месяц магеррам члены европейских научных обществ заблаговременно приезжают в большие мусульманские города Кавказа и Ирана и в день ашура, взяв фотоаппараты, бумагу и ручку, взбираются на высокие крыши и заборы и наблюдают; услышанное слово в слово записывают, увиденное — фотографируют и увозят снимки с собой в Европу.

Один из таких путешественников приходил вчера к нам в редакцию. Он — член какого-то общества в Лиссабоне. В свой нынешний приезд на Кавказ он пытается уяснить себе три вопроса:

Первое. Если надсекать голову велено шарнатом, так почему же среди самоистязателей нет ни одного члена моллы?

Второе. С какой целью «мусульманские интеллиген-

ты», проводящие все свое время в азартных играх и попойках, в день ашура возглавляют шествие правоверных и своими платками вытирают кровь у самоистязателей?

И третье. Почему эти истязующие себя люди сплошь состоят из всякого рода проходимцев, бакалейщиков и прочего темного люда, и нет среди них ни одного образованного и просвещенного человека?

Мы не смогли ответить на эти вопросы, и гость ушел. И тут до слуха нашего дошел глас неведомый:

— В эти дни в Иране идет ожесточенный поединок тирании и справедливости. Вера, честь, права и родина большой нации в опасности. Не имея нигде помощи, сторонники справедливости могут пасть в борьбе. И тогда стоны миллионов обездоленных вознесутся до небес еще горше, чем теперь. И горе страждущих детей, умирающих из-за глотка воды, ужас матерей и сестер с разрезанными животами оставит далеко позади себя трагедию в Кербела.

Сегодняшняя Кербела — это борьба патриотов Азербайджана. Тот, в чьем сердце есть хоть капля веры, чести, любви к родине, должен думать об арене этой борьбы. Все, у кого в жилах течет кровь, все, у кого есть средства, которые можно отдать на пожертвования, — пусть помнят они о страждущем и скорбящем Азербайджане!

Сегодня самая великая молитва, самая священная вера, патриотизм — должны быть посвящены этой борьбе.

«Молла-Насреддин», 11 января 1902 г., № 2.

Как говорит газета «Тарджуман», не понимаю по какой-то такой причине на Кавказе и в особенности в городе Тифлисе каждый, кому не лень, видит причину отставания мусульман в их алфавите, в их письменности и измывается над ними. Мирза-Фатали. Мирза-Рза и господин Шахтахинский плодятся в Тифлисе.

Эти слова в 31-ом номере газеты «Тарагги» принадлежат перу господина Алибека Гусейнзаде*.

И правда — на Кавказе творятся странные дела; не только в Тифлисе, но и в другом городе Кавказа — Баку — наблюдаются поразительные вещи; каждый, чья рука держит перо, приезжая в город Баку, не хочет ни одним словом, ни одним действием преступить некую «черту» и все, что он ни напишет, кладет перед собой, советуется с самим собой, чтобы выяснить, «покажется ли это сочинение главарям кочи, проповедникам и мясникам?» Если убеждается в том, что понравится, — тотчас относит заметку в типографию и просит, чтобы напечатали.

Эти слова сказаны не без основания.

Всем известно, что большинство наших ученых и прославленных писателей, живет в Баку. В Тифлисе и других городах жили лишь мелкие, второстепенные писатели ну, такие, как допустим, Мирза-Фатали. Но скажите, когда в Баку произносилось новое слово, высказывалась новая мысль, выдвигались новые вопросы? Предположим, вопросы выдвигал «каждый, кому не лень», — а что скажете о существовании этих вопросов?

Мы, например, никак не можем поверить тому, чтобы

господин Гусейнзаде понимал вопрос о хиджабе* так, как его понимает население города Баку, где проживает господин Гусейнзаде. Но бакинское общество не имеет об этом представления, потому что оно видит господина Гусейнзаде «в своих рядах».

Взять вопрос о том, почему наших девочек в девятилетнем возрасте выдают замуж и, они вместо того, чтобы ходить в школу, попадают в дом какого-нибудь пехлевана — мужа. А что сказали по этому поводу наши бакинские мудрецы? Или это — мелочи?

В Тифлисе «каждый, кому не лень» говорит о проблеме алфавита. Неважно, кто говорит, важно, что говорит, важна суть вопроса.

Мы удивляемся не тому, что господин Гусейнзаде ни в коем случае не согласен менять алфавит, ибо, сидя в Баку, нельзя заводить речь об этом. В Баку можно, например, придраться к несущественным недостаткам в книге учителей*, без зазрения совести перечеркнуть их груды целиком, потому что они написали свои книги без разрешения Абдуллы Джовдата*. Это, как мы уже говорили, не вызывает нашего удивления. Но вот чему мы удивляемся:

1. Если мы положим перед собой алфавиты всех народов мира, увидим, что в отличие от древнеперсидских михийских надписей, индийского алфавита дивангари, японского катакана, алфавиты армян, евреев, славянской кириллицы — в отличие от всех европейских алфавитов лишь в нашем арабском алфавите часть буквы пишется по-разному в начале, в середине, в конце слова и отдельно. Я думаю, что обладатели такого алфавита возрадовались бы даже иероглифу.

И странно, что господин Гусейнзаде ни словом не обмолвился об этом!..

2. Наш уважаемый литератор называет орфографию англичан «странной», но, когда дело касается нашего алфавита, он почему-то не хочет назвать его ну, хотя бы «странным». Но это — еще ничего. Важно то, что каждый, кто сообщает подобную новость, не должен забывать о том, что длиннополые фанатики, узнав о радостной весте из газеты «Тарагги», будут плясать, прищелкивая пальцами.

3. Господин Гусейнзаде говорит, что трудность алфавита не может служить помехой прогрессу, и в дока-

зательство упоминает о японской культуре, которая достигла «вершин прогресса». Во-первых, автор статьи скрыл от читателей, что японцы в настоящее время намереваются порвать и сжечь книги, написанные древним алфавитом и перейти на «латинскую графику» (Энциклопедия Граната, том 8, страница 5346). Из этого видно, что японцы еще не достигли «вершин прогресса», ибо, если, они сейчас на «вершине», то не исключено, что они тотчас воспарят в небо, как только перейдут на новый алфавит. Во-первых, допустим, что я вижу, как мой товарищ каким-то способом избавился от цепей, сковавших его ноги, и, перемахнув через стену, оказался на воле. Неужели и я, глядя на моего товарища, не буду стремиться избавиться от цепей, опутавших мои ноги?

4. Ни академии и ни «просвещенный» Шамсадин Сами*, «коленоупреклоненно и нижайше посвящающий» свои произведения Абдулгамидхану Сани* не захотят изменить алфавит. Просвещенные люди и академии через пятьдесят или сто лет увидят, что приверженцы Мирзы-Фатали и господина шахтахтинские изменили алфавит, при благосклонном усилнии проснувшихся ото сна краснородных. Допустим, что просвещенные люди и академии немного посмеются; это вполне допустимо. Известно, что в 17-м веке самый знаменитый врач своего времени профессор Риолан никак не мог поверить в то, что никому неизвестный человек Гарвей сумел открыть законы и смысл кровообращения в теле (в 4-м томе сочинений Писарева на 474-й странице приведено много таких примеров).

Закончим.

Ибо в журнале у нас нет места, чтобы сказать об этом больше, того, что мы уже сказали.

«Молла-Насреддин». 22 февраля 1909 г. № 8

3 а последнее время во всех мусульманских газетах правоверным братьям попадает на глаза слово: «Гоголь». Мусульмане прочли и узнали, что Гоголь — это имя известного русского писателя и, что этот писатель родился сто лет назад; они узнали, что в России нет равного ему комедиографа, что заслуги Гоголя перед русской литературой и русским народом столь велики, что о столетии со дня рождения покойного в России услышали даже мужики.

И мне приходит на ум вот что: слов нет, из содержательных и доходчивых статей господина Кёчарли*, из сочных переводов господина Узенера*, из сведений о Гоголе, содержащихся в заметках других наших писателей, читатели в какой-то мере узнали Гоголя, а, может быть, узнали основательно. Но я хочу сказать, что при наличии всех этих статей, читатели, не знающие русского языка, не поймут толком, как произносится имя писателя. Пинут наши писатели «Гоголь» и думают, что это слово все мусульмане прочтут одинаково, то есть так, как оно звучит на самом деле.

Но авторы статей кое-что упустили из виду. В начале своих статей о Гоголе они забывали сообщить читателям следующее: «Братья мусульмане, сто лет назад в России родился человек, который написал о русских чиновниках такую комедию, что стоит ее прочитать, как человеку покажется, будто в Нахичевань, Шушу и во все кавказские деревни и маленькие города прибыл правительственный «ревизор».

Но сейчас речь не об этом.

Я хочу сказать, что авторы статей, прежде чем на

писать эти слова, должны были обратиться к людям и сказать им: «О братья мусульмане, я мог бы многое рассказать вам об этом писателе, но я не знаю, как мне написать имя покойного, чтобы вы могли верно его прочитать. Я пишу «Гоголь». Может быть, по воле аллаха вам встретится человек, который прочтет это имя так, как оно звучит на самом деле; но я знаю, что один из вас прочтет это имя так, другой — этак, а третий прочтет еще иначе, и в конце концов выяснится, что вы, братья-мусульмане, произносите имя бедного писателя не сто сорок четыре лада, всяк по-своему».

Я только это и хотел сказать; я хотел сказать, что наши литераторы могут писать все, что им угодно — скажем им за это спасибо. Но они не должны забывать и о том, что мусульмане и теперь не знают, как правильно произносить имя Гоголя. Об этом никто не должен забывать.

«Молла-Насреддин», 4 апреля 1909 г., № 14.

Все о том же, о чем уже не раз писали. Опять все тот же старый вопрос!

Кто такой султан Абдулгамид?^{*}

Об этом говорилось много. До настоящего времени из-за этого самого султана между нухинцами, шемахинцами, дагестанцами и нами происходило нечто вроде спора. То, что говорили они об этом, приходилось не по душе нам, то, что говорили мы, не нравилось им.

Когда возникал разговор о султанине Абдулгамиде, его приспешники из кожи лезли вон, чтобы показать, что «Его превосходительство султан Абдулгамидхан Сани — халиф ислама, ревнитель шариа, покровитель наук и просвещения». А мы в ответ всегда говорили, что высокочтимый султан Абдулгамидхан Сани — враг турецкой земли и населяющих ее народов и что с тех пор, как он вскарабкался на турецкий трон, в течение всех этих тридцати шести лет его думы и деяния денно и ночью сводились к одному: уничтожению страны, разорению ее богатств.

И никто не соглашался с нами: всем казалось, что у нас с султаном свои личные счеты, родовая вражда. С одной стороны, «Хаблюль-метин»^{*} и кавказские газеты, расточая славословия в адрес султана, пытались привлечь публику в свой стан. С другой стороны, до наших людей не доходили газеты турецких патриотов, разоблачающих султана Абдулгамиду, издающиеся в Египте и в Европе.

Так что до сего времени мы были на поле боя одиноки.

А поглядите, что делается теперь!

ущерб, нанесенный султаном родине, ибо мир узнал, что войска младотурков вот-вот свалят с трона султана Абдулгамиди.

Но все это пройдет и забудется; лишь одно никогда не изгладится из памяти. Слов нет, найдутся среди наших просвещенных мужей такие, которые соберут отдельные газеты от первого и до последнего номера, переплетут в одну подшивку с тем, чтобы иногда в часы досуга перелистать их и вспомнить минувшее. Если кто-нибудь захочет нынче просмотреть газеты за год и прочитать, посвященные султану статьи, то заметит, что вчера, например, писали: «Его превосходительство султан Абдулгамидхан — борец за ислам, покровитель наук и просвещения», а вот, скажем, сегодня в той же газете написано, что виновником распада Османской державы, угасания науки и просвещения, кровопролитий в Стамбуле является один человек, и имя его — Абдулгамидхан!

И вот я думаю: все может пройти и забыться, но только не это!

«Молла-Насреддин», 12 апреля 1909 г., № 15

Никакого толку нет в прогнившем тряпье: тут залатаешь — там порвется.

Сегодня я видел, как сирые иранцы радостно вбегали в консульство, чтобы поздравить консула с тем, что Мамедали-шах* провозгласил конституцию.

А вчера я видел, как прильде турки вбегали в консульство, чтобы поздравить консула с восшествием на престол нового султана.

Когда я наблюдал все это, мне вспомнились брюки Джафара, которые чинились по нескольку раз в день; стоило матери этого бедняги сегодня наложить заплату, как завтра брюки рвались в другом месте, потому что ткань совсем обветшала.

Хотел бы я только знать: сумеют ли мусульманские страны добиться конституции или нет?

Мне кажется, что никто из наших читателей не сумеет ответить на мой вопрос, а причину этого надо искать в том, что наши мусульмане, не зная русского языка, не смогут прочитать русские книги, и потому до сих пор не знают, что такое конституция. Ни на персидском, ни на турецком языках об этом книг не написано. А что касается отдельных отрывочных сведений, которые печатались в некоторых мусульманских газетах, то все это давным-давно забыто, да и к тому же писалось на арабском языке.

Но мы удалились от цели.

Я хочу знать одно: сумеют ли мусульманские страны легко добиться конституции? Если все хором отвечает мне: «Нет, не сумеют». — тогда я отложу в сторону перо

и умолкну. Но если мне ответят: «Да, сумеют», — тогда я закурю и продолжу разговор.

Конституция — это такая штука, которую впервые получили несколько сот лет назад англичане. И она, обойдя европейские страны, докатилась и до нас, мусульман. А мы, привыкшие одобрять все европейское, сказали «добро» конституции и возжаждали обладать ею. Но мы забываем о том, что конституция — не вещь, которую можно было бы латать. Кто принял конституцию, тот должен снять с себя обтрепанные брюки и вывернуть их прочь.

Все конституции имеют один-единственный смысл. Этот смысл заключается в том, что представители народа данной страны собираются и сообща вырабатывают новые законы, которые народ обязан соблюдать и не преступать.

Я прошу читателей обратить внимание на два слова: *новый закон*.

Разумеется, законы, которые принимаются и утверждаются представителями народа, должны быть новыми. Известно и то, что там, где принимаются новые законы, старые законы должны исчезнуть.

Это не шуточное дело, здесь надо хорошенько поразмыслить.

Если каждый благомыслящий человек разберется в этом вопросе, он должен согласиться с тем, что так называемая конституция — превредная штука. Ибо в один прекрасный день представители народа могут собраться и принять закон, скажем, о том, что отцовское наследство должно поровну делиться между братом и сестрой, а не так, чтобы сестре доставалась треть, а брату — две трети.

А теперь я спрашиваю сторонников конституции: имеют ли право представители народа принимать такой закон, или не имеют? Если не имеют, тогда какая же это конституция, если же имеют, тогда по какому праву мы недовольны шейхом Фазлуллахом* в Тегеране и партией «Иттихади-Мухаммеди»* в Стамбуле?

В стране с конституционным управлением можно ожидать всего. Может статься, что представители наро-

да издадут, к примеру, такой закон: «Если какой-нибудь почтенный мешади при виде двенадцатилетней девочки, идущей в школу с книгой под мышкой и с неприкрытым лицом, скажет ей: «Закрой лицо, бесстыдница!» — этот мужчина должен быть наказан, ибо в свободной стране нельзя оскорблять идущего по улице человека».

А теперь я спрашиваю сторонников конституции: имеют ли право представители народа принимать такой закон, или не имеют? Если не имеют — тогда какая же это конституция? Если имеют — тогда вправе ли мы обижаться на Гаджи-Мирза-Гусейна и на чалмоносных врагов конституции?..

Все это еще ничего, но спустя некоторое время после принятия конституции начнутся разговоры о «свободе вероисповедания». Куда мы тогда денемся?

Погодите, еще не то будет, это еще цветочки...

Но мы, кажется, несколько отвлеклись. Сегодня я услышал о том, что Мамедали-шах в девятнадцатый раз утвердил конституцию, а вчера я узнал, что шейха Абдулгамиды свергли с престола. Может статься, что завтра и бухарский эмир вздумает заняться конституцией; но все это кажется мне чем-то вроде заплаты.

Как бы не получилось так, что с одного конца мы будем латать, а с другого будет рваться...

О аллах, на тебя уповаем!..

«Молла-Насреддин», 26 апреля 1909 г., № 17.

ЧЕТЫРЕСТА ДЕВУШЕК

Да будет известно нашим читателям, что за последнее время зарубежная печать, и в особенности парижские газеты, под видом разговоров о гареме Абдулгамиды непростойными словами поносят нас, мусульман. Есть у нас стыд или нет — это праздный вопрос; дело в другом — почему они, не видя соломинки в своем глазу, указывают на бревно в нашем?

С разрешения читателей я, движимый патристическим долгом, хочу должным образом ответить европейцам, чтобы им, гуярам, неповадно было даже произносить слово «мусульманин»!

Что правда, то правда — у Абдулгамиды было шестьдесят основных жен и, кроме того, гарем из трехсот девушек. Оставив Абдулгамиду одиннадцать жен, младотурки вызволили его остальных жен и девушек-наложниц. Те, кто читал телеграфные известия в восьмьдесят седьмом номере газеты «Тарагги», знают, что я не шушу.

Значит, в гареме Абдулгамиды было четыреста женщин и девушек. Но мне хотелось бы знать, какое до этого дело чужеземцам?

Европейцы не имеют никакого права ехидничать насчет гарема Абдулгамиды — и вот по каким причинам.

Причина первая. Позвольте, что тут заторного? Почему европейцы, забыв о своих проделках, взлились за нас? Разве в Европе нет гаремов? В Лондоне есть такие внушительные дома терпимости, в которых содержится не то что четыреста, а может, более четырех тысяч женщин.

Укажите мне город в Европе, где бы не нашлось заведения вроде гарема Абдулгамиды.

Причина вторая: допустим на минутку, что гаремные дела Абдулгамиды достойны порицания. Допустим! Какой от этого вред европейцам? Разве гаремы попол-

няются за счет европейских девушек? Весь мир свидетель, — четыреста опительницы гарема Абдулгамиды — это пригожие и юные дочери дагестанских черкесов, грузин, мусульман с Кавказа, светлокожих арабов Дамаска, которых приближенные Абдулгамиды умыкали тайком, где придется, и насильно бросали в гарем. Но и в этом нет ничего худого и заторного. Правда, по шариату ни один мусульманин — будь то халиф или простой чабан — не вправе иметь более четырех жен.

Однако, опять же, дело это пристойное, в противном случае, шейх-уль-ислам, во имя шариата, воспрепятствовал бы таким деяниям султана.

И наконец, еще одно: разве в этом есть хоть капля насилья? Правда, когда девочек ловят и бросают в гарем, они вначале поднимают крик, визг, но потом живут припеваючи: ведь стонт какой-нибудь из девушек удостоиться близости с султаном, как тотчас их родные или двоюродные братья приглашаются во дворец и назначаются пашами или другими должностными лицами. К примеру, шурины Абдулгамиды черкес Мухамед-паша, Джалалэддин-паша удостоились столь высоких постов именно таким путем. И хотя они причинили народу невероятные мучения, — европейцев это не касается, ведь не им, а бедным мусульманам приходилось терпеть. И вообще какое им дело до нас?

Правда, европейские газеты рисуют положение мусульман в таком свете, что, читая эти заметки, можно прослезиться. В мусульманских странах есть тысячи гаремов, похожих на гарем Абдулгамиды. Гаремы эти обслуживают тысячи слуг — евнухов. Эти несчастные люди, похищенные на безбрежных просторах Африки, были, как овцы, распластаны на земле и в присутствии почтенных муджтехидов и шейх-уль-исламов кастрированы, дабы им не зариться на гаремных красавиц. Зверства эти находятся в прямом противоречии с шариатом, но ни один из святых отцов и не заикнулся об этом. А между тем исламский мир полнится гаремами, а все мусульмане превратились в подобие евнухов. Но когда гуяры-европейцы плачут по нас, мы смеемся над ними.

Мы плачем при виде марсияхана, но смеемся при виде европейца.

«Молла-Насреддин», 3 мая 1909 г., № 18.

ТРИСТА МИЛЛИОНОВ

(Не сглазить бы)

За последнее время у некоторых наших «патриотов» вошло в привычку такое «заступничество»: допустим, некий Иван нечаянно задевает некоего Мешади-Гасана, несущего в руке чашку кислого молока, чашка выскользывает из рук, и кислое молоко льется на землю. Услышав об этом, наши «патриоты» тотчас взбираются на крышу высокого дома и, приложившись ладонью к уху, истощным голосом вопият: «Эй, братья-мусульмане! Разве вы не видите, как негодник и нечестивец Иван, не убоявшись трехсотмиллионного мусульманского народа, пролил на землю кислое молоко Мешади-Гасана! Вай-вай! Позор нам, молча переносящим это тяжкое оскорбление и мирящимся с таким унижением!»

А по мне, такой патриотизм слишком круто приправлен перцем. Как бы рот не обожгло! Я разумею это так, если Иван нечаянно пролил кислое молоко Мешади-Гасана, то вина его столь мала, что нет никакой надобности взбираться на минарет. А если он пролил со злым умыслом, можно сделать ему внушение, пристыдить, а не то чтобы кипятиться, бия себя в грудь. В этом нет нужды никакой.

Ну, а если наши «патриоты» действительно решили выказать свой патриотизм, им надо взяться за такое дело, чтобы не пришлось, расхваливая величие Александра Македонского, ломать стулья.

Кто враги нашего народа? Каждый, кто говорит, что ими являются «чужеземцы», — никакого геройства не совершает; об этом мы уже в детстве, собравшись вокруг очага, слышали от нашей тетушки Фатмы.

Может, в этих словах и есть доля истины; ибо я до сих пор не замечал за иностранцами особо пылких проявлений любви к нам.

Но я говорю, что лучше придумать нечто новое, чем толочь воду в старой ступе. А что, если мы на часок оставим в покое чужеземцев и посмотрим, что и кто нас окружает?

Я прошу читателей обратить внимание на то, что пишет наш корреспондент Мозаланбек об Ордубаде и Айлисе.

Это вам не пустяки! Надо быть зоркими и бдительными. Тот, кто знаком с положением вещей в мире, должен уже сейчас твердо уяснить себе, что ордубадское невежество ни за что не устоит перед айлинской культурой! Наблюдаемые вокруг нас политические события должны быть для всех уроком; но оставим в покое историю...

Когда Иван проливает кислое молоко Гасана, Иван получает от трехсот миллионов мусульман триста миллионов гневных телеграмм. Но мы молчим, когда в Ордубаде Сеид-Мирза и сын «Белого сенда» выстраивают фанатиков на почтовом тракте, вешают и режут людей только за то, что те читают газеты!

Да что Ордубад — возьмем такой большой город, как Эривань, где живет тьма-тьмушая мусульман. Аллах свидетель, что здесь нет ни одного мусульманина-адвоката, ни одного мусульманина-врача, вообще, ни одного мусульманина мало-мальски образованного, короче говоря, здесь, как и в Ордубаде, не найдется ни одного «человека».

Почему?

Да потому, что вот уже в течение пятидесяти лет — со времени открытия здесь школ и по сей день наш кази, приходя ежедневно в школу и радуясь зарплатке, здоровается за руку с русскими, а придя в мусульманский квартал, моет руки и ругает гуяров — чужеземных учителей, ежечасно и ежеминутно поносит на глазах мусульман чужеземную науку, считая ее «недозволенной».

Не потому ли некоторые мусульманские дети, которым повеселилось учиться в Эриванской гимназии, стали постепенно удирать с занятий?..

Кто наши враги? Можно предположить, что ими яв-

ляются чужеземцы, хотя этого пока никто не доказал и вряд ли докажет; но если нога одного из чужеземцев случайно ступит в наши края, и ему станет известно о том, сколь развратны наши шейхи, боюсь, как бы он не распространил по всему свету, что у мусульман нет ни капельки чести!

О где вы, «вожди нации»?

Кто же все-таки наши враги?

«Молла-Насреддин», 24 мая 1909 г., № 21.

Нет сомнений, братья-бакинцы прочли сообщение о том, что в медресе «Иттихад» вводится преподавание музыкальной грамоты, и узнали, что в минувшем мае на совете благотворительного общества «Иттихад» большинством голосов было утверждено преподавание музыки для учащихся подопечного медресе.

Директор медресе «Иттихад», поместив в газете сообщение об этом, поздравил учащихся своей школы и заявил, что на их долю выпало небывалое счастье приобщиться к такому великому и благородному искусству, каким является музыка. Почтеннейший господин директор глубоко сожалеет, что до сего времени для нас было неведомо то, какой необходимейшей вещью из всего, что достигнуто человечеством, является музыка. Он добавляет также, что исламские знатоки и мудрецы сделали в области этого искусства столько, сколько не сделали представители других наций. Даже история Европы свидетельствует о том, что музыкальное искусство проникло в Европу из исламских стран, в частности — из Ирана.

Подобные рассуждения уважаемого господина директора занимают в газете большой столбец.

Что же нам сказать на это? Если бы я был уверен, что мое описание не обидит и не прогневит мешади, кербелаев и гаджи, я бы тоже сказал несколько слов.

Уповая на милость аллаха, начну разговор.

Уважаемый господин директор изволил сказать будто музыкальное искусство проникло в Европу из исламских стран, в частности, из Ирана. Это вполне достоверно, и я убежден, что некогда музыкальное искусство,

действительно, процветало в арабских странах. Но, едва только появились религиозные книги мусульманских богословов, муджтехидов и толкователей корана, музыкальное искусство бежало без оглядки, подобно тому, как поступил один из наших артистов, который 9-го июня, в день представления, получив гонорар, тайком сел на поезд и укатил из Тифлиса в Баку, оставив зрителей в недоумении и оконфузив своих товарищей перед чужой публикой.

Уважаемый господин директор медресе пишет, что «исламские литераторы и философы сделали в области этого искусства столько, сколько не сделали представители других наций».

Уважаемый господин директор убежден, что бакинцы ни о чем не осведомлены, в том числе и о музыкальной культуре других народов. Мне кажется, если бы итальянцы услышали эти слова, они подумали бы, что уважаемый господин директор изволит шутить.

Всевышний создатель смотрит сверху и видит: среди сотворенных им народов нет второй такой нации, как мусульманская, чьи ученые и мудрецы, написавшие тысячи тысяч томов книг, столь рьяно проклинали бы музыкальную культуру.

Я могу прислать в Баку сколько угодно таких книг и брошюр.

Да, если обратимся к истории, мы узнаем очень многое. Нам станет известно, что, действительно, некогда в арабских странах был очень популярен музыкальный инструмент — кеманча. Но полистаем страницы истории дальше и мы узнаем, что в Италии в католических храмах музыка сопровождает даже моление; кроме того, мы узнаем, что в Германии музыкальная культура была поднята на небывалую высоту бетховенами, моцартами, гайднами, шуманами, мендельсонами и другими; узнаем, что в России такие композиторы, как Глинка, столь мастерски преобразили национальные мелодии русских мужиков, что на всем земном шаре, едва заходит разговор о музыке, воздают хвалу русскому композитору Глинке.

И что же мы читаем на последних страницах той же истории? Что сейчас происходит в арабских странах и в Иране? Мы узнаем следующее: достопочтеннейший господин Ага-Мухаммед и его уважаемый братец Ага-Гу-

лам-Гусейн поднимаются на минбер и, обращаясь к мусульманам, рассказывают: «Однажды пророку Сулейману сообщили, что некий человек в образе дива играет на таре. Пророк приказал: «Приведите его ко мне!» Дива привели. Пророк Сулейман спросил: «Каким образом ты превратился в дива?» Див ответил: «Прежде мы были правверными рабами аллаха. Но едва мы начали играть на таре, мы все сразу стали дивами». Пророк сказал: «Если ты пойдешь и принесешь на плечах свой город, я расколую тебя». Див пошел, взвалил свой город на плечи и принес пророку Сулейману. Тот ударил рукой по городу и разрушил его...»

В начале моей статьи в неспроста упомянул наше духовенство, гаджи и мешади. Я уверен, у каждого из них на книжной полке можно найти книгу «Аббабуль-джинан». Любой, кто захочет, может открыть эту священную книгу на девяносто третьей странице и прочесть весьма любопытную вещь.

Разве проповедник Молла-Фатуллах не считается одним из величайших мусульманских литераторов?

Книга «Аббабуль-джинан» вешает о музыке следующие:

«Ней, на котором играет музыкант, — это перст, по мановению его люди впадают в спячку и неведение; барабанный круг — петля аркана, с помощью которого дьявол ловит свои жертвы; тар и бубен суть стрелы, убивающие в людях священную веру; стоны нея — коварный недруг, ждущий момента, чтобы спалить ниву благих желаний; струны кеманчи пробуждают в человеческих сердцах низменные страсти...»

Пусть читатели простят меня за то, что этими несколькими витневатými строчками я испортил им настроение.

Короче говоря, смысл вышеприведенного мифа заключается в том, что такие музыкальные инструменты, как тар, бубен, кеманча и другие — это шайтанские выдумки, увлечение которыми равносильно тягчайшему греху.

Я хочу предложить уважаемому господину директору медресе «Иттихад» одно из двух: или он должен соблазнить верность книге «Аббабуль-джинан» и отказаться от того, что написал, или он должен подтвердить свои мысли и поставить нас в известность об этом, дабы

мы вырвали из книги «Аббабуль-джинан» девяносто третью страницу.

В каждой мусульманской-стране с наступлением вечера можно увидеть одну и ту же картину: улицы погружены во тьму, в домах царит тишина, только издали слышны крики сов.

Если вы станете оспаривать это, мы укажем вам на Стамбул.

Если проделать отверстие в могиле и заглянуть внутрь, не увидишь ничего, кроме тьмы, и ничего не услышишь, ибо мертвецы безмолвны.

Завтра больше дела ты должен свершить,
Песни, газели на время ты должен забыть,
Ты говоришь, что словами решишь любые дела,
Нет, только действовать! В деле должен ты быть!

«Молла-Насреддин», 21 июня 1909 г., № 25

У нашего шейха сорок восемь жен.

Молла-Насреддин никогда не лгал и не солжет. Возможно, у нашего шейха нет сорока восьми жен. Ну, тридцать восемь, пусть даже тридцать, дело не в этом. Просто я хочу сказать, что у нашего шейха в каждой деревне есть по две жены.

Когда у какого-нибудь гуляки, живущего во Франции, приподнятое настроение, он идет в публичный дом, в следующий раз идет в другой публичный дом; а когда у нашего шейха пробуждается вожадение, он садится на коня и едет сегодня в деревню Гоша-диза, а завтра — в деревню Гахаб.

Разница лишь в том, что во Франции завсегдаев публичных домов называют гуляками, а в нашей среде подобных людей величают «шейхами». Во Франции развратники и кутилы, попадая в общество, испытывают смущение, сидят где-нибудь в уголке, а в нашей среде такие развратники восседают на самых почетных местах. Во Франции развратников не допускают в семьи, а наши жены и наши дети слушают от подобных развратников премудрости, изложенные в книге «Джамен-Аббаси»*.

Словом...

Вопрос, которого я тут касаюсь, — очень серьезный вопрос. Потому что господин шейх является первым из почтеннейших и влиятельных людей города. Каждый мыслящий, каждый честный и благородный человек, прочитав эти строки, обязан задуматься и разобраться, о чем тут говорится.

Если в наших словах, которые мы пишем, содержит хотя малая толика лжи или напраслины, долг каж-

дого честного человека разорвать наш журнал на клочки и выбросить в канаву.

Но может случиться и по-иному, читатели найдут, что мы говорим правду и никакому лжи тут нет, тогда пусть каждый решит сам, что ему сделать.

Продолжим разговор.

У нашего шейха имеется сорок восемь жен.

Когда у него появляется желание, он садится на лошадь и едет в селение Бадашхан. Путь его лежит через армянскую деревню, которая называется Ярымджа. Проезжая через Ярымджу, шейх видит, что крестьяне собрались на площади, где ученый человек по имени Калантар, положив на стол всякие механизмы и инструменты, объясняет крестьянам, как взбивать масло с помощью машины. Впереди толпы стоит священник и разъясняет крестьянам слова Калантара.

Шейх, миновав эту деревню, приезжает в селение Бадашхан и останавливается в доме богатого гаджи. Услышав об этом, жители деревни собираются у гаджи. Шейх ест, пьет, затем приступает к проповеди.

— Временный брак сийга, — поучает он, — самое верное средство, чтобы превозмочь страсть к красавице, лицо которой напоминает цветок. Сийга — самая надежная крепость, самое чудодейственное средство для того, чтобы спастись от грабежа прелестниц, отнимающих покой своим кокетством, средство для того, чтобы в теле стало меньше крови, той крови, которая своим обилием омрачает ваше настроение и мешает жить...

В этом месте проповеди господин шейх неожиданно начинает кривить лицо, словно испытывает боль, затем кладет руку на поясницу и со стоном падает лицом вниз. Окружающие испуганы, подходят к шейху, спрашивают, в чем дело. Шейх продолжает стонать, потом объясняет, что у него начался прострел поясницы.

Все вдруг принимаются говорить, что господин шейх простудился и у него схватило поясницу.

Как же теперь быть? Надо бы на поясницу шейха поставить присосный горшок, а затем растереть ему тело. Но кто сделает это? Разумеется, для этого случая требуется близкий, родной человек, то есть, это дело женское.

Так и быть. Посылают человека, приводят Сону,

дочь Кербелай-Кахрамана. В тот же миг сам шейх скрепляет сийгу. И делу конец.

Словом не буду вас утруждать дальнейшим повествованием. Дело сделано, крестьяне расходятся по домам, молясь о здравии почтенного шейха.

До сих пор наши, с позволения сказать, газеты толковали нахичеванским длинноухим, что мужчины и женщины европейских наций сплошь и рядом бесстыдники, наглецы. А теперь слушайте и меня. Слушайте, что я скажу.

Наш шейх, имея дома жену, каждый раз, когда посещает села, женится там еще на двух. Если в Европе подобное совершит какой-нибудь простой кузнец, я уже не говорю о священниках, власти отправят его в сумасшедший дом для излечения, ибо в Европе таких людей считают ненормальными. А в нашей среде подобные личности — кандидаты на райскую жизнь.

У нашего шейха сорок восемь жен!

«Молла-Насреддин», 23 августа 1909 г., № 34.

По-гречески — магнитис, по-русски — магнит. Это особый металл, притягивающий к себе железо.

Приведем пример, чтобы яснее выразить нашу мысль. Возьмем, например, Кавказ. Всем известно, что он притягивает к себе иранских чиновников, подобно тому, как магнит притягивает к себе железо.

Между магнитом и Кавказом есть еще одно сходство. Ученым мужам известно, что магнитный полюс находится вблизи северного полюса. Заметьте, что и Кавказ по отношению к Ирану находится севернее.

Между магнитом и Кавказом имеется еще одно сходство: магнит, притянув к себе железо, не отпускает его. Точно так же и Кавказ: притянув к себе однажды иранского чиновника, он никак не хочет отпускать его.

Однако между магнитом и Кавказом имеется одно различие: в свойстве магнита притягивать есть тайны; свойство же Кавказа притягивать к себе имеет отношение к области дипломатии.

Ученые затрудняются распознать тайну магнита, а тайну магнетических свойств Кавказа постичь можно.

Если найдутся желающие заняться этим вопросом, пусть пришлют в нашу редакцию свои соображения, мы опубликуем их, затем мы изложим свою точку зрения.

Короче говоря, надо выяснить, почему Кавказ, как магнит, притягивает к себе иранских чиновников и, притянув, не желает отпускать их. И если кто-нибудь попадает к нам из Ирана, то он так и прилипает к нашим краям, будто смола, и не хочет покидать их.

Например, наиб в деревне Данабаш не пожелал по-

ехать вице-консулом в столицу Австрии, предпочтя это местечко Вене. Вице-консул города Курбагалы считает свой пост более выгодным, чем место консула в Петербурге. Консул города Девели отказывается от должности посла в Берлине.

В чем причина этого?

Иранский посол в Италии отправил в Тегеран прошение, в котором выражает желание, чтобы его назначили консулом в кавказский город Донгуз-йейен. Иранский посол в Петербурге много лет добивается назначения генеральным консулом на Кавказе.

В чем причина этого?

Однако не буду утомлять внимание уважаемых читателей. Об одном лишь прошу: объясните мне причину этих непонятных явлений.

Очень прошу вас: дайте мне ответ.

«Молла-Насреддин», 30 августа 1909 г., № 35.

Газета «Тарагги» в 20-ом номере сообщает, что наши дети бестолку слоняются по пыльным улицам, а в школу не ходят.

Вопрос этот старый, но у меня есть нечто новое и потому я хочу, ради нового словца, вернуться к старому вопросу.

Да, верно, что наши дети шляются по улицам, а в школу не ходят. Из статистического отчета кавказского отдела просвещения видно, что на пятьсот мусульманских детей приходится лишь один учащийся. Значит, остальные четыреста девяносто девять детей шатаются по улицам.

В Эривани двадцать тысяч мусульманских детей. Из них только сто или двести учатся. То же самое в Баку, Тифлисе, Нахичевани, Шемахе и других городах.

В чем причина?

«Тарагги» считает: в том, что многие мусульманские дети праздно слоняются по улицам в Баку, виновна школьная городская комиссия, которая не обращает никакого внимания на мусульман. Ахунд Талыбадзе* к числу виновных относит также благотворительные общества и богатых мусульман. А кое-кто из глупцов сваливает вину на кое-кого из молл.

Но причина совсем в другом.

Мусульмане очень бедны, беднее всех других народов, потому что расходов мусульман не счесть: Мешади-Касум шестнадцать раз совершал паломничество в Кербелу, четырежды ездил в Хорасан и истратил на путях-дорогах четыре тысячи триста рублей. Мешади-Касум, мой сосед, всегда делится своими невзгодами

и заботами со мной. Сейчас он беден, торгует старой одеждой. У него пятеро сыновей, но в кармане нет и пяти копеек. Вот я и прошу господина Молла-Талыбазде ответить: что могут поделывать школьная комиссия и богатые мусульмане с Мешади-Касумом?

Нет, честное слово, я не шучу, всерьез я говорю, прошу читателей не воспринимать мои слова как шутку.

Я думаю и не могу припомнить ни одного кербелая, который бы не был беден; но, вместе с тем, каждый из этих кербелаев несколько раз совершал паломничество в Кербелу. В деревне Данабаш я знаю по крайней мере двести человек, которые ежегодно совершают паломничество. Каждый год с Кавказа в Хорасан едет четыреста мусульман. Из одного только отчета Феодосийского карантинного управления видно, что с 1899 по 1909-ый год, т. е. в течение десяти лет, в Стамбул ездило четыреста двенадцать миллионов кавказских мусульман.

Не встретишь мусульманина, у которого бы не было титулов кербелай, мешади или гаджи за совершенные паломничества в Кербелу, Мешхед или Мекку.

Русские, увидев в канцелярии мусульманина, спрашивают у него:

— Что хочешь, кербелай?

Потому что русские убеждены: раз мусульманин — значит кербелай или мешади.

Как только мусульманин находит у себя в кармане, скажем, пятьдесят рублей, собранные за долгие годы полуголодной жизни, он спокойно засыпает, а наутро говорит жене: «Святой имам призвал меня к себе». День или два тайком от других льет горькие слезы, потом покупает на базаре клячу за тридцать два рубля, привязывает ее у себя во дворе и готовится в далекий путь в священные города.

Ну как терпеть, быть?

Господин Талыбазде считает, что богатые должны собрать и бесплатно обучать детей братьев мусульман, которые всю жизнь только то и делают, что совершают паломничества и сорят деньгами на пыльных каменных дорогах Аравии и Хорасана.

Хорошее дело, ничего не скажешь! Благотворительные общества созданы для того, чтобы на пятсот обеспеченных детей бесплатно обучить одного сироту. А собрать с улиц и обучать всех голодных и оборванных

отпрысков лишенных рассудка родителей, которые во имя имама двинулись в паломничество, — никак невозможно. Перед тем, как детей учить в школе, их надо накормить хотя бы хлебом.

Кто обращал внимание в больших городах на то, как живут другие народы, мог заметить, что почти на всех — одежда из темных тканей; а мусульмане одеты в серое. Темная одежда сшита из сукна или трико. Одевшие же мусульман шито из полусукна, и стоит раза два выйти в нем на солнце, как ткань выгорает и сереет. А подойдешь к мусульманину ближе — увидишь, что на одежде — сто заплаток. Одна лишь обувь армянина дороже всего одеяния мусульманина.

Та же разница и в деревнях. Мусульманские дети похожи на нищих. И в убранстве домов, и в еде мы резко отличаемся от других. Расходы только на вино у иных народов во много раз превышают наши траты на еду, включая сюда и праздничные пловы.

Вот и получается, что, в то время как у других народов дети учатся в школе, наши натравливают собак на деревней.

Я не говорю, чтобы не совершали паломничеств. Я только хочу, чтобы уважаемые читатели, заприметив на улице босых и грязных мусульманских детей, не содрогались бы от сострадания: «Почему же эти дети не ходят в школу»? Если увидите на улице таких детей, знайте, что их отцы или кербелан, или мешади, или гаджи. Не ошибетесь.

Я только это и хотел сказать.

«Молла-Насреддин», 13 сентября 1909 г., № 37.

Сженой надо обращаться так же, как и с кошкой. Допустим, в доме ты держишь кошку, а она ведет себя неподобающим образом; скажем, лижет посуду. Вначале требуется пристыдить кошку, сказать ей, к примеру, следующее: «Брысь, подлая!» Если увидишь, что послушалась, — ее счастье. Если же твой совет не возымел действия и она, мало того, стала еще пожирать кислое молоко — тогда хватай сандаловую палку и стукни кошку по башке, чтобы, мяукая, провалилась к чертям. Если увидишь, что и это ей нипочем, и она, окончательно распоясавшись, нагло крадет и съедает все, что ей попадается, тогда схвати кошку, втисни бессовестную в дагаржик, крепко завяжи и той же сандаловой палкой лупи ее, покуда не сдохнет! Но ни в коем случае нельзя завязывать дагаржик как попало: если кошка сумеет выскочить, она оцарапает в бешенстве твоё лицо и руки до крови.

Так же надо обращаться и с женой.

Если заметишь, что не слушается, достаточно для острастки сказать пару крепких слов по адресу ее родителей. Но коль скоро увидишь, что ругань твоя — пустой звук для нее, и она не то что не угомонилась, но стала еще и отвечать тебе тем же, — надо взять сандаловую палку и бить ее по башке; но советую бить аккуратно и не попадать в глаза — не приведи аллах, ослепнет и тебе придется содержать слепую, да еще вторично жениться и влезать в новые расходы.

Если жена продолжит гнуть свое и выходить за рамки дозволенного, ну, например, упрекать тебя и портить настроение, когда ты поздно ночью приходишь домой с

попойки, разгула или из игорного дома, или возражать против твоей женитьбы еще на пяти-десяти и ныть, жаловаться на тебя своим родителям, — тогда надо нахлобостить ей на голову дагаржик и бить, пока не испустит дух!

Так что, дорогой мой, не очень-то болтай об учении в школе! Допустим, что устроил ты дочь в школу и стала она образованной. Ну и что же? Клянусь аллахом, напрасный этот труд! Вот как свяжет ее муж, да возьмет в руку сандаловую палку, никакая учеба и школа ей не пригодятся!

И об этом ни один мусульманин как следует не подумал, за исключением разве председателя Бакинской школьной комиссии господина Македонского и девяти мусульман — членов той же комиссии.

Известно, что одно время кое-какие пустоголовые мусульмане в Баку болтали об открытии в городе женской гимназии. Услышав об этом, мы, откровенно говоря, расстроились и попросили нашего корреспондента Демдемекки* написать нам, что это за дурацкие разговоры ведутся в Баку. Наш Демдемекки повидался с господином Македонским и девятью мусульманами — членами комиссии и спросил о существе дела. Македонский-хан ответил корреспонденту: «Да, я очень старался открыть женскую гимназию, но мусульманские члены комиссии сказали мне, чтобы я повременил, потому что сейчас — пост». А один из членов — мусульманский доктор, уважаемая корреспондента, сказал ему так:

«Брат мой, Демдемекки! Напиши Молла-Насреддину, чтобы он не расстраивал себя понапрасну — пока я член комиссии, нашим девушкам учиться не разрешу, потому что учишь — не учишь, а как только муж примется за дагаржик, школа и учение ей не пригодятся!»

Да, истинное слово: на жену и кошку одна управа — чуть что — запихни в дагаржик, вяжи, бей. Вот и весь сказ.

«Молла-Насреддин», 18 октября 1909 г., № 42.

Норвежские газеты пишут, что женщины получили право избирать депутатов. В городе Христиании* двое из восьми избранных депутатов-демократов — женщины.

Американские газеты пишут, что тамошнее женское общество вручило правительству петицию, в которой требует уравнивать женщин в правах с мужчинами в государственных учреждениях, а также разрешить женщинам служить в полиции.

В городе Чикаго пять тысяч девушек заявили правительству, что если женщинам не будут предоставлены все гражданские свободы, они никогда не выйдут замуж и, призвав к себе на помощь всех американских девушек, постараются убедить их объявить бойкот мужчинам.

При чтении этих вестей мне, ей-ей, почудилось будто я сплю или загнипнотизирован. Да, да, именно!

Но, как говорит «Реллигия и страдание»*, слышано ли со дня сотворения мира о таком бесстыдстве среди женщин?

Женщины — и равноправие? Если бы надо было дать им равноправие, — разве сотворил бы их аллах с длинными волосами и коротким умом? Если бы надо было дать им свободу, разве оставил бы аллах их лица без волос? Названы они женщинами — это все. И не стыдятся, еще требуют прав.

Клянусь всевышним, не пойму я, чего хотят некоторые глупые писатели? Неужто у мужчины свобод и прав непочатый край, и остается только поделиться с женщинами?

Допустим, все женщины в мире, кроме, разумеется, наших, ценою жертв и лишений, в результате борьбы и с помощью некоторых из мужчин добьются, наконец, своего и получат кое-какие права и свободы. Но что надобно иранским писателям? Чего они лезут из кожи вон, обрекают себя на темницы из-за женщин? Что им своего горя мало? Послушайте, что они пишут в теб-зской газете «Сохбат».

«Нация составляет единый организм».

«Если наш праотец Адам считал жену своим ребром и всюду таскал ее с собой — так нам это не понравилось. Это задело нашу честь и мы решили: лучше жить совсем без ребра, чем таскать с собой кривое ребро».

Кривое ребро мы запрятали дома. Но известно, что человек, лишившись какого-нибудь члена, становится калекой... Известно также, что калеку не считают полноценным человеком, — вот и нас, мусульман, другие народы не признают за полноценных людей. Не знаем мы, как теперь быть? В душе мы хотим считаться полноценными, но вместе с тем стыдимся признавать кривое ребро частью нашего организма. Либо аллах должен лишить нас чести, заставив признать жен частью нашего организма, либо вынудить свыше другим народом последовать примеру мусульман и прятать кривое ребро дома. И тогда другим нациям мы не будем казаться уродливыми калеками. Но мыслимое ли это дело, ибо если даже весь мир соберется со своими арсеналами, пушками — не совладать больше с кривым ребром. — Во все суют нос, да еще депутатами стать хотят.

«Умные люди говорят:

— Если в какой-либо стране восторжествует конституция, там, несомненно, наука и культура легко проникнут и в женские головы.

Как только я услышал эти слова, строго-настрого наказал жене беречь свою голову, чтобы туда не проникла культура.

Сеид Гусейн».

Написал бы эти слова какой-нибудь мусульманин, было бы еще полбеды! Словом... Быть «сеидом», называться еще «Гусейном» и позволять себе писать всякую ерунду!

Нет чтобы сказать ему: дядя, есть у тебя кусок хле-

ба на пропитание — сиди себе смирно и ешь его. Жизнь коротка — живи в свое удовольствие! Как все — так и ты. «Куда народ, туда и ты!» А то стоит ли тебе из-за какого-то ребра угодить в иранский храм свободы, то бишь в катажалку шейх-уль-исламов.

Ей-ей, туда тебе и дорога.

Вот если бы ты что-нибудь написал про мальчиков... Увы...

Написал бы, например, вроде того, что пишется в 49-ом номере газеты «Ирани-нов».

«Сеид Абдулгани Танкабуни четыре дня назад со-вершил и упрятал шестнадцатилетнего юношу. Мать юноши с воплем и плачем пошла жаловаться в жандармерию. Жандармское управление направило в Мазандаран специальный отряд, чтобы вернуть юношу домой».

Ах, как завлекательно! А ты? Что о женщинах писать? Или заблел ты, как говаривали отцы наши: «Был бы сын целехонек, дочка — не забота».

Но если ты твердо решил писать о женщинах, то хотя бы выбери подходящую историю, вроде той, что рассказали нам в 22-ом номере «iШарг»:

«Некто по имени Алихан пошел к Юсифхану и, пользуясь отсутствием его жены, припугнул ножом падчерицу Юсифхана и лишил ее девственности. Комиссар тут же вмешался в дело и вызвал к себе юношу, девушку и их родителей. Акушерки осмотрели девушку и заявили, что для нее это — старая история. Соседи были крайне удивлены: как же могло случиться, что девушка, казавшаяся скромной и целомудренной, уже давно занималась нехорошими делами».

«Молли-Насреддин», 8 ноября 1909 г., № 45.

ВРАГИ

Некотрые наши образованные люди в день ашуры идут впереди рядов истязающих себя фанатиков и проливают слезы.

Эти люди делятся на две категории:

Первая категория — это религиозно настроенные чиновники, а также старые «интеллигенты» преклонного возраста, которые, чувствуя приближение смерти, без особого труда хотят заслужить воздаяние за моление на том свете. В большинстве своем эта категория нашей интеллигенции — люди хорошие. Жаль, что они немного глуповаты.

Вторая категория — в душе безбожники, однако внешне эти образованные стремятся показать себя просто-напросто набожными, благочестивыми. Большинство таких — газетчики. Изредка среди них встречаются также врачи и адвокаты. Некоторые же вовсе не имеют профессий. Но они отираются в толпе, стремясь снискать благоволение публики. Они нуждаются в благоприятном общественном мнении, пускаются во все тяжкие, дабы понравиться простолюдникам, привлечь таким образом их на свою сторону.

Они тоже хорошие люди, только вот шарлатаны.

Конечно, нужно скорбеть.

В день ашуры всякий, в ком есть любовь к родине и народу, поднимется на возвышенное место и, понаблюдав мусульманский мир, спустится вниз, пойдет домой и будет горестно сокрушаться:

— Ах, бедные братья! Ах, длинноухие!

Но поощрять неистовство божьих созданий, мало того, быть своего рода соучастником диких выходов невежественных кербелаев и мешади — это подло!

Долг Молла-Насреддина — предупреждать плеши-вых братьев, чтобы они знали, кто их враги!

Имеющий уши да слышит. Черт с тем, кто не услышит.

«Молла-Насреддин», 1910 г., № 3.

КРОВАВАЯ ТРАГЕДИЯ

Нет, дорогой мой, это не трагедия, если четырнадцатилетняя жена шестидесятилетнего Джанбека Мурадова, жителя деревни Гёдак, что вблизи Ташкента, убегает из дома с молодым слугой, а родственник Мурадова берет с собой пятнадцать туркменов и пускается в погоню за ними, настигает их и изрубает на куски.

Нет, это не кровавая трагедия.

Нет и нет, прошу тебя, не говори так. Честное слово, я обижусь. Это не кровавая трагедия. А кровавая трагедия заключается в том, что, рассказав об этом, от имени редакции пишешь: «Винновниками пролитой крови являются святоши, которые скрепляют браки семидесятилетних стариков с двенадцатилетними девочками...»

А вот это, мой дорогой, и есть подлинная кровавая трагедия.

Если ты был не в своем уме, когда писал эти слова, тогда у меня нет возражений. Если же ты писал это, будучи в здравом уме, тогда послушай, что я скажу тебе.

С тех пор, как сотворен мир, и до того самого дня, когда в городе Шемахе ученики избili своего учителя, не было случая, чтобы молла на секунду заколебался и не скрепил бы брак маленькой девочки с шестидесятилетним стариком. Если сейчас любой молла прочтет эти слова мои, опять-таки не поймет, почему он должен заколебаться, почему он не должен без промедления совершить обряд бракосочетания.

Откуда молле знать, что такое кровавая трагедия? Только ты называешь происшествие недалеко от

Ташкента «кровавой трагедией», а моллы и уже с ними, — приведением приговора в исполнение, ибо прелюбодеев, как мужчин, так и женщин, необходимо убивать.

Пусть все триста миллионов мусульман, за исключением тебя, прочтут об этой кровавой трагедии, описанной на четвертой странице 151-го номера журнала «Хагигат». Долг каждого мусульманина — послать тысячу проклятий изрубленным на куски нечестивцам и сказать: «Хвала туркменам! Слава таким защитникам веры!»

Вот она — кровавая трагедия.

Ты хочешь, чтобы наши моллы не скрепляли браки шестидесятилетних стариков с четырнадцатилетними девочками? Очень хорошо, да ниспошлет аллах мир праху твоего отца. Давай возьмем книгу «Ташрихуль-фарайиз»* ахунда Аразаде, откроем ее и на тринадцатой странице прочтем, что там написано: «Если отец или дед девочки, которой не исполнилось девяти лет, отдают ее замуж, то она является наследницей мужа, а муж — ее наследником...»

Почему ты молчишь? Ответь мне, кто сказал тебе, что четырнадцатилетним девочкам нельзя отдавать в жены шестидесятилетним старикам?

Не знаю, как обстоит дело в других городах, но на нашей улице живет некий Гаджи-Малик, которому семьдесят четыре года, а жене его Гюлюлю — двенадцать. В прошлом году она родила сына, которого назвали Гасаном.

Вот она — кровавая трагедия.

Мешади-Нури — мужчина шестидесяти лет — в прошлом году женился на девятилетней девочке.

Вот она — кровавая трагедия.

Луна, божье светило, блуждающее по небосводу, каждую ночь становится свидетельницей многих кровавых трагедий. Если собрать слезы маленьких девочек, которых мы силой затаскиваем в комнаты их мужей, получится огромное море.

Вот она — кровавая трагедия.

Видя, зная, слыша все это, писатели наши, плодящиеся, как грибы после дождя, пишут, пишут, пишут: о земле и небосводе, шарияте и свободе, о политике, об

Иране и Туране*. Пышные фразы, пафос, слава, нмя, вирши, рифмы, побрякушки, словеса...

Но ни слова о наших женщинах.

Потому что это не понравится господам, а раз так, то и мне от этого никакой выгоды.

Каюсь, грешен, лишнее сказал.

Вот она — кровавая трагедия.

«Молла-Насреддин», 11 июля 1909 г., № 27.

Если наши бакинские братья мусульмане забудут про осторожность, результаты могут быть гораздо худшие, чем теперь.

Правительство стало замечать, что мусульмане в Баку сплачиваются, и результат их единения дает о себе знать во многих делах, особенно в школьных.

Начнем с того, что в Баку среди мусульманских учителей городских школ создалось нечто вроде союза мусульман. Во-первых, одежда некоторых учителей очень смахивает на одеяние бакинских кочи. Второй признак единения учителей состоит в том, что они договорились ничего не делать. Если один или два учителя бездействуют, — не беда. Но если бездействуют все — это уже «единение мусульман».

Потому, вероятно, главный визирь Столыпин тоже соблюдает чрезвычайную осторожность, чему примером может служить его крайне расплывчатый ответ на вопрос: «Как вы осмелились нарушить 87-ю статью Основного закона?» Прочтя ответ Столыпина*, можно подумывать, что господин главный визирь страшно напуган действиями гянджинцев в праздник новруз-байрам или распространением тысяч новых мусульманских книг.

Ла, разговор зашел о бакинских учителях.

Недавно один из учителей решил создать в школе детский театр. Услыхав об этом, все мусульманские учителя, объединившись в «Союз мусульман», объявили бойкот неугодному учителю, мол, чего шалишь, дай нам сидеть спокойно.

«Молла-Насреддин», 7 апреля 1911 г., № 13.

В девяносто втором году, когда холера навела страх на людей, врачи советовали пить вино. И вправду, я видел, кто наслаждался вином или водкой, ходил веселый, в хорошем расположении духа, а увидев на улицах трупы, не страшился болезни и не скорбел. Кто хочет отвлечься от тягостных дум — тот пусть пьет.

Опьянение — избавитель. Потому-то молодые эриванские ханы день-деньской, ночи напролет пьют вино и пьянеют. У них есть основания напиваться: они пьют, чтобы не переживать из-за назначения шейха Фазлулаха Сани на место сеида Мамедаги.

Ну, а когда два хана вместе, бутылки должны стоять в ряд, и по этой-то причине русские харчевню называют «духан», что на персидском языке означает «два хана».

Стихи

Видишь лица, но людьми можно ль всех кругом считать?
Тень, безжизненную тень можно ль существом считать?
Должен хан ходить в духан; кто хлебнет, тот дважды хан.
Ханом можно ли того, кто в уме своем, считать?

Ты говоришь: если английские войска, вторгшиеся в Иран с юга, уйдут оттуда, то тогда у верблюда должны прорасти рога, грозненский молла Гашим сочтет дозволенным чтение газет, какой-нибудь богатый мусульманин, умирая, пожертвует на просвещение какую-нибудь сумму денег. Или же ты, твердя:

Просвещение и прогресс — исцеленье, то да се,
Склонен нации внушить это зло добром считать?
Дал Гаджи-Асадулла деньги на открытие школ.
Или блажью станешь ты этот жест потом считать?

На самом деле, если не опьянятся, то, прочитав речи некоторых безродных депутатов-демократов Государственной думы, невольно захочешь покончить жизнь самоубийством.

Да ниспошлет аллах долгую жизнь братцу Тимошкину, как начнет заливать, так немного посмеешься, отведешь душу. К примеру, на днях, когда в Государственной думе шла речь о Финляндии, Тимошкин встал с места и сказал, что финский народ с русского жиру бегится, подобно тому, как татары в России разжирили, проев собранные на Кавказе пожертвования (или оттого, что ели землю), как сказал поэт:

Мор идет в Татаристан, миллион же — нам в карман,
Трудно там, а нам легко деньги, что берем, считать.
Слышь, Тимошкин держит речь, нам он дядя как-никак,
Братец, верные слова можно ли правнем считать?*

А я-то, бывало, думал: почему наши мусульмане пьют похлеще православных. Если бы не опьянение, невозможно было бы вынести столь великие тяготы. Шутки в сторону, кажется, все это недалеко от истины.

«Молла-Насреддин», 6 ноября 1911 г., № 39.

Бывает горе великое, неизбывное, безутешное, которое изводит человека, не поддается исцелению. Например, если вы потеряли любимого ребенка.

Но бывает и иначе. Порой случившаяся беда оборачивается своеобразным утешением. Если у тебя был ребенок, который причинял много неприятностей и горя тебе и твоим соседям, если ты потерял брата, который всегда заставлял тебя краснеть, если потерял близкого родственника, который часто был причиной твоего позора, то тебе можно сказать, видя, как ты убиваешься: «Не печалься, дорогой, ведь жизнь этого несчастного была для тебя сплошным наказанием. Утешься, не горюй!»

Представим себе, будто город Казвин — это птичий двор, и вообразим себе также, будто женщины этого города — куры-чернушки, какие ходят в нашем дворе. Среди этих кур расхаживает всего лишь один петух, имя которого муджтехид шейх Иса. На вид этому священнослужителю лет восемьдесят, он носит длинную, клинообразную бороду и производит впечатление весьма благонаправленного человека. В действительности же это настоящий петух, попавший в царство казвинских кур.

Облюбовал какую-нибудь женщину — и насильно скрепляет с ней брак сийга, увидит другую — и с ней поступает точно так же.

Случается, какой-нибудь несчастной приходится обратиться к шейху Исе по делу, она приходит к нему, просит посодействовать. Шейх говорит ей:

— Сделай меня своим доверенным лицом.

Женщина дает согласие. А если она пригожа, вечером шейх Иса стучится в ее дверь.

— Что вам угодно, шейх?

— У меня здесь живет законная жена.

— Какая жена?.. Что за жена?

— Да, — отвечает шейх Иса, — жена. Сегодня она сама сделала меня своим доверенным лицом. Поэтому я, как доверенное лицо, скрепил молитвой ее сийгу со мной же.

В городе Казвине муджтехид шейх Иса — столь влиятельное лицо, что нет такого чиновника, нет такого правительственного учреждения, куда бы бедная женщина могла пойти пожаловаться, дабы спастись от домогательств шейха Исы.

До бога — высоко, до наря — далеко.

Подобное положение создали иранские шахи сами. Я убедительно прошу братьев-мусульман: назовите мне какой-нибудь город у христиан или буддистов, где было бы столько проституток, как, например, в городе Казвине; покажите мне в каком-нибудь европейском городе проходимца, который в наглости и развратности превзошел бы муджтехиду шейха Ису.

Этот священнослужитель часто с гордостью говорит: — Я дожил до преклонного возраста и ни разу не совершил омовения перед намазом... То есть, скажем...

Я прошу читателей: покажите мне среди христиан или идолопоклонников шарлатана, который в своем шарлатанстве и в умении грабить простых, неискушенных людей немного бы походил на кавказского сенда Мухаммеда Веледи-Бадни. Посмотрите, пожалуйста, на этого священнослужителя, полюбуитесь, как несчастные братья-мусульмане целуют хвост осла, на которого садится этот имам!

Бывает горе, которое мы называем нестерпимым, невыносимым. Бывает и так, что человек близок к тому, чтобы сказать: «К дьяволу родину, имя которой Казвин!»

Например, если кто-нибудь назовет меня «казвинцем», — я подниму камень с земли и ударю по его голове. Я пишу вот эти несколько слов, чтобы сказать вам: какая бы ни была обида на других, больше всего надо обижаться на самого себя. Да потому, что до сих пор мы гордились, когда нас называли «казвинцем». А нам

следовало бы стыдиться и, стыдясь, мы должны были думать, что если с нашей родиной случится беда, для нас, по крайней мере, будет великим утешением, что мы, слава аллаху, избавимся от таких муджтехидов, как шейх Иса.

Может, только так будут повержены во прах столпы наподобие шейха Исы.

Я уверен, в ответ на эти строки некоторые напишут мне: «Послушай, Молла, зачем ты трогаете Казвин, когда перед твоими глазами пример тифлисского Шайтан-базара? Зачем скрываешь то, что было в Тифлисе во время армяно-мусульманской резни? Когда люди искали убежище в караван-сараях Халатова, тифлисский святой отец сидел у окна и, разглядывая мечущихся в страхе бедных женщин-мусульманок, приговаривал: «Вот это да! В самый раз с ними разговляться!»

Однако поговорим об этом в следующий раз. Порная других, мы слишком заболтались.

«Молла-Насреддин», 14 ноября 1911 г., № 40.

Дарвин в своей книге пишет: «Все звери находят друг с другом в родстве, подобно тому, как все люди произошли от Адама и Евы».

Люди находятся в родстве между собою. Это родство продолжается либо с древнейших времен, либо с недалекого прошлого, либо с недавних пор. После того, как женщина и мужчина некоторое время живут вместе, одной семьей, у них появляется ребенок; но эти женщина и мужчина и без того состоят в родстве; и женщина и мужчина произошли от такой же пары людей, как Адам и Ева.

Почему, случайно встретившись и приятно поговорив минутки две-три на улице с посторонним человеком, чувствуешь к нему душевное расположение? А потому, что мы — сородичи, мы — люди. Как ни старался сальянский кази закрыть ленкоранскую прогимназию, в Ленкорани у Молла-Мухаммеда оказалось немало друзей и доброжелателей, которые не дали его в обиду. Сколько бы Молла-Садраддин Сафиев ни мучил Гаджи-Юсифа и ни обманывал Молла-Насреддина, — все-таки Гаджи-Юсиф и Молла-Насреддин — двоюродные братья и родственники Молла-Насреддина и его двоюродных братьев, ибо все они ведут свое происхождение от общих праотцев.

Возьмем, к примеру, Мамедали!* В мире все знают окаянного, и стоит произнести его имя, как каждый ткнется рукой к повязке своих штанов! А издающаяся на русском языке в Тифлисе газета «Тифлисский листок»[†] выказывает такую дружбу к Мамедали, что для помощи ему держит в Иране специального корреспондента и

ежедневно выдумывает какую-нибудь небывлицу, а то и просто ложь: «Мамедали-шах сказал то-то» или «Мамедали-шах сделал то-то».

К слову, в последнем своем номере «Тифлисский листок» пишет, будто в Серабе от каждого сословия к русскому консулу пришли представители, чтобы заявить, будто счастье Ирана зависит от вторичного вступления на шахский престол в Иране Мамедали-шаха.

Почему «Тифлисский листок» так пишет?

А потому, что все люди — родственники; есть еще причина: говорят, что тридцать шесть лет тому назад Насреддин-шах* проездом в Европу на несколько дней останавливался в Тифлисе и был гостем тифлисских писателей. Известно, что в то время «Тифлисский листок» только-только начинал выходить... Эх, сколько еще на свете тайн и премудростей, покрытых мраком неизвестности!..

Или возьмем муджтехиды из Ардебилы — шейха Али-Акпер-агу! Со временем турецко-итальянской войны и до сей поры не было дня, чтобы этот господин не возглашал в мечети:

— Всевышний выказал свой гнев к неверным младотуркам за тот гнет и неслыханные мучения, которым они подвергли его высочество Султана Гаида.

Все это — проявление родства!

Человек всегда питает привязанность к человеку, подобно тому, как зверь питает привязанность к зверю. И человек не боится человека, подобно тому, как зверь не боится зверя. А вот зверя человек боится, как и зверь боится человека.

Стоит только муджтехиду шейху Исе выйти в Казивне в поле и выпучить в гневе глаза, как саранча, уничтожающая посевы, тотчас со страху улетает прочь.

Все это я вычитал из книги знаменитого Дарвина.

**Молла-Насреддин*, 20 ноября 1911 г., № 41.

В Тифлисе существует благотворительное общество женщин-мусульманок.

Время от времени в нашу редакцию поступают письма, в которых нас спрашивают: каковы цели и задачи этого благотворительного общества, то есть, чему оно служит, в чем выражаются его функции?

В прошлом мы ответили некоторым нашим читателям: «Цель этого женского благотворительного общества — собирать деньги, и все».

Наши ответы стали достоянием членов этого благотворительного общества — женщин-мусульманок. В прошлом году на улице я встретил несколько тифлисских дам с открытыми лицами, которые набросились на меня с упреками:

— Зачем ты пишешь тому и другому, будто наша цель заключается исключительно в сборе денег? Зачем ты умалчиваешь о наших трудах и нашей деятельности? Зачем ты скрываешь истину и даешь нам имя, которого мы не заслужили? Или ты не знаешь, что мы каждый год устраиваем балы и заставляем принимать в них участие наших девушек?! Разве это не патриотизм? Разве это не самоотверженность? Что ты еще хочешь от нас?

На прошлой неделе меня вновь спросил один человек: «В чем заключается цель женского благотворительного общества в Тифлисе, как оно работает, в чем его смысл?»

Думаю, на этот раз я не совершил оплошности, так как я на этот вопрос ответил прямо: «Цель женского благотворительного общества — давать балы».

Смею надеяться, на сей раз я не ошибся, не так ли?

**Молла-Насреддин*, 20 ноября 1911 г., № 41.

**В ПАМЯТЬ
О СВЯТОМ ИБРАГИМЕ-ХАЛИЛЕ ИЛИ
ПРАЗДНИК ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЯ**

Предание гласит, что Ибрагим-Халил в десятый день зульхиджа встал рано утром и сказал чаду своему Исмаилу, родившемуся от Хаджар: «Дитя, вставай, пойдем!» Сын собрался было в дорогу, но, увидев, что отец берет с собой нож и веревку, спросил: «Отец, куда мы пойдем?» Отец ответил: «По дрова». Вышел Ибрагим в поле и вдруг неожиданно схватил сына за горло, подмял его под себя, вытащил нож и собрался отрезать ему голову. Бедное дитя с мольбой проговорило: «Отец, сжался надо мною, чем я провинился, что ты убиваешь меня?» Ребенок умолял, а Ибрагим с налитыми кровью глазами водил ножом по камню, оттачивая нож. И только он приблизил лезвие к горлу ребенка, как донесся свыше гневный глас божий: «Остановись! Ты что же, глупый человек, взбесился? Где же это видано, чтобы отец проливал кровь чада своего? О дикий, жестокосердный человек!»

Святой Ибрагим застыл с занесенной рукой и вдруг увидел в сторонке (если верить преданию) барана. И как зверь, а, может быть, как-то по-другому, набросился он на барана, схватил его, словно ястреб воробья, повалил на землю и вонзил ему нож в живот. Потекла кровь, Ибрагим тотчас успокоился и вместе с сыном Исмаилом двинулся в обратный путь. Мальчик плакал, шмыгая носом, и с дрожью в голосе говорил: «Отец, ради аллаха, не убивай меня больше!»

И поэтому в память об Ибрагиме-Халиле ежегодно в десятый день зульхиджи дикие арабы и мы должны заниматься жертвоприношением. И за несколько дней до праздника курбан, то есть праздника жертвоприно-

шения, каждый мусульманин, даже бедный, должен купить «курбан», то есть барана, и если он не в состоянии купить один, он должен купить на паях с соседом, если нет денег — должен взять займы, если не может одолжить — должен купить барана в кредит, если не отдадут в кредит — должен либо украсть его, либо рассориться с обладателем барана.

Короче говоря, как бы там ни было, в этот день в доме каждого мусульманина должна пролиться кровь.

Курбан-байрам* — самый торжественный и большой праздник в мире ислама. В этот день мусульмане, живущие в различных уголках земного шара, заняты тем, что режут жертвенного барана. И вместе с тем, окинув взглядом мусульманский мир — кладбищенский холод, дикие обычаи, враг лют, никакого просвещения, правители без чести, торгующая в упадке, земледелие запущено...

Одно утешение — все газеты от первой до последней страны заняты лишь курбан-байрамом.

Да будет славная жизнь пишущей братии длиннее их праздничных статей!

И как хорошо, что имеются такие вот праздники: если бы не они, мы не имели бы сил устоять перед натиском других наций!

В этот праздничный день мы приветствуем всех наших братьев по исламу и молим всевышнего освятить жертвоприношения и исполнить все чаяния и желания рабов его.

«Молла-Насреддин», 24 ноября 1911 г., № 42.

*Друзь подписчикам нашего журнала:
(Из Мерва и из Темиржан-Шуры*)*

Наступил мухаррам. Будет шахсей-вахсей, будут надсекать себе головы, пить шербет, загорятся факелы... Все это само собой разумеется. Но есть нечто такое, что не по душе не только мне, но и всем, в ком есть крупница справедливости.

Дело в том, что под предлогом устройства поминальных угощений в честь имамов среди правоверных шиитов производится сбор денег, и некоторая часть их расходуется по прямому назначению. Оставшиеся деньги кладут себе в карман те из устроителей и распорядителей, у кого сильная рука и могучий род. А кто слаб и немощен — ему не достается ничего.

Хорошо бы собранные с народа под предлогом религиозных поминков деньги честно и поровну поделить между устроителями и распорядителями, чтобы никому не было обидно.

Это раз.

Вторая несправедливость заключается в том, что, когда какой-нибудь мужчина примечает в толпе поправившуюся ему женщину и глазами делает ей знаки, моллы или иные красноречивые правоверные не должны мешать ему, ибо одним из величайших благ мухаррама и поста является любовь и любовные увлечения.

Когда еще, кроме дней мухаррама, увидеть и полюбить мусульманку? Где, кроме мечети, выбрать себе подружку сердца?

Если мы устраним эти беды, то, с позволения аллаха, в дни мухаррама нам не придется краснеть перед другими народами.

**Молла-Нисреддин», 4 декабря 1911 г., № 43.*

О мои дорогие братья! Я развернул ваши письма, прочел их и обоими вами остался доволен. Я горжусь тем, что вы не швыряете в сторону наш журнал, лишь просмотрев его картинки, а читаете и то, что в нем написано. Да не только читаете, а кое о чем и пишете после прочтения. Но между нами стоит в виде некоей преграды один вопрос, изза которого, боюсь, как бы вы рано или поздно не отвернулись от вашего покорного слуги, то есть, может случиться, что вы откажетесь от своих идей и перестанете читать наш журнал. Причина кроется вот в чем: в письмах своих вы оба советуете нам не затрагивать «кое-каких вопросов», чтобы не оттолкнуть от себя темную публику. А в письме, полученном из Мерва, написано, что «люди решили подписаться на ваш журнал, но кое-какие вопросы, которые нектати поднимаются на его страницах, мешают им подписываться на ваш журнал и читать его».

Да будет известно обоим моим братьям, что подобные письма — советы или предостережения приходили к нам и раньше. Мы слышали от многих наших друзей и на опыте своем убедились, что стоит нам коснуться в журнале «некоторых» вопросов, как на некоторое время число подписчиков журнала уменьшается. Нам также известно, и то, что эти самые «кое-какие» вопросы — вне разумения темного человека; они до его уха не доходили и вряд ли дойдут; это нам хорошо известно. Но мы не знаем, о чем же нам писать, если не об этих «кое-каких» вопросах?!

У каждого человека — свое убеждение, у каждого

журнала — свое направление, у каждого писателя — свое слово; ничего зря не делается; ни одному поэту не скажешь — пиши не так, а этак; ни одному журнальному издателю не прикажешь — откружись от своего направления; ни одного мыслителя не заставишь — откружись от своих мыслей и думай так, как я.

Я беру на себя смелость сказать мервскому и шуриновскому брату, что и нам жаль этих невежественных, темных людей. Мы бы хотели, чтобы им понравился наш журнал, но очень жаль, что это, видно, несбыточная мечта. Если содержание нашего журнала не по душе им, то в этом ничего страшного и страшного нет по той простой причине, что *при нынешнем состоянии нашего народа невежде не будет по душе журналы, которые не продают свои убеждения за жалкие и грязные гроши, а открыто и честно пишут то, о чем думают.*

Я благодарен шуриновскому и мервскому братьям своим, ибо их забота о подписчиках и читателей нашего журнала свидетельствует об их любви к нам; ведь вопрос о подписке — важный вопрос каждого печатного издания; но мы снова берем на себя смелость сказать, что вопрос о подписке не может никаким образом повлиять на наши убеждения, и даже если все читатели отвернутся от нас, и наш журнал будет читать лишь один человек — мы и тогда будем писать и писать. И писать в таком же духе, в каком мы пишем вот уже шесть лет, и сегодня готовы снова и снова, тысячу раз подтвердить и повторить все, что печатали за все эти годы!

Да будет известно дорогим моим братьям, что нам нет дела до невежд. Невежда газет не читает, журналами не интересуется, не учится, в книги не заглядывает. Смотрите — школы наши пусты, читальни пусты, и невежды не читают не только задевающий «кое-какие вопросы» журнал — «Молла-Насреддин», но и другие газеты и журналы, которые даже не заикаются об этих самых «вопросах»!..

Если бы святость целей той или иной газеты или журнала была бы в состоянии вызвать увеличение числа подписчиков, то слава ряда наших печатных изданий, чьи страницы напоминают «Джамен-Аббаси», достигла бы Индии; но этого не случается. В истории не было еще примера, чтобы благоволение невежд принесло пользу в каком-либо благородном деле.

Доблести и мужества двух-трех тысяч единомышленников «Молла-Насреддина» не найдется у трехсот миллионов невежественных наших братьев, и коль скоро мы собрали вокруг себя преданных и честных читателей, этого нам вполне достаточно, и свидетельством тому — продолжение издания.

Мы возлагаем надежду на таких братьев, как шуринец и мервинец. Мы надеемся, что если какой-нибудь дармоед — святоша Касумбек обманет невежду и скажет ему, что «Молла-Насреддин» задевает религию, — тогда один из наших друзей объяснит невежде, что цель «Молла-Насреддина» не в том, чтобы издеваться над религией или придумать новую религию.

«Молла-Насреддин» стремится положить конец диким привычкам и обычаям.

Хвала проницательным читателям! На невежд нет надежд!

«Молла-Насреддин», 11 декабря 1911 г., № 44

Допустим, буддист или христианин захочет принять нашу мусульманскую веру. Я заранее предупреждаю — как только он увидит мечеть, тотчас изменит свое решение. Потому что не успеет он переступить порог мечети, как ему нестерпимо захочется сбежать оттуда. Сбежит — и больше его никогда не затащишь в мечеть. Если хочите знать — по той же самой причине и я не хожу в мечеть.

Я говорю, что мечеть — дом аллаха и там надо только молиться богу, заниматься там другими делами не подобает. Но ты портишь воздух в мечети, и я, зажав нос, убегаю оттуда.

Я говорю, что мечеть — дом аллаха и там надо лишь блюсти траур по убиенным имамам и недостойно заниматься скоморошеством. Ты же превращаешь мечеть в солдатский базар, от шума и галдежа я затыкаю уши и выбегаю из мечети.

Я говорю, что мечеть — дом аллаха и мудрым, ученым мужам подобает иногда собирать вокруг себя людей и читать им полезные проповеди о народе, о человечности, о вере, о том, что творится в мире. Ты же просишь иранских бездельников в чалмах и голодных сендов выйти на минбар, и они, видя перед собой одних лишь невежд, начинают нести такую несусветную чушь об имамах и пророках, почерпнутую из книги «Бахрул-масаиб», что я не выдерживаю и ухожу из мечети.

Вот поэтому-то я не хожу в мечеть.

Допустим, христианин или японец решили стать мусульманами. Они ведь захотят увидеть нашу мечеть. Заранее предупреждаю, что мне было бы стыдно со-

проводить их в мечеть, ибо по окончании службы наши братья-мусульмане устраивают в мечети давку и, волнуясь за оставленные у порога башмаки, разом устремляются к выходу.

Будто вот-сейчас я вижу перед собой Кабла-Джафари, который стоит у мечети и, держа в правой руке новый добротный башмак и, подняв над головой в левой руке старый башмачок, вопит:

— Да будет проклят отец того, кто надел чужой башмак!

Несчастный, так и не найдя свой второй новенький башмак, надевает разные башмаки и ковыляет к себе домой.

Вот о чем я вспомнил: во вчерашних газетах я прочел, что итальянцы в Траблисе подвергли обстрелу арабскую мечеть. Достойная внимания весть: коль скоро арабы содержат свои мечети в таком виде, никакого труда не представляет их обстрелять.

В Африке страусы, пряча свои головы в песке, наивно предполагают, что их никто не заметит. Люди, пользуясь этим заблуждением, подбираются к страусам и без труда ловят их. Мы тоже, подобно страусам, прячем свои головы в мечетях. И потому ловить нас нетрудно. Если не веришь, обратись к истории и взгляни на современные события.

«Молла-Насреддин», 18 декабря 1911 г., № 45.

КУПЛЯ-ПРОДАЖА

Несколько лет мне пришлось жить среди иноземцев, и я был свидетелем как плохих, так и хороших дел. Некоторые из наших читателей не знают как следует другие народы, поэтому я счел нужным завести речь на одну тему. Прошу вашего внимания.

Каждому известно, у нас, мусульман, как и у других наций, в каждом квартале имеются беспризорные дети-сироты. Я говорю также и о некоторых детях, у которых есть родители, однако настолько бедные, что детей их я причисляю к беспризорным сиротам.

Во всех кварталах, во всех улицах эти беспризорные дети нуждаются не только в еде и одежде, но и в воспитании, школьном обучении.

У европейских народов, наряду с некоторыми отрицательными сторонами их жизни, есть и хорошие обычаи. В последнее время европейцы стали уделять много внимания бездомным детям. К примеру, для детей-сирот открываются бесплатные школы и приюты; создаются благотворительные общества, которые ставят себе целью заботиться о беспризорных; собираются деньги на нужды сирот. Конечная цель всех усилий — добиться такого положения, когда в человеческом обществе не останется голодных сирот, когда все беспризорные дети смогут получить воспитание и образование.

Я считаю нужным тут же сказать, что, хотя подобные дела относятся к богоугодным, все же для нас, мусульман, это дело не совсем выгодное. И это потому, что ни в одной книге, ни в одной мечети нас не оповещали о том, что за покровительство детям-сиротам, ока-

зание им материальной помощи будет такое-то воздаяние или наказание на том свете.

Каждый религиозный обряд, скажем, моление, есть своего рода труд, своего рода расход. И я примиряюсь с этим трудом и расходом, потому что мы оповещены относительно определенного возмездия за это от всевышнего.

Триста хаммалов, выходцев из Ирана, бросив работу, собрались вокруг проповедника моллы Гамиды, приехавшего из Хорасана в Ташкент, и три дня обсуждали, какого толка шарията придерживаться? Я беспокоюсь и мечусь, ибо думаю о себе, забочусь лишь о себе. День и ночь я думаю только о том, что бы такое сделать, дабы в судный день не оказаться в рядах грешников.

Но покровительствовать сироте, кормить голодных детей? Где это написано? Что мне дадут в загробной жизни за это?

Да, верно, в Тебризе и Шуше издавна существует обычай покровительствовать беспризорным сиротам. Но не всем подряд. Например, что мне за дело до ребенка, у которого нет одного глаза, или до рябого, чумазого? Пусть они сидят себе на улице и попрошайничают.

Нет, дорогие мои, мы, мусульмане, знаем, что нам зачтется во благо и что не во благо. Мы не можем заниматься вопросами детворы. Чистеньких, опрятных детей мы можем взять на год-другой в подмастерья, наряжать их в девичьи платья, заставлять плясать, обнимать их. Это, по-моему, тоже есть призрение сирот. А с малолетними калеками и слепцами мы не желаем иметь дела. Мы — народ разборчивый.

«Молла-Насреддин», 18 декабря 1911 г., № 45.

новый год

Минует год — приходит другой; 1329-й прошел, наступил 1330-й год. У христиан 1911-й год кончился, 1912-й год начался.

Светила, ветер, облака першат свой неустанный труд,
Чтоб хлеб насыщенный ты взрастил, вкушал и знал ему цену*.

То есть, когда купишь на базаре полфунта хлеба, отлони одну половину и, произнеся «во имя аллаха!», положи в рот, другую половину сушь под мышку и, кого из знакомых ни встретишь, говори: «во имя аллаха!» Знакомый отломит от хлеба кусочек, поднесет ко рту и, произнеся сначала «во имя аллаха!», чинно и смиренно положит в рот.

Этим вступлением я хочу сказать, что всевышний аллах всегда сопутствует мусульманам; всевышний аллах всегда у нас на языке, в нашем кармане, в нашей лавке; не столько в нашей мечети, сколько в нашем доме.

— Ради аллаха, Кабле-Гасан, раз ты идешь, не забудь сказать Джафару, чтобы он во имя аллаха прислал свой должок.

— Конечно, скажу, если аллах позволит, через полчаса pošлю его к вам.

— Ради аллаха, не забудь!

— Клянусь аллахом, не забуду.

— Гаджи, изволь пожаловать к нам, у нас сегодня вкуснящий пити. Ради аллаха, не откажи!

— Клянусь творцом, я не голоден!

— Ради аллаха, быстрее приходи!

— Хорошо, позволит аллах, приду. Если, не приведет аллах, не смогу, я дам тебе знать.

— Видишь, аллаху угодно было, чтобы я встретился с Гасанали, да не лишит боже великий призеренья рабов своих! О создатель, внемли нашим мольбам!

— Мешади, поверь, ей-богу, я опозорю тебя прямо на базаре. Аллах свидетель, я не шучу! Грех тебе, солидному человеку, говорить восьмилетнему созданию аллаха постыдные слова!

— Аллаха побойся, аллаха побойся!..

— Братец Кабле-Ибрагим, клянусь создавшим нас единым аллахом, которому нет равного, я не сказал вашему ребенку ни одного слова тяжелее лепестка розы. Но, аллах свидетель, вчера вижу, ребенок выходит из бани; я ему и сказал: «Дитя, когда еще раз соберешься в баню, скажи мне, пойдем вместе». Клянусь аллахом, кроме этого, я ему ни одного слова не сказал. Аллахом клянусь, не сказал.

— Чтоб хлеб насыщенный ты взрастил, вкушал и знал ему цену.

То есть, когда берешь в руки хлеб, вначале упомяни имя аллаха, а уж потом клади в рот.

Попробуем последовать совету Саади:

— Во имя аллаха!

— Благодарю, я уже ел.

— Ради аллаха, проходи на почетное место!

— Да поможет аллах, милости прошу!

— Нарезь хлеб! Эй, соли неси, да поможет аллах!

— Помогли аллах, нарежь хлеб!

— Ради аллаха, гаджи!

— Во имя аллаха, сядь поудобнее!

— О аллах!

— Бисмиллах!

— Машаллах! Очень хорошо приготовлено! Пах... пах... пах! Вкуснота!

— Во имя аллаха, во имя аллаха! Скажи «во имя аллаха!», пусть все будет обильным.

— Долю каждого гостя сам аллах pošлет. Тут баняны полфунта с четвертью, если долю каждого не pošлет сам аллах, то как могут поесть досыта восемь гостей и четыре домочадца?!

— Ради аллаха, Гаджи Алескер! И ты будь гостем!
Умоляю тебя, заходи в дом!
— Аллах в помощь!

ОЧЕНЬ ХОРОШО

■
Перейдем к главному.

Наступил новый год. Старый год ушел, и сколько еще таких вот новых годов минует, да сколько минует месяцев, постарайся же и ты не вкушать хлеб в беспечности — сейчас не век Саади.

Если попусту звать аллаха, то аллах, оставив свои дела, не спустится по лестнице с неба и не придет тебе на помощь.

Нужно трудиться, трудиться, трудиться!

Определи ребенка своего в школу, пусть изучает языки, пусть знакомится с науками, пусть обучается ремеслу, торговле — у кого к чему лежит душа.

И у аллаха есть свое время. Во время молитвы воззвать к аллаху — дело уместное. А так — не надейся, что по твоему первому зову явится аллах, наполнит твои карманы золотом и снова вознесется на небеса.

Если хочешь иметь хороший бозбаш, если хочешь обрадовать гостей, больше мяса клади в котел. Ну, а если бы люди были сыты, произнося только «во имя аллаха!», тогда на земле больше не было бы голода.

Новый год настал, но мы, кажется топчемся на одном месте.

У солдат есть упражнение: послушать их через стену, подумаешь, идет войско. Топ!.. Топ!.. Топ!.. Топ!.. Но ждешь, ждешь, а войско не показывается. А шаги опять доносятся. Потом оказывается, что есть такое упражнение — солдаты маршируют на месте.

Кажется, и мы тоже топчемся на месте.

«Молла-Насреддин», 6 января 1912 г., № 1

Я не люблю ввязываться в драку; человек я тихий и смиренный... Но вот с трудом прочитал в газете, что некий Искандербек Меликов* призывает нас выбросить из языка свои исконно тюркские слова и заменить их чисто турецкими. Например, вместо нашего «чох яхши», что значит «очень хорошо», употреблять равнозначное турецкое «пэк эйи».

Я был готов беспрекословно следовать совету господина Искандербека, и сейчас почти что готов, да только меня смущает одно обстоятельство.

Вчера встретил я на улице моллу гянджинца. Мне хотелось узнать как будет говорить мулла: турецкое «пэк эйи» или же скажет «чох яхши»?

— Как дела? — спросил я.

— Ничего особенного.

— Что нового в Гяндже?

— Ничего особенного.

— А как поживает тетя Кербелай-Сакина?

— Чох яхши! — ответил молла.

Посмотрите, что он говорит! Почему же он не произнес «пэк эйи»? Я подумал, что молла ошибся.

Я снова спросил:

— Ахунд, правда ли, что тетя Кербелай-Сакина до сих пор двести раз вступала во временный брак-сйга?

— Да, правда. И она поступала «чох яхши»! Потому что это благое дело.

Я сказал:

— Господин ахунд, оставим в покое тетю Кербелай-Сакину, но меня одно удивляет. Разве вы не знаете, что

нам надлежит употреблять в языке вместо «чох яхши» турецкое «лэк эйн»?

Ахунд удивленно уставился на меня и в свою очередь задал мне бестолковый вопрос. Он спросил меня: — А куда выкинуть доставшееся нам от предков «чох яхши»?

Я промолчал, не зная, как ответить на его вопрос.

Нет, что ни говори, а разговор наш не напрасный, — кроме гянджинского моллы, по этому поводу я имел разговор с двумя нашими грамотными людьми. Оба мне дали один и тот же ответ.

Разговорился я с нахичеванцем — бабитом. До его веры мне дела нет, но зная, что человек он ученый, я решил узнать его мнение по данному вопросу.

Искать предлог для разговора пришлось недолго.

— Почему, — спросил я, — когда в Нахичевань прибывает новый человек, два мусульманских лавочника, дабы выслужиться перед ним, тут же на вокзале пристают к несчастному, и каждый настоятельно тянет его за руку к себе, чтобы начальник остановился у него. В результате два соседа-лавочника, рабы божии, становятся врагами.

Нахичеванец задумался и ответил:

— «Чох яхши» делают! Потому что у нас, мусульман, уважают и почитают лишь тех, кто дружит с начальниками. Чем больше общаешься с начальниками, чем больше видишь тебя с именитыми и знатыми, тем больше и считаются с тобой, тем большим авторитетом ты пользуешься в народе.

Я решил, что возражать на это нет необходимости. Мне надо было узнать, почему он вместо «лэк эйн» произнес «чох яхши». Он ответил точно таким же образом:

— А ты найди место, куда бы я мог выкинуть оставленное мне отцом «чох яхши», и перенять твой новый язык.

Вот я и говорю: мне нет дела до Минасазова* или других. Но коль скоро ты предлагаешь, откажись от

нашего «чох яхши» и употребляй грубое «лэк эйн» не вежественных турецких крестьян в широких шароварах, тогда я прошу показать мне место, куда бы я мог выбросить унаследованное от дедов «чох яхши».

Скажи мне только это, и я больше не буду досажать тебе.

«Молла-Насреддин», 13 января 1912 г., № 2.

Ногда в какой-нибудь мусульманской деревне или мусульманском квартале распространяется такая легконзлечимая болезнь, как оспа, бедные дети гибнут один за другим. И часто случается так, что болезнь кончается только тогда, когда в этой деревне или квартале не остается ни одного ребенка.

Известно, что оспой заболевают дети, которым не сделана прививка. Если ребенку вовремя привить сыворотку, он не заболит оспой. Врачи советуют после семи лет вторично делать ребенку прививку.

В общем, это очень легкое дело: в любой аптеке продается сыворотка против оспы, но для этого надо, чтобы в каждой деревне или квартале имелся человек, которому было бы жаль бедных мусульман.

Шприц стоит копейки, сыворотка — тоже. Если у аптекаря спросишь, как привить оспу, — научит; если спросишь у врача — еще лучше; можешь узнать и у фельдшера. Это очень легкое дело; надо только, чтобы, когда в квартале или деревне гибнут беспомощные дети, горюют матери и отцы, нашелся бы раб божий, чтобы пожелал беспомощных и темных мусульманских братьев.

За один-два рубля можно купить сыворотку и привить оспу детям целой большой деревни. И если бы это делалось — оспа исчезла бы навсегда.

Но кто должен сделать это? Кто должен заботиться о несчастных, невежественных крестьянах?

На этот вопрос может быть несколько ответов. Один может сказать, что вмешиваться в дела крестьян, радеть и печься о них должны помещики, беки и ханы. Могут также сказать, что винковать в нужды крестьян, предостерегать их несчастья и бороться с постигающими их бедами должны моллы.

Лично я не могу согласиться с этими ответами: ни-

чего хорошего от вмешательства беков, ханов и помещиков в дела крестьян получиться не может. Да и не пристало солидному помещику, беку в папахе набекрень или хану навеселе лезть в дом крестьянина: вот, мол, я пришел привить оспу твоему ребенку. Крестьянин — благодарное существо: сделаешь ему добро, он сядет тебе на шею, потом не отвяжешься.

И без того за последнее время в деревнях некоторые молодые люди так и норовят надерзить, и до тех пор, пока не накричишь на них, не думают даже сниться со старшими.

Теперь о моллах. У них свои причины не хотеть, чтобы деревенские дети были здоровыми: во-первых, в доме, где умирает ребенок, для моллы всегда варят калву, приправленную виноградным дошабом, а в некоторых местах — даже мясной суп; кроме того, в таких случаях молла получает и деньги. Значит, когда в деревне распространяется какая-либо болезнь доходы моллы растут.

Вторая причина состоит в том, что, если дети выживут, то лет через двадцать-тридцать они вспомнят, что тридцать лет назад в Баку в ответ в назидание градоначальника молодым людям, пристававшим на улицах к женщинам, юнцы ответили отцу города так:

— Да будет известно господину градоначальнику, что мы действительно виновны, мы действительно задевали проходивших по улице женщин. Но, да будет долгой жизнь господина градоначальника, — поскольку при выявлении причин неблагоприятных поступков провинившегося учитывают обстоятельства и место происшествия — порою уменьшают степень вины и соответственно смягчают меру наказания. При должном внимании к нам, провинившимся рабам божьим, выясните, что наша вина не столь уж велика и у нас имеются оправдания.

..Я не имею в виду повес и ветрогонов — в каждом народе есть такие бедолаги, которые тут и там задевают женщин. Я говорю о моллах.

Среди мусульман в каждой деревне и в каждом городе есть свой Молла-Иса. Зачастую браки сифга моллы заключают для себя прямо на улице. Взглянет негодник на ноги женщины и уже знает, кто она, и берет ее на прицел, не упустит возможности.

В Гяндже Гаджи-Сенд-Багир прямо на улице находит женщин, чтобы вступить с ними в брак сийга. В Нахичевани покойный пирамишлинский молла говорил поправившейся ему на улице женщине:

— Будешь моей женой по сийге?

Я много раз видел, как какой-нибудь солидный и уважаемый ахунд спрашивает на улице незнакомую женщину:

— Скажи, чья ты жена?

Слов, нет, уши наших женщин так устроены, что такие вопросы их не обижают, мусульманки полагают, что и это делается по воле аллаха. Конечно, если молодой негодник заденет на улице вдову, она возьмет булыжник и трахнет молокососа по башке, но гаджи и молла — другое дело, потому что здесь пахнет браком сийга. А женщины наши к этому приучены.

Кербелай-Сакина — жительница Гянджи, состояла в браке сийга с двумя сотнями мужчин.

Стоит Гаджи-Сенд-Багиру увидеть на улице вдову с толстыми икрами, он немедленно говорит ей:

— Если ты не вступишь со мной в брак сийга, мой святой предок душу из тебя вынет!

А ведь и без того в каждом городе немало своих Кербелай-Сакина. Плодом воспитания наших святых отцов являются женщины, для которых вступать в брак сийга — основное занятие.

Возможно, что многие из них сами говорят мужчинам:

— Вступи со мной в брак сийга.

Я уже не говорю о Хорасане; там эти дела творятся сплошь да рядом, — но в каждом нашем городе, в каждой деревне встречаются такие вот тетюшки.

В Маргилане, например, есть молодая женщина по имени Джурахан, которая пристает на улице к каждому иранцу или кавказцу, предлагая вступить с нею в брак сийга.

■
 Но надо знать, что ребенка, которому привита оспа, нельзя укладывать спать в холодном месте.

«Молла-Насреддин». 20 января 1912 г., № 3.

В последнее время повсюду вновь заговорили о необходимости открыть на Кавказе духовное медресе, которое выпускало бы священнослужителей, знакомых с европейскими науками. Считают, что подобное духовное медресе пойдет на пользу мусульманам, а утверждаящие это, хотят представить себя доброжелателями мусульман.

Если мы согласимся с их утверждениями и примем их точку зрения, что, мол, кавказские священнослужители нуждаются в особых медресе, тогда мы должны будем признать и другое, а именно то, что священнослужители, не окончившие подобного рода медресе, являются неполноценными.

Честное слово, никак не дают людям сидеть спокойно и заниматься своими делами!

Я хочу кратко сказать вам о следующем. Если у вас есть совесть, тогда вы должны сказать: «твоя правда, Молла-Насреддин, верно говоришь». Если же у вас нет совести, тогда ступайте, займитесь своими делами.

Медресе созданы на свете для того, чтобы в них обучались читать и писать.

Для всех очевидно, что моллам нет надобности быть широко грамотными. Много писать — дело журналистов. Много читать — дело праздных адвокатов и маститых врачей. Что же касается наших молл, то им приходится держать в руке перо очень редко: раз в неделю — составить короткий брачный договор, или написать свидетельство о разводе, если молла приходской, он занесет в метрическую тетрадь: «Четвертого числа месяца

сафар у Мешади-Гусейна и его жены Кабле-Фатма родился сын, нареченный Садыком...» — и дело с концом.

Не понимаю, какой смысл открывать из-за этого медресе.

Кроме того, не надо забывать еще следующее: медресе или там университет — все это пустое. Наука, искусство, образование — это лишь ненужная мишура. Человек должен родиться под счастливой звездой. Все дело в удачливости, в везении!

Сейчас я хочу привести два примера и этим кончить свое повествование. Возьмем ахунда Молла-Сабгата из Нухи. В каком медресе он получил образование? Ни в каком. А посмотрите, как счастье улыбается ему: он и директор школы, и учитель, и ахунд, и марсияхан. Он настолько ценим, что на поминках Мешади-Алибала-Гаджи Наджаф-оглы хозяин дома дал ему три рубля за пенне марсия, рубль — за чтение корана и рубль — как молле. Должен заметить, ахунд два рубля возвратил хозяину, а три — скромно принял.

Как это назвать? Только везением, счастливой долей. Поистине, все благородные, щедрые и достойные люди — счастливы.

В качестве второго примера приведу историю одного благочестивого священнослужителя в Сабунчах. Более десяти лет назад его избрали на должность моллы, однако ему предстояло держать экзамен, дабы быть утвержденным в этой должности. Обладая блестящими научными знаниями, он считал недостойным для себя поднестись экзаменовке.

Но сейчас он уже утвержден моллой. Да, утвержден! Каково?! Везение, везение, везение!

Если бы и я был счастливым, два влиятельных и богатых человека пошли бы к кази и выступили посредниками: мол, такой-то... и так далее.

Тот, кто догадлив, поймет меня. Если вы хотите узнать степень грамотности одной особы, я могу напечатать здесь письмо, написанное им одному сельскому судье. Прочтите письмо, и вы сами скажете, что все на свете зависит от способностей человека, все в воле Аллаха и никакие медресе нам не нужны:

«Господни Молла Абдулжабар селски суд Сабунчи к ногам ваш пропу один тетрадь «Медресейи-Тамадун» от Ага Мир Сенд Мир Мусаа оглы получить сорок

шесть рублей 16 января сдал я директор и сторож. 1912. 21 январ и стекло для медресе 5 штук одна связка».

Уверю вас, медресе и прочие школы — все это лишнее. У человека должен быть талант, разум, способности, здравый смысл и смекалка. А всякие там медресе — ни к чему.

«Молла-Насреддин», 5 февраля 1912 г., № 5.

Темному человеку надо все объяснить и растолковать, а если с бухты-барухты сказать, что «балканская война — это война из-за нашего алфавита», так эти слова покажутся ему взятыми с потолка. И никто ничего не поймет. Слово надо говорить, подумавши, осторожно, лаская слух. Как говорится в народе, слово — в гору вознесет, слово — с горы низринет. А темные люди статью твою не прочтут, а если и прочтут — или не одобряют, или не поймут, и ты останешься на поле битвы один, как перст.

И потом: и кроме тебя, есть газетчики, а кому взбрет в голову говорить об алфавите? Хочешь сказать — дело говори. Начал о войне — валяй про пушки; а то Балканы и — нате вам, азбука.

Может, вы слышали об албанцах, которых турки называют арнаудами? Так вот, народ этот маленький — всего два миллиона, но он крепко схватил турок за грудки и говорит им: «Согласитесь на то, чтобы мы заменили арабскую графику латинской, или же мы не оставим меч!»

Выступая с таким требованием, арнауady думают о своем будущем. Они знают, что пока у них господствует арабская графика, их печать не получит развития, национальная литература сойдет на нет, язык зачахнет, и они сами перестанут быть арнаудами, переродятся, смешаются с сильной и большой нацией и исчезнут с лица земли, как это теперь происходит с нами и другими нашими мусульманскими народами.

Очень прошу тебя не торопить меня, друг. Потерпи немного, да буду я жертвой твоей, постой, запасись тер-

пением, да суждено тебе будет паломничество в святые города.

Я скажу еще пару слов — и на этом кончу.

Недавно в газете я прочитал интересную заметку; оказывается, на сотню болгарских солдат приходится лишь четыре неграмотных. А в турецком государстве среди десяти тысяч не отыщешь и четырех грамотных; так же и в Иране, и у нас.

Но удивительное дело: если болгарин испытывает жгучий стыд от незнания своего языка, мы, напротив, стыдимся говорить на своем языке, и как только наш сын достигает четырех лет, отдаем его в русскую семью, чтобы он получил там воспитание. Но не об этом моя речь, беда в другом: мы слезно упрашиваем хозяйку дома строго наказывать мальчишку и бить его по мягкому месту до тех пор, пока тело не станет цвета хны, если он, упаси аллах, во сне произнесет слово на родном языке.

Так вот, наше четырехлетнее чадо в течение десяти лет учебы в гимназии не должен говорить ни слова по-туркски. А в Москве, в университете, естественно, тюркскую речь не услышишь. Кончает наш сын университет, получает нужную специальность, приезжает в родные края, женится на такой же, как и сам, образованной мусульманке или на русской (разницы в том нет), рождаются дети (да приумножит и сохранит аллах наш магометов род!) и как только им исполнится четыре года, повторяется старая история: ребенка надо отдалить от тюркской речи, чтобы он мог хорошо изучить науки в гимназии.

Царство небесное твоему отцу — ну, скажем, как в таком случае сохраниться нашему тюркскому языку?

Друг, давай признаемся и без шуток скажем: мы презираем свой язык, мы стыдимся говорить на нем, вот и все тут! Те из нас, кто носит высокие папахи, пишут друг к другу по-персидски, к примеру, так: «ва нигарани недарим саван аз дури ва мофаригати шома», что означает: «единственное, что нас беспокоит, это то, что вы далеки от нас и мы разлучены».

А те из нас, кто носит плоские папахи, проучившись с грехом пополам год в городской школе, при встрече со знакомым тотчас снимают папахи и говорят:

— Издрасти, бажадуэта.

Вот это я и хочу сказать, дорогой мой, так что напрасно ты возмущаешься и пытаешься возразить мне: оставь свои страсти при себе и знай: надо быть крепко привязанным или к истории, или к аллаху, создавшему из пустоты землю, небо и породившему, кроме того, хитрых арнаузов, которые насели на крошечную Турцию: мол, дайте мне свободу; вы недостойны управлять нами, у вас широкие шаровары, головы ваши плохо варят, вы грубы, жестоки, а нам нужны собственный язык, собственная письменность, а на арабских закорючках и каракулях далеко не уедешь, алфавит, это выше нашего разума и понимания, мы не доросли до него, им достойно пользоваться священные арабы, персы, нахичеванцы, китайцы и прочие великие нации.

Пах-пах-пах! Вот так загнули! Изрекавший эти слова, да отсохнет язык твой!

Лет восемнадцать с лишним назад турок Рашид-паша пролил кровь невинных арнаузов, заставил плакать их матерей, погубил много жизней, но мужественные арнаузы не перестали бороться и довели дело до того, что нынешний Рашид-паша умоляет Лондон, мол, что хотят пусть забирают, только пусть не трогают Стамбул.

Если ты истинный мусульманин — уповай на всевышнего, всецело доверься аллаху и пребывай в смирении. Другого совета у нас нет.

«Молла-Насреддин», 13 января 1913 г. № 1

Уж так повелось: всегда, когда издается манифест, газеты доносят до читателей его содержание и смысл, дабы все были осведомлены. У одного родственника или брат в тюрьме, — его должны освободить, у другого — недоимка, — долг будет погашен, у третьего — дело в суде, — не знает, чем это кончится.

Однако очень жаль, что наши мусульманские газеты, выходящие в Баку, ничего не пишут о содержании манифеста. Именно по этой причине мы считаем нужным сообщить нашим читателям некоторые сведения.

Прежде всего необходимо сказать, что содержание манифеста пространно, и большинство его положений не имеет к нам, мусульманам, никакого отношения; сейчас мы будем говорить только о тех его сторонах, которые касаются нас.

Во-первых, под манифест попадают все незначительные судебные дела, а также небольшие сроки наказания. Что касается лиц, совершивших тяжкие преступления, то есть сосланных в Сибирь и на каторгу, — две части их срока наказания остаются, а одна часть попадает под манифест. Кроме этого, мусульманские разбойники и те, кто из-за женщины убил своих родственников, — все поголовно попадают под амнистию — поскольку это дело чести.

Во-вторых, амнистией получают крестьяне, за которыми числятся недоимки в золотых рублях. Под манифест также попадают мусульманские женские школы, открытые в Шемахе и Агдаме.

В-третьих, под манифест попадают некоторые долги, например, деньги, следуемые крестьянами за хлопок, чис-

лящиеся за помещиками. Кроме этого, под манифест попадают долги всех злостных неплательщиков.

В четвертых, согласно манифесту, в дальнейшем под амнистией попадут лица, привлекаемые за детоложе-ство.

В пятых, амнистией получают лица, обвиняемые в потраве полей своих соседей; лица, совершившие поджоги чужих стогов сена; приносившие клятву на коране и получавшие взятку за выступление на суде лже-свидетелями.

В шестых, под манифест попадают лица, совершившие мелкие кражи; в том числе в Эриванской губернии и в Карабахе насчитывается четырнадцать тысяч таких воров — наших братьев мусульман. Все они попадают под амнистию.

Манифест также предусматривает амнистию и за некоторые другие проступки; например, амнистируются отдельные лица, бежавшие в Европу или отправленные в Сибирь за политику, под манифест попадают также оштрафованные издатели газет, а также писатели, которым пришлось много пострадать за их стремление говорить правду, — впрочем, это уже нас несколько не касается, потому, что в числе таковых вы не найдете мусульман.

«Молла-Насреддин». 20 марта 1913 г., № 10.

Нет исцеленья горю нашему, спасите!

У меня один-единственный брат, я люблю его безмерно и, если потребуется, жизнь отдам за него. Он мне память об отце, матери, единокровный, единоутробный брат родной, душа моя, мое дыхание, кровь моя, очей моих свет.

Но вот какая беда: у него красивая жена. Будь я проклят, если соглашусь, чтобы хоть один волос упал с головы брата, но порой я думаю: а вдруг, не приведи аллах, пробьет смертный час моего несчастного брата, что же тогда станет с его женой?

И как я, горемыка, соглашусь, чтобы такая красивая женщина вышла за какого-то чужого мужчину, чтобы другому досталась?

О мусульмане! Исцеленья нет. Спасите!

Порой эти мрачные думы оставляют меня. Но стоит мне встретиться взглядом с женой брата, как в тот же миг, как на грех, приходит на ум — не приведи аллах, а вдруг брат мой умрет. Когда человек дает волю воображению, разные дикие мысли лезут в голову, например: будто бы брат мой умер, а жена так и вертится у меня перед глазами.

А жена... вот эта жена! Ну, будь она некрасивой, черт бы с ней, пусть бы убиралась во-свои-ся.

Если женщина — урод,
Значит, к ней никто не льнет,
Если к ней никто не льнет,
Значит женщина — урод.

Но порой, когда ненароком глянешь на бедра этой собачьей дочери...

Да проклянет аллах шайтана!

Короче, на всей земле нет такого горя, как у меня — днем и ночью оно терзает мою душу. «Душой изнываю, в слезах я. Спасите!»

Слов нет, у некоторых народов в этом отношении дело обстоит лучше; брату запрещается брать в жены вдову умершего брата. Потому-то они далеки от таких вот забот. Между нами говоря, это свидетельствует об их скудоумии. Я же, сказать по правде, ни за что не согласился бы, чтобы такая раскрасавица ушла из дома брата и стала женой чужого мужчины, тогда как я имею право сделать ее своей женой — потому что я мусульманин.

Если мрачен белый свет,
Значит, друга рядом нет,
Если друга рядом нет,
Значит, мрачен белый свет.

Да проклянет аллах шайтана!

Клянусь аллахом, я не согласился даже на то, чтобы моему брату соринка в глаз попала. Но не знаю, есть ли еще такие, как я, или только со мной, несчастным, творится такое? Как только эта дочь проклятого попадает мне на глаза, мне приходит на ум мысль о смерти брата, и я говорю себе: нельзя предвидеть дела мира сего, смерть придет и все унесет с собой. Клянусь аллахом, владыкой небесным, я готов сам умереть тысячу раз, только бы ничего не случилось с моим братом. Но, право слово, я никак не смогу допустить такого бесчестия, чтобы жена моего брата очутилась в объятиях чужого мужчины, тем более что ее дети мне дороги, как мои родные. Если я ставлю какое-либо различие между ними, пусть аллах проклянет моего отца. Поскольку у меня есть право взять в жены мать этих ненаглядных деток, а жена у меня одна-единственная, то как раз только двум женам и под силу будет вести хозяйство.

Да проклянет аллах шайтана!

Лучше брата нет нигде, —
Верен, выручит в беде.
Горе, что загадка есть,
А разгадки нет нигде!*

*Молла-Насреддин», 12 апреля 1913 г., № 12.

Ученые люди ни одной минуты не сидят без дела: дни и ночи они трудятся, чтобы открыть новое в науке, добыть новые знания. Такое рвение не остается безуспешным, да и не может оставаться, и каждый год мы узнаем что-нибудь новое, слышим какое-нибудь ошеломляющее известие, сообщение о немислимых открытиях — то в области медицины, то в механике и электричестве, а то в химии и естествознании.

Существование ученых, которые трудятся, не зная покоя, для нас, простых смертных, очень ценно, потому что благодаря различным открытиям ученых мы пользуемся благами паровозного сообщения, телеграфом, достижениями медицины.

Русский, немец и француз
Заняты трудами,
Потому что сам аллах
Сделал их рабами,
И над ними ты один —
Полновластный господин*.

Да будет известно уважаемым читателям, что один из вопросов, о котором в последнее время ведутся разговоры в мире медицины, это вопрос об анабиозе, который открыл известный русский профессор господин Бахметьев*. Суть открытия господина Бахметьева в том, что все живые существа на определенной стадии охлаждения становятся полуживыми, полумертвыми,

то есть, как бы сказать, ни живы, ни мертвы; они не подают признаков жизни и в то же время не безжизненны, как мертвые.

Научные опыты господина профессора ознаменовались такими неожиданными результатами, что он прославился на всю Европу; даже в Америке не бывает дня, чтобы газеты не писали об этом.

Доклад господина Бахметьева, прочитанный им примерно месяц тому назад на съезде биологов в Париже, для нас, мусульман, очень важен, потому что в одном из его пунктов говорится следующее: «Бритоголовые народы, населяющие мир, всегда пребывают в состоянии анабиоза».

Причина этого в том, что зимой под воздействием сильных морозов бритые головы впадают в состояние анабиоза, то есть, ооченев, они перестают быть живыми, не став еще мертвыми.

«Будучи живыми — мертвы».

Несмотря на то, что на том съезде были и возражавшие господину профессору, это открытие очень ценно; в частности, знакомый с миром ислама выдающийся французский путешественник мосье Лизуртаж возразил, что холода не могут привести в состояние анабиоза мусульманские головы по той простой причине, что мусульмане восемь часов в сутки из двадцати четырех проводят в горячих банях — чтобы как следует окраситься хной.

Газеты пишут, что ответ мосье Лизуртажа возымел действие; и это потому, что он заключил свою речь стихами Саади:

Вершина совершенства только в том,
Чтоб кровососным действовать рожком.
Да славится сей муж и род его.
Он — высшее на свете существо*.

«Молла-Насреддин», 26 июня 1913 г., № 18.

Удивляюсь я некоторым братьям-мусульманам! Приходит к ним, скажем, в гости мужчина, они зовут жену, сажают ее рядом с гостями и беседуют. Откровенно говоря, мне это не нравится, и я никогда не соглашусь, чтобы моя жена видела какого-либо другого мужчину, кроме меня, да еще беседовала с ним.

И я знаю, что в этом вопросе сторонников у меня много, и я бесконечно рад, что все братья-мусульмане на земле в этом отношении — мои товарищи.

И опять-таки я никак не могу понять, почему это некоторые братья-мусульмане соглашаются, чтобы их жены разговаривали с чужими мужчинами и при этом не закрывали своего лица.

Неужели мужчины эти ничего не боятся? Клянусь аллахом, у них львиное сердце, не иначе.

А я, по правде говоря, боюсь.

Боюсь, как бы моя жена, общаясь с чужими мужчинами, не увидела, что в мире есть мужчины лучше меня.

Именно по этой причине я не соглашаюсь, чтобы она выходила к гостям: я боюсь, увидит другого мужчину, и сердце взгрустнет.

Если бы я наверняка знал, что жена моя любит меня, тогда другое дело, — я бы ничего не боялся, разрешил бы ей разговаривать с кем угодно. Но коль скоро в ней нет любви ко мне, я не могу разрешить ей и шагу ступить из комнаты.

А не любит она потому, что и понятия не имеет, что такое любовь. Когда ее в четырнадцать лет против воли выдавали за меня, мне было сорок девять лет;

она стала моей женой, потому что была бедна. Я и сам знал, что она будет любить не меня, а мои деньги. Но это пустяки, да благословит аллах мусульманский мир; она ведь никого не увидит, кроме меня, и, конечно, не сможет полюбить! Правда, они тут с поваром иногда втихомолку заводили шуры-муры, но с тех пор я больше не держу у себя слуг мужчин.

Еще раз да благословит аллах мусульманский мир! Иногда некоторые из моих знакомых, получивших европейское воспитание, говорят мне: «Почему ты заточил свою жену в четырех стенах и держишь ее, как арестантку?» А я смело отвечаю им:

— Шарият не разрешает мусульманке показываться чужому мужчине.

Но я знаю, что словам моим никто не станет верить, потому что не шарията я боюсь, а жены. Если бы я боялся шарията, то не перестал бы совершать намаз, не приобрел бы привычки днем и ночью тянуть вино, не присвоил бы часть отцовского наследства, завещанную единоутробной сестре.

Надо сказать еще о том, что некоторые борзописцы начали писать в газетах, что женщины, мол, должны учиться, воспитывать своих детей, объединяться в общества, трудиться.

..Но, как гласит предание, в это время из клетки, устроенной меж четырех стен, донесся истошный крик:

— Душно!.. Давит!.. Воздуху!.. Отворите хоть окно!.. Я задохнулась!.. Воздуху!..

— Заткнись, бесстыдница! Мужчина идет, не голоси!

«Молла-Насреддин», 11 апреля 1914 г., № 13.

И поныне эти бессовестные ретрограды отрицают пользу цивилизации и просвещения.

Ах, лиходеи! Ах, бессовестные! Разве вы не знаете, в каком положении был наш народ тридцать-сорок лет тому назад?.. И в каком положении он сейчас! Неужели ваши глаза слепы?

Прежде всего коснемся мы вопроса о потреблении вина.

Тридцать-сорок лет тому назад, если какой-нибудь мусульманин попадал в компанию русских, он — хоть убей — и капли не брал в рот.

В самом деле, ведь он опозорил бы весь исламский мир.

Присутствующие со всех сторон отчитывали его: «Ты фанатик, бестолочь, у тебя нет вкуса, ты не компанейский человек!..» А сейчас?.. Сейчас даже в селах, в домах беков, наших купцов, ханов и некоторых арпазуваннх* пьется столько напитков, сколько их не употребляют в домах самых заядлых пьяниц.

С этим мы кончили.

Теперь обратимся ко второй пользе цивилизации.

Тридцать-сорок лет тому назад ни одна мусульманская дама знать не знала о существовании Пятигорска. Если дамы какой-нибудь нации не будут иметь понятия о существовании Пятигорска, то чего стоит сама нация?

Рассмотрим теперь, что такое — Пятигорск.

Пятигорск — город на Северном Кавказе, который знаменит своими целебными грязями. Если какая-нибудь дама заразилась от своего мужа дурной болезнью, она едет в Пятигорск и мажет тело этой грязью и через месяц становится совершенно здоровой, будто только что родилась. После лечения она опять одевает на голову чадру и возвращается на родину.

Тридцать-сорок лет тому назад мы, мусульмане, не имели представления о существовании Пятигорска, так как не были еще «арпазуванными». Правда, случалось, и прежде, некоторые наши купцы ездили на ярмарку и оттуда привозили жене вместо гостинца — болезнь. Но это были лишь редкие случаи.

Но зачем же вы заставляете меня так много говорить. Если вы понятливы, так по маленькому намеку должны догадаться о сути дела.

Должен доложить вам, что отовсюду — из Шуши, Нахичевани, Эривани, Гянджи, Баку ежегодно то и дело приезжают в Тифлис мусульманские дамы.

— Зачем приезжают?

— Больны.

— Что за болезнь?

— Заразились от мужей.

— А где мужья подхватили?

— Мужья подхватили эту болезнь от женщин, которые в полночь бродят по темным улицам.

«Что особенного, своя жена, хочу — везу ее в Пятигорск на лечение, хочу — бросаю ее и беру себе другую, здоровую...»

Ах, бессовестные ретрограды! Так почему же отрицаете пользу цивилизации? Если бы не цивилизация, разве нашли бы наши купцы дорогу на ярмарку, побывали бы наши ханы и беки в Тифлисе и Баку? А если бы не находили бы дорогу в эти места, так где бы они могли подцепить дурные болезни? А если не подцепили бы болезни, тогда каким же образом наши женщины познакомились бы с таким прекрасным городом, как Пятигорск?

Впрочем, я должен сказать и то, что мы мусульмане, единственный народ, который дорожит цивилизацией. Запомни это и не забывай...

Вот поэтому-то в Шуше ни один мужчина-армянин не знает дорогу в публичный дом. Этот факт могут подтвердить даже моллы города Шуши. И по этой причине публичный дом открыт именно в мусульманском квартале.

Короче говоря, у человека должно быть немного смелки, а бестолковых людей я не выношу.

«Молла-Насреддин», 28 апреля 1914 г., № 16.

Д а, я вспомнил об одной вещи: на прошлой неделе в мусульманских газетах было написано о том, что в городе Эривани скончался один весьма почтенный и богатый человек. Было названо и имя покойного, но оно выпало из памяти. Писалось о том, что «Жители Эривани глубоко опечалены», ибо покойный был человеком благонаравным. Писалось о том, что эта смерть — тяжелая утрата для эриванских мусульман, ибо покойный был человеком добропорядочным, ни в чьи дела не вмешивался, ни с кем не спорился. Писалось, что смерть эта — несчастье для всей нации, потому что покойный считался одним из богатейших помещиков и, естественно, карман его всегда был полон денег. Корреспондент завершал свое печальное сообщение зауспокойной молитвой: «Инна лиллахи ва инна илейхи раджииун».

Весть эта потрясла жителей всех мусульманских городов. Много говорилось и продолжают говорить по поводу тяжелой утраты.

Во-первых, часто твердят о том, что газета для всех наций — величайшее благо. Без газеты нация не сумеет двигаться вперед. Если бы, к примеру, не было у нас газеты, мы бы никогда не узнали о том, что в Эривани покинул Бренный мир и переселился в иной мир знаменитый и уважаемый бек. А вот теперь, когда у нас есть газета, мы, мусульмане всего мира, благодаря ей, узнали о кончине благороднейшей и влиятельной лично-

сти. Эту весть теперь прочитали и в Гаргабазаре, и в деревне Данабаш, и в Зардобе узнали, и в Сабунчах, и в Палан-Гапане, и в Нахичевани.

Вот вам польза газеты.

Вторая польза газеты заключается в том, что теперь наши правоверные мешади, промышляющие на базаре Куба-майданы в Баку и Шайтан-базаре в Тифлисе, узнали ужасающую новость: тяжкое горе обрушилось на эриванских мусульман, умер человек, который никому никогда не причинял зла, никого не обижал. И в самом деле, есть о чем сокрушаться: клянусь аллахом, покойный редкий человек был! А как же: быть эриванским помещиком, беком, богачом, получить воспитание и жить среди мусульман — и ничего плохого им не сделать, — ведь это редчайшее благо. Благодарение аллаху! И мы могли бы не знать о кончине такого человека, если бы не было у нас, мусульман, газет. Тысячу благодарений воздадим всевышнему!

Озолотить надо руку, державшую перо и написавшую эту весть!

Вот вам и вторая польза от газеты.

Третья польза от газеты та, что, не будь ее, откуда бы жители деревни Агджабеди, поселка Гурбагалы, города Кюрдамира и области Данагырт узнали о несчастных мусульманах Эривани, оставшихся сиротами вследствие кончины влиятельного и достопочтенного бека? Если эта весть дойдет до русского или армянского богача, они с завистью скажут: «И счастливые же мусульманские богачи! Счастливые они потому, что при жизни не тратят на благо народу ни одной копейки, а после смерти их имена красуются в газетах.

Но иноземцы о наших делах не ведают. Не знают о том, что стоит заговорить в обществе беков и ханов о нации и ее благе, как тут же приступ кашля одолевает их, и они спешно достают из карманов платки, затыкают рот и под этим предлогом увиливают от разговора.

Так что возблагодарим покойного господина! И вправду — тысячекратное благодарение ему! Возблагодарим и еще раз возблагодарим!

Что же касается наших газет, тут не без подвоха: помещая подобные вести, они подтрунивают над жителями Эривани: дескать, о эриванские братья, ну что

стоило вашему покойнику при жизни доходы от одной из многих деревень отдать на просвещение нации своей!

■

Что бы ни говорили и ни болтали другие, а я снова и снова скажу: денно и ночью радоваться бы нам тому, что у нас есть свои газеты. Если не было их у нас, разве узнал бы кто, что в такой-то день, в такой-то месяц в городе Эривани скончался такой уважаемый господин? Тысячу благодарений!

«Молла-Насреддин», 17 июня 1914 г., № 20

Пишу я эти строки и не знаю, поймут ли меня читатели, ясно ли им будет, что я написал, о чем говорю?

Всем известно, для того чтобы читать по-мусульмански и понимать написанное, требуется большое искусство. Главное, очень трудно читать текст, написанный шрифтом, которым мы сейчас пользуемся. Об этом мы уже много говорили.

Я написал последнее слово «говорили» и думаю, что если одна из точек исчезнет, или будет проставлена неверно, читать будет трудно*.

Ах, бедняги мы, бедняги! Ах, наши многострадальные наборщики в типографиях! Ах, несчастные глаза наших читателей!

Это одно.

Теперь остается поговорить о следующем вопросе, к которому приковано внимание мусульман Ордубада и Падара, к вопросу о съезде наших священнослужителей в Петербурге.

По правде говоря, будущее несчастных мусульман, то есть будем мы счастливыми или нет, — зависит от этого самого петербургского съезда наших священнослужителей. Если на этом собрании в Петербурге примут решение повысить жалованье бакинскому духовенству, тогда есть надежда, что наше счастливое будущее обеспечено. Если же такое решение не будет принято — горе нам!

Скажем прямо, в наших делах много путаницы. Например, от Баку были посланы выборные представители и объяснили им, что они должны говорить в Петербур-

ге, чего должны добиваться. Напомнил ли им кто-нибудь о том, что стоит в Баку какому-нибудь несчастному попасть в духовное ведомство, как по возвращении домой он говорит жене:

— Дай мне иголку с ниткой, я зашью дыры в карманах!

Пока я не знаю, что за делегат этот имам Курамшин, но посмотрите, что он говорил на собрании! Он встал и произнес пламенную речь, ратуя за уравнение в правах женщин и мужчин, то-есть, по его мнению, раз мужчины ходят по улицам с открытыми лицами, то и наши женщины должны ходить без чадры.

Хвала оратору!

Пока что не знаю, что это за депутат. Кто он — этот имам Курамшин? И что за слова такие? Удивляюсь, почему господин Торчибашев не ответил этому имаму?

Слышал я также, что на этом собрании в Петербурге представители Кавказа подняли вопрос о том, чтобы в школы не принимались девочки-мусульманки, которым уже исполнилось девять лет; а если же они учатся, так исключить их из школ.

Причина такого требования тоже ясна; ведь девочка девяти лет считается уже вполне зрелой, и ей надлежит выходить замуж.

Хотя и бакинцы не согласились с этим предложением, а ну их к дьяволам.

Остается вопрос о кровавой расправе макинских ханов и о подарке, сделанном в Баку актрисе Пинотковской — бриллианте стоимостью в десять тысяч рублей.

И по этим пунктам тоже был разговор на съезде духовенства в Петербурге, но результаты пока еще нам не известны. В следующем номере мы напишем и об этом.

А пока — желаем вам здравствовать.

«Молли-Насреддин», 28 июня 1914 г., № 21.

ПОЗДРАВЛЕНИЕ

Весь мир и весь свет знают сейчас о смене русского правительства*.

Кратко все это можно изложить так: в кон веки группа извергов собралась вместе и, избрав себе главу, села на шею народу и стала издеваться над ним. И, наконец, случилось так, что стенания обездоленных достигли небес...

Да, час пробил, и заворчалось колесо истории: царя свергли с престола, министров арестовали, и депутаты народа, взяв власть в свои руки, стали управлять страной по своему разумению.

Народы обрели свободу, взошло солнце, и два праздника слились воедино. Я хотел бы от чистого сердца поздравить читателей и только открыл рот, чтобы вымолвить «поздравляю!», как вдруг мной овладело уныние.

Эх, мир, неверный мир! Нет в тебе счастья, и прав поэт, сказавший:

«Не найти человека на свете без горя!..»

И кому я пошло поздравления в связи с этими двумя праздниками? Как мне узнать, кто от души радуется освобождению народов, а кто погружен в горе? Правда, свобода — вещь хорошая, но для кого?

Наше мусульманское население состоит из нескольких классов. Для некоторых нынешняя революция действительно праздник, действительно новруз; но если говорить по совести, надо заметить, что для других это событие — черный день, траур.

Братец мой, представь себе на минуточку наших предводителей! Разве справедливо ставить миллионы на

полечение рабочих? Сегодня назначали нового управляющего базаром. И кого бы вы думали? Человека прошлого, без роду и племени, раба божьего, имя которого ни разу не произносилось в обществе аристократов!

И свобода же, ей богу!

Братец, скажи на милость, как примириться с таким горем некоторым нашим ханам и аристократам?

Или возьмем наших высокопоставленных чиновников, которые, посещая раз в год мечеть в честь тезоименитства царя, даже в храме божьем, в доме аллаха не хотели быть похожими на обыкновенных, простых мусульман. И как примириться им с таким горем, когда этот самый царь оставил их несчастными сиротами?

Или вот наши увешанные медалями ахунды! Что же делать теперь этим несчастным?

А разве мало среди нас и таких, чьи убеждения, вера, происхождение — неизвестны никому. Их не то что поздравлять... Нет, надо им только пожелать терпения, да и только!

Допустим, настанет время, когда наши маленькие дети вырастут и, ухватив их за ворот, потребуют объяснений — так же, как это сделали с русскими министрами...

Но оставим в покое будущее, лучше поговорим о сегодняшних делах. Мы только просим всевышнего аллаха, чтобы он, начиная с этого дня, только и радовал наших уважаемых читателей и даровал терпение нашим руководителям.

Что же касается будущего, того, что будет, и того, что нам надо сделать, — мы, с благословения аллаха, поговорим об этом не спеша; к чему торопиться? Всевышний — друг терпеливых!

«Мола-Насреддин», 9 марта 1917 г., № 5.

Аллах создал нас, мусульман, счастливыми. Подумай и ты увидишь, что нам без труда достались блага мира. Возьмем железную дорогу, телеграф, телефон и другие дьявольские штуки: весь наш труд в данном случае заключался, наверное, лишь в том, что, когда европейцы ломали себе головы над изобретениями, мы совали ноги в холодную воду и соблюдали посты в течение восемнадцати часов, ждали наступления вечерней трапезы; а между тем аллах не лишил нас ни одного из благ мира, потому мы и впрямь счастливы!

А теперь обратимся к вопросу о новом правительстве — никакого сомнения быть не может в том, что мы, мусульмане, будем одной из свободных наций, живущих в братстве с другими свободными нациями. Но ты не забудь о том, что другим нациям эта свобода досталась не даром! Известно, что пока дело увенчалось успехом, в Петрограде и Москве погибли тысячи людей, потекли реки крови, много было потрачено и много еще тратится сил и энергии во имя окончательной победы!

Но в итоге все-таки плодами свободы воспользуемся и мы. Да и как может случиться, чтобы мы не воспользовались? Конечно же, свободные ныне народы нас не забудут! И все это по простой причине, что мы — один из счастливейших народов мира!

Если говорить по совети, все эти слова являются сущей правдой и нет и не может быть на свете никакой другой правды!

А теперь, взять русский народ, именно русский народ, который проливает свою кровь в обеих столицах.

Чего он хочет? Русские же не мусульмане! Разве старое русское правительство завладело правами их мечетей, а также отлучило ихних молл-муфтиев и шейх-уль-исламов от народа, соблазнив их «кокардой»? Так почему русские проливали свою кровь? Что они, одурели, что ли? Разве правительство Николая пыталось в краткий срок обрушить все население страны, от Ашхабада и Туркестана до Царицына и Оренбурга, обратить в христианскую веру такое огромное население, распределить земли местных жителей между русскими с центральной России, стереть с лица земли миллионы мусульман?!

И кто не знает, что прежде в любом деле, на любой службе, в любом учреждении и канцелярии — везде и всюду мусульмане по сравнению с другими народами ущемлялись в правах, а то и вовсе были лишены их?

При всем этом среди проливающих кровь за свободу нет ни одного мусульманина и это потому, что «Светила, ветер, облака вершат свой неустанный труд», чтобы ты, получив свободу в свои руки, никогда не забывал о том, что в десятый день марта, то есть на второй день нашего новогоднего праздника новруза, в городе Петрограде состоялись похороны борцов, павших за свободу.

И мы должны дать обет, что вместе с другими народами нашей свободной страны, именуемой «Свободной Россией», будем в десятый день марта чтить память павших борцов, молиться за них, а тех, кто остался в живых, в один голос приветствовать:

— Да здравствуют свободные народы нашей свободной страны!

«Молла-Насреддин», 16 марта 1917 г., № 6.

3 а последнее время в редакцию журнала «Молла-Насреддин» из разных мест поступают жалобы. Среди жалобщиков есть и бакинцы, и эриванцы, и геокчайцы; есть и жители других мест. И то, на что жалуются, вопрос немаловажный. Мало сказать — немаловажный, вопрос очень важный! И если этот вопрос своевременно не обсуждать, нам, мусульманам, будет худо.

А весь вопрос-то состоит в следующем.

Жалобщики пишут: совершилась революция — промолчали, объявили свободу вероисповедания — промолчали, кое-где с холодком отнеслись к нашим ахундам — промолчали. Но все имеет свои границы! И если дело пойдет и дальше так, если человек перестанет осмысливать свои поступки, если пороки переступят черту, — терпению нашему придет конец!

А вопрос — это женский вопрос.

Из одного города жалобщики пишут: вот уже неделя, как в наш округ из Тифлиса прибыл государственный чиновник или, как его называют по-русски, уполномоченный. Сам он молодой мусульманин с закрученными усами. Судя по нему, он прошел хорошую русскую школу; а говорит с нами наполовину по-русски, наполовину по-тюркиски. Но это неважно. А важен тот вопрос, о котором я доложу вам; господин уполномоченный сказал нам, чтобы собрались все аксакалы. Мы собрались. Господин уполномоченный сообщил, что сегодня состоится выборы комитета и посему все женщины, как и мужчины, должны присутствовать на собрании.

Мы господину уполномоченному ответили: «Госпо-

дин уполномоченный (такой-то бек), мы тебя слушали внимательно, а теперь дай нам три дня срока».

— А почему три дня? — спросил он.

А мы ответили:

— Только за три дня успеется.

— Что успеется? — спросил он.

И мы выложили ему все. Мы объяснили господину уполномоченному, что, слава аллаху, мы — мусульмане и потому не можем дать согласия нашим женам собраться сюда. Наша честь этого не позволит! Но коль скоро и нашим женам дано право выбирать и быть избранными, мы должны дать им развод. Такие жены нам не нужны! А это дело с разводом может устроиться лишь за три дня: потому что у нас один приходский молла, и он лишь за три дня успеет развести всех нас...»

В общем, мы и сами не разберемся в этой запутанной истории. Жалобщики дали этому хорошему определению, они говорят, что это — «разврат».

Я сам признаюсь: там, где нет женщин, — пустыня, там, где не слышен женский голос — тоска, но, говоря по правде, это самое и есть «разврат»! А то как же? Ты делаешь революцию — делай, избираешь комитет — избирай, кто тебе перечит? Выбираешь Думу — выбирай, но если ты честный человек, какое тебе дело до женщин, до наших жен?..

Клянусь аллахом, это самое и есть «разврат»!

«Молла-Насреддин», 14 июня 1917 г., № 4.

Свобода совести — это одна из тех свобод, которые явились приобретением русской революции.

Свобода совести имеет два значения:

Первое заключается в том, что я вправе истолковывать вещи, которые я скрыто чувствую, так, как мой ум мне диктует, подсказывает совесть, и сообразно с этим я действую.

Я, например, хорошее отличаю от плохого согласно своим понятиям и по этому поводу ни к кому не обращаюсь за советом. Я вижу, что если уроню стеклянную посуду, она разобьется. Потому я считаю неразумным ронять ее.

Я жалею маленького сироту, ибо этот ребенок живет без родителей. Тут уже никто не заставляет жалеть сироту.

Признавать аллаха и поклоняться ему, также мое тайное чувство. Я верю в аллаха, и моя вера основывается на моем личном убеждении, так мне подсказывает моя совесть. Никто не может насиловать мою волю, мои убеждения, ни у кого нет прав на это и не может быть.

Это одно проявление свободы совести.

Второе проявление свободы совести мы наблюдали на 1336-ом мухарраме на траурном обряде поминовения имама.

Что мы видели тогда?

Мы видели, что все на свете перемешалось: улицы и базар переполнились народом, душераздирающий рев оплакивающих имама оглушал людей, чуть ли не сотрясал горы, слышались вопли окровавленных, истязаемых

себя фанатиков в белых рубахах. Столпотворение, всемирный потоп, вой женщин и детей, крики карманщиков, забудыг и мусульманских чиновников, бьющих себя в грудь. Что еще мне сказать? Все иные нации сбежали на это представление. Они смотрели, смотрели, и кто знает, чего только не говорили они про себя?

Знаете, что я вспомнил в эту минуту?

Я вспомнил, что, о боже мой, как будто в этом столпотворении не видно представителей мусульманской интеллигенции.

Ума не приложу, как это можно? Нет, я покопчу с собой! А ну-ка, не мешай, пошли отряд людей, дай им в руки список мусульман-интеллигентов, пусть пойдут к ним по домам и силой приволокут их к толпе белорубашечников. Вот это и есть второе проявление свободы совести: когда я вижу, что ни один мусульманский интеллигент не присоединяется к участникам шахсей-вахсея, моя совесть мне подсказывает, что этот несчастный сбился с пути, надо послать к нему человека с дубиной, чтобы тот насильно приволок его сюда.

Вот по этой-то причине та помпа, которая наблюдалась в этом году во время шахсея, не имела места в прошедшие времена.

Да здравствует республика, да здравствует свобода совести!

«Молла-Насреддин», 18 октября 1917 г., № 20.

О забытая родина, о горемычная отчизна!.. Земли претерпели потрясения, миры перевернулись вверх дном, судьбы смешались друг с другом, народы пробудились от вековой спячки и, найдя братьев своих, рассыпавшихся по белу свету, стали чинить рухнувший кров свой.

Где же ты, где, несчастная родина моя?!

Мир и люди изменились, понятия получили новое осмысление, или, говоря попросту, слова, утратившие свой подлинный смысл, вновь обрели его. Все поняли, что самое дорогое и возвышенное — это родина, родина и родина, язык, язык, народ, народ и народ! И нет больше иных дорог к процветанию человечества, чем забота о родине, языке и народе.

Наряду с этим были затронуты все основы, говорено обо всем, все наши мужи явили свою доблесть, но есть еще одно слово, которое звенит в моих ушах, сверлит мозг и беспокоит меня: слово о моей родине, об Азербайджане.

Порой сажусь я за стол, кладу перед собой папаху и погружаюсь в думы. Я спрашиваю себя:

— Кто моя мать?

И отвечаю сам себе:

— Покойная Зохрану.

— Мой родной язык?

— Азербайджанский.

— Моя родина?

— Азербайджан.

Коль скоро язык мой называется тюркско-азербай-

джанским, следовательно, и родиной моей является Азербайджан.

— Где находится Азербайджан?

— Значительная часть Азербайджана с центром в городе Тебризе находится в Иране; другая половина, начиная от Гилана, находится на территориях старого российского и турецкого государств и состоит из части Кавказа, турецкого Курдистана и Баязета*.

И знаете, почему я завел разговор на эту тему? А вот слушайте: на прошлой неделе в Тифлисе на заседании национального комитета мусульман возник спор о том, на каком языке вести собрание. Один предложил выступать по-русски, другой сказал — по-тюркски, а третий заявил — по-армянски. Спорили и постановили: в связи с тем, что большинство наших учителей и учителей тюркского языка недостаточно хорошо владеют тюркским, разрешить им выступать по-русски. Что же касается тех членов мусульманского комитета, которые окончили русский университет, — то, и им, естественно, разрешили говорить по-русски. А как же иначе?

Справедливо ли, проучившись много лет по-русски, годами живя среди гуяров, здороваясь за руку с ихними профессорами, теперь, когда представилась возможность блеснуть своими знаниями, прятать от других свою ученость и не выступать по-русски? Хотя кое-кто из членов помнит, и не понимает по-русски — мне-то какое до них дело? Ну и черт с ними, что не понимают!

Что же касается порядков на бакинских собраниях, то об этом я лучше умолчу. И без того у нас много врагов, — узнают, придут на собрания и, поглядев на наши замечательные порядки, не приведут аллах, сглазят нас! Почему-то у всех наших недоброжелателей дурной глаз.

■

Ах, чудесная моя родина Азербайджан! Что с тобою случилось? Где ты?

Братья мои тебризцы, едящие хлеб из отрубей, братья мои мешкинцы, хойцы, серабцы, горуццы и морусцы в войлочных папахах, о соотечественники мои, грязные, оборванные марагалинцы, мерендцы, голланстанцы, о мои смелые ардебильцы! Придите! Придите,

придите и укажите мне верный путь! Клянусь аллахом, вконец растерялся я!..

Миры содрогнулись, все обрело подлинное значение и звучание, так давайте же и мы соберемся и сядем, положим перед собою свои войлочные папахи и подумаем о том, где наша родина и что с нею?!

Придите, нищие и босые братья нашей забытой родины! Придите — и давайте посмотрим, как о нас заботятся и куда нас приведут некоторые наши вожди-предводители, которые еще с колыбели впитали чужеродное молоко, не понимают надежд и чаяний народа, чужды интересам родины.

Почему вы безмолвствуете, о мои нищие и сырые братья-сородичи!

«Молла-Насреддин», 27 ноября 1917 г., № 24

В Иране нет слова «нация». Я листал словарь, я общался с людьми, но ни разу не услышал этого слова — «нация». Не встретил я этого слова и в книгах.

В словарях, в тех местах, где должно стоять слово «нация», написано: «личность». В разговорах, там где следует произнести слово «нация», употребляется слово «личности».

Именно по этой причине у нас национальные институты подменяются институтами личной власти, а вместо наших национальных предприятий осуществляются интересы отдельных личностей.

Этот вопрос имеет свою маленькую историю.

В древние века дело обстояло так же, то есть народ как бы состоял из одной или из нескольких личностей. Народа будто бы и не было. Это продолжалось до той поры, когда знаменитый философ древности Демокрит впервые произнес слово «нация» и объявил, что каждая страна имеет единственного хозяина — и это есть нация.

Некоторое время эта мысль была забыта. Молчание продолжалось до тысяча семьсот девяносто третьего года, когда французский народ, который считается одним из самых благородных народов на земле, вновь возгласил во всеуслышание: «нация», «нация!».

И после этого, под влиянием французского примера, воспрянули многие национальности на земном шаре. Чувство национального достоинства и свободолюбие начали пробуждаться во всех странах, и мы в числе других слегка зашевелились. Но разница лишь в том, что мы не захотели подражать другим, мы построили для себя

особую фабрику свободы, заботясь о том, чтобы продукция этой фабрики не походила на французские, европейские образцы, подобно тому, как стекольный завод не похож на швейную фабрику. И это потому, что между восточными и западными товарами всегда существует разница, точно так же возникла разница между западным и восточным свободолюбием. Институт нашей свободы зиждется на личностях, а не на нации.

Поэтому в течение последних пятнадцати лет всегда, когда мы замыслили какое-нибудь предприятие для достижения свободы, неизменно выбирали из своей среды кого-нибудь в султаны, без разрешения которого мы не смели даже пикнуть. И это мы называли свободой!

Что же касается нации, она только безучастно смотрела со стороны, ибо она тысячелетиями привыкла смотреть на все вот так, со стороны.

Я не говорю, какая из этих фабрик лучше, какая хуже. Каждый выбирает то, что ему по душе. Пожалуйте, сударь, чего изволите.

Хочешь, возьми это, не хочешь, возьми то. И то, и другое — товар фабричный. Только запомни хорошо то, что страна, общество, суть масса отдельных людей. И если ты не возьмешь в расчет духанщиков, башмачников, угольщиков, голодных братьев своих и сотворишь себе кумиров, тогда товар твоей фабрики среди других наций не будет ходким и тебе придется в конце концов закрыть свою фабрику, остаться ни с чем.

Тогда пеняй на себя.

«Молла-Насреддин», 20 февраля 1921 г., № 1.

До тех пор, пока я не побывал в Тебризе, я думал: публичный дом — нечто дурное.

Например, в Тифлисе я замечал, что армяне не разрешают открывать в своих кварталах публичные дома, грузины и русские также не позволяли открывать в своих кварталах такие заведения. Мусульмане вначале решили открыть публичный дом в своем квартале, но потом увидели, что христиане у себя не открывают, подумали, посоветались и порешили избавиться от публичного дома в своем квартале.

Но вот когда мне случилось приехать в Тебриз, я увидел, что в мусульманских кварталах в четырех местах имеются публичные дома; бесстыдные девицы выходят на балкон и зазывают в гости мусульманских мальчиков, идущих в медресе. По правде говоря, сейчас я в недоумении: не знаю, что и думать о публичных домах, — хорошее это дело или плохое? Допустим, я скажу, что публичный дом — дело хорошее, конечно, между нами говоря, но если говорить по совести, то мы можем убедиться, что публичный дом — не такая уж хорошая вещь. И вот почему.

Во-первых, публичный дом портит нравы нации.

Во-вторых, в этих домах молодые люди заражаются разными болезнями, обрекают себя на нензбывные беды.

В-третьих, наш шарият считает посещение публичных домов также непристойным, большим грехом.

Коль это так, то я опять в недоумении. Иной раз я задаюсь вопросом: хорошо, если публичный дом — дело худое, почему же, кроме меня, никто не говорит об этом? Неужели, кроме меня, в нашем городе нет другого умного,

порядочного и благоправного человека? Но ведь ежедневно мимо публичных домов проходит несколько тысяч набожных и благочестивых рабов алаха. Почему они не протестуют? Неужели я самый смелый в этом городе?!

Нет, это не так.

Может быть, в Тифлисе и других городах русские, армяне, грузины и евреи заблуждаются? Может быть, они ничего не понимают? Может быть, публичные дома— дело полезное?

Честное слово, я в недоумении.

Умоляю, растолкуйте, объясните мне, я ли спятил или другие?

Прошу вас, вразумите меня, иначе я могу и впрямь свихнуться!

Ах!.. Ах!..

«Молла-Насреддин», 20 февраля 1921 г., № 1.

Однажды ко мне пришел гость в хламиде, поздоровался и хотел было сесть. Я тоже хотел было присесть, но вдруг вижу, что мой гость поспешно вскочил на ноги. Мне стало неловко, я подумал, что когда наш слуга подметал пол, колючка от венника застряла в ковре и теперь вонзилась в мягкое место моего гостя.

Я вышел в переднюю, позвал слугу и начал отчитывать его: мол, бессовестный, как ты смеешь позорить меня? Зачем, подметая пол, ты оставляешь на паласе колючки?

Слуга клятвенно заверил меня, что в веннике нет таких колючек, которые могли бы упасть на пол и вонзиться бы в тело гостя.

Словом, я вернулся в комнату и хотел сесть. Едва я сел, как мой гость опять вскочил на ноги.

От стыда я готов был провалиться сквозь землю. Я был разгневан. Вновь я вышел из комнаты, подозвал слугу и опять принялся ругать его. После этого я вернулся в комнату и опять хотел сесть. И опять мой гость поспешно вскочил на ноги.

Заливаясь краской, я начал извиняться перед гостем, сказал, что домашние слуги в Тебризе— крайне невоспитанные и бестолковые, что из-за них хозяину дома приходится краснеть в присутствии уважаемого гостя.

Гость ничего не ответил на это и начал интересоваться моим самочувствием.

В этот момент в комнату вошел один из моих друзей и захотел было сесть, как мой предыдущий гость вновь поднялся на ноги. У меня окончательно испортилось настроение, я сделал знак моему другу, приглашая его вый-

ти из комнаты. В передней я таинственно сообщил о моих опасениях:

— Ты понимаешь, я опозорен в глазах этого уважаемого гостя, который сидит в моей комнате. И не знаю, как мне извиниться перед ним.

— Что же случилось? — спросил мой друг. — В чем дело?

Я поведал ему мои подозрения относительно колючки. Выслушав меня, мой друг нахохотался вдоволь и, кончив смеяться, сказал:

— Мой дорогой Молла-эми, ты не знаком со здешними обрядами. И поэтому закрадываются в твою душу сомнения. Дело в том, что твой уважаемый гость в хламиде вовсе не сел на колючку. Никаких колючек не было в ковре, и напрасно ты обижаешь своего слугу. Дело в том, что в наших краях еще существуют старые дедовские обычаи: если ты хочешь сесть в обществе, долг присутствующего привстать. Очевидно, ты несколько раз пытался сесть, поэтому твой гость из уважения к тебе вскакивал на ноги. Успокойся, уверяю тебя, он вовсе не сел на колючку.

Я прикусил палец. Мое недоумение начало рассеиваться. Я сказал другу:

— Но ведь я не один раз, а трижды видел, как мой гость вскакивает на ноги.

Приятель ответил:

— Так и должно было быть. Ты можешь с утра до вечера, двести раз пытаться сесть, и твой уважаемый гость в хламиде всякий раз будет вскакивать на ноги. Неужели ты все двести раз будешь думать, будто в мягкое место твоего гостя вонзается колючка? Твой слуга ни в чем не виноват. Тебризские венки не имеют колючек.

В этот день я погурузил в думы.

«Молла-Насреддин», 9 марта 1921 г. № 2.

На земле есть только два города, где бани топятся сухим навозом — Нахичевань и Тебриз. Все бани мира работают на нефти или дровах. Даже в таких захудалых городах, как Марага и Хой, и в других местах в банях используют дрова. И нет на земле ни одного города, где чад от бани причинял бы беспокойство жителям.

На свете не осталось ни одного народа, который бы не покупал навоз на вес для удобрения посевов. В одном лишь Тебризе сухой навоз ни во что не ставят, ибо пусть в Тебризском краю и вовсе не будет посевов, — всевышний аллах даст нам хлеб из ничего. И коль скоро сухой навоз ничего не стоит, содержатели бань не тратятся на дрова: накладно, доходы будут не те, что ныне. Людям нипочем; всяк думает: пока не пришел мой смертный час, этот банный чад не отравит меня. Именно поэтому никому не приходит в голову мысль о том, что жить на свете — это не только утром пойти в свою лавочку, а вечером набить живот едой и завалиться спать. Коль скоро ты обрек себя на жизнь среди зловонного запаха и дыма от навоза, горящего в банных топках, зачем тогда поносить другие нации и сынов этих наций, которые не душат соседей банным дымом?

Повсюду дым, дым. В компаниях и в домах — табачный дым и винный перегар; на улицах — дым бань; в сознании — дым предрассудков; в душах, в сердцах — дым косности.

Короче говоря, нация задыхается в дыму. И, задыхаясь, она ждет спасения.

— От кого?

— От каждого, в ком есть совесть. От каждого истинного друга родины. От каждого человека, в чьем сердце есть любовь к ближнему.

Нация задыхается. Дым, дым обволакивает ее со всех сторон. Если не отозваться на его призыв о помощи, может случиться так, что нация погибнет.

Надо спешить!

«Молла-Насреддин», 7 мая 1921 г., № 7.

АХ, НИКОЛАЙ!..

Меня весьма удивляет, когда некоторые иранцы хулят Николая за то, что он был деспотичным шахом. У свободных народов есть право на подобные обвинения. Действительно, Николай был врагом свободы. Но следует сказать, должно ли хранить во всех суждениях беспристрастие или можно говорить зря? Если говорить по совести, честное слово, мы, иранцы, не имеем никакого права хулить Николая. Ведь сказано:

«В чужом глазу соломинку видишь, а в своем — бревна не замечаешь!»

Ах, Николай!.. Клянусь аллахом, я от всей души мечтаю о правлении Николая. Спросите меня, почему. Позвольте, сейчас я по порядку изложу вам все причины. Их три.

Смею доложить вашей милости, в самое мрачное время царствования Николая русский народ все же пользовался таким авторитетом и уважением, что если бы аллах по ошибке даровал половину этого авторитета и уважения иранцам, мы бы от радости тышу раз кидали бы наши папахи к небу.

Смею вам сказать, что при царствовании Николая, еще до провозглашения манифеста, все гражданское самоуправление находилось в руках представителей народа, по-русски эти учреждения назывались земствами.

Вопросы просвещения в деревнях, лечебные заведения, финансовые дела, строительство и поддержание в исправности дорог (как мы важно говорим. «Косо смотрящий на общественные дела, закрой глаза!») да, всеми этими делами ведали народные представители. Это — первое. Чтобы не забыть, загни палец. Во время царство-

вания Николая руководство всем городским хозяйством также осуществлялось выборными представителями народа. Итак, это второе. Не забудь палец загнуть.

И наконец, третье. Скажу и это, закончу разговор, чтобы не отогнать вашего сна.

В-третьих, в эпоху Николая, еще до манифеста, в России существовал так называемый суд присяжных; двенадцать присяжных заседателей, представителей различных слоев населения, решали участь подсудимого, независимо от присутствия на суде трех официальных представителей юстиции, которые обязаны были подчиняться решению этих присяжных заседателей.

Но боюсь, что ты не поймешь, вижу, что ты зеваешь! Ах, Николай!.. Смотри, как тебе не повезло, если даже иранцы считают тебя деспотом.

Между нами говоря, у Николая имелся большой недостаток, который заключался в том, что он приблизил к себе шарлатана по имени Распутин; утром — яичница, вечером — плов из ханского риса, затем — кальян (а может, даже гашниш). Плут настолько очаровал тупоумного падишаха, что одно время вся Россия считала самодержцем не Николая, а его, Распутина. (И ведь он-то, Распутин, погубил Россию.)

Мне хотелось бы об этом говорить еще, но, клянусь аллахом, я боюсь, честное слово, братец, боюсь! Не ставляя, боюсь!

«Молла-Насреддин», 7 мая 1921 г., № 7.

И беда же с этой Тебризско-Джюльфинской дорогой!

Недаром говорят, что от Николая нам досталось немало бед; и одной из них явилась эта железная дорога. А как хорошо было в недавнем прошлом: выстранвался в цепочку караван верблюдов, нагружали животных всевозможным товаром и, глядишь, через недельку-другую живым и невредимым прибываешь из Тебриза в Джюльфу.

Да, проложили железнодорожную ветку, дабы путь был коротким и легким; будто кто-то нас гонит и торопит; будто этой дорогой наша молодежь отправится учиться в университеты Германии или Америки.

Поди теперь, возись, вот тебе железная дорога! Пустишь ее в ход, извивается, как змея, вопит, как буйвол, и пугает в деревнях женщин и верблюдов; а когда она бездействует, так некоторые бездельники болтают о том, что вот, мол, какое у нас в Иране правительство и купцы! Николай потратил двенадцать миллионов рублей и оставил нам железную дорогу, а наши власти и богачи бессильны содержать в порядке коротенькую дорогу.

Посмотрите только, что они болтают!

Почему это мы беспомощные? Во-первых, мы самые умные и ловкие люди на свете. А ловкость наша вот в чем проявилась: грузины проложили железную дорогу в Кахетию на свои собственные денегки, а мы повели дело так, что железная дорога досталась нам даром. Второе доказательство нашего преимущества состоит в том, что, если у чужеземцев железная дорога работает бесперебойно днем и ночью и при этом сжигаются по-

напрасну тонны нефти, тратится много денег на оплату труда рабочих и служащих, которых отрывают от иных дел, то у нас совершенно другое отношение к железной дороге: нужно нам перебросить войска или переправить товары,—мы покупаем за шестнадцать туменов дрова и приводим в движение поезд; не требуется нам перебрасывать войска или переправлять товары,—и железная дорога наша не работает. К чему напрасну влезать в расходы?

И паровоз не шумит, и рабочих отпускают по домам.

Правда, при этом кое-какие болтуны говорят, будто железная дорога, если ею не пользоваться, приходит в негодность, а шпалы и рельсы растаскиваются темными жителями окрестных поселений.

Растаскиваются — ну и бес с ними! Наши верблюды, слава аллаху, еще не подохли! И мы не потеряли голову, чтобы ради какой-то железной дороги тратить в месяц три тысячи туменов! Не работает — ну и черт с ней!

Да процветают лошадино-ослиные оказии! Так что занимайся своим делом, все это пустяки.

«Молла-Насреддин», 15 мая 1921 г., № 8.

Мы напрасно обидели нашего друга Мамедалишаха и прогнали его из Ирана. А чего мы добились? Мы получили куцый парламент!

От парламента толку не жди — снова нужна революция!

В те годы я был неопытен. Радовался, когда провозгласили конституцию. Думал — как хорошо, что и в Иране наступили желанные времена. Надеялся, что наконец-то спокойно вздохнут иранцы. А теперь понял, что это за штука — конституция: оказывается, она придумана для того, чтобы попросить потесниться народных депутатов и разместить на их местах ревнителей шарната. Не то получилось. Это значит — перечеркнуть конституцию. Обошел я весь Иран и увидел многое. Припоминаю обряды в месяц мухаррам, вспоминаю прелести поста в месяц рамазан, вспоминаю коронования шахиншахов, представляю себе неисчислимые зверства и несчастья, порожденные невежеством, и вновь говорю: нет, так нельзя, надо искать выход.

Дремучее невежество! Беспросветная темнота! Тут нужны пушки, ружья. Пороховой ли огонь, не знаю, пушка просвещения ли, не ведаю, таран культуры или динамит революции, а может быть, и то и другое. Во всяком случае, нужна революция.

Этот вопрос имеет к нам прямое отношение, ибо черные тучи Востока застыт мусульманам небо культуры и просвещения.

И по той и по другой причине мы с нетерпением должны ожидать иранскую революцию. И пока будет длиться

ся такое положение, мы не можем надеяться на то, что умы просветятся, мрак рассеется, и несчастный народ найдет дорогу к освобождению.

Я кончаю разговор и, вспоминая своих друзей и товарищей — борцов за свободу, которых я оставил в Иране, шлю им искренний, сердечный привет.

«Молла-Насреддин», 19 ноября 1922 г., № 3.

За последнее время грамотность среди крестьян и рабочих возросла настолько, что темпы доставки наших журналов в деревни стали отставать. Если почта из Баку отправляется рано утром, то прибывает в Казах, Қарягино и Гянджу только на следующий день. Таким образом, для доставки журнала «Молла-Насреддин» в районы требуется не менее 24 часов времени.

Ясно, что крестьяне не могут согласиться с этим. Известно и то, что газеты не способны полностью удовлетворить запросы наших крестьян. Это потому, что благодаря деятельности учреждений ликбеза ежедневные газеты не в состоянии утолить жажду крестьян. Вытекает необходимость снаряжения караванов газет в села рано утром, в полдень и вечером.

Разумеется, это можно осуществить только с помощью аэроплана, который поднимет экземпляры нашего журнала в воздух и сбросит их над азербайджанскими селами: крестьяне, толкаясь, опережая друг друга, на расхват разберут экземпляры нашего журнала. С божьей помощью, через некоторое время крестьянам посчастливится читать также другие газеты, доставляемые аэропланами.

Коль скоро дело обернулось так, доводим до сведения читателей, что мы задались целью построить аэроплан под названием «Молла-Насреддин». Выражаем надежду, что в ближайшее время добровольцы пришлют в нашу редакцию столько денег золотом, что и нам удастся приобрести собственный аэроплан. И если из Казаха, Гянджи, Шамхора и Нахичевани собирают и посы-

лают в изобилии золотых денег на постройку аэроплана для некоторых газет, так почему же они не должны послать их и для аэроплана «Молла-Насреддин»? Журнал «Молла-Насреддин» выходит на родном языке жителей Казача и Шамхора. Я отмечу и то, что шамхорцы подарили гнедого коня стоимостью в триста рублей для строительства аэроплана «Бакинский рабочий». Нахичеванцы выделили для аэроплана той же газеты наличными тысячу рублей золотом. Ну и что же, я человек не завистливый, но, уповая на аллаха, буду надеяться, что мои друзья шамхорцы и мои земляки нахичеванцы, которые доказали свою любовь к просвещению и газетам, проявят щедрость и в деле создания аэроплана для Молла-эми. Бог даст, я надеюсь, очень надеюсь, что они пришлют нам деньги.

«Молла-Насреддин», 14 июля 1923 г., № 28.

Тяжелый вопрос!.. Опасный разговор!.. Чувствуется запах крови!.. Пахнет порохом, чувством чести...

— Эй, ты, такой-сякой!.. Ты осмелился спросить имя моей жены?! Сейчас я наполню твоё пузо дымом!..

— Закрой лицо, бесстыжая!.. Да покарает тебя аллах!..

Выход журнала «Шарк кадыны» — подлинное несчастье для исламского мира. В таком большом городе, как Тебриз, вы не увидите ни одного дома, не обнесенного высокими глинобитными стенами, ни один даже маленький проем, обращенный к улице. Нет ни с какой стороны никакой отдушны. То же самое можно наблюдать и в других исламских городах.

А причина? Какая нужда в превращении домов в казематы?

Та же проблема восточной женщины!..

■

Эта проблема доставила нам немало хлопот. Мы подвергались многочисленным обвинениям, навлекали на себя уйму проклятий, понесли большой ущерб. Когда в 1907-м году в нашем журнале впервые был поднят вопрос о правах женщин, в Тифлисе закрылись магазины, лавки и базар. Наш редактор бежал и куда-то спрятался. Уважаемые мусульмане с Шайтан-базара собрались в мечети и потребовали разъяснений. Некий гаджи из Астары отобрал экземпляры нашего журнала у пятидесяти пяти наших подписчиков-астаринцев и

отослал их назад, в нашу редакцию. «Такой журнал нам не нужен», — заявил этот гаджи.

И вот мы дожили до сегодняшних дней. В советском мире женщина такой же человек, как и мужчина; и женщине нужны права, мужчине также; и женщине нужно свободно дышать, и мужчине. Мужчина не является хозяином, господином женщины, и женщина не является госпожой мужчины. Они только товарищи. И мы утверждаем то же.

Женщина Востока, услышав об этом, воспрянула духом. Цепи ислама теперь бессильны сковать ее ноги. Теперь никто не боится геенны огненной, которой нас пугали ревнители шариа́та. Теперь нет больше тех кочи, которые защищали бы «женскую честь». Уже разносятся по всему Востоку слова лозунга, провозглашенного собранием женщин Востока из клуба, носящего имя Али Байрамова: «Свободу и счастье женщинам!»

Этого мы желали и добивались. Говорили, говорили и наконец достигли желанного.

Вчера вечером я был в клубе имени Али Байрамова. Он был переполнен женщинами Востока. Товарищ Хавер-ханум выступала перед собравшимися.

О чем же толковала она? Что говорила она?

Хавер-ханум говорила:

— Женщины Востока! Учитесь, учитесь и учитесь. Если будете учиться, если овладеете грамотой и науками, тогда вы сумеете познать цену свободы, тогда перед вами откроется путь к счастью. А не будете учиться — останетесь в темноте, не будете учиться — будете несчастливими всегда.

Вы не только будете несчастливими сами, но сделаете несчастливими и своих детей.

Пламенный привет женщинам Востока от старого Молла-Насреддина!

Пламенный привет тем, кто показал женщинам путь свободы!

«Молла-Насреддин», 8 января 1924 г., № 2.

Вчера бакалейщик Мешади-Гулам приходил к нам в редакцию.

— Вот, закрываю лавку, — говорит он.

— Почему? — спрашиваю.

— Кооператив житья не дает.

— Почему? — спрашиваю.

— А потому, — поясняет он, — что власти пригласили к новому надувательству и требуют указывать на ярлыках цены продаваемых товаров; дескать, чтобы мы при виде покупателей-бедняков не назначали цен по своему усмотрению.

— А что в этом плохого? — удивляюсь я.

Мешади-Гулам изумленно поглядел на меня с минуту и сказал:

— Ахунд Молла-Насреддин, я полагал, что ты такой же опытный и прозорливый человек, как мы, но теперь, к сожалению, вижу, что ты простак. Если мы, да падет камень на наши головы, заранее напишем и вывесим цены на товары, нам и нашим семьям суждено будет умереть голодной смертью. Испокон веков мы торговали и зарабатывали легким дедовским путем, прозорливым покупателям продавали за одну цену, а растяпам — за другую. А теперь что получается? Если мы, как в кооперативе, напишем, что фунт сахара стоит тридцать копеек, то и должны будем продавать его за столько. А раз так — то нам крышка!

— Ладно, говорю, пусть так. Но скажи, Мешади-Гулам, почему кооперативы пишут цену — тридцать копеек — и живут?

От моего вопроса несчастный Мешади-Гулам чуть не расплакался.

— Эх, дядя Молла, — жалобно ответил бедняга, — да благословит аллах память твоего отца! Ну как можно так говорить? Ведь ты ученый человек! Понимаешь ли ты, что это за слово «кобратиф?» Ну, скажи, какая нужда у «кобратифщиков» в лишнем заработке? Разве сравнить их расходы с нашими? Сам посуди: у нас — расходы на мечеть, на минбар, на проповеди моллы, на паломничество в священные города, на поклонение святым, на подношения их потомкам. Ежегодно — расходы на заключение временных браков сийга, затем, раз в несколько лет, постройка нового дома; учти дополнительные расходы, вызванные расширением торговли и созданием товариществ и обществ, — сначала «Кбмпания Гаджи-Кафара», потом «Торговое товарищество Кафар-Исфгани», и то, и се, и пятое, и десятое... Далее — почтовые расходы, расходы на перевозку товаров из одних амбаров в другие... Молла-Насреддин! Погляди, как рушится мой дом и гибнут мечети! А ты мне еще говоришь о каких-то там бедняках.

«Молла-Насреддин», 22 ноября 1924 г., № 24.

Решил я сегодня завести речь о детском театре. Хотел бы я спросить: почему те, кто тратит столько труда и энергии для привлечения взрослых в театр, ни разу не вспомнят про детей?

Хотел бы написать, что на мой вопрос «хозяева» театров ответили бы примерно так: для детей у нас нет пьес. Неудовлетворенный этим ответом, я бы сказал: почти на всех языках мира на перевод пьес затрачивается много денег, так неужели трудно выделить гроши, чтобы нуждающиеся писатели могли вдоволь насочинить пьес для детей и предоставить их театрам?

В общем, хотел я сегодня написать статью на эту тему. Но, хорошенько подумав, увидел, что от писанной мной пользы не будет. Потому что в ответ на мои упреки «владельцы» театров выдвинут столько замечаний и возражений, что в конечном итоге окажусь в должниках я сам. Они выставят против меня два веских довода.

Во-первых, они скажут: «Если мы не думаем о привлечении в театр детей, то это только потому, что мы — мусульмане и дети наши — мусульманские дети. А известно, что среди мусульман бытует обычай не подпускать детей близко к взрослым, держать их на определенном расстоянии друг от друга... Разумеется, это имеет в восточном мире свой определенный смысл и причину. Всем известно, что когда в дом или в общество приходит гость — мужчина, то детей, как и женщин, гонят в глухую комнату».

У руководителей театров есть еще один довод — убедительнее первого; они скажут: «Нет никакой нужды в дневном театре для детей, потому что и без того школь-

ники и даже грудные, укрытые материнской чадрой, ревмя ревя, проникают в театры для взрослых на вечерние представления».

Если я, возражая им, скажу, что не подобает показывать детям двенадцати лет вечерние представления о любви в театрах для взрослых, — они, эти «хозяева» театра, мне ответят: «Очень даже подобает! Ты говоришь, не подобает—что ж, такова твоя точка зрения, а мы считаем, что в этом никому никакого вреда нет, вот и все!»

«Молла-Насреддин», 31 января 1925 г., № 5.

Советские служащие, живущие в уездных городках, конечно, слышали, что, согласно последнему постановлению правительства, отныне они должны будут почаще ездить в деревни, поддерживать тесную связь с крестьянами, дабы иметь возможность ежедневно приходить им на помощь, каждый день удовлетворять их запросы.

Но в связи с этим возникает вопрос, о котором я бы хотел сказать несколько слов.

Несомненно, если сельские работники, ответственные сельские служащие чаще будут наведываться к крестьянам, интересоваться их житьем-бытьем, то крестьяне будут довольны ими. Именно поэтому советская власть настойчиво требует от служащих поддерживать с крестьянами тесную связь и хорошие взаимоотношения.

С другой стороны, чем больше служащие будут заботиться о нуждах крестьян, тем большую любовь и доверие заслужат среди крестьян.

И вопрос, о котором я хотел говорить, заключается вот в чем: знают ли сельские служащие, где они будут останавливаться при частых посещениях сел и чьими гостями будут в деревне? На первый взгляд этот вопрос может показаться пустячным и не заслуживающим внимания, в действительности же решать его каждый раз не так легко, как нужно было бы.

Пусть наши молодые советские служащие не забывают народную поговорку: «Гостем можно быть день»... Они должны твердо помнить, что они — не гости крестьян, они — их товарищи, их земляки. Всякий ответст-

венный работник, приезжая в деревню, должен иметь в деревне особый дом, который называется общежитием служащих. В этом доме они должны приобрести еду, а для своей лошади — овес и сено.

Каждый заинтересованный советский служащий должен знать: если он всегда будет поступать таким образом, он завоеует симпатии, уважение сельских жителей. Если же советские работники будут пренебрегать этим правилом, они, даже самые усердные, заслужат осуждение как властей, так и сельчан.

Советский служащий не должен уподобляться царскому чиновнику, который приезжал, например, в деревню Данабаш, сопровождаемый двенадцатью всадниками, и останавливался в богатом ханском доме, где было в изобилии масла и меда, а двенадцать сопровождающих его всадников размещались по крестьянским домам; на следующий день чиновник ехал в другую деревню и гостил там, на третий день — в третью; так он кормился в гостях годами.

Наши малоопытные советские служащие с самого начала не должны забывать о том, что, несмотря на приложенный ими труд, они будут опозорены в глазах сельчан и понесут ответственность перед правительством, если уподобятся царским чиновникам.

«Молла-Насреддин», 30 мая 1925 г., № 22.

Перевернуться тебе в гробу, несчастный! Ты только посмотри, какие вести приходят из Иранского-Азербайджана!.. Ну и времена наступили!.. Надо же, как обнаглели люди!

Сегодня телеграф сообщил, что иранские азербайджанцы довели до сведения Ахмед-шаха*, что если он вздумает вернуться в Иран, Иранский Азербайджан отколется от Ирана и образует самостоятельное государство!.. Услышите и намотайте на ус, приспешники шаха!

Возьмите пики, о иранские казаки! Ворвитесь в город, исполосуйте его вдоль и поперек и найдите этих неблагодарных бунтарей, вздумавших выступить против святейшей династии Гаджаров!

Что же вы дремлете, казачьи офицеры? Вспомните славные и радостные дни, когда, пять лет назад, в течение часа камня на камне не оставили от самостоятельности Иранского Азербайджана, посадили на трон ставленника Ахмед-Шаха и, дабы навязать свою волю, потопили землю в крови, казнили такого борца за независимость родины, как Шейх-Мухаммед*.

Перевернуться тебе в гробу, Мир-Таги-Харири!*.. Встань из могилы и посмотри, что в мире творится! Ты ушел из жизни, твердо убежденный в том, что с твоей смертью кончились и все разговоры о независимости Азербайджана... Помнишь, как ты ликовал, узнав о гибели Шейх-Мухаммеда? Помнишь, с каким наслаждением ты бегал по иностранным консульствам, размещенным

в Тебризе, дабы выслушать их похвалу и, захлебываясь от восторга, сообщал им радостную весть о падении азербайджанской демократии?

Перевернуться тебе в гробу, несчастный! Встань и открой глаза! Разве не слышишь призывы к освобождению и независимости, которые раздаются вновь?

Услышь и ты, Басирус-Салтане*! И ты восстань из могилы и прислушайся к тому, что говорят! Слов нет, сторонники Ахмед-шаха в Тебризе теперь с грустью помнят тебя и скорбят по поводу твоей кончины. Да и как не скорбеть? Будь ты жив, они прибежали б к тебе за помощью, просили б защиты... О азербайджанский Фисмарк — Басирус-Салтане! Если, не приведи аллах, ты восстал бы из могилы, конечно же, выкинул бы что-нибудь вероломное и жестокое, обрушил бы беды на Тебриз и другие города, как некогда, расправился бы с азербайджанскими свободолюбцами, навлекая на себя тысячу проклятий, гнев и ненависть истинных патриотов!

Да пошлет аллах проклятие всему сонму тиранов!
Проклятие!

«Молла-Нисреддин», 17 октября 1925 г., № 42.

Присутствовавшие на вечере, состоявшемся двадцать шестого февраля в клубе имени Али Байрамова* по случаю первого выпуска акушерских курсов, несколько не усомнились в заверениях двадцати акушеров-азербайджанок в том, что последние охотно, с энтузиазмом поедут в деревни, где будут оказывать помощь беременным женщинам, уберегут их от разных осложнений и страданий.

В последнее время некоторые злопыхатели начали распространять ложь, утверждая, будто из двадцати акушеров-азербайджанок лишь трое готовы ехать в села, а остальные семнадцать якобы предпочли остаться в городе, откровенно говоря, не захотели ехать в деревню.

Я поверил бы этим слухам, но по одной причине не мог верить.

Не мог верить по той причине, что, как я подумую, каждый разумный и честный человек видит, что крестьяне во всех отношениях нуждаются в помощи жителей города. Все честные, все благородные наши молодые люди добровольно едут в деревни, чтобы протянуть руку помощи своим братьям-крестьянам.

Ныне мы видим, что после того, как был брошен лозунг «Лицом к деревне!», различные специалисты устремляются в деревню. Например — агрономы, техники, учителя, молодые медики (браво!), зубные врачи и всевозможные специалисты. Боже упаси, если перечисленные мною работники не захотели бы ехать в деревни, если бы все написанное мною было бы дождем или шуткой (какие тут шутки!), тогда, естественно, акушерки-азербайджанки, глядя на них, могли бы еще упрямиться.

Но это не так. Молодые акушерки видят, и должны видеть, с какой охотой наши благородные специалисты едут в деревни.

Приведем пример. Когда в прошлом году одному ответственному работнику предложили поехать на работу в уезд, этот товарищ, ответственный работник, залился горячими слезами. Разумеется, слезы этого товарища были вызваны лишь его безмерной любовью к сельчанам.

Причиняя беспокойство этими несколькими строчками уважаемым читателям, я задался целью ответить бездельникам-клеветникам. Если они изнывают от скуки, пусть подыщут для себя какое-нибудь серьезное занятие и не чернят наших ловоиспеченных акушерок. Ни одна из этих молодых акушерок не позволит, чтобы про нее говорили будто она не желает ехать на работу в деревню, а хочет остаться в городе!

«Молла-Насреддин», апрель 1926 г., № 15.

НАНОГО ЦВЕТА ПРОСТОК ВАША?

Прошло полтора месяца со дня окончания тюркологического съезда.

Созыв съезда и утверждение на нем нового алфавита имеет такое важное значение для тюркских народов, что и в истекшие после окончания съезда полтора месяца газеты не перестают поздравлять нас с большим лацио-нальным праздником.

Я, дядя Молла-Насреддин, не хотел бы касаться кое-каких вопросов, о которых пойдет речь ниже, но вижу, что они не дают мне покоя и потому решил взяться за перо.

Я хочу сказать, что иногда мне до боли жаль советскую власть. У нее, к примеру, за границей немало противников, которые наострили уши и во все глаза глядят на нее, хотят знать, что у нас делается. И дума у них одна: что бы ни делала советская власть, что бы она ни предпринимала, — во всем выискивать недостатки, вставлять палки в колеса.

Добро ли, худо — им разницы нет, все им не слава богу.

Советская власть отняла у толстосумов их богатство и передала крестьянам и рабочим; это, говорят, плохо: жалко помещиков.

Советская власть уравнила женщин Востока в правах с мужчинами; и это, говорят, нехорошо (посягательство на благочестие).

Сейчас советская власть создала такие условия, что стало возможным для тюркоязычных народов встретиться и поговорить о своих нуждах, в то время как в недавнем прошлом стоило двум братьям встретиться на улице,

как проходящий мимо царский чиновник подходил к ним и разлучал их.

После окончания тюркологического съезда я стал внимательно следить за газетами наших противников, чтобы узнать, как они отнесутся к принятым на съезде решениям, в частности, к новому алфавиту, вокруг каких вопросов будут злословить, какие трюки еще выкинут. Ждать пришлось недолго; в газете «Ени фикир»* («Новая мысль») я прочитал о том, что кое-кто из наших «сородичей», проживающих в Стамбуле, недоброжелательно отнеслись к съезду, и им, видите ли, не по душе новый алфавит...

Вот ведь как

Я могу поспорить с кем угодно об одном деле. Всем известно, что простокваша белого цвета; это признают все народы, с этим соглашается весь мир. Но если кто-нибудь спросит у советской власти о цвете простокваши, и советская власть ответит, что она — белая, то, я убежден, наши противники тотчас завопят на весь мир:

— Караул! Советы утверждают, что простокваша — белая, а ведь она черная!

Готов поспорить об этом.

**«Молла-Насреддин». апрель 1926 г., № 16.*

Сейчас о забастовке английских рабочих говорят не только во всех «сферах» земного шара; может быть, весть об этом дошла даже до Марса. Что касается меня, дяди Молла-Насреддина, — так уважаемые читатели это видят и аллах тому свидетель — мы не вмешивались в этот вопрос в прошлом, не хотим вмешиваться и сейчас, и впредь не намерены.

На это имеются причины.

Оставим их в стороне. Достаточно одного того, что всевышний аллах во всех священных книгах призывает к повинновению шахам, султанам и королям. Неповиновение султанам и шахам бог относит к разряду тяжких грехов, совершенных против него. И Саади, слышущий кумиром у персиян, утверждает то же.

Коль скоро английский король и его министры приказывают войскам для «вразумления» рабочих не жалеть винтовок и пушек... Тут я вспоминаю фразу покойного русского министра Плеве* насчет «патронов». Словом, кажется, я забыл, о чем хотел говорить.

«Каждый недостаток, если он правится владыке, — есть благо».

Да, как мы говорили в начале нашей статьи, нас не интересуют ни английские рабочие, ни английский уголь, ибо это вопрос политический, поэтому разговоры на эту тему далеки от нашей задачи. И аллах свидетель, и рабы его видят, что я — всего лишь старый молла, меня могут интересовать только мечети, минберы, шарнат, секты, имамы и муджтехиды. Если же говорить о делах англичан, то надо выбрать такую тему, которая соответствовала бы нашим принципам. И так как до сего времени мы не из-

талкивались на подобные темы, поэтому хранили молчание. Оно продолжалось до тех пор, пока на днях мы не прочли в одном из телеграфных сообщений о том, что халиф Иисуса Христа (низкий поклон наш ему), пребывающий в Лондоне, доложил английскому королю, что в вопросе забастовки рабочих духовенство не откажется ни от какой помощи правительству, если правительство сочтет это нужным.

Словом, их преосвященство в вопросе о забастовке английских рабочих на стороне правительства.

Наша цель — показать, что какие бы падишахи и короли ни правили на земле, какие бы халифы ни существовали при их царствовании, эти падишахи и халифы всегда были единодушны, всегда действовали заодно, когда нужно было подавить выступление трудящихся и задушить волю народа.

Наша цель заключается именно в том, чтобы подчеркнуть, что во все времена сильные всегда находились в союзе с сильными. Наше намерение — подчеркнуть эту истину. Наша цель была — назидание. И мы сказали свое мнение.

Что касается предложения ученых, так оно заключается в том, чтобы хорошенько осмыслить эту истину и сделать соответствующий вывод. Наверно, ученые скажут так:

— Трудящиеся! Раз сильные мира сего объединяются, чтобы растоптать вас, то и у вас только один выход — объединиться и сообща выступить против них!

Я убежден, что ученые скажут именно так.

«Молла-Насреддин», май 1926 г., № 20.

Я утверждаю, что единственным настоящим другом всех живущих на земле мусульман является английское правительство.

Я никогда не говорю бездоказательно и голословно. Не говорю — и впредь с божьей помощью говорить не стану. Потому хочу выставить кое-какие доводы в подтверждение своих слов.

Два рода объяснений имеется у меня:

Первое — это мирские соображения.

Второе — это загробные соображения.

Английское правительство неизменно старается, чтобы мусульманам жилось безмятежно и чтобы никакие невзгоды не коснулись бы их. Именно поэтому английское правительство всегда и всюду простирает свои крыла над мусульманскими странами и приверженцами ислама, чтобы нигде не смогло проникнуть к ним несчастье; оно захватило Иран, Афганистан, Египет и другие священные страны, чтобы защитить эти райские обители от дурных глаз и вероломства иных народов. Вот по этой-то причине английское правительство думает о том, чтобы отнять вновь предоставленную Египту в 1922 году независимость. По той же причине оно отнимает у Турции Мосул, чтобы крепко держать в руках зловещую нефть и избавить турок от головной боли и забот, связанных с защитой этой самой нефти. То же и в Иране, и в Индии, и в Ираке, и в иных местах.

Это — соображения мирские.

Перейдем к соображениям загробным. Английское правительство видит, что его друг — турецкое правительство — с корнем вырвал и выбросил ко всем чертям

халифат. Это может иметь нехорошие последствия: сегодня турки говорят, что им не нужен халифат; завтра они могут сказать, что им не нужны никакие пророки, а там, глядишь, договорятся еще до чего-нибудь; а вдруг они по примеру северных соседей скажут, что им, да онемеем мой язык, не нужен и аллах! Как же тогда быть? Разве можно жить без аллаха? Конечно, нельзя! Именно поэтому по настоянию Англии египтяне, иракцы и индейцы хотя в городе Каире придумать себе халифа. Английское правительство думает, что, может быть, тем самым мусульмане откажутся от греховных идей и в загробном мире предстанут перед аллахом с незапятнанной совестью.

Это ли не дружба?

«Молла-Насреддин», июнь 1926 г., № 24.

Вчера в нашу редакцию пришел один тебризец и рассказал, что в этом году во время мухаррама, в день ашуры, на ритуале поминовения убиенных имамов, двадцать три человека, истязавшие себя, нанесли себе такие раны, что умерли от потери крови.

Поведав нам об этом, тебризец глубоко задумался, затем сказал:

— Я не очень жалею тех, которые умерли. Но я с тревогой думаю о будущем нашей родины. Меня охватывает отчаяние.

Я спросил:

— Почему же?

Он ответил:

— Боюсь, подобные трагедии будут учащаться из года в год. И если это продолжится, англичане предадут Тебриз огню, так же как они поступили с Китаем.

Известно, что внешне между этими двумя происшествиями нет никакой связи, и мы посчитали глубокий пессимизм уважаемого жителя Тебриза необоснованным. Ну какое отношение имеет самоистязание в память о погибших имамах к политике англичан в Китае?

Из дальнейшего пояснения товарища из Тебриза стало известно, что он хочет сказать.

Наш уважаемый гость наклонился ко мне и, припав к моему уху, доверительно сообщил:

— Причиной гибели двадцати трех раскрывших себе головы тебризцев явились английские деньги. Принимаемыми эти деньги из английского казначейства в большом количестве и поощрявшими отряды белорубашеч-

ников, истязавших себя, были определенные сферы алчного духовенства.

Англичане, тратя бешеные денежные средства на фанатические обряды, преследуют цель довести мусульман до крайней степени невежества и фанатизма и постепенно прибрать Иран к своим рукам. И, как говорил Мирза-Мелкум-хан*, стоит кому-нибудь запротестовать против действий англичан, так они ответят: «Мы пришли на Восток только для того, чтобы развеять туму невежества и посадить тут европейскую культуру!»

Однако эти слова Мирза-Мелкум-хана, берущие под сомнение искренность англичан, никак не укладываются в моей голове. Коль скоро благочестивые гаджи-англичане тратят деньги на то, чтобы траурные церемонии в мухаррам носили бы как можно более пышный характер, из этого надо заключить, что «в сердцах англичан живет извечная любовь к нашим имамам, что это религиозное чувство рабов божьих потянуло сюда и побудило овладеть священными городами».

Как это можно так? Ты жертвуешь деньги в память о святых имамах, а мусульмане берут тебя под сомнение!.. Не везет же этим англичанам!

**Молла-Насреддин, 2 октября 1926 г., № 40.*

Говорят, руководители кооператива растащили и разбазарили богатство кооперативов, вот-вот разорят их дотла. А по мне, разницы тут никакой нет. Так как обвиняющий обязан привести доказательства, потому я не отказываюсь приводить доказательства и, с божьей помощью, не откажусь никогда.

Например, двуногие мыши с таким аппетитом поедали добро шести-семи кооперативов в Сальянском уезде, что от кооперативов осталась одна лишь скорлупа — содержимое обчистили. Так и в других кооперативах.

И не только кооперативы, но и кое-какие государственные учреждения в таком же положении; возьмем, к примеру, доверенных лиц газет и журналов на местах. По последним сведениям, поступившим к нам, лишь одна треть денег, вырученных от продажи или подписки газет и журналов на местах, доходит до издательств газет и журналов, а остальные две трети — застревают в уездах.

Опять же, основываясь на статистических данных, поступавших к нам, — если собрать воедино деньги, похищенные из железных сундуков двуногими мышами, — этой суммы было бы достаточно, чтобы из них поехали на паломничество в священный город Кербела два миллиона триста тысяч мусульман-шингов. Этим денег хватило бы не только на паломничество и возвращение в родные места, но и захоронение в священной земле взятых с собою останков стольких же правоверных покойников.

А я говорю, что беды от хищений нет. Какая разница, кто крадет и как крадет? Счет-то при этом остается прежним.

Поговорим откровенно.

Я считаю, что такое количество денег присвоила опять-таки сама нация.

Какая разница? Для кого ты создаешь кооперативы? Кому служат учреждения? Опять же — нации.

А кто прикарманивает деньги? Опять же — нация.

Кто те, задерживающие в уездах подписные деньги на журнал «Молла-Насреддин», не отвечающие на периодические наши заклинания и напоминания, быть может, в душе даже негодующие на нас?

Конечно, это славные сыны нашей нации.

В таком случае, какая разница в том, что деньги, причитающиеся Молле, поступили в нашу редакцию или же застряли в Гяндже, Агдаме, Барде или Маштагах? Если они поступят в редакцию, значит станут достоянием нации, если застрянут в уездах, то и тогда станут достоянием нации.

Так же дело обстоит в кооперативах. Если добро в них растаскивается, так кто же расхититель? — Нация.

А не растащут — опять же, кому достанется? — Нация!

Так на кого обижаетесь? На кого ропщешь? Чем ты недоволен?

К тому же, братец, на все воля божья. Если есть аллах — так это наверняка дело его рук. Чего же тут говорить?

«Молла-Насреддин», 16 октября 1926 г., № 42

Странный это разговор. И правда — прочитав: «Латинская графика и англичане», некоторые подумают, что здесь будет идти речь о принятии англичанами латинского письма. Это не так, потому что англичане пользуются латинской графикой с незапамятных времен, так же как и все европейцы и американцы.

Некоторые могут еще подумать, что англичане, узнав о переходе нас, тюрков, на латинский алфавит, отнесутся к этому одобрительно (ибо они сами пользуются латинским алфавитом).

Но речь моя не об этом.

До сегодняшнего дня мы могли бы догадаться, что сколько ни на есть культурных и умных народов в мире, все они переняли латинский алфавит, следовательно, все они должным образом оценят и одобряют наш новый тюркский, вернее, латинский алфавит. Иначе и быть не может, ибо если допустить, что наше решение им не по душе, тогда неясно, почему же они сами избрали для письма латинскую графику?

Вопрос этот так ясен и прост, что не требуется излишних разговоров.

Но нет! Оказывается, наши английские друзья иначе смотрят на этот вопрос: для них в мире не существует четкого различия между хорошим и плохим; там, где этого требуют интересы их политики, они могут хорошее назвать плохим; там, где этого требуют интересы их политики, они хорошее могут назвать хорошим и плохим

могут считать хорошим. А там, где этого требует политика англичан, так они черное могут назвать белым, а белое черным.

■
Такое длинное предисловие необходимо было мне для того, чтобы рассказать вам об этом случае, как это делают марсияханы, говоря: разве не для того я учился, чтобы просветить людей.

Выходящая в индийском городе Бомбее английская газета «Таймс оф Индия» в одном из октябрьских номеров откликается на принятие Турцией латинского алфавита и, обращаясь к индийским мусульманам, пишет:

«Неужели наши мусульмане и после такого шага Турции будут сомневаться в том, что она предала халифат и ислам?»

■
О сатанинских делах мастрал! О гении мировых провокаций! Интриги — это ваша стихия. В деле провокаций и интриг нет равных вам! И тысячу проклятий на голову тех, кто хоть на йоту усомнится в этом.

«Молла-Насреддин», 13 ноября 1926 г., № 46.

Ну что хорошего нашел мой сын в ученье?

Сабир.

Сабир говорил: «Ну что хорошего нашел мой сын в ученье? Долбит все то же! Ах...»

И я говорю: не знаю, что нашло наше правительство в обучении?

Что это еще за выпуск акушеров-тюрчанок?

Что это за выпуск тюркских фармацевтов-аптекарей?

А теперь создают техникум для подготовки зубных врачей-тюрков.

Я ходил в этот техникум: удивительные машины, станки, инструменты, — все для лечения зубов. Такое нам и во сне не снилось.

Словом... целью моего длинного разглагольствования является желание заблаговременно поднять один вопрос и разрешить его. Согласитесь, что учебные заведения и техникумы — одно, а результат от всего этого — другое. Клянусь, столько ты трудишься, стараешься, а в конце посмотришь — все твои труды пошли насмарку.

Ежегодно столько молодых девушек получают дипломы акушеров и кладут в карманы, а что они делают потом? Где они применяют полученные акушерские знания? В городе или в деревне?

Если судить по сведениям, поступившим из официальных источников, выходит, что большинство из восемнадцати акушеров-тюрчанок, которые окончили курсы в прошлом году, поехало работать в сельские районы.

Дай бог, чтобы это известие оказалось достоверным; ведь в прошлом году поговаривали будто акушерки-тюрчанки отказались ехать в села.

И в этом году восемнадцать акушеров-тюрчанок окончили учебу.

Мы надеемся, наши молодые специалисты— акушерки, дантисты, глазники, фельдшеры и провизоры—поймут, что советская власть, стремясь дать им образование, преследует определенную цель; эта цель заключается не в том, чтобы наши молодые специалисты, акушерки и врачи остались в больших городах и там вели работу. Основная цель заключается в том, чтобы все они поехали на помощь несчастным сельским жителям, которые тысячелетиями на глазах царей, шахов, султанов, ханов и святош прозябали в невежестве и темноте. Советская власть хочет, чтобы они оказывали крестьянам всестороннюю медицинскую помощь.

А если этого не будет, считайте, что все затрачиваемые усилия пойдут прахом.

«Молла-Насреддин», 5 февраля 1927 г., № 6.

Минувший февраль вызывает в памяти многие прошлые февраль. Один из них особенно дорог мне. Тот февральский день является днем свержения падишаха Николая.

Но я хоть и говорю о Николае, мне нет до него дела, потому что он был падишах, а я—лишь простой молла. Однако Николай оттого близок мне, что он тоже был рабом аллаха и благожелательно относился к духовенству; настолько благожелательно, что держал при себе такого благочестивого человека, как Распутин, и если ему приходилось отлучаться куда-нибудь из столицы, он наказывал своей добродетельной супруге оказывать всевозможные знаки внимания этому благочестивому святоше и не допускать, чтобы тот скучал.

То были чудесные времена! Жаль дней минувших!.. И царю, и богу были честь и почет в такой степени, что смиренные подданные, видя всю глупость Николая и шарлатанство Распутина, считали, что так и должно быть.

Это продолжалось до тех пор, пока крамольные прозорливы из нации не начали долбить простому народу о том, что монархия испокон веков, во все времена являлась источником насилия.

Словом, на эту тему уже много говорено; истины, высказанные мной, всем уже известны, они ни для кого не новость.

Мне только хочется подчеркнуть, что разница между тем веком, когда царствовал такой слабоумный раб божий, как Николай, и сегодняшним днем заключается в том, что тогда Николай говорил: «Я ваш царь, послан-

ный вам богом, и вы должны подчиняться всем моим приказаниям, у вас нет прав прекословить мне», и в результате — этот тупой человек был окружен такими святошами, как пресловутый Распутин, которые глумились над такой великой страной, как Россия, и над женой падишаха, превратив их в свою игрушку.

А в наши дни трудно обманывать народ, теперь и подобных обманщиков нет.

«Молла-Насреддин», 26 марта 1927 г., № 13.

Ногда в кузне кладут брусок железа на наковальню и тяжелым молотом ударяют по нему, железо начинает накаливаться; чем больше ударов, тем больше железо накаливается.

А чем это может кончиться? Железо нагревается, нагревается и постепенно накаливается докрасна, да так, что жар жжет руку на расстоянии.

Таково свойство железа.

Я так начал свой разговор неспроста. За последнее время мне часто случается выезжать в деревни и встречаться с крестьянами. В беседах, естественно, затрагиваются и вопросы мировой политики. И вот, когда заходит речь о китайских событиях, темные крестьяне вопрошают: «Что же будет дальше?»

Я рассказываю им историю о бруске железа и заканчиваю примерно так:

— Сейчас английское правительство и его подпевалы положили трудящихся Востока на наковальню и тяжелым молотом ударяют по ним. Но оно забывает о том, что масса, которой наносят удары, начинает постепенно накаляться докрасна.

Но я боюсь дальнейшего. Раскаленные массы трудящегося Востока начнут источать такой жар, и родится такое пламя, которое может расплавить молот гнета и испепелить самого кузнеца.

Вот чего я боюсь.

«Молла-Насреддин», 21 апреля 1927 г., № 17.

ПОКОЙ ИЛИ СЕДЬМАЯ ГОДОВЩИНА

Говорят, сегодня седьмая годовщина Советского Азербайджана.

Я тихий и скромный молла, в политику не вмешиваюсь, и в этих вопросах плохо кумекаю. Но если взять семь истекших лет и сравнить их с прошлыми годами, то приходит мне на память вот что.

Вспоминаю минувшие дни и говорю сам себе: «О всевышний, как много бед было на моем пути, какие тяжелые дни я пережил! И как только человек может вынести такое! Возьмем, например, армяно-мусульманскую резню — не жизнь была, а горе одно: не мог ни спокойно поесть, ни по-человечески поспать у себя дома. Только хотел откусить кусок хлеба, как вдруг слышал: «бах!». Что случилось? Оказалось, что один умный мусульманин убил армянина. Только собрался лечь спать, как вдруг слышал: «бах!» Что такое? Сообщали, что один умный армянин убил мусульманина.

И странно то, что, как бы прежние власти внешне ни старались, что бы они ни предпринимали, — вражда не проходила, неприязнь не исчезала, и эти два умных народа продолжали косить друг друга, продолжали сжигать дома друг у друга. До той поры, пока — семь лет назад — не пришла Советская власть.

Я тихий и скромный молла и не смыслю в высоких материях. Но когда беру семь истекших лет и сравниваю их с прошлыми веками, вижу, что между ними такая же разница, как между небом и землей. Тогда наши два соседних народа убивали друг друга, а теперь живут в мире и дружбе и работают рука об руку.

А что лучше? То или это?

Я тихий и скромный молла, в политике не искушен, но хочу кое-что сказать читателям:

Да здравствует такая власть, благодаря воспитанию которой исчезла вражда и рознь между народами и утвердились их братство и любовь!

«Молла-Насреддин», 28 апреля 1927 г., № 18.

Английский проповедник сэр Детердинг изволил заявить в одной из своих проповедей, будто нефть на земле бывает двух видов — нечистая и чистая.

По мнению проповедника, советскую нефть следует отнести к разряду нечистой.

Сразу же должен сказать: до сих пор проповедь о чистых и нечистых мне приходилось слышать только в мечетях от священнослужителей, выступающих с минберов. До сего дня я думал, что чистым, благочестивым называют того, кто всегда совершает намазы, а нечистым — того, кто намазами пренебрегает и в мечеть не ходит; иными словами, это — русские, армяне и неведающие единородцы.

Что касается нефти, я слышал, она бывает очищенная или же смешанная с водой; такая нефть, например, продается в лавках города Шуши.

Тем не менее разговор о том, что нефть бывает чистая и нечистая, — не нов. Еще при Насреддин-шахе* американцы, приехав в Иран и обнаружив там нефть, захотели получить концессии для ее добывания. Тогда иранские муджтехиды почтительно заявили шаху, что эта нефть отныне стала нечистой. Поэтому-то иранское правительство весьма легко отказалось от прав на нечистую нефть, и дало на нее концессию. И правильно сделало, ибо Иран, устранившись от этого дела, в течение тридцати лет спокойно радел в молитвах и взирал на все со стороны.

На что он взирал? На то, как англичане и американцы грызутся между собой за нефть, как собаки за кость.

Словом, выражение «нечистая» — не ново. Англичане позаимствовали его у иранских муджтехидов и сохранили в своей памяти. И теперь, зарясь издали на советскую нефть, они чувствуют себя бессильными. Еще бы! Как было бы прекрасно, сумей они захватить советскую нефть! Сколько миллиардов они без труда положили бы в свой карман! Но их мечтам не сбыться. Советские трудящиеся не допустят этого.

Что же делать? Тут и я бы со злости сказал, что советская нефть нечистая.

Когда лиса не может дотянуться до грозди винограда, она говорит: «Он — зелен!»

Когда эти особы не могут дотянуться до бакинской нефти, они заявляют: «Она — нечистая!»

Между тем, и то и другое — враки. Нечистой вещью называют ту, которой коснулся мокрой рукой неверующий. А вот руки плешивых и вшивых шинтов — последователей имама Али, омытые перед совершением намаза, всегда чистые.

**Молла-Насреддин, 1 сентября 1927 г., № 36.*

На прошлый понедельник была назначена театральная конференция в партийном клубе. Но по ряду причин конференция была отложена и перенесена на предстоящий понедельник.

Человек я старый, в театральных делах разбираюсь плохо. И потому, когда прочитал в газете о конференции, то не знал, что это такое и о чем там будут говорить, на какие недостатки театров укажут, и какие достижения одобряют.

Что же касается меня, я на сей день доволен театральными делами; когда я говорю «на сей день», конечно, это нужно понять в определенном смысле; я хочу сказать, что в прошлые времена театральные представления не вызывали у меня особого восторга, тогда как сейчас они радуют меня.

И основная причина этого состоит в том, что подобно тому, как все в мире движется по пути прогресса, и наш театр, вне сомнения, должен прогрессировать, как и было доньше.

Не знаю, как другие, но я сейчас, в отличие от дней минувших, каждый раз возвращаюсь из театра домой довольный и радостный, а придя домой, еще долго нахожусь под впечатлением эпизодов и сцен, а иногда даже вижу их во сне.

В самом деле — человек должен прожить свою короткую жизнь в развлечениях. И в этом заслуги наших театров безграничны. За два-три часа, проведенные в театре, ты погружаешься в созерцание наиболее ценных благ, чар, блаженства и прочего, о чем мечтают властелины мира и что коран обещает верующим...

А раньше было не так. Как я слышал, Шекспир и Шиллеры, Гоголи и Ахундовы над этим обстоятельством не подумали, как следует. Веским доказательством, подтверждающим мою мысль, может служить то, что и «Гамлет», и «Разбойники», и «Ревизор», и «Гаджи-Кара» или, скажем «Мастали-шах» и «Алхимик», — все эти пьесы на меня — человека простого — не производили такого впечатления, не доставляли такого удовольствия, как пьесы и представления нашего века.

На прошлой неделе ходил я в русский рабочий театр. Народу было так много, что невозможно было пройти внутрь, но я все же протиснулся. Любопытно, что зрители, в основном, состояли из юнцов и таких, как я, стариков. Может быть, это имеет свою тайну, однако меня интересует другое. Во время представления все, даже такой смиренный раб божий, как я, находились в приподнятом настроении, а молодежь была прямо-таки в бешеном восторге... Возгласы, гром аплодисментов... Ну просто столпотворение!

Но вдруг я очнулся от блаженного забытья и уразумел, что ведь в результате усердия, выказываемого танцовщицами, взору зрителей предстают всякие неподобающие вещи. Ибо считают, что эти ужимки и телодвижения отвечают требованиям высокого искусства. А разные там Мирза-Фатали Ахундовы, Мольеры, Шекспир, Островские упустили из виду этот ценный пункт, и потому наши теперешние сочинители пьес вынуждены к месту или не к месту заполнять свои творения всякого рода балетными номерами и танцевальными трюками. А то как же иначе затащишь в театр молодежь и стариков, вроде меня.

«Молла-Насреддин», 10 февраля 1928 г., № 6.

БЛАГОПРИЯТНЫЙ МОМЕНТ

Некотрые говорят, будто кое-кто из пишущей братии, пользуясь представившимся благоприятным моментом, под видом критики сводит личные счета. Но это — болтовня, и я с этим не могу согласиться.

Допустим, кто-то мой личный враг или его отец когда-то враждовал с моим отцом, ну и что же ты предлагаешь мне делать? Ты хочешь, чтобы я сидел сложа руки? Ведь момент-то какой благоприятный! Когда еще представится такой случай? Вот я и слежу за моим врагом, жду, когда он споткнется, а иногда и бросаю ему под ноги палку, чтобы упал и ушибся.

Кое-какие болтуны смеют утверждать, что критика и самокритика — не в том, что берешь в руки перо и давай крыть своих недругов и через газеты и журналы выставлять напоказ перед миром их явные или мнимые недостатки. Дескать, критика состоит в том, чтобы выносить на суд методы работы тех или иных руководителей учреждений и предприятий, вскрывать имеющиеся недостатки.

Кто знает, может, так оно и есть... Но если это и правда, она меня не устраивает по двум причинам. Во-первых, вскрывать острым пером недостатки под силу лишь настоящим журналистам, опытным писателям. Куда уж мне, недоучке; во-вторых, как я об этом уже говорил, сейчас подвернулся благоприятный момент. А то потом, может статься, люди прозреют, смекнут, что мы сводим личные счета, пресекут сплетни и, чего доброго, запретят нам заниматься сочинительством.

Потому и я буду гнуть свое, сплетничать.

Вот вам образцы.

1. Агдаш. Такой-то купил жене юбку, сшитую из такого-то ситца, но жене покупка пришла не по вкусу.

2. Карягино. Такой-то с палкой в руке шел вниз к Араксу; наверное, он собирается перебраться в Иран за контрабандным товаром.

3. Гянджа. Такой-то крестьянин шел по такой-то улице и нес курицу; надо думать, что он преподнес ее как взятку такому-то служащему, живущему на той же улице.

4. На Тазапирской улице такой-то гражданин, к тому же еще партнец, в полночь у себя дома втайне от других предавался любовным утехам с собственной женой; я это видел в окно своими глазами.

Кроме всего этого, я обладаю еще одним искусством: мне не стоит никакого труда оклеветать в газете тех, кто не поздоровался со мной при встрече на улице. В этом со мной никто не сравнится, разве что другие горе-газетчики.

Подпись: «Корреспондент-сплетник».

«Молла-Насреддин», 10 января 1929 г., № 2.

Хотя мы живем вдали от беспорядков и мятежа в Афганистане, однако здравый смысл подсказывает нам, что в афганских событиях угадывается рука англичан.

На каком основании мы можем утверждать, что в этом деле замешаны англичане?

Мы можем это утверждать, основываясь на здравом смысле.

Скажем, к примеру, никто никогда не видел своими глазами всевышнего аллаха, тем не менее, каждому известно, что он существует и никто в этом не сомневается.

Руке англичан присуще качество, свойственное и великому аллаху. Это свойство мы называем извечностью.

Подобно тому, как всевышний аллах существовал всегда, точно так же, со дня сотворения мира и до сего дня, везде существует рука англичан. Вот недавно в одном месте я слушал разговор. Оказывается, историки установили, что в стычке между сыновьями Адама Каином и Авелем, и в убийении Каином Авеля была рука англичан. Правда, иные утверждают, будто в те далекие времена английская нация еще не существовала, но я все же уверен, что тут без англичан не обошлось.

Именно поэтому я вижу, что в каждой смуте, которая имела место на земле в какую бы то ни было эпоху, везде приложили руку англичане.

Я склонен видеть руку англичан в тьме-тьмушей распрей за фараонство в Египте, в Аравии — за трон халифов, в Иране — шахов, в братоубийстве на Османской земле за трон султанов. Или возьмем мошенничест-

во и происки кулаков во время предвыборной кампании в Советском Союзе, аферы Шейх-Гани в Баку и Мирза-Абдул-Керима в Маштагах среди невежественных людей — во всем этом мне мерещится рука англичан.

Иногда даже дома, повздорив с женой, я говорю: «Проклятие шайтану! Видно, и здесь руку приложили эти шельмы-англичане!..»

По этой-то причине, стоит мне дома рассердиться на что-то, я уже не твержу: «Проклятие шайтану», я говорю: «Проклятие английским проискам!»

«Молла-Насреддин», 24 января 1929 г., № 4.

Октябрь — для кого праздник, для кого — траур.

Когда все трудящиеся отмечают праздник Октября, два разряда людей соблюдают траур.

Кто облачается в траур?

1. Купцы и помещики.

Причина?

Вот причина: торговля уплыла из их рук, потеряна возможность легкой наживы за счет простых людей; отныне невозможно отправляться с помпой на поклонение гробницам четырнадцати праведников, иметь законных четырех жен и бесчисленно — временных. А помещики лишились возможности жить в роскоши за счет труда батраков.

2. Моллы, марсияханы лишились жирных кушаний даром и возможности беззаботного, нетрудового существования. Все это потеряно для них безвозвратно.

Эти пиявки — исключение. Для всех же трудящихся Октябрь — праздник. Причина: нет больше проклятых богачей, сосавших кровь трудящихся. Отныне сами трудящиеся — свободные хозяева своей страны.

И есть еще один человек, который с радостью отмечает праздник Октября, — это старый Молла-эми. Он приветствует Октябрь еще и потому, что дервиши, заклинатели, прорицатели, гадалычики и предсказатели канули в вечность.

Именно поэтому старый Молла-эми протягивает свою руку трудящимся и говорит:

— Добро пожаловать, Октябрь, отмечающий свое двенадцатилетие.

«Молла-Насреддин», ноябрь 1929 г., № 45.

Без плана в условиях нашего советского строя работать нельзя. Все, кто хочет трудиться по настоящему, должны подчиняться этому правилу. Если начнешь работать без плана, сядешь в лужу, дела шиворот-навыворот.

Некоторые составляют и утверждают пятилетний план, а потом по частям, пункт за пунктом претворяют запланированное в жизнь. Но журнал «Молла-Насреддин» никак не может руководствоваться в своей работе этим принципом. План работы «Молла-Насреддина» может быть составлен лишь на год.

Вы хотите знать причину?

А причина та, что общий рабочий план «Молла-Насреддина» известен всем. Он составлен двадцать пять лет назад, осуществляется по сей день, даже и впредь на протяжении многих годов будем бороться за осуществление намеченного плана.

В те далекие времена мало кто составлял план работы. Но еще двадцать пять лет назад «Молла-Насреддин» призывал вычеркнуть и выбросить из словарей, книг и обихода такие слова и понятия, как религия, вера, шарият, фанатизм, рай, ад, молла, муджтеhid, священник, раввин, мюрид и так далее и тому подобное. Мы призвали превратить мечети, церкви, соборы, синагоги, храмы и всякого рода священные места поклонений в дома и дворцы просвещения и культуры.

Двадцать пять лет назад «Молла-Насреддин» говорил, что помещики, беки, ханы, принцы, наместники, всякого рода богачи, и толстосумы — заклятые враги труженика, призвал заклеймить позором и осудить этих кровопийц и угнетателей крестьян и рабочих.

Есть еще немало подобных пожеланий и идей, которые еще четверть века назад были положены в основу плана журнала и по сей день определяют его лицо и направление.

Что же касается планов на 1930-й год, то и тут «Молла-Насреддин» имеет свою ясную и определенную программу действий; программа эта состоит из следующих моментов.

В рабочих районах Баку, в таких как Балаханы, Сураханы, Забрат, Биби-Эйбат, Баилово, Завокзалье, Фабричный, Шубаны, Бинагады, Хоразан, Хурдалан, Баладжари..., т. е. там, где трудятся турецкие рабочие, в особенности, наши товарищи — выходцы из Ирана, которые хранят в карманах профсоюзные членские билеты и трудовые книжки, а кое-кто еще и членские билеты Азербайджанской коммунистической партии (большевиков), ходят на партийные собрания, активно участвуют в работе союза безбожников и других общественных организаций... — так вот, я предлагаю в 1930-м году упразднить в этих районах все мечети, дома знахарей, святые места, вплоть до дома Молла-Курбана, и открыть клубы, общежития, школы, библиотеки, читальни и другие очаги культуры и просвещения.

«Молла-Насреддин» будет добиваться того, чтобы все сознательные, трезво мыслящие трудящиеся тех районов теснее сплотили свои ряды и изгнали бы из рабочей среды всяких там молл, марсияханов, гадальщиков, знахарей, заклинателей, сочинителей молитв, фанатиков, сендов прибывших к нам из Ардебиля выколачивать дары именем своих святых пращуров.

«Молла-Насреддин» будет добиваться того, чтобы организованные в союзы трудящиеся вели разъяснительную работу среди горожан и крестьян, подавали им пример, указывали верный путь.

Вот каковы планы «Молла-Насреддина» на будущий год, вот в каком направлении будет работать журнал. Мы призываем рабочий класс помочь нам.

«Молла-Насреддин» убежден в том, что политические и общественные организации, в особенности союз безбожников, помогут журналу в этом большом и важном деле.

Их очень много: в одном Закавказье насчитываются сотнями тысяч.

Они напоминают нищих. Вечно в лохмотьях, голодные, изнуренные, они похожи на больных. Они не земляки наши, а гости. Пришли они к нам из далеких стран, пришли, чтобы работать. И работают.

Но они в высшей степени несчастные, так как никто их не любит, никто о них не думает, не заботится. Их не любят и там, откуда они пришли к нам, их не любят и у нас. А почему их не любят — никто этого не знает. А я думаю так: их не любят потому только, что они — в лохмотьях, потому, что они — голодны.

Это персидские рабочие.

Они пришли к нам из разных провинций Персии; пришли потому, что им там на родине нечего есть, там нет ни заводской, ни фабричной промышленности, не нужны они там и государству для несения военной службы, так как Персия не содержит войска, не содержит потому, что нечем кормить солдат. Персидская казна пуста. Их, этих рабочих, не привлекает там и сельское хозяйство, так как все население Персии составляет несчастный пролетариат: там вся земля принадлежит ханам (князьям), влиятельным моллам (духовным лицам), принцам, персидским великим князьям и разным бессовестным кулакам, а земледелец и сельский рабочий, когда он в поте лица своего возделывает землю и добывает из нее хлеб, — то весь этот хлеб он возит в амбары землевладельца, а сам со своей семьей остается все-таки голодный, и, несмотря на то, что он голоден, он все-таки должен работать круглый год на своего земле-

владельца, ибо он находится в крепостной зависимости от него. И он бежит...

Он бежит, оставляя родину, жену и детей; он бежит, потому что жена и дети голодны, он спешит к нам, чтобы заработать хлеб и им прокормить жену и детей своих; когда он, босой, спешит к нам пеший за несколько тысяч верст, то он думает, что у нас нет таких князей, принцев, ханов и бессовестных кулаков, он думает, что у нас нет владельческих амбаров, что нет у нас хозяев и крепостных, он думает, что его будут у нас любить, что его не будут у нас притеснять и обижать, что труд его будет оплачиваться, что в наших законах и порядках он найдет охрану от произвола и работодателя, что в нашем «скором суде», в нашей администрации он найдет защиту и покровительство.

Он думает, что, заработавши у нас кусок хлеба, он благополучно вернется на свою родину и этим куском поделится со своей голодной семьей.

Вот с какими розовыми надеждами спешит к нам персидский рабочий!..

(Продолжение будет)*

Газета «Кавказский рабочий листок» № 3,
24 ноября (7 декабря) 1905 г.

Был я на вокзале, когда персидские рабочие отправлялись на родину. Оборванные, грязные, с выраженным страхом в тупых взорах, они сидели на полу, плотно прижимаясь друг к другу, как напуганное стадо.

Итак, уезжаете от нас, бедные сыны Ирана! Уезжаете оборванные, грязные! Слишком горька доля ваша! Я знаю, что там, далеко, на родине, ваши семьи ждут от вас хлеба. И только потому вы пришли к нам. А теперь вы уезжаете оборванные, грязные, с пустыми руками, не только не заработавши хлеба для ваших семей, но и потерявши у нас родственников.

Вы отлично знаете, что там, на родине, вы с детьми вашими, быть может, будете голодать.

Но, несмотря на это, вы все-таки уезжаете.

И вы правы, тысячу раз правы: там, где люди убивают своих соседей, товарищей детства, там, где они предадут огню достояние вчерашних своих друзей, с которыми веками жили на одной улице, в одном доме, там, где люди, совершая все эти подвиги, не имеют ответа на вопрос: для чего они это делают? — там не стоит жить.

И уезжайте с богом!

Но, уезжая, вы, бедные сыны Ирана, должны помнить следующее:

Во-первых, вы уезжаете от нас спокойно, не унося с собой никакого чувства злобы, вражды. Вы должны помнить, что никто у нас, считая вас гостями, не питал к вам злобы и ни на волос не думал вас обижать. А если вы и пострадали, то лишь потому, что вы случайно попали в ураган диких и бессмысленных уличных крово-

пролитий. Вы не забудьте, что вместе с вами случайно поплатились и многие лица других наций, и, несмотря на это, ни одна из тех наций не изменяла своих отношений к враждующим сторонам и не заступалась за своих единоверцев.

А так и должно быть, это должны делать и вы.

И когда вы вернетесь на родину и встретите там иностранных ваших гостей, тогда вы старайтесь почитать и уважать именно как гостей, какой бы нации они ни принадлежали. А если под влиянием недобрых людей на вас найдет сомнение, то вы тогда обращайтесь к совету людей ученых, разумных и истинно верующих, но не молл и фанатиков, которые сами ничего не понимают.

Не забудьте вот еще чего, бедные персидские рабочие!

Когда вы прибудете на родину, то соберитесь вокруг себя образованный, голодный и угнетенный, как и вы сами, рабочий люд и объявите такую добрую весть: расскажите ему, что у нас по всей России поднялся на ноги весь рабочий народ и, сплотившись в грандиозную силу, свергнул с себя тот гнет, под коим он по сие время стоял. Передайте там вашим землякам-рабочим, что их российские товарищи шлют им привет. Если там они захотят следовать по стопам здешних своих товарищей, если захотят высвободиться из-под ярма, которое накладывают на них персидские деспоты, ханы, хозяева, моллы, предприниматели, принцы и другие, если захотят завоевать свои человеческие права и вздохнуть свободно, то тогда их российские товарищи поднесут им в знак памяти свое знамя со священным лозунгом, изображенным на этом знамени. Пусть оскорбленный, обездоленный персидский рабочий народ прочтет этот лозунг: «Пролетарии всех стран, соединитесь!»

И пусть прочтут и соединятся.

*Газета «Кавказский рабочий листок» № 13,
9 (22) декабря 1905 г.*

Вопрос о женщине Востока — давняя боль моя. Сколько бы раз в жизни я ни брался за перо, большей частью затрагивал именно этот вопрос. Поэтому я, как никто другой, могу понять заботы работников «Шарк кадыны»*.

Какая же у них дума-забота?

Освободить восточную женщину.

От чего?

От пут шарната, от цепей мусульманства, от заточения в гаремах, от тьмы черной чадры. И — после — воспитать раскрепощенную женщину Востока, указать ей правильную дорогу, помочь осознать свои обязанности, понять требования, предъявляемые к женщине, преподать урок материнского долга, объяснить, что такое воспитание детей — с тем, чтобы горемычная женщина Востока прозрела и, выйдя на арену нашей советской жизни, смело заявила: «И я имею право жить в этом мире! Потому что ныне я — свободная женщина Востока!»

Вот мечта и цель журнала «Шарк кадыны», начатого изданием в Баку год тому назад.

Какая благородная миссия! Какая высокая цель!

Потому и должны преисполниться гордости основатели журнала, вдохновители и авторы его, и оказывать ему всяческую помощь. Ибо заслуги такого органа, как «Шарк кадыны», будут начертаны золотыми столбцами на скрижалях истории революции на Востоке. Я глубоко убежден в этом.

МЕШАДИ СИЖИМКУЛИ— НЕФСИЗ*

(На минуточку дней)

В первом номере первого года издания «Молла-Насреддина» был напечатан образчик сатирического стихотворения, по духу близкого «Молла-Насреддину» — «Горе от языка»:

Закрой уста и проглоти язык. Пора понять:

Язык, — он враг тебе!

Вниз голову склони, глаза не смеи поднять.

Покорен будь судьбе!

и т. д.

Как известно, автор этих стихов отнюдь не был поэтом. Помещая сей опыт в первом нашем номере, мы искали истинных поэтов для журнала «Молла-Насреддин». Мы искали Сабира и Мешади-Сижимкули.

С одной стороны, мы не хотели первый номер выпускать без стихов, с другой — мы знать не знали о существовании Сабира и Мешади-Сижимкули. А под рукой у нас, кроме таких вирш, ничего путного не было.

Но мы смело можем утверждать, что эти стишки, сами по себе слабые, стали причиной большого события: в ширванском краю первый номер «Молла-Насреддина» попадает в руки Алекпера Сабира, который из страха перед матерым волком, каким являлся Гаджи Молла-Меджид-Эфенди*, прятался за мыловаренным котлом. Сабир читает номер.

— Вот это да! Хвала им! Дай-ка мне перо! А ты, жена, крепко-накрепко запри дверь! Если кто спросит меня, скажи, пошел продавать мыло. Не дай бог, если пронохают приспешники и молодчики Гаджи-Меджид-Эфенди! Они меня камнями закидают! Привалило — принайм, дядя Молла:

Ну, что хорошего нашел мой сын в ученье?

Долбит все то же! Ах,

От чтения книг, газет и прочей дребедени

Мой милый сын захач!

Читает день и ночь, — сошел с ума, как видно.

Другой надежды нет,

Как на тебя, аллах! Обидно мне и стыдно!

Жена подай совет!

И еще:

Река времен стремится вспять. Что стало с нашим веком?
Рабочий тоже пожелал считаться человеком!*

Ну, а как с автором стихотворения «Горе от языка»? Он прикусил язык, да и ничего другого ему не оставалось. По той причине, что Сабир смело ринулся на арену «Молла-Насреддина» и стал писать одно за другим с таким шумом и громом, что на долгое время заставил замолчать чуть ли не равного себе Мешади-Сижимкули. Помнится, года полтора со дня появления в «Молле» Сабира, стихи Мешади-Сижимкули в редакцию не поступали. Но, как говорят русские, «нет худа без добра». И это обстоятельство мы воспринимаем, как некоторое утешение. В те полтора года Мешади-Сижимкули не оставил нас своим вниманием. Так, например, за этот промежуток времени он прислал к нам в редакцию пять-десять очень примечательных заметок в прозе. Заметки эти, сочным слогом живописавшие разные уголки гянджинского мира тех времен, представляли большую ценность.

Не следует забывать, что, если Сабир поэтическим дарованием превосходил Мешади-Сижимкули, однако у него мы ни разу не видели ничего, что могло бы сравниться с прозой последнего.

Первая заметка Мешади-Сижимкули, рассказывавшая о том, как Башир, сын гянджинца Гаджи-Гусейна полез на чинару, чтобы поймать галку, напечатана 16 июня 1906 года в одиннадцатом номере первого года издания нашего журнала за подписью «Алидейнекли».

«Несколько дней тому назад восемнадцатилетний сын Гаджи-Гусейна Башир полез на чинару, чтобы поймать галку. Словив пичугу и положив ее в карман, он сор-

вался с дерева, упал и сломал себе ногу. Его принесли в дом. Входит отец и спрашивает:

— Ну, как сынок? Птица в кармане не погибла? Цела?

— Цела, — отвечает сын.

Отец возблагодарил аллаха, что птица цела осталась.

Написал *Алидейенекли*.

В этих нескольких строках, правда, нет ни ритма, ни рифмы, — однако подобные сочные рассказы и тонкое остроумие вовсе не нуждаются в ритме и рифме. Восемнадцатилетний Башир взбирается на чинару, чтобы поймать птицу. Поймав птаху, он падает с дерева, ломает себе ногу. Отец, увидев сына в беде, не думает об увечьи сына, его заботит только птица, потому что и папаша, оказываясь, заядлый любитель птиц.

Несколькими строками наш поэт хочет сказать, что восемнадцатилетний Башир должен бы учиться, в его годы пора оканчивать школу и думать о продолжении образования, а не лазить на деревья и ловить птиц. Кроме того, автор заметки дает понять, что отец Башира, увидев, что у сына сломана нога, должен был бы сразу подумать об увечьи сына, о том, как ему помочь и как побыстрее позвать доктора, должен был бы досадовать на сына за то, что тот в свои восемнадцать лет гоняется за птицами. Но, против ожидания, отца совсем не огорчает несчастье сына, он печется только о птице, его тревожит одна мысль: жива ли птица.

Вторая заметка Мешади-Сижимкули была напечатана в 14-м номере первого года издания нашего журнала. Поэт пишет в нашу редакцию жалобу от имени книго-торговца Кербелай-Табризи. Он пишет:

«Эй, Молла-Насреддин-киши, хватит тебе зловердничать! Ты губишь мою торговлю. Уже три месяца, как никто не покупает мои книги. Вот раньше другое дело, торговля хорошо шла, а теперь некоторые книги приносят мне лишь убыток, потому что их не покупают.

«Джамеуд-дават» — 50 экземпляров,

«Табири-хаб» — 30 экземпляров,

«Гюльсум-хала» — 270 экземпляров,

«Сорок вопросов» — 160 экземпляров.

Возместишь стоимость этих залежавшихся книг — хорошо, а нет — поезду в Марагу, возьми фалаку у Молла-

Шукюра, приеду в Тифлис, привяжу ноги твои к фалаке и буду бить по пяткам твоим, пока дух не испустишь. Хватит зловердничать!»

«Хватит зловердничать!» — говорит наш поэт. Из того, что «Молла-Насреддин» повел наступление на суевверие и предрассудки, он приходит к заключению, что новый путь, начатый журналом, нанесет ущерб торговцам всякого рода религиозными книгами. По той причине, что с появлением «Молла-Насреддина» всякие «Джамеуд-дават»* и «Табири-хабы»* постепенно потеряют читателей, и к тому же автор письма «угрожает» нам: возместишь убыток этого жадного книготорговца, — хорошо, не возместишь — так поезду в Марагу и привезу в Тифлис фалаку Молла-Шукюра, привяжу ноги к фалаке!»

Надо полагать, что в детстве наш поэт натерпелся страхов от молл Гянджи.

— Эй, ты, прохвост, если завтра не выучишь уроков, фалаки тебе не миновать!

Но гнев жалобника пуше злобы Молла-Шукюра; настолько, что он готов взять фалаку и с ней добраться до самого Тифлиса.

В 15-ом номере первого года издания журнала помещена одна заметка Мешади-Сижимкули. Она примечательна тем, что автор ее критикует арабский алфавит. Стало быть, в этой заметке поэт присоединяется к тем, кто выступал еще тогда против арабского алфавита.

Вот содержание заметки:

«Некий ага Гулам Тагнев из Агдаша написал письмо одному из своих покупателей и в том письме расставил какие-то закорючки.

Бедный купец носил письмо от одного человека к другому, но никто не смог прочитать его; а в Гяндже грамотного моллу найти было невозможно. В конце концов купец принес письмо мне, и вот уже несколько дней при помощи увеличительного стекла и еще не знаю чего стараюсь, стараюсь и тоже не могу прочитать. Бедный купец так и остался в недоумении. Как быть ему? Ни счета не может понять, ни расчета, ни доходов не может сосчитать, ни расходов.

Жаль его, Молла, окажи милость, может, ты прочтешь письмо?».

Подпись: «Невежа».

Редакция наша под тем самым письмом поместила ответ:

«Нацарапанные в письме закорючки мы расшифровали. Это не представляет особого труда. В письме сказано: «Царство небесное изобретателю мусульманского алфавита!»

Как известно, в то время мы всегда боролись против использования арабского алфавита, и в этой борьбе нашими самыми близкими помощниками были такие братья по перу, как Мешади-Сижимкули.

Последней заметкой Мешади-Сижимкули на первом году издания нашего журнала была «Милая беседа между юношей и Гаджи-агой». Она помещена в 13-ом номере за тот же год. Юноша, обращаясь к благочестивому гаджи, говорит:

— Гаджи-ага, хотим в мольельне мечети открыть нечто вроде читальни для студентов, будем приносить газеты и устраивать читку, чтобы люди знали о событиях в мире. Сколько вы пожертвуете на это дело?

Гаджи:

— Как? Да я на такую чепуху и копейки не дам! Ишь ты! Я ведь и на улице терпеть не могу тех, кто читает газеты, а ты норовишь газеты протасить в мечеть?! Новую «редигию» придумали?

Юнша:

— Ладно, оставим это. Есть решение собрать деньги на обучение детей-сирот. Нашему кварталу положено платить за обучение семерых детей. Расходы на одного из сирот возьмите на себя вы, гаджи, это благое дело.

Гаджи:

— Как бы не так! Я-то хорошо знаю, какое дело богу угодно, а какое нет. Зачем сироте ученье и прочее? Если он «чистый» мальчик пусть приходит и служит у меня в доме, хлеб-воду получит и делу конец. Ступай, образумься ты лучше!»

В эти несколько строк вложен смысл, объяснение которого может занять несколько страниц. Во-первых, ретроград гаджи, чья голова забита мыслями о благодати и загробной жизни, видеть не может газет: он не только не соглашается допустить появление газеты в мечети, мало того, он видеть не может и тех, кто читает газеты на улице.

Во-вторых, гаджи не думает оплачивать школьные

расходы сироты, более того, считает его обучение пустым делом.

В-третьих, тот же праведный и благочестивый гаджи предлагает взять сироту в свой дом прислуживать, но при условии, чтобы мальчик был «чистым». Гаджи знает, о какой чистоте говорит, знаем и мы: ему нужен смазливый мальчик!

Один из примечательных фельетонов Мешади-Сижимкули помещен в 35-ом номере второго года издания «Молла-Насреддина». Автор выражает сочувствие молодым парням Гянджи, слоняющимся без дела после закрытия дома терпимости.

«Что же бедняжкам делать? Гянджа не такой город, чтобы, когда одолеет хандра, было б где поразвлечься. Вот, например, в Баку, — найдет на человека тоска, он идет к берегу моря, смотрит на купающихся и отводит душу».

Автор заканчивает фельетон ироническими словами: «Короче говоря, да разрушит аллах дом лиходея, да будут его двери вечно на замке, как и двери публичных домов, — за то, что он обрек людей на безделье!»

Ныне предвижу, чем кончит молодежь: праздным парням не останется ничего другого, как играть в прятки на улице с малышкой.

Одним словом, да разрушит аллах дом лиходея!»

Итак, прошло полтора года с начала издания «Молла-Насреддина», и в этот период Мешади-Сижимкули занят в журнале не стихами, а прозой, тогда как в течение этих же полтора лет Сабир производит фурор. Поэт Мешади-Сижимкули пока безмолвствует, сам не зная причину своего молчания. Однако, я думаю, что тягаться с таким сильным поэтом, как Сабир, было не так-то просто.

В первые два года издания нашего журнала в Загзуре был сильный голод. Винной тому явились, с одной стороны, неурожай, с другой — закрытие дорог в результате некоторых событий...

В ту пору, в 12-ом номере журнала мы воззвали к чувствам наших богачей, опубликовав фельетон «Домо-

вой». Немного позже Сабир присоединил свой голос к нам стихотворением «Кусок хлеба». Тогда только Мешади-Сижимкули, набравшись храбрости, откликнулся на стихи Сабира и послал нам стихотворение, начинающееся словами:

Не плачь, мой брат, но плачущих узи...

Итак, стихотворение Сабира распечатало уста поэтической музе Сижимкули на страницах журнала, вызвало к жизни его поэзию.

Нужно отметить еще и то, что эти стихи Сабира и отклик Мешади-Сижимкули разделяют несколько месяцев, и в течение этого времени в журнале был напечатан ряд других стихов Сабира на разные темы. Стало быть, на Мешади-Сижимкули, не пропускавшего, по собственному признанию, ни одного номера нашего журнала, читавшего их от корки до корки, не так сильно подействовали другие, более значительные произведения Сабира, сколь подействовал «Кусок хлеба», и он счел своим долгом откликнуться на них спустя несколько месяцев.

Что же здесь взволновало поэта? Конечно, тема Молды. Какая тема? Ответ краток.

В Зангезуре вспыхнул голод, армянские интеллигенты вагонами шлют хлеб для голодающих соотечественников, а мусульманские интеллигенты, предаваясь кутежам и картам, совсем забыли о своем голодном народе. Сабир корит интеллигентов, которые не думают о голодных братьях своих:

Что пристал к интеллигентам,
если хочешь их увидеть,
На колоду карт игральных,
на большой бокал смотри.

И Сижимкули вторит ему:

Чем, скажи, интеллигенты провинились пред тобой,
Стой, выслушивать упреки нет терпенья, милый мой.
Не ответит голодранцу на приветствие иной —
Ерунда, а сколько шума и какой скандал, смотри!

Помимо общности по теме и содержанию, мы всегда усматривали сродство между этими поэтами «Молла-Насреддина» в смысле живости и остроумия слога.

Вместе с тем, общезвестно, что Сабир ни на кого не

был похож, скорее всего, Сижимкули напоминал Сабира и, думаю, что гордился бы таким сравнением.

Мы можем твердо утверждать, что в мире «Молла-Насреддина» первым, наиболее приблизившимся к Сабiru по остроумию и живости, тонкости и мастерству слога, и первой заменой ему — был Сижимкули.

Второе произведение Мешади-Сижимкули поступило к нам и было помещено в пятом номере третьего года издания нашего журнала.

В самом деле, не будь мы знакомы с почерком нашего поэта, то смогли бы подумать, что Сабир от страха перед Гаджи-Меджид-Эфенди сбежал из Шемахи и поселился на станции Дали-Мамедли, откуда и прислал эти стихи:

Эй, ахунд, чтоб дом твой рухнул,
Хоть бы сана постыдись.
Сколько глулостей болтаешь,
Образумься и уймись.
Самому же надоело?
Хватит, путанки, садись!
Ты господ-аристократов
Не затрагивай, молдай!

И впоследствии, только взглянув на подпись под стихами, которые прислал к нам в редакцию Мешади-Сижимкули, мы убедились, что их написал не Сабир.

Например, кому принадлежат следующие строки? Сабiru? Нет, Мешади-Сижимкули.

Ш к о л а

Ах, меня при слове «школа»
прошибает пот и дрожь,
Если скажут «храм науки»,
знай, запледомая ложь.
Вот Джафар прошел ученье —
стал на кабаня похож,
На башке его — щетина,
на ногах копыта-туфли,
То ль солдат, то ль молокошани,
не поймешь, не разберешь*.

Приводимое ниже стихотворение Мешади-Сижимкули, как помнится, написано в связи с тем, что в Гяндже по доносу моллы царскими властями было арестовано и сослано много молодых людей и в их числе Мирза-Мохамед Ахундов (Хатиф)*:

Темница

Не говорил ли я тебе,
мечтатель бледнолицый,
Что за опасные мечты
поплатишься темницей?
Предупреждал же я тебя,
не поддавайся моде
И не грусти, и не горюй
о нации, народе.
Не говорил ли я тебе,
везде кричать не надо,
Пусть небезгрешен и молла —
разоблачать не надо!
Седого шейха почитай
и кланяйся при встрече,
Молчи и замысли тай —
к чему прямые речи?
Ты не послушался — теперь
страдаешь от бессонья,
Стрела судьбы, стрела беды
твой пронзили крылья*1.

Месяц рамазан для богатых мусульман является месяцем пиршества. На почетном месте усаживались толстобрюхие шейхи и моллы, именитые ханы и богатые гаджи, в дверях стояли голодные, оборванные сироты и попрошайки. И это называлось богоугодным делом — разговеньем.

Этот обряд критиковал Сабир, а потом и Мешади-Сижимкули, Сабир пишет в своем «Подражании»:

Вот с подноса сняли ткань
Небывалой красоты,
Глянь! Расставлены на нем

*1 «Молла-Насреддин». 1908, № 27.

Яства, будто бы цветы.
За столом обжор не счесть.
Ах, на кухне их мечты!
В горло их течет шерbet.
Сахар услаждает рты.
Плов, белея, как чалма,
Так и дразнит животы,
Предвкушенья этих яств
Сладостно до тошноты.
Посмотри: среди гостей —
Никого из нищеты.
Время ужина пришло —
Проповедник, где же ты?
Без дельца делам не быть!
Без тебя пирам не быть!*

Мешади-Сижимкули же говорит:

Твой запутаны дела,
писать иль не писать,
И мысли спутались, молла,
писать, иль не писать,
Прошел раджаб, идет шабан,
веселый срок идет,
Отцам духовным вновь толстеть,
еда им впрок идет.
Готовы плов и фисинджан,
густой парок идет,
Купец и хан, и бек — смотри,
кто на пирог идет.

О том, кто в голоде в слезах,
писать иль не писать,
И о тоске в его глазах,
писать, иль не писать*.

В другом стихотворении наш поэт, едко, как всегда, высмеивает благочестивых стариков, красящих бороду хной, которым надоели старые жены, и поэтому они вступают во временные и постоянные браки с новыми. Поэт сетует устами одряхлевшего женолюба:

Вот и старость пришла,
прежних радостей нет.

Что бы я ни спросил —
не услышу ответ.
Не придет навещать
ни приятель, ни друг,
Постарела жена,
не ласкает мой слух,
Не предложит никто
однодневных супруг.
Я в грехах с головой,
искупления нет,
Что бы я ни спросил —
не раздастся ответ*.

Прошли месяцы, минули годы, — Мешади Сижимкули-Кефсиз по-прежнему с начала издания журнала оставался нашим верным помощником. В особенности, после смерти Сабира, когда второй наш Сабир заменил нам первого. Мастерским и ярким, едким и колоритным стихам Мешади-Сижимкули не было конца. Хотя сам он постарел, но перо его ничуть не утратило присущую ему остроту; к примеру, всего лишь два года назад наш поэт изобразил состояние школы в деревне Саро сочным народным языком, легким, игривым слогом. Можно с уверенностью сказать, что этот язык, эта манера, эти стихи для азербайджанцев всегда будут дороги, выражаясь в духе персиян, будут улаждать слух читателя:

Деревня Саро

Школа есть у нас в селе,
Возле неба, на земле.
Серый, глиняный забор,
Ветер, копоть и разор.
Окна, двери перебиты,
Топчет каменные плиты
Чья-то кляча день-деньской
И лягается с тоской.
Ниче-завтра холода,
Для детей опять беда.
Летом — воль, зимою — снег,
Свалит хворь малюток всех*.

В связи с изданием произведений поэта я счел нужным сказать эти несколько слов в предисловии его книги.

Однако я здесь не преследовал цели критиковать и разбирать все произведения поэта. Эту миссию я представляю маститым труженикам пера. Моим намерением было обратить внимание читателя на качество, в каком выступал поэт в нашем журнале под упомянутыми псевдонимами.

Однако здесь есть еще один момент, который нужно подчеркнуть, иначе я счел бы задачу не выполненной до конца: это факт издания Азербайшром сборника стихотворений нашего значительного поэта.

Всем известно, что, помимо Али Назми, по инициативе издательства печатаются и пропагандируются произведения и других наших крупных писателей. И я думаю, что истинные друзья просвещения земли азербайджанской должны одобрить и по достоинству оценить эту заслугу издательства в деле просвещения и культуры.

И я надеюсь, что так и будет.

*Предисловие к книге Али Назми «Сижимкулинаме», Баку,
Азербайшпр, 1927.*

МИРЗА-ФАТАЛИ АХУНДОВ И ЖЕНСКИЙ ВОПРОС

(К 50-летию со дня смерти)

Сколь велика была слава, которую стяжал Мирза-Фатали на попрание драматургии, в той же мере был он известен в народе как безбожник: дело дошло до того, что на похороны его не явились друзья и родные. Только вот одна сторона вопроса представляется туманной, а именно: неясно все же, по какой причине современники покойного считали его нечестивым? Потому ли, что, как известно, Мирза-Фатали полагал, что старый арабский алфавит повинен в отсталости мусульман, и начал ревностно ратовать за введение нового, более совершенного алфавита, выступая за это на Кавказе и даже в Стамбуле и Тегеране? Одного лишь этого обстоятельства, этого предприятия Мирзы было довольно, чтобы фанатичные мусульмане окрестили нечестивцем и вероотступником того, кто предпочел латинский алфавит христиан «священному» буквеначертанию корана. Во-вторых, Мирза-Фатали был столь великодушен, что в те времена его называли философом и мудрецом, но, к сожалению, неясно, принимаются ли здесь во внимание письма индийского принца Кемал-уд-дوله* или нет? Ибо до сих пор биографы Мирзы ни словом не обмолвились о письмах упомянутого принца. Как бы то ни было, грехи Мирза-Фатали пред правоверными века своего были велики до чрезвычайности; причина кроется в том, что ото всех поднятых им вопросов исходил «запах крови».

В числе таких и затронутый нами женский вопрос. До сей поры слово «женщина» в исламском мире является таким «огнем», дотронуться до коего чревато той же опасностью, что и прикосновение к пороку. Как из-

вестно, шариат возбраняет общение женщины с мужчиной, и преступить этот закон, значит свершить тягчайший грех. Со временем это положение утвердилось еще более, вплоть до того, что запретили раз и навсегда произносить слово «женщина».

С течением времени стала обычаем изоляция женщин от мужчин, и это укоренилось настолько, женщина была изолирована с такой быстротой, что стало невозможным лицезреть ее внешность на улице, равно как упоминать о ней в обществе.

Ни у одного мусульманина нет в лексиконе имени женщины; ее называют не иначе, как «человек нашего дома». Если же мужчина-мусульманин бывал вынужден при близких, при брате своем упоминать о жене, он говорил: «Мать Джафара» или «Мать Ахмеда»; преступившие этот закон стужали среди мусульман печальную известность «заблудших», «бесчестных», и во имя этой «чести» выказывали столько соответствующего «честолюбия», что были готовы испить кровь друг у друга и пили в самом деле... Потому-то невежественные поэты-исламисты сваливали вину за все несчастья в мире на женщин: «И женщина развеяла во прах владыку Соломона». Естественно, что в таком мраке невежества, в столь темный век реакцией на комедии Мирзы явилось то, что долгое время возмущенная мусульманская чернь подвергала Мирзу нападкам и осыпала всевозможной бранью. Причиной такого отношения публики было именно то, что на сцену были введены мусульманские женщины.

Если появление комедий Мирза-Фатали на тюркской сцене оказалось крупным событием, то это обусловлено двумя причинами: первое — то, что комедии Мирзы сами по себе произведения весьма значительные: ими мог бы гордиться не только наш театр, дотоле, можно сказать, не существовавший; возможно, такие пьесы были бы в состоянии обогатить сцену и других культурных народов. Другим обстоятельством явилось то, что с комедиями Мирза-Фатали восточная женщина впервые показалась на сцене, ожила на ней, обрела речь, засмеялась, заплакала и впервые предстала в мужском обществе.

Вообразим себе большое собрание, театральное представление; но мы покамест не знаем, что такое театр.

Сцена закрыта занавесом, однако мы еще понятия не имеем, что это за занавес, и для чего он предназначен. Ого! Вдруг занавес раздвигается и нашему взору предстает толпа людей; здесь стоит русский начальник, его подчиненные — жандармы схватили и держат связанного по рукам юношу (Гейдарбека).

Но кто повергает в изумление, заставляет оторопеть набожный мусульманский люд — так это красивая мусульманская невеста (Сона-ханум), которая тут говорит, совсем как все люди. Она спрашивает начальника освободить из-под стражи своего суженого — Гейдарбека, зарекаясь впредь предостеречь последнего от преступного пути — контрабанды (комедия «Гаджи-Кара»).

Кто были зрители, собравшиеся здесь? Ревностные и фанатичные мусульмане того времени; разумеется, среди них было немало «благочестивых». Положим, публика заранее знала, что Сона-ханум, разговаривающая на сцене с начальником, на самом деле не женщина, а молодой человек, облачившийся в женское платье; в ту пору и думать нельзя было о том, чтобы на сцене появилась и заговорила мусульманская женщина... Тем не менее невежественная чернь то и дело замахивалась дубиной брани и поношений как на актеров-любителей, так и на автора пьесы — Мирза-Фатали.

«Беда» заключалась в том, что пьеса, «бесстыдно» выводящая на сцену мусульманскую женщину, не была единственной; известно, что, исключая «Алхимика», в пяти пьесах Мирза-Фатали участвует турецкая женщина. Вот их перечень: «Гаджи-Кара», «Мусье Жордан», «Хан Сараб», «Медведь — победитель разбойников» и «Восточные адвокаты». Едва эти произведения вышли в свет, как молодые любители взялись за их постановку во многих городах и даже поселках Кавказа и несмотря на то, что в те годы женские роли исполняли юноши, тем не менее взорам зрителей на сцене представляли турецкие женщины, и эти мастерски написанные произведения столь тонко вылизи чувства и настроения героинь, что неуклюжая часть публики порой впадала в заблуждение, подумав, что на сцене действительно играют женщины.

В скором времени имена женских типов Мирза-Фатали были у всех на устах: из «Приключений хана Сараб» — Зейнаб-ханум, Шела-ханум, Ниса-ханум, Пери-

ханум, из «Гаджи-Кара» — Сона-ханум, Тейба-ханум, Нияр; из «Мастали-шаха» — Шарафниса-ханум, Гюльчохра, Шарабану-ханум, Ханпер; из «Восточных адвокатов» — Сакина-ханум, Зибейда и из «Медведя — победителя разбойников» — Зулейха и Пэризат.

Вследствие этого отсталая часть мусульманской публики начала поносить актеров-любителей, вменяя им в вину то, что они в театре произносят имена мусульманских женщин; ибо, как было предсказано, называть женщин во имени считалось предосудительным, постыдным делом.

Этот дикий обычай отмечал и наш писатель Абдулрагим-бек в своих «Видениях», где Хатемхан-ага обращается к Мирзе с такими словами:

— Оставим в стороне то, что ты меня самого выставил на посмешище, это еще полбеды. А что тебе за дело до женщин? Хоть ты и чужд мусульманству, но в жилах твоих, как-никак, течет мусульманская кровь; к лицу ли тебе посягать на наше благочестие? Братец, чего ради, спрашивается, люди должны знать имя моей жены, дочери? И не совестно тебе? Стыд-то такой!

Кто же женские типы комедий Мирза-Фатали — эти фотографические снимки современного быта?

Нравы и поведения героинь, изображенных в пьесах, — живое воплощение женских характеров той действительности.

В них женщины показаны, словно отражение в чистом зеркале. Поэтому мы здесь встречаем различные типы, различные характеры. Поскольку эти творения суть зеркала быта, то естественно, нам здесь представляется возможность увидеть как хорошее, так и недостойные женские качества, положительные свойства, равно как и отрицательные; могло ли быть иначе, чтобы среди решительных и деятельных женщин («Гаджи-Кара») не было бы робких и бездеятельных («Восточные адвокаты»), или помимо верных, правдивых и прямодушных женщин не нашлись бы склонные к хитрости и фальши («Восточные адвокаты»)?

Мирза-Фатали не задумывался нельзя изображать современных ему женщин без единого изъяна и упивать их

турные черты. Если бы он поступил так, как иные недалекие сочинители, это уже не был бы Мирза-Фатали.

Хотя и некоторые из женских персонажей предстают нашему взору решительными, однако эта решительность проявляется лишь в кругу семьи и несколько переходит в своенравие (Шарабану-ханум, Нигяр). И это объяснимо: ничего иного мы не могли ожидать от женщин, живших пятьдесят, шестьдесят или сто лет тому назад в Карабахском, Шемахинском и Ширванском краях. Ибо даже и мужчины той поры были невежественны и необузданы. Мужья и братья тех женщин большую часть времени проводили в разбое и разгуле, и женщины, жившие в таком быту, разумеется, гордились тем, что вышли замуж за таких удалцов (в пьесе «Медведь — победитель разбойников» — Залха и Пэризат).

Несколько беглых замечаний о женских персонажах комедий.

1. В пьесе «Мусье Жордан» жена Хатамхан-аги Шарабану-ханум представляется, с одной стороны, отважной и дерзостной; однако в силу невоспитанности и невежества эти свойства в то же время оборачиваются своенравием. Ее решительность заключается лишь в том, что с целью воспрепятствовать отъезду Шахбазбека в Париж она противостоит мужу, Хатамхан-аге, как «пехлеван», устраивает ему сцену, и в конце концов по темноте своей поддает обману дервиша и, тайком от мужа, провозжает мошенника, одарив сотней золотых. Ханпери, в восторге от этой доблести ханум, говорит: «Ах, ханум, если у мужчин голова на пихах, то почему же мы на каждом шагу обманываем их и делаем, что нам вздумается?!»

2. В «Медведе — победителе разбойников» любовь Байрама к Пэризат побуждает его заняться разбоем, чтобы синскать благоволение девушки; ибо то был век «дави — бей — хватай — убивай», и избранником девушки могли стать лишь отчаянные удалцы, те, кто прослыл разбойником.

3. И в пьесе «Гаджи-Кара»: Сона-ханум, движимая любовью к Гейдарбеку, обращается к начальнику с бесконечными мольбами и заклинаниями, чтобы освободить его из-под ареста: «Да буду я жертвой твоей, прости его ради государя; или доложи об этом в верхах, может быть, смилуются, пожалеют слезы мои!..»

4. Одна из неблагоприятных черт, свойственных темным и невоспитанным женщинам, живущим в домах двоеженцев — это их взаимная вражда, свары и козни. Такие типы весьма мастерски созданы Мирза-Фатали в «Приключениях хана Сарабского». Здесь жены визиря Зибанум и Шела-ханум на протяжении всего действия только тем и занимаются, что ссорятся друг с другом и устраивают всевозможные коварные проделки над визирем.

5. Помимо этого, мы встречаем еще два женских персонажа — в комедии «Восточные адвокаты».

Один из них — Сакина-ханум; это рассудительная и бойкая девушка, вопреки настояниям своей тетушки и богача Гаджи-Гасана, не желающая расстаться с любимым, Азизбеком.

Другая женщина — Зейнаб — жена Гаджи-Гафура, состоящая с ним во временном браке, которая, поддавшись лживым уговорам адвокатов, пытается нечестным и неблагоприятным путем овладеть 60 тысячами туменов Гаджи-Гафура.

Таковы женские персонажи в произведениях Мирза-Фатали. Мы видим, что все эти женщины не лишены природных способностей и достоинств — они здоровы, деятельны, расторопны, стойки, — большинству из них это присуще; у них есть только один враг; это необразованность и дурное воспитание.

Выводя их из-за черного занавеса на белый свет, Мирза-Фатали как бы хочет сказать мужскому роду: смотрите, эти незаурядные и красивые женщины сейчас пребывают в бесправии и темноте. Я вижу, что вы опасаетесь дать им образование и воспитание; потому что вы знаете, что эти умные и способные женщины под воздействием воспитания и науки, к которой они приобщатся благодаря грядущей революции, завоюют свою свободу и тогда уже станут невозможными ваши самодурство и произвол в семье; потому что эти женщины, лишённые человеческих прав, навсегда вырвут из ваших рук кнут шарната и отшвырнут его прочь.

Я считаю все религии вкуче целе-
пейшей и вздором.

М. Ф. Ахундов.

¶ Мирза-Фатали Ахундове надо писать много,
либо не писать вовсе.

О Мирза-Фатали Ахундове надо писать хорошо, либо
не писать вовсе.

При всем при том заповедь сия не имеет касательст-
ва к автору этих строк; по той причине, что я и не ду-
маю писать о Мирза-Фатали не то чтобы пространно,
но, быть может, и немного. Цель моя — набросать три-
четыре строки воспоминаний; затронуть в этих строках
вопрос столь важный, что моя заметка может быть
принята только как вступление к настоящей теме.

Наша беседа посвящена взглядам Мирза-Фатали на
религию.

Хотя и на торжествах, проведенных в минувшем
марте месяце в связи с пятидесятилетием со дня смерти
Мирзы, а также в журналах и газетах была дана то-
лика сведений относительно атензма Мирза-Фатали,
однако вопрос этот весьма существенный, и нельзя до-
вольствоваться только произнесенными и опубликован-
ными в марте речами и статьями, об этом надо говорить
более.

Перейдем к теме нашей беседы.

Те, кому довелось быть свидетелями и присутство-
вать на похоронах Мирза-Фатали, ищут и передают,
что на панихиде, отпевании и при выносе тела не было
никого из приятелей и родственников покойного. Четы-
ре хамвала несли его гроб для захоронения на тифлис-
ском кладбище. По другим версиям, тело усопшего несли
и передали земле четыре вонна-казака, присланные
наместником.

Так или иначе, останки Мирза-Фатали остались пре-

бывать без хозяйского призора. Это обстоятельство
должно вызвать интерес и внимание у тех, кто намерен
узнать о нем.

Одна только драматургическая работа Мирзы не
могла в глазах темного люда почитаться столь великим
грехом, чтобы на церемонии его похорон вовсе отсутст-
вовали верующие. Равно как Мирза не мог заслужить
столь лютую ненависть мусульман лишь только пото-
му, что ратовал за преобразование алфавита.

Известно, что Мирза затрагивал и женский вопрос:
в его сценических сочинениях, исключая лишь одну
(«Алхимик»), мусульманские женщины разговаривают
на сцене с мужчинами, и не подлежит сомнению, что
это мусульманам тех времен не могло прийти по душе;
более того, они называли Мирза-Фатали нечестивцем.

Почему же все-таки?

Примечательно, что дореволюционные биографы не
делали никаких разъяснений и замечаний относительно
этого, и когда заходила речь о его атеизме, не приводи-
ли определенных доводов и доказательств, не подтвр-
ждали его антирелигиозность ссылкой на какое-либо про-
изведение покойного.

Правда, покойный драматург в некоторых местах
своих комедий высмеивал на сцене суеверия, веру в
сверхъестественные явления и прочую нелепость; на-
пример: в пьесе «Мустье Жордан» он высмеивает Шара-
бану-ханум и Шарафинса-ханум, которые, поверив в
колдовство мошенника дервиша Мастали-шаха, дают
ему сто золотых и отпускают его; в пьесе «Алхимик»
наивные нухинцы верят в жизненный эликсир шарлатана
Молла-Ибрагим-Халила и козьям дьявола и, далее,
в «Обманутых звездах» Шах-Аббаса повергает в страх
падение звезд, и он более всего уповает на доблесть
восначальника Заман-хана в противоборстве со звез-
дами...

Ясно, что всех перечисленных нами «грехов» Мирзы
было бы мало, чтобы друзья и родные сочли его от-
ступником и нечестивцем и отвернулись бы от него и
живого и мертвого, ибо ни в одном из произведений
Мирзы, опубликованных при жизни, не говорится об
убеждении и вере.

Наш учитель Фирудин-бек Кечарли* дает краткое
сведение относительно взглядов Мирзы в своей книге.

Фирруддин-бек пишет: «Многие объявляли Ахундова безбожником и нечестивцем, кляли его за вольнодумство и трезвые взгляды, преклонение перед разумом. В итоге, из-за убеждений порвали с ним друзья и родные, никто не явился на его похороны, и только четыре хамала понесли его гроб на кладбище и предали тело земле без соблюдения всяких обрядов».

Нужно заметить, что определенная сторона вопроса остается неясной, и невозможно понять, какие основания были у тех, кто объявлял Мирза-Фатали нечестивцем и уклонился от участия на его похороны, усмотрели ли нечестивость в определенном произведении или в каких-либо проповедях, пропаганде, которые он вел в роде?

Только теперь нам стало известно то произведение Мирза-Фатали Ахундова, где говорится о религии и вере, где он объявляет свои воззрения свободными от всякой религии и верований, хотя в те времена это произведение не пользовалось вниманием, и не было издано, да и не могло быть опубликовано; тем не менее содержание и суть его были известны современникам, друзьям и близким Мирзы.

Это произведение — перелиска двух принцев*. Оно издано в 1924 году «Комитетом по новому тюркскому алфавиту» в Баку.

Только сейчас, спустя более столетия со дня рождения и полвека после смерти Мирза-Фатали, нам стало ясно, что была у покойного великая дума, о чем он при жизни своей не мог сказать во всеулышание и должен был поведать затаенную мысль свою устами индийского принца Кемал-уд-довле, дескать, эти слова принадлежат не мне, а Кемал-уд-довле». И коль скоро здесь задеты религия и обряды, заводится речь о том, существует ли бог или нет, могло ли стать возможным издание такого сочинения, тогда как и говорить-то об этом велух было немислимо?

В юбилейном издании шекинского отделения общества «Красное перо», приуроченном к пятидесятилетию со дня смерти Мирза-Фатали — в письме из Тифлиса за подписью «М. Г.» сообщается следующее: «Что касается борьбы с фанатизмом и религией, он (Мирза-Фатали) надеялся письмом индийского принца Кемал-уд-довле нанести первый удар по религии; с этой целью он пе-

ревал написанное им сочинение на русский язык и неоднократно обращался к петербургским издателям... Он уверял цензора, что это сочинение, нанося удар по мусульманскому миру, решительно не заденет христианство. Однако царская цензура не поверила этому. Он обратился к парижским и лондонским издателям. Никто не осмелился обнародовать идеи этого старого мудреца, дерзнувшего поднять черную завесу над мусульманским миром...».

Нужно полагать, что положение было столь опасным и осторожность — столь необходима, что Мирза-Фатали не сразу признал свое авторство в отношении писем, написанных от лица Кемал-уд-довле даже перед друзьями, и в одном из писем, адресованных своему приятелю, Абдулвахаб-хану, говорил, что, мол, письма Кемал-уд-довле не принадлежат мне и что в день страшного суда я схвачу за полы Гаджи Шейх Мохсуна и взыщу с него за то, что он клеветает на меня, приспосабливая письмо мне. Моя причастность к нему состоит лишь в том, что я перевел это письмо с фарсидского на тюркский, с целью написать критику на него.

Индийский принц Кемал-уд-довле, вернувшись из путешествия в Англию, Францию и Новый свет, побывав и на иранской земле и отсюда написал своему другу иранскому принцу Джемал-уд-довле три письма, на которые тот откликнулся одним ответом.

Кемал-уд-довле, воочию увидев тогдашний упадок в Иране, пишет, что лучше бы он и не приезжал вовсе в эти края, — сердце его истерзано болью и, вспоминая пору древнего расцвета и благоденствия Персии, он вопрошает: где былая слава и величие? Голодные, нищие арабы на тысячу двести восемьдесят лет обрекли тебя на бедствия, истощили земли твои, лишили население воляности, повергли его в невежество. Правитель твой — тиранин, богословы — фанатики! Что явилось первопричиной этого упадка, кто повинен в нем? Нынешнюю участь восемь столетий тому назад предвидел нантием своим Фирдоуси, отвечая на эти вопросы устами сына Ирмуздашаха-Рустама.

Когда арабу в схватке повезло,
Уделом перса стали ярак и зло*.

Хотя и мы несколько отвлеклись от темы, но все же необходимо представить себе век, в котором жил Мирза-Фатали.

Мирза-Фатали вложил стило в руку Кемал-уд-довле и наказал ему: напиши, что участь родины моего отца¹ была загублена в ту пору, когда глупые иранцы доверили отчизну провозглашенным Саад-Вегаасом пустым посулам и никчемной вере, обрекли ее на поприще арабскими разбойниками.

Письмо начал с упоминания бога,
Он не забыл и имени пророка...
...Что блага мира, властелина ложе —
Единый волос гурни дороже*.

То есть Саад-Вегаас предлагал персиянам обратиться в мусульманскую веру, ибо она сулила рай на том свете, где есть такие ангелы, что даже трон и корона не стоят одного волоска с их головы.

Дорогой наш писатель Мирза-Фатали, перейдя после этих строк к другому вопросу, пишет от лица Кемал-уд-довле, что «по призыву Саад-Вегааса мы приняли ислам и с его помощью мы должны были бы благоденствовать и на том, и на этом свете. Мы пока не имеем сведений о потустороннем мире, и давайте говорить об этом брэнном мире».

Со времен хиджрета по сей день и на долю иранского народа выпали такие бедствия, какие не претерпел ни один народ в мире. Почему же исламская вера не даровала ему благоденствие? Напротив, вполне возможно, что мифы ислама создали непроходимую пропасть между этими горемычными людьми и цивилизованными нациями».

Мирза-Фатали идет дальше; если бы он остановился на полуслове, тогда нельзя было бы понять, какому увещанию он отдает предпочтение перед исламом, отвергая его; быть может, он ставит буддизм выше ислама, или намерен проповедовать бабизм, или же желает ока-

¹ Родной отца Мирза-Фатали является Хамина (близ Тебриза). *Примечание автора.*

зать услугу рассказням американских и английских миссионеров?

Мирза-Фатали отвечает на эти вопросы так:

«Джемал-уд-довле! Из сих речей ты не заключаю, что я, возможно, предпочитаю исламу иные религии.

Я считаю все религии вкупе нелепичи и вздором».

Мирза-Фатали разъясняет свой атеизм во втором письме Кемал-уд-довле и солидаризируется в своих философских воззрениях с суждениями Абдуррахмана Джамии* и Шейха Шабустари*, Петрарки и Вольтера. Он говорит, обращаясь к мусульманам:

«Поскольку вы несведущи в астрономии и естествознании, то всегда будете верить в сверхъестественное, в таинства, духов и прочие небылицы; ибо вы не сможете постичь, что вся вселенная есть единая совершенная сущность, и закон ее — творить единичное; побег, ушедший корнями в землю, под благотворным воздействием солнца, воздуха и воды развивается в дерево; небо и земля, созерцаемые тобой, и все частицы материи состоят из молекул и каждая молекула состоит из атомов, все атомы суть масса, и масса есть материя. И эта единая материя является самотворящей и самотворимой».

В одном пункте своего письма Мирза-Фатали одобряет малоизвестного исламского философа Эла Зикри-хус-Салама; ибо его воззрениям было созвучно вольномыслие Зикри-хус-Салама. Этот философ так же призывал людей в свое время к почитанию законов природы: «Знайте и постигните, что мир — древен и время бесконечно, что рай и ад суть плоды воображения и вздор, что небытие человека есть его смерть».

И Мирза-Фатали обращается к мусульманам в упомянутом письме с утверждением, соответствующим этому высказыванию: «После того как тело разложилось и прах истлел, более невозможно явление на землю, в рай, ад, воспарение на небеса... И пусть мудрый насладится благами мира сего; ибо сошедшему в могилу нет возврата...»

Отметив ниже один важный момент, мы заключим нашу речь. Считаю необходимым обратить внимание интересующихся атеизмом Мирза-Фатали Ахундова на следующее обстоятельство.

В предисловии к письмам двух принцев Мирза-Фатали подчеркнута отрицает свое авторство и утвержда-

ет, что авторы их — ныне живущий принц Игбал-уд-довле и иранский принц Шуджа-уд-довле, и что якобы он, Мирза-Фатали, всего-навсего перевел письмо на турецкий язык. Может быть, именно в силу того, что Мирза-Фатали отрицал свою причастность к созданию «Писем», последние на протяжении долгого времени не были известны в числе сочинений Мирзы, вплоть до той поры, когда много лет спустя после его кончины письма принцев были обнаружены якобы случайно.

Но вот как обстоит дело. Несколько лет тому назад нам стало известно, что имена принцев Кемал-уд-довле и Джемаль-уд-довле некогда были упомянуты в иранской печати; один наш уважаемый друг литератор, из иранских революционеров, указал нам газету «Хаблюль-метин» («Крепкий оплот») и в четырех номерах мы действительно нашли имена упомянутых принцев. Вот эти номера газеты: 1332 год по летоисчислению хиджра, номера 31; 32; 35 и 37; экземпляры изданы в Индии в городе Калькутта. В названных номерах принц Кемаль-уд-довле Дехлави, обращаясь к принцу Джемаль-уд-довле, повествует на фарсидском языке о древней истории Ирана, вспоминает бывшее благоденствие и процветание Ирана сладостным слогом, напоминающим слог Мирза-Фатали, сокрушается сегодняшним упадком и без научного основания пытается объяснить причины запустения; но он, в отличие от Мирза-Фатали, не заводит речь об исламе.

Эти четыре письма не имеют подписи; неизвестно, кем они написаны и помещены в «Хаблюль-метин» в 1322 году хиджры. Хотя и эти статьи не принадлежат перу Мирза-Фатали, снискавшего столь великую славу в сфере восточных наук в Турции, на Кавказе и в Иране, но можно предположить и даже сказать с уверенностью, что эти статьи написаны неизвестными нам авторами в подражание Мирзе, с использованием вымышленных им имен.

В заключение мы хотим принести свои извинения «душе» покойного Мирза-Фатали Ахундова. В коей мере при жизни он настаивал на том, чтобы письма Кемал-уд-довле не приписывали ему, в той же мере мы

настаиваем, чтобы авторство в отношении этих богопротивных писем было возвращено Мирзе; ибо мы, изгнанные из божеского лона, уповаем обрести утешение хоть в безбожии Мирза-Фатали, а может быть, даже гордиться этим.

Правда, мы памятуем и о том, что в день страшного суда дорогой наш Мирза-Фатали схватит нас за полу и взыщет с нас, как он клялся взыскать с Гаджи-Шейх-Мохсун-хана, — однако, где ему найти нас в судный день?! Ведь и сам наш учитель настаивает в книге своей — коль ты сошел в могилу, то нет тебе возврата...

«Шарк кадыны», май—июнь 1928 г., № 5-6.

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ О САБИРЕ

Седьмого апреля 1906 года, начиная издание журнала «Молла-Насреддин», мы еще не знали Сабира и не слышали о существовании поэта с таким именем; знай мы о том, что на свете есть столь колоритный поэт, как нельзя более подходящий нашему стилю, мы бы не преминули украсить первый же номер творением его пера.

Первое стихотворение Сабира было получено редакцией в тот момент, когда мы уже распространяли седьмой номер и подготавливали к печати восьмой.

Оказалось, что наш многоценный поэт, прочитав в седьмом номере статью под названием «Почему я убежал из школы», написал стихи на эту тему — лукавый ответ сына отцу, — который мы поместили в восьмом номере:

В тот день, когда творец тебе дарует сына...

Из сказанного явствует, что первое стихотворение дорогого сподвижника нашего, дошедшее до журнала, — это упомянутое нами стихотворение. К слову, хочу заметить тем, кто интересуется Сабиром, что я отрицаю его авторство в отношении опубликованного в четвертом номере нашего издания и включенного впоследствии в «Хоп-хоп-намэ» стихотворения «Пусть как хотят грабят народ — мне-то что за дело?», хотя и поныне публика приписывает его Сабиру. Прежде всего, по той причине, что подлинник стихотворения не написан рукой Сабира; второй мой довод — что само стихотворение (в этом могут убедиться знатоки поэзии) несколько слабее и не соответствует манере Сабира. Здесь не видны сабиров-

ский слог и дух. Опровержением моего утверждения может явиться единственно собственноручный текст поэта; если у кого-нибудь он имеется, просим его представить.

Как сказано выше, мы не сразу узнали о Сабire, и первое произведение его в нашу типографию в Тифлисе доставил незнакомый юноша. Он передал пакет с письмом моему другу Омару Фаику и — был таков. Фаика это насторожило; он подумал: было, что, возможно, письмо содержит брань и угрозы недоброжелателей. Вместо поношений здесь оказалось упомянутое ценное стихотворение:

В тот день, когда творец тебе дарует сына...

Ну, напечатали.

Но кто же автор? Эх, милый товарищ мой Фаик, куда же умчался тот пострел, кто его послал? (Стихи были без подписи; подпись «Хоп-хоп» мы придумали сами).

Ага! Не прошла неделя-другая, как тот же паренек приносит нам второй конверт и передает Фаику. И опять мчится прочь.

На сей раз в конверте другие стихи — жалоба отца на сына-учащегося («Ну что хорошего нашел мой сын в ученье?»), которое мы опубликовали в 11-ом номере. «Фаик, голубчик, ради всего святого, разыщи этого мальчугана». «Найду, разыщу. Запасись терпением, друг мой, придет еще раз — не выпущу».

Когда неделю спустя тот же паренек заявляется снова с пакетом в руке и, оставив его, выходит, мой сотрудник Фаик отправляется за ним следом и дорога приводит его в ковровую лавку шемахинцев Шейховых на армянском базаре.

Шейховы сперва не хотели выкладывать, в чем дело, но по настоянию Омара Фаика раскрыли тайну, но при условии, чтобы разговор не был предан огласке.

Оказывается, бедный Сабир, сообразуясь с целью наблюдать окружающий быт, хотел в возможной мере скрыть свое участие в «Молла-Насреддине». Так и было долгое время, и по этой же причине он заменял впоследствии выдуманный нами псевдоним различными подписями.

Мы хотели бы добавить к нашей краткой заметке несколько строк.

Выступающий под псевдонимом «Сабир» — не наш поэт; Сабир — псевдоним религиозного поэта, обладающего соответствующим терпением и кротостью, смиреннейшего со всем злом и бедствиями мира сего, с человеческими пороками — и уповающего на лучший мир, что является уделом верующего люда. Как уже говорилось, мы не знали, что Мирза-Алекпер выступает под псевдонимом поэта Сабира. Поэтому, увидев в книге «Хоп-хоп-наме» стихи, подписанные именем «Сабир», мы испытывали досаду оттого, что здесь были помещены такие стихи, как «На что тебе бездушные, о боже» (стр. 174), или весьма чувствительная, душещипательная касида по поводу кончины Гаджи-Меджида Эфендиизаде* (стр. 313).

Поэтому, когда я увижу или услышу где-нибудь имя «Сабир», то погружаюсь в раздумье: почему мир устроен так, что не бывает солнца без пятен и розы без шипов. И, может быть, проявлением этого закона нужно объяснить то, что в цветнике такого бесценного и редкого поэта, как «Хоп-хоп», не обошлось без сорных трав религиозности.

«Десятилетие библиотеки Сабира», 1929.

Известно, что Азербайджан не был беден даровитыми поэтами, но поэт Аликули Гамкюсар — наш незаурядный собрат по перу, начиная с третьего года издания «Молла-Насреддина», т. е. с 1908 года, на страницах журнала можно увидеть поэтические и прозаические произведения, статьи и стихи Гамкюсара. Известны псевдонимы нашего поэта, относящиеся к раннему периоду — «Хадими-миллет», «Отайлы» и относящиеся к последним годам — «Джувеллаги», «Джувеллаги-бек». Под этими псевдонимами Гамкюсар выступал в нашем журнале.

Одним из самых сильных произведений нашего товарища Гамкюсара, из числа опубликованных в «Молла-Насреддине», является стихотворение об идиотском самоотязании в месяц магеррам:

Мир повергнув в изумление дикостью своею, режь,
Режь, герой мой, удалец мой, режь, храбрец мой, режь!*

— стихотворение, которое и по сей час многие наши читатели помнят наизусть. Это произведение ясно свидетельствует о трезвости мысли нашего поэта.

Мы считаем необходимым отметить и то, что в ряду поэтов, участвовавших в «Молла-Насреддине», наш друг «Джувеллаги» превзошел зоркостью ума и непримиримостью выступлений и критики религиозных предрассудков даже Сабира. Симпатии Гамкюсара к нашему журналу, постоянно ведшего борьбу с религией, возросли настолько, что в 1912 г. он забросил все свои личные дела в Джульфе и переехал в Тифлис, активно включился в журнальную работу в содружестве с нами.

Февральская революция произвела на нашего товарища большое впечатление; вот как он описывает натиск капитала на труд в 26-ом номере «Молла-Насредина» за 1917 год:

Разглагольствовать — мастак, равных нет тебе, богач,
Хватит грабить, дай вздохнуть бедной голытьбе, богач!
Уважай рабочий люд, и ярмо с него сними,
Постыдись крестьян, богач, пыл стяжательский уйми.
Вон как пузо отрастил. Не кичись мощной, пойми —
От расплаты не уйти, не уйти тебе, богач!*

До тех пор, пока упоминается название нашего журнала, в первом ряду бесценных и дорогих сподвижников наших имя дорогого товарища Аликули Гамкюсара — Джувеллаги будет всегда встречаться восторженным — «славься».

«Молла-Насредин», 30 мая 1929 г., № 22.

ВОСПОМИНАНИЯ

Тьма

В первые в жизни открыв глаза, я увидел мир погруженным во тьму. Первое, что я услышал в этой темени, было: «Аллаху-акпер, аллаху-акпер!»*. То были слова азана, который пел по соседству муэдзин. Я уже привык к тому, что после этих двух слов наш муэдзин Молла-Керим произносил еще: «Ашаду анла илахе-ил-лаллах»*.

И впоследствии, когда я рос и мужал, в числе слов, которые я слышал ежедневно и ежечасно, на каждом шагу непременно были эти два слова: «Аллаху-акпер».

И каждое утро меня будил от сладкого сна голос моего отца, произносившего: «Аллаху-акпер». И я догадывался, что отец совершает намаз. Те же слова слышал я и от матери. Она тоже совершала намаз. И оба они, совершая намаз, среди прочих обязательных при намазе молитвенных слов, несколько раз неожиданно и громко зывали: «Аллаху-акпер».

Это делалось всякий раз, когда, при отсутствии других домохозяев, кошка, подбежав к миске, принималась лакать молоко, или грудной младенец, ползая на четвереньках, приближался к огню. Так как отвлекаться во время намаза запрещено, то оставалось только зывать к аллаху, не смея говорить ни слова кошке или ребенку.

Отец произносил «аллаху-акпер», когда сердился на мать. И мать произносила «аллаху-акпер», когда сердилась на нас.

Насколько я помню, в те времена из каждых четырех слов, которые произносили люди, одно непременно относилось к аллаху.

— Ради аллаха, отец, купи мне виноград!

- Клянусь аллахом, сынок, на базаре нет винограда.
- Именем аллаха, купи!
- Накажи меня аллах, нету!
- Сестрица, пусть благословит аллах память отца твоего, позови мальчика с улицы!

Из всего этого видно, что и мои родители, и прочие мои земляки ежечасно, ежеминутно и ежесекундно произносили имя аллаха. Они вечно призывали аллаха, вечно были с ним. И эта любовь к аллаху или страх перед ним объяснялись тем, что как мои родители, так и другие мои соотечественники были убеждены тогда, что у аллаха есть рай и есть ад, и любого из своих рабов он волен послать в рай или низринуть в ад. Все зависит от твоих деяний. Праведные войдут в рай, а грешники попадут в ад.

И еще хорошо я помню, как наш сосед Молла-Али, который потом учил меня и моих братьев грамоте, каждый день повторял одну и ту же арабскую фразу: «Фемен йзмеле мисгале ээрэтин»*. Тогда, в детстве, я сразу забывал эту фразу, стонло молле удалиться. Но впоследствии, когда я научился грамоте, понял, что слова эти — стих из Корана: «фемен йзмеле мисгале ээрэтин хейрен ереху, взмэн йзмел»* и т. д.

Понятное дело, тогда своими проповедями Молла-Али и ему подобные уверили моих родителей, что праведность заключается в совершении намаза и соблюдении поста, а греховность в том, чтобы нарушать пост, не подстригать усов, есть масло, сбитое инверцерем и так далее. Разумеется, моллы к порочным делам относили также воровство и убийство. Но об этих явлениях суетного быта моллы в проповедях не говорили; или же касались их вскользь.

Стало быть, всякий, кто совершал в жизни благо, на том свете получит за добрые дела награду. Так что же это за награда? В чем она будет заключаться?

И вот Молла-Али и присные убедили моих родителей и наших соседей в том, что после смерти все, кто совершал благие дела, пройдут по волосному мосту и попадут в рай; в тот самый рай, где, по словам Моллы-Али, под пышными кучами деревьев струятся воды и зреют вкусные плоды, и пребывают девы. Об этом сказывал Молла-Али, приводя выражения из Корана. И главное,

в обществе этих дев праведники пребудут вечно, не зная ни болезней, ни смерти.

Так кто же является хозяином этого сказочного мира? Кто создатель рая? Кто создатель ада? Все тот же всевышний творец! Тот самый аллах, о котором арабы говорят: «аллаху-акпер». И сие есть та самая формула, которая повторяется каждый раз, когда мы принимаемся за молитву, с нее мы начинаем наше обращение к богу:

— Аллаху-акпер!..

Стало быть, чтобы приблизиться к богу, необходимо молиться; молиться так, чтобы раб божий весь был поглощен этой молитвой и ни на мгновение не упускал бога из памяти.

Первым и важнейшим обрядом, ведущим к благой цели, является намаз.

В том самом темном мире, где я обрел зрение, чтобы видеть, и обрел слух, чтобы слышать, в том самом мире мрака и темноты я постоянно лицезрел моих родителей, родственников, соседей и всех моих соотечественников за намазом.

— Аллаху-акпер!..

Каждый раз, придя к дяде, я заставал покойного за намазом. И отец мой радел в молитвах. А сколько раз на дню совершала намаз мать. По соседству справа, в доме Мешади-Мамеда, слева — у кузнецов постоянно раздавались эти возгласы — «аллаху-акпер». Днем и ночью мечетский двор бывал полон совершающими намаз. Ежедневно на рассвете, в полдень и вечером поднимались к небу возгласы муэдзина Молла-Керима:

— Аллаху-акпер!..

И тотчас же все правоверные хватали кувшины и принимались за омовение перед молитвой: «Аллах — един, аллах вечен...» И, совершив омовение, приступали к намазу. Утром — к утреннему намазу, в полдень — к полуденному, а вечером — к вечернему и ночному.

Однако пусть уважаемый читатель не думает, что совершение семнадцати рукетов — циклов пятикратной молитвы — намаза не должно бы отнимать слишком много времени. На этот счет прошу прощения и осмеливаюсь доложить, что все зависит от усердия и воли того, кто совершает намаз. Для экономии времени можно, вкратце прочитав первую суру Корана, перейти тут же

к поклону и коленопреклонению, после чего произнести заключительные молитвы. Таким образом можно отдать долг перед богом. Он ведь не висит над душой: мол, нет, шалишь, давай без дураков, нечего спешить!

Однако, вспоминая сейчас тех, кто совершал намаз в тот мрачный век, о котором я говорил, прихожу к убеждению, что ныне нравы полностью изменились, и утверждаю, что большая часть времени тогдашних правоверных, в том числе и моего дядюшки, и соседствовавших с нами Молла-Али, Мешади-Мамедали и всех мудрых и непорочных гаджи, уходила на совершение намаза. Правда, я был тогда мал и не часто ходил к чужим, но время, которое тратил на совершение намаза мой дядюшка, может служить примером того, сколько времени тратили на молитву прочие благочестивые.

С утреннего азана дядюшка мой начинал произносить молитвы перед омовением:

— Аллаху-акпер, аллаху-акпер! Во имя аллаха, милостивого и милосердного! Скажи: он — аллах — един, аллах вечен... Благословение аллаха Мухаммеду и его приближенным! Во имя аллаха, милостивого и милосердного... Нет большей силы, чем сила всевышнего аллаха. Аллаху-акпер!..

Я был тогда ребенком, и сон у меня должен был быть крепким и сладким. Таким он и был у меня. Но воудушвление, с которым совершал намаз мой дядюшка, не давало никакой возможности спать. Во-первых, он произносил молитвы очень громко, а во-вторых, с таким тщанием выговаривал арабские выражения, так изощрялся в интонациях, что и после восхода солнца, когда намаз пора было закончить, дядюшка мой осиливал лишь несколько сур Корана.

Начинал он с больших глав, например, насколько я помню, с суры «Шамс», «Гиямат» или «Эмме». Кроме них, он прочитывал, вернее, выводил нараспев, подобно марсияхану или певцу-ханенде еще несколько глав, после чего переходил к коротким сурам, вроде «Ийна эзелна»*, и, перебирая четки и поглаживая бороду, поднимался на ноги. И тогда, конечно же, дядюшка мой считал себя наименее счастливым из всех счастливых рабов аллаха, живущих на земле.

Это тот самый мой дядюшка, о котором спустя тридцать лет Сабир написал газель:

Отшельник верит, что во сне при жизни рай он обретет,
Что он над бездной в райский сад, как тень крылатая, порхнет.
По мнению этого балды, рай — что-то вроде Бухары,
Где на большом базаре он притон с гылманами найдет...*

И вы, пожалуйста, не думайте, что дядюшка мой уже покончил со своими обязанностями перед богом и освободился от дальнейших молитв. Ничего подобного! Смотрю, после намаза, свершенного с уже описанным рвением, поднимается он на ноги и, перебирая четки, продолжает шевелить губами, как бы про себя повторяя слова молитвы:

— Благословение аллаха Мухаммеду и его приближенным!.. Нет большей силы, чем сила всевышнего аллаха!..

Я заметил еще, что после совершения намаза дядюшка мой казался каким-то благодушным и довольным. Тогда я не мог понять причину этого, но впоследствии сообразил, что дядя считал себя уже заслужившим те блага, которые обещаны в коране благочестивым; отсюда и это чувство удовлетворенности. Ибо райские кущи и струящиеся под сенью деревьев воды предназначены тем, кто поверил в аллаха и ведет праведную жизнь, то есть истово совершает намаз. Но этого еще совсем недостаточно, потому что сады с протекающими там под деревьями арыками не очень-то могли прельстить моего дядюшку, который в те времена имел хороший плодовой сад с многоводным арыком. Для моего дядюшки было важно и ценно то, что девы, обитающие в райских кущах, целомудренны, во-вторых, эти гурии пребывают в раю всегда и вечно.

В это глубоко верил мой бедный дядюшка; конечно же, верил, будь иначе, я не представляю, как тогда он мог бы всю жизнь отравлять утренний сон себе и своим несчастным домочадцам. Вот почему мне кажется, что нижеследующие строки из стихотворения Сабира нельзя отнести к моему дяде:

И в этом цель его молитв, и ведь уверен старей плут,
Что он молитвою своей людей и бога проведет*.

Тут я могу поручиться за бедного богомольца, что, совершая намаз и соблюдая пост, дядюшка мой преследовал одну единственную цель: навеки соединиться в

раку с безгрешными и пречистыми девами. Так что своими молитвами дядюшка мой не собирался обманывать ни аллаха, ни его рабов.

Но это ведь еще только утренний намаз. Надо представить себе, сколько времени потратил на его совершение мой дядя, и не только он, но и все благочестивые обитатели моей родины.

Значит, это всего-навсего утренний намаз, состоящий всего из двух руковет — циклов. Стало быть, из семнадцати циклов ежедневного намаза остается совершить еще пятнадцать.

Правда, полуденный, предвечерний, вечерний и ночной намазы не пользуются тем уважением, которое питают благочестивые к намазу утреннему, и не исполняются с особой торжественностью. Но они все же исполняются.

Ладно, если речь идет лишь о семнадцати циклах ежедневного обычного намаза, то их можно так или иначе исполнить в течение дня между делом. В таком случае как понять то, что было написано в самом начале этой главы: в том самом мире тьмы, где я впервые открыл глаза, чтобы видеть и обрел слух, чтобы слышать, в том самом мире тьмы я всегда, денно и ночью видел моих родителей, родственников, соседей и всех моих соотечественников совершающими намаз?

Если речь идет лишь о ежедневном обычном намазе, так ведь в нем всего-то семнадцать циклов.

Никакого противоречия тут нет: а как же те намазы, которые исполнялись моими несчастными соотечественниками в течение двенадцати месяцев днем и ночью, которым не было конца?

Когда я немного подрос и стал изучать в школе Молла-Али науку о загробном мире, постепенно уразумел, что один из намазов, которые денно и ночью совершают мой дядюшка, соседи и все соотечественники, называется ежедневный пятикратный намаз.

Только и всего?

Я не разбирался в этих делах, пока был мал. Но когда подрос, начал понимать, что молитвы, которые совершали мой дядюшка и мой отец помню ежедневной, по важности и обязанности ничуть не уступают тому намазу.

Так, например, в детстве я видел, как в день жерт-

воприношений богомольные и благочестивые жители нашего квартала совершают намаз; и тогда мне казалось, что они делают это исключительно от безделья. А когда вырос, то прочитал в книгах и услышал из уст богословов, что намаз, совершаемый в день жертвоприношений, по важности равен утреннему или вечернему намазу. Следовательно, неисполнение намаза в день жертвоприношений равносильно неиспользованию утреннего намаза.

То же и с намазами, связанными с месяцем поста, и другими важными намазами.

К примеру, как вы думаете, сколько намазов записано за несчастными мусульманами? Хотя религиозные мудрецы делают намазы на обязательные и необязательные, но если я выложу сейчас то, что видел сам, тогда вы убедитесь, что если можно сосчитать намазы, совершаемые мусульманами, которые живут в названном мною мире тьмы, тогда можно сосчитать и звезды на небе.

Покойные мои соотечественники совершали по пятицам особый намаз, связанный с этим днем; когда умирал кто-нибудь, совершали намаз в честь покойника; гремел гром, и они принимались за намаз «аят», при затмении луны совершали намаз «хусуф»; совершали намаз и при затмении солнца; когда дул суховея; когда приносили клятву; когда давали священный обет; когда кто-нибудь арендовали, тоже совершали намаз.

И кроме всех этих случаев, совершали намаз всегда, когда им нечего было делать.

Послушайте, а это еще что за намаз?

А это намаз, оставшийся нам от покойного родителя; сын обязан исполнить все намазы, которые не успел совершить при жизни его отец.

И это все?

Я ничего не преувеличиваю и подробно описываю тут то, что видел в детстве. Может, то, что я сейчас рассказываю, кому-нибудь понадобится в будущем, и ему полезно будет прочитать эти строки и, может, слова эти покажутся ему неправдоподобными. Но в эту минуту, когда детские мои годы отчетливо встают перед глазами, я утверждаю, что тогда я видел всех благочестивых обитателей моей родины за намазом днем и ночью.

Дело в том, что перечисленные мною до сих пор на-

мазы считаются обязательными. Однако известно, что, кроме обязательных намазов, для мусульман установлены и необязательные. Это намазы, которые можно совершать, можно и не совершать.

Что же надо понимать под этим словом — не совершать?

Конечно, не совершать их можно, и это зависит от усердия и степени набожности человека. Если ты хочешь отойти в мир иной с незапятнанной душой, незная за собой никаких провинностей, и в день страшного суда, когда начнется спрос, выступить вперед и притязать на воздаяние за содеянные в миру блага, тогда, конечно, тебе придется, наряду с намазами обязательными, совершать и необязательные. Ибо за все это тебе будет награда, а это отнюдь не пустяки.

И когда я был мал, я не мог понять подлинный смысл всего этого, но впоследствии, изучая коран в мектебе Моллы-Али, мы дошли до того места, где сам господь бог давал понять, что, кроме обязательных намазов, установлены для правоверного также и необязательные. Не исполнишь их, и награды не получишь; исполнишь — будет тебе воздаяние. Вот почему мои набожные соотечественники наряду с обязательными не уклоняются и от необязательных молитв.

Все, что я рассказывал до сих пор, я усвоил еще в детстве. Когда мне было восемь-девять лет, я уже знал содержание всех намазов и порядок их исполнения. И еще до школы, не зная грамоты, я знал наизусть все молитвы, которые произносятся при намазе, потому что в эти годы я уже совершал намаз. Впрочем, для совершения намаза совсем не обязательно быть грамотным; ведь большинство моих соотечественников, которые совершали намаз, были неграмотными. Так что грамота тут совсем ни к чему, потому что, совершая намаз, произносят заученные наизусть слова арабских молитв, не понимая их смысла и значения. Так совершали намаз всегда, так совершают его и теперь.

Учил нас совершать намаз дома мой дядюшка Гаджи, а позже в мектебе — Молла-Али. Мой дядя Гаджи был совсем неграмотен. А Молла-Али, получивший образование в Наджаф-уль-Ашрафе, был человек ученый. Но мой дядя Гаджи выучил слово в слово все молитвы

и суры из Корана, и никто бы не поверил, что он не может написать даже своего имени.

Дядюшке моему было лет пятьдесят-пятьдесят пять, но он был так дряхл, что едва справлялся с поклонами и коленопреклонениями в намазе. И вместе с тем он был так набожен и так усерден в совершении намаза, что целыми днями сидел у молитвенного коврика. А я с моим двоюродным братцем Ахмедом, когда были детьми, то есть несмышленными, смеялись, глядя на него. Но впоследствии, с одной стороны, дядюшка своими побоями нагнал на нас страху, а с другой, мы наслышались в мечети проповеди молл о рае и аде и постепенно стали набираться ума-разума.

Как было уже сказано выше, к восьми годам я уже начал совершать ежедневные намазы. Двоюродный же мой братишка Ахмед вышел шалопаем и записался в безнамазники. А все потому, что зять Ахмеда получил русское образование и, как рассказывали, этот человек с русским образованием (звали его Мирза-Алескер) сам не совершал намаза и детям не разрешал.

А со мной дядюшка был весьма суров. И то правда, он не принуждал меня совершать все намазы, которые совершал сам (только мать мою заставлял), но в совершении ежедневных намазов он мне спуска не давал; что же до других намазов, то им он учил меня, чтобы и совершал их, когда вырасту. И вот я до сих пор наизусть знаю все перечисленные намазы, порядок их совершения и все суры корана, которые необходимо произносить во время намаза. И этими своими знаниями я обязан, во-первых воспитанию моего дядюшки, а во-вторых, урокам, которые преподавал мне наставник Молла-Али.

Вместе с тем в детстве мы с Ахмедом, будучи набожны до фанатизма, от души смеялись над усердием в молитвах нашего дядюшки, которое представлялось нам чрезмерным. Мы смеялись, когда дядюшка был занят намазом и не мог ничего сказать нам, чтобы не сделать свой намаз недействительным, только сердито косился на нас или грозно выкрикивал «аллаху-акпер». И мы знали, что потом он задает нам.

Однажды я застал дядюшку за намазом. После полудня прошло не больше часа. Я понял, что это не полуденный намаз, так как этот намаз дядюшка начинал в

тот момент, когда муэдзин Молла-Керим (а впоследствии Молла-Бахшали) спускался с минарета.

Я подождал, пока он кончит свой намаз, и, как на грех, спросил у него, что это за намаз. Дядюшка прежде всего стал укорять меня за то, что, достигнув одиннадцати лет, я не знаю ничего о намазе «джафари-тейяр», а затем принялся сердито вразумлять меня.

Я никак не могу забыть, как при этом стал смеяться мой двоюродный брат Ахмед. Дядюшка поднял башмак и кинул в него, но промахнулся и попал тетушке в лоб. Бедная женщина прижала руку ко лбу и так и осталась сидеть.

Через некоторое время дядя потребовал кальян и, не зная, то ли из-за неприятности с башмаком, то ли по другой причине, немного отошел, подзвал меня к себе и стал поучать:

— Дитя мое! Ты еще ребенок. Я вовсе не требую, чтобы ты совершал все намазы, потому что ты еще мал и не можешь совершать все. И вчера Гаджи-Молла-Таги в своей проповеди в мечети изволил сказать, что не все намазы обязательны для детей. Тебе достаточно исполнять только ежедневные намазы, при неизменном условии, чтобы ты совершал их вовремя и не откладывал напоследок. А вчера я остался тобою очень недоволен, потому что солнце поднялось уже высоко, а ты, бездельник, сладко себе спал.

Дядюшка затянулся кальяном, посмотрел на меня, подумал о чем-то, спросил жену о ее самочувствии и обратился ко мне:

— Дитя мое, совсем неплохо, если человек учен. Я вижу теперь, что ты знаешь не все намазы, но ничего плохого, если ты будешь их знать. Ибо когда ты вырастешь и станешь взрослым, сразу поймешь, какие лежат на тебе тяжелые обязанности. Вот, к примеру, я научил тебя сейчас намазу «джафари-тейяр», но ты не думай, что на этом все намазы кончаются. И никто не должен так думать. Одни безбожники могут думать так, люди, которые погрязли в грехах. Они хотят знать и понять одно, что в сей бременной жизни мы обязаны идти по пути, предначертанному всевышним, и исполнять веления шариата, преподанного нам пророком Мухаммедом. Шариат вменяет нам в обязанность выполнение многих и многих намазов. И если мы не будем их выполнять, то

не будет нам спасения, видит Бог, не будет. Что же это за намазы? Ты слушаешь меня?.. Во-первых... Тут-то сон и одолел меня.

Я не сомневаюсь, что уважаемые читатели поверят тому, что здесь рассказано, потому что, аллах свидетель, тут нет ни «чутьочки неправды». И они поймут, что благочестивые мусульмане большую часть своего времени посвящали выполнению намазов. А что касается детей, вроде меня, то часть их, среди них и я, элочастный, под влиянием своих отцов и дядюшек вынуждена была совершать, если и не все, то большинство этих намазов.

Однако все это имеет отношение лишь к одиннадцати месяцам в году.

Я и сейчас со страхом говорю о том, что среди месяцев нашего года имеется достославный месяц, одна мысль о котором бросает меня в дрожь. А в те времена вместе с прочими набожными рабами алаха и я встречал наступление этого достославного месяца на крыше дома.

Называется этот достославный месяц священным рамазаном.

Месяц этот особенно мне памятен. И я думаю сейчас о том, что он был весьма полезен мне и дорогим моим родителям, которые, как и прочие несчастные сыны моей родины, проводили долгие ночи этого месяца без сна, совершая намаз.

Совершенно искренне признаюсь, что в детстве я долгими ночами месяца рамазана не знал спокойного сна; еще не научившись совершать намаз, я наблюдал бдения и молитвы моих родителей и дядюшки. Когда же я погружался в крепкий детский сон, то внезапно просыпался в ужасе от адских чудищ, открывал глаза и видел, как мой дядюшка, отец, мать и еще несколько богомольных мужчин и женщин из наших соседей заняты намазом. Совершали они намаз с вечера до утра, совершали все положенные намазы.

И когда я подрост и достиг двенадцати-тринадцати лет, то присоединился к этим радеющим в молитвах мужчинам и женщинам и стал сам совершать ночами рамазана положенные намазы, и, конечно, вместе с ними

получил право на блаженство в раю, том самом раю, где цветут сады, а под деревьями текут полноводные реки, в котором обитают «чистые девы». В те годы мои набожные наставники сумели объяснить мне даже значение и смысл «чистых дев».

Но все сказанное относится лишь к первой половине рамазана, от первого до восемнадцатого числа. Что же касается чисел, начиная с девятнадцатого до конца месяца, то подробный рассказ об этом я откладываю напоследок, когда речь пойдет о посте.

Исчерпаны ли намазы? Если кто-нибудь из набожных рабов аллаха совершил все перечисленные, остались ли еще намазы, которых он не совершил?

Давайте посмотрим.

Пишу я эти строки и спрашиваю себя, а может, बात, кончились-таки намазы? Может, мои набожные соотечественники и единоверцы, совершавшие в свое время перечисленные намазы, исполнили до конца свой долг, и можно причислить их к сонму праведников? Может, всевышний больше не требует с них никаких намазов?

Увы! Разве создатель твой сотворил тебя для того, что бы ты был способен постигать тайны его? Каждая тварь имеет свои определенные обязанности, как и вся вселенная, созданная творцом. Все сущее обязано выполнять относящиеся к нему требования естества. И начальным, и конечным господином всего этого мира и творцом всего сущего является всевышний, который из незримого источника и непостижимых разумов небес посылает на землю дождь благодати.

Тот самый благодатный дождь, коего каждая капля равноценна была на несчастной родине моей, точно на арене Кербелы*, живой воде. В те годы от отсутствия воды землепашцы моей родины день и ночь молитвенно простирали руки к небу, ожидая этого благодатного дождя. И жители города день и ночь молили аллаха ниспослать им дождь, чтобы полить плодовые сады и огороды. А дождя не бывало неделями, даже месяцами.

Так уж предопределил аллах законы естества, чтобы растения сгорали без воды. Почему он так предопределил, это ведомо лишь ему самому. А что из-за этой превратности природы высохнут и сгорят посевы бесчисленных набожных рабов аллаха и смиренных земле-

дельцев, что последствием засухи будут недород и голод, что пропадут в суете труда бедных людей и от голода будут плакать дети, — на все это опять-таки воля господня. А наше, рабов божьих, дело — пребывать в молчании.

И тогда долгом моих несчастных соотечественников было молчание, и они молчали.

Великий аллах, неужели тебе не жаль их? Ведь ради тебя они совершают тьму-тьмущую молитв! От частых поклонов на их челе остался след от мехира. Из страха перед тобой они исполняют даже необязательные намазы. Это же вопиющая несправедливость — обречь их посевы на гибель и жалеть для твоих преданных рабов дарового дождя из твоих безбрежных кладовых? Почему ты делаешь так? Или ты полагаешься на то, что они бесконечно набожны, трусливы и невежественны? Рассчитываешь на то, что они не постигнут смысла и тайны всего этого, ибо они несведущи.

Господи, помилуй! Даруй нам дождь!

Вспоминаю те дни, когда все обитатели нашего города, стар и млад, женщины и мужчины, даже четвероногие бесконечной массой устремлялись на окраину. Такое столпотворение, что и рассказать невозможно.

Господи, дождя!

Вот все население города в степи. Сегодня понедельник. И все постятся. Я и все мои восьмилетние сверстники тоже постимся. Третий день, как соблюдаем пост. Ахунд-Молла-Таги, то есть первый проповедник и кази нашего города, объявил еще до субботы, чтобы все благочестивые постились в субботу, воскресенье и понедельник, а сегодня, в понедельник, после трехдневного поста выйти на всеобщее моление.

И вот сегодня все жители города вышли в степь. Все идут пешком, босые, с закатанными до колен брюками. Жара отчаянная, солнце нещадно палит, раскаленная земля обжигает подошвы. Сами подумайте, за все лето не выпало ни капли дождя, не появилось даже облачка. Вся растительность высохла.

Господи, дождя! Господи!..

И когда толпы богомольцев и молл громко выкрикивая слова покаяния — «да простит нам аллах наши прегрешения», — собрались в степи, кази Ахунд-Молла-Таги поднялся на высокую глыбу, сначала произнес мо-

литву-обращение, потом повернулся лицом к собравшимся и начал проповедь, при этом жестикулируя руками. Голос у него был порицающий и грозный.

— Да, да! Вы пришли сюда и плачете! Пришли и плачете! Конечно! Было время, когда обильно лил благодатный дождь, а вы спокойно сидели дома на дорогих коврах и говорили, что вы совершили все ежедневные намазы, совершили и необязательные намазы, что все положенные молитвы вы совершили вовремя, не открывавая их... Ну да, о мусульмане! Преспokoйно сидели вы дома и вовсе не думали о том, что свалится на вас бедствие, и земля будет изнывать от засухи. А вы разве не ведаете, что создавая вас, великий творец дал вам пару глаз, чтобы вы любовались величием дел, и даровал вам разум, чтобы вы постигли всю несбыточность надежд на спасение, если вы не исполняете его велений. Благодатный дождь! Теперь вы нуждаетесь в благодатном дожде! А где проваленные вами смирение и покорность, необходимые для получения благодатного дождя? Где ваши покаяния? На что вы надеетесь? Или вы уповаете на пять или десять рукетов ежедневных намазов? Или рассчитываете на несколько сот рукетов других намазов? Или полагаетесь на несколько тысяч необязательных намазов, коих исполнение может, по-вашему, освободить вас от прочих ваших обязанностей перед господом? Увы, увы! Как вы ошибались! Как ошибались! И как почувствуете себя в тот день страшного суда, когда вас призвoут к ответу и спросят у вас о совершенных вами на этом свете молитвах? В день, когда предстанут богу свидетели страшного суда — пророки и их потомки, раздастся глас свыше: «Да появятся стило и скрижаль». И когда появятся стило в образе человека, предвечный хранитель истины обратится к нему: «О стило! Когда тебе внушена была воля моя, чтобы ты запечатдело на своей скрижали деяния рода человеческого, исполнило ли ты мою волю? «Тогда перо ответит: «Да, исполнило!» И творец потребует у пера свидетеля. Перо призвет в свидетели Исафила. Тогда по велению господина явится Исафила и ему будет задан вопрос, может ли он засвидетельствовать, что все деяния людей действительно заносились пером в скрижаль, и если это так, то доставил ли он этот перечень деяний кому предуказано. И Исафила ответит: «Да, доставил скрижаль Джебраилу. Призови

Джебраила!» Когда явится Джебраил, и ему зададут тот же вопрос, он ответит: «Скрижаль деяний людей я доставил всем избранныкам господним и пророкам, из коих последним является Мухаммед-ибн-Абдуллах-иль-Арабий-иль-Гурейш-иль-Харемий...»

Тут собравшиеся принялись плакать, бия себя по голу. О горе, о горе!..

Тогда последний из божьих посланников выступил вперед и воззвал к создателю: «О господи, паства моя грешна пред престолом твоим, хотя она совершила все насущные молитвы; более того, начиная с девятинадцатого числа благословенного месяца рамазан вплоть до тридцатого числа все ночи с вечера до утра провели в бедниях. Все они, стар и млад (даже восьмилетние мальчишки, вроде ныне пишущего эти строки, — из страха перед дялюшкой!), в течение восемнадцати часов в летние дни оставались без еды и питья, а ночью совершали триста рукетов необязательных намазов, совершали они и все прочие намазы. Однако в этом темном краю случилась одна единственная беда, и заключается она в том, что эти несчастные забыли свершить молитву о благодатном дожде. О горе! В результате этого упущения ты разгневался теперь на этих людей и в течение нескольких летних месяцев, когда стоит невыносимая жара, ты оставил посевы этих бедняков без воды и не шлешь из своих кладезей даровых дождей, чтобы спасти их от грядущего голода, и обрекаешь рабов своих на стенания»...

Собравшиеся стали вопить и плакать, как малые дети.

Тут Ахунд-Молла-Таги повернулся лицом к гйблэ и начал совершать намаз. Толпа последовала его примеру. Ахунд трижды повторил торжественно и громко:

— Да будет благословение господина Мухаммеда и его роду!.. — И приступил к намазу.

Это был обыкновенный намаз в два рукета и единственная разница заключалась в том, что одну из молитв он дочитал до самого конца.

Окончив намаз, Ахунд-Молла-Таги сделал несколько шагов вперед, перекинул правый конец своей длинной накидки на левое плечо, а левый конец на правое, прочитал две хутбы и, снова повернувшись к гйблэ, принялся читать молитву покаяния, причем стократ повто-

рил одну и ту же фразу: «Да простит нам аллах наши прегрешения». И каждый раз собравшиеся вторили ему.

Наконец, стократ были повторены молитвы субхан-аллах и «нет бога, кроме аллаха». Затем пастырь повернулся к толпе, прочитал первую главу Корана и прочел фатиху. Собравшиеся повторили ту же главу и стали расходиться по домам, вытирая мокрые от слез глаза.

Так была завершена молитва о ниспослании благодатного дождя.

Радения о покойнике

Известно, что все перечисленные до сих пор молитвенные обряды, состоящие из самых разнообразных намазов, были направлены на то, чтобы душа усопшего с честью выдержала испытание на страшном суде, где сочтутся ему все грехи и добрые дела, заслужила награду, которая заключается в избавлении от адских мук и вступлении в рай.

Пока правоверный здравствует, он сам печется о грядущем судном дне, ибо он жив, правомочен и дееспособен. Но как только верующий вернулся лицом к смерти, он делается немощным и приближается к моменту, когда ему надо держать ответ перед создателем. Поэтому его родственники и набожные соотечественники берут заботу о спасении его души на себя и прилагают все усилия к тому, чтобы проводить его в последний путь очищенным от грехов. И так как обращение к господу богу с молитвой за всякого правоверного сулит определенные блага и самому молящемуся, принято молиться за каждого благочестивого с того часа, когда он захворает и впадает в немощность, до того момента, когда тело его будет предано земле, затем — в течение сорока дней после погребения, а далее каждый четверг помнить в молитвах и читать суры Корана над могилой.

Родственники и набожные соотечественники покойного с таким усердием славят и молят аллаха, так долго призывают его, что мне просто не верится, чтобы после стольких молитв и призывов инкир и минкир* причинили покойному лишние неприятности и чтобы в день страш-

ного суда свидетели в лице посланников божьих и пророков лишили покойного своей защиты и благоволения.

Вот почему, когда кто-нибудь из моих благочестивых соотечественников испускал дух, дом его тотчас же превращался в молельню. Сам усопший приобретал некий ореол святости, подобающий потомкам имамов, и как только весть о его смерти выходила за порог дома, муэдзин тут как тут, взобравшись на плоскую крышу, оповещал весь город о случившемся, и в тот же миг начинали стекаться к дому покойника толпы набожных горожан, собираясь проводить его в последнюю обитель с такой торжественностью и благолепием, чтобы покойный Гаджи-Гусейнали отважно пробежал по волосяному мосту и с маху угодил в объятия райских гурий.

Покойный Гаджи-Гусейнали не успел еще испустить дух и находился еще в сознании, когда окружающие его родственники повернули его лицом к гибели и стали хлопотать о молле, которому надлежало начать чтение Корана. Никого более подходящего не нашлось, кроме башмачника Моллы-Мамиша, который по соседству латал башмак. Тот достал из-за пазухи большущий потрепанный Коран и принял громко нараспев читать соответствующую главу о покойниках... Он повторял эту главу столько раз, что подоспел Ахунд-Молла-Таги. Прибежал и Молла-Али, поднялся на крышу. Молла-Бахшали начал петь минаджат. При наличии такого количества настоящих молл башмачнику Молла-Мамишу пришлось прекратить чтение Корана.

При всем том нельзя сказать, что башмачник Молла-Мамиш ничего не сделал. Нет, он сослужил большую службу, ибо именно Молла-Мамиш вовремя довел до сознания покойного Гаджи-Гусейнали о существовании в Коране главы «о взаимном обманывании», где сказано, что восхваляет аллаха то, что в небесах, и то, что на земле; ему принадлежит власть, и ему — слава, и он над всякой вещью мощен. Так что и ты знай об этом, покойный Гаджи-Гусейнали!..

Создания, постигшие тайну потустороннего мира и понимающие язык мертвых, конечно, услышат слова, которыми отвечает Гаджи-Гусейнали читающему главу корана, Молла-Мамишу.

— О раб божий, — говорит Гаджи-Гусейнали. — Я, несчастный, за всю свою жизнь, начиная с шести-семи-

летнего возраста, ни разу не пренебрег ежедневным намазом и всеми остальными необязательными молениями... И не было у меня за всю жизнь случая, чтобы в священном месяце рамазан я нарушил хотя бы однажды пост или не радел бы по ночам, а в конце месяца, начиная с девятнадцатого числа не совершил бы шестидесяти шести рукетов намаза, лишая себя сладкого сна. Так чего еще требует от меня глава «о взаимном обменывании» твоего потрепанного и замызанного Корана, о ты, башмачник Молла-Мамниш, да благословит аллах память твоего покойного родителя! Так дайте же мне свободно вздохнуть хоть минуту-две в миг переселения в мир иной.

Свободно вздохнуть!..

Азан Молла-Керима за полчаса собрал во двор и дом Гаджи-Гусейнали жителей всего города. Во дворе роют яму для очага, чтобы варить плов, и в этот самый час на кладбище копают могилу для Гаджи-Гусейнали. Как воронье, слетелись сюда все чалмоносные святые отцы. Они будут уплетать сегодня плов. Здесь же собралась, точно галчата, вся городская детвора. Ей можно поживиться на кладбище халвой. Благочестивые горожане столпились здесь, чтобы читать молитвы из Корана. Они тоже будут есть плов.

Обмывают тело усопшего, шьют саван, укладывают покойника в гроб, несут в мечеть. Население города провожает покойника, потому что на очаге прилажены три котла, каждый на два пуда риса для плова.

Во дворе мечети гроб ставят на землю, и народ приступает к намазу. Это моление о покойном. Тот самый намаз, который пишущий эти строки был вынужден совершать чуть ли не миллион раз.

Почему был вынужден? Об этом я и хочу сказать несколько слов.

Намаз в честь покойника относится к числу важнейших. Разница между этим намазом и необязательными или желательными намазами заключается в том, что он совершается всегда на людях, и всем миром.

Считается он важнейшим и почетным потому, что благочестивые сограждане покойного обращаются этим намазом к господу богу с мольбой отпустить грехи покойнику и, насколько это возможно, не лишать его благодати. Вот почему зауспокойная молитва считается первей-

шей обязанностью каждого правоверного. И вот почему я, брат по вере тысячам усопших правоверных, совершил тысячи намазов. И по доброй воле, и вынужденные.

По доброй воле — потому, что намаз за упокой души, как и все другие намазы, имеет ряд благих последствий, о чем мы не раз слышали из уст проповедников.

А вынужденно — потому, что этот намаз, как уже было сказано, совершается на людях, вместе со всеми присутствующими. И если ты вместе с другими правоверными почтил память покойного и пришел на его похороны, не покажешься ли ты окружающим непочтительным к религии, если отойдешь в сторону и будешь равнодушно глядеть на то, как все остальные приступают к совершению намаза?

Вот почему часто я вынужден бывал против воли участвовать в зауспокойной молитве. И не только я, но и большинство тех, кто читает эти строки, становились в один ряд с теми, кто совершал намаз за упокой, чтобы не попасть в число неблагочестивых и не упасть в глазах подлинно благочестивых земляков.

Достоин внимания, что и в наш век просвещенные члены общества, осознающие вздорность всех этих обычаев, наши образованные люди, интеллиги и прочие интеллигенты не решаются стоять в стороне от тех, кто во дворе мечети совершает намаз в память о покойнике.

До других мне дела нет, но сам я сызмальства, когда мне было лет шесть или семь, до сей поры столько раз совершал в обществе других моих благочестивых братьев намаз ради облегчения загробной участи покойника, что помню наизубок все слова этого намаза...

И ты думаешь, что по окончании намаза поднимают гроб с покойником, несут на кладбище и там предают останки Гаджи-Гусейнали земле, после чего каждый уходит восвояси?

Конечно же, ты ошибаешься.

Потому, что будь так, как ты думаешь, то благословенные свидетели в день страшного суда не вручили бы покойному Гаджи-Гусейнали пропускную грамоту для входа в рай — награду за выдержанное испытание, и живые его соотечественники не сподобились бы той благодати, которой они достигли благодаря похоронам по-

койного Гаджи-Гусейнали, помимо ароматного чая, кофе, плова и снова чая, и снова плова.

На похороны покойного Гаджи-Гусейнали собралась к нему в дом, чтобы не соврать, половина жителей города. Между тем для самого погребения потребовалось бы всего четверо рабочих, чтобы омыть тело покойника и вырыть могилу. И для этого достаточно двух-трех часов.

А тут, по крайней мере, четыреста человек целых четыре дня заняты были тем, что хоронили Гаджи-Гусейнали, провожали его на тот свет и своими молитвами и поклонами добивались беспрепятственного пропуски его в рай. За эти четыре дня даже деревья, земля и камни во дворе покойного принимали участие в обращенных к аллаху призывах.

И сколько составило бы харваров, и если бы можно было собрать и взвесить на весах слезы, пролитые за четыре дня моими набожными соотечественниками?

Кто же проливал эти слезы? Не думайте, что то были родные Гаджи. Нет, это были те четыреста благочестивых рабов аллаха, которые собрались на поминки.

По ком они плакали?

По тем, кто потерпел поражение и погиб в войне двух арабских полководцев на полях Кербелы (Пословица гласит: один — бил, второму — досталось, третий оплакивал — сито пустым осталось).

Одним словом, мы вовсе не собирались расписывать траурное торжество по покойному Гаджи-Гусейнали. Едва ли читатели получили бы большое удовольствие от этого. Я хотел лишь доложить, что не счастье совершенных мною с семилетнего возраста по сей день намазов в честь покойников, самых важных из тех, которые предугадал нам аллах и о которых повели нам последний из посланников аллаха пророк Мухаммед, его ближайшие ученики и наследники, имамы и муджтехиды.

Не сомневаюсь в том, что и братья мои по вере и соотечественники, как и я, бесцельно совершали этот намаз. Если говорить о нынешних днях, мои соотечественники, будь то базарные торговцы или ревнители просвещения, становятся в ряды правверных во дворе мечети и совершают с ними вместе этот намаз, чтобы не лишиться уважения простого люда.

Намаз благодарения

— Но ты, набожный раб аллаха, не думай, что ты обязан вспоминать господа бога лишь в дни траура, в дни, когда кто-нибудь умирает или справляют поминки. Разве неведомо тебе, что человек обязан вспоминать создателя на каждом шагу, при каждом вздохе? Как сказал поэт, да благословит аллах память его:

Вдыхая воздух — продлеваем жизнь,
И выдох нам приносит обновление*.

Так что же обновляет наше естество? Сегодня день твоего обновления. Ты вступаешь в брак. Ты можешь радоваться. Ты приводишь в дом свою невесту. Ты торжествуешь.

Так не должен ли ты уразуметь, что каждый день, каждый час и каждое событие имеет своего господина, коим является тот единый и невидимый творец, что дарует нам радости и посылает нам горе. Как сказано в хадисе от имама Садыка*, впервую брачную ночь надлежит совершить намаз из двух руковет с двукратным повторением первой суры корана и прочтением после намаза особой молитвы...

Приведенные только что слова принадлежат марсяхану Гаджи-Молла-Вели, который был приглашен моим дядей на свадьбу моего двоюродного брата и произнес эти слова в своей проповеди. И когда привели невесту, гости разошлись и остались одни близкие родственники, дядя позвал сына — жениха, взял старый молитвенник и принялся учить сына, как совершить брачный намаз.

Когда ушли и родственники, и остались только сопровождавшие невесту из отцовского дома женщины и несколько человек из самых близких родных, двоюродный мой брат совершил омовение, исполнил тот самый намаз, как полагалось, прочитал нужную молитву, поднялся, и, перебирая зерна четок и твердя молитву, пошел в комнату, где ожидала его молодая невеста.

И тогда я уверовал, что между моим двоюродным братом и его супругой воцарятся навсегда мир и согласие и что дети у них будут здоровые и счастливые. И брак этот во всех отношениях принесет семье моего дяди полное благополучие.

Однако спустя два месяца после свадьбы бедный сын

моего дяди оказался душевнобольным и стал без всякой причины избивать свою жену. Вскоре недуг зашел далеко и привел его к смерти.

Так-то...

В том самом мире мрака, где я впервые открыл глаза, чтобы видеть, и обрел слух, чтобы слышать, каждый час, каждую минуту и каждую секунду дня я видел моих родителей, дядюшку, родственников, соседей и всех прочих моих благочестивых братьев по вере совершающими намаз: «Аллаху-акпер!».

Все перечисленные благоверные совершали намаз из двух побуждений: из любви и от страха.

Любовь относилась к творцу и повелителю мира, который внулша рабам своим, что совершающим вовремя все назначенные намазы уготованы райские куши, где под сенью дерев стремят свой бег реки. А что еще! А еще девы и юноши. И всякого рода вкусные плоды и сладкие воды.

А чего они страшились? Страшились они того, что предрек имам Мусен-Кязим: грех того, кто умертвил бы пророка, сжег бы тысячу священных книг и семьдесят раз совершил прелюбодеяние, не столь велик, сколь грех человека, который отложил один из обязательных намазов и просрочил его исполнение.

Читая проповедь в мечети, Ахунд-Молла-Таги постоянно твердил, что по воле всевышнего в аду обитает эмий в шестьдесят фарсахов длиной с сомкнутой пастью; ему не дано открыты пасть до того момента, пока не появится в аду первый нарушитель намазов.

Правоверные боялись того, что, не выполнив всех требований по части намазов, окажутся виноватыми перед аллахом. Ведь сам владыка и распорядитель намазов прямо повелел в своей священной книге: да пробудятся благочестивые мусульмане среди ночи, согнав с глаз сладкий сон, и покинут теплое лоно, и встанут, чтобы совершить намаз и помолиться своему аллаху.

Как же можешь позволить себе пропустить свой намаз? Хватит ли у тебя смелости для этого?

Посему мои соотечественники и единоверцы во что бы то ни стало должны были вовремя совершать свой намаз: находясь в добром здравии — стоя, а в случае недомогания — сидя.

Тут вспоминается мне случай, когда дядюшка мой

тяжело заболел и все же вздумал встать, чтобы совершить полуденный намаз, но не был в силах подняться. Тогда он послал своего сына к ахунду Молла-Таги спросить совета: как быть больному, если он не имеет сил сесть?

Ответ ахунда Молла-Таги был краток: поскольку больной не может даже сесть, ему можно совершать намаз лежа.

Когда пришел ответ, дядя мой лежал в постели и, услышав сообщение сына, повернулся на один бок, потом на другой бок и спросил у сына, который час. Тот сказал: два часа полудни. Дядя с трудом поднял голову и поглядел в окно. Я понял, что он хочет проверить время по солнцу. Потом он еще раз повернулся с боку на бок. Попросил стакан воды. Подали. Выпил воду, он произнес слова салавата и с отчаянием в голосе обратился к сыну:

— Сын мой, боюсь, что придется отложить исполнение полуденного намаза, потому что даже в лежачем положении я не в силах совершить его. Ступай к ахунду Молла-Таги и расскажи ему о моем состоянии.

Двоюродный брат мой ушел. Тетушка Тукезбан, дядина жена, подошла к больному, присела на корточки у его постели и предложила ему кашу с алычой. Я не расслышал, что ответил ей дядя. Но тетюшка поднялась, поправила одеяло на больном и ушла. После этого, как мне помнится, дядя мой позвал тетюшку Тукезбан. Я подумал, что он хочет попросить у нее воды или каши, но оказалось не то. Когда тетюшка Тукезбан подошла к дяде, он только сказал ей:

— Жена, кажется, мне не удастся совершить намаз.

Но самое забавное было после, когда вернулся мой двоюродный брат, сообщил отцу ответ Гаджи-Молла-Таги, и больной начал совершать намаз лежа; все это я помню отлично, потому что забыть такое невозможно.

Вернулся мой двоюродный брат, поздоровался, опустился возле отца на колени и сообщил:

— Отец, Гаджи-Молла-Таги говорит, что если уж ты настолько болен, что не в силах совершить намаз даже лежа, у нас есть определенный выход, указанный толкователями шарията. Тут ахунд Молла-Таги при мне открыл книгу «Вопросы и ответы» Сейд-Мухаммед-Багирь Решти, полистал, потом заглянул в книгу другого мудж-

техида и стал объяснять мне: если больной не в силах совершить намаз даже в лежачем положении, он может совершить его одной головой; если больной настолько слаб, что не может поворачивать голову, тогда он может совершить намаз глазами. Но если и это будет больному не по силам, тогда ему разрешается исполнить свой долг перед аллахом мысленно.

Выслушав это сообщение сына, бедный старик лег на спину, устремил глаза к окну и слабым голосом спросил:

— Где стоит солнце?

— Солнце опускается, — ответил сын.

Тут дядя произнес шепотом несколько раз «аллаху-акпер», после чего начал что-то бормотать про себя, шевеля губами. Тетушка испуганно подошла к мужу, но тот сердито крикнул «аллаху-акпер», отстраняя женщину. Тут-то догадались, что больной совершает намаз согласно указанию Гаджи-Молла-Таги.

Ко всему сказанному хочу добавить, что тогда мне было лет шесть или семь. Двоюродный брат мой, тетин сын, Ахмед был тех же лет. Оба мы слышали ответ Гаджи-Молла-Таги, сообщенный сыном дяди, и видели, как совершал намаз наш дядюшка.

Когда больной дядя шевелил губами и закатывал глаза, совершая намаз, я сидел возле и внимательно следил за ним, ухаживая у него, потому что родители мои были такими же набожными, как и дядя, и строго держали меня в почитании аллаха, мечети и религиозных обрядов. Поэтому я с большим уважением наблюдал за дядей, который совершал намаз, лежа в постели, гримасничая, закатывая глаза и шевеля бровями.

Но двоюродный брат мой Ахмед едва сдерживал смех, видя гримасничающего дядю. После, когда мы вошли во двор, он начал смеяться над тем, как дядя совершал намаз. При этом я молчал, не зная, присоединиться к Ахмеду или рассердиться на него. Но когда этот шалуни повалился наземь и начал, подражая дяде, шевелить губами, закатывая глаза и слабым голосом произносить «аллаху-акпер», тут уж, сказать правду и я не удержался и начал смеяться.

Потом, придя домой, я стал рассказывать матери о проделке Ахмеда. Мать очень рассердилась и пожаловалась своей сестре, Захре, матери Ахмеда. После уже

я узнал, что тетя Захра крепко вспала Ахмеду за его выходку.

В то время я, семилетний мальчишка, напуганный ужасами ада, оправдывал наказание Ахмеда. Но спустя много времени, вспоминая события тех дней, я понял, что Ахмед был совершенно прав, издеваясь над тем, как совершал намаз наш дядюшка.

Не следует думать, что описанное выше явление относится к числу редких. Столь строгое соблюдение намаза не объясняется прихотью Гаджи-Молла-Таги или чрезмерной набожностью моего дяди, естественно, что всякий, кому приходилось слышать в мечети проповеди Гаджи-Молла-Таги, Молла-Али, Молла-Керима и прочих подобных им бесчисленных ванзов против безмазников или легкомысленно относившихся к совершенно намаза, повелевал должен был стать и действительно становился таким же, как мой дядя, набожным человеком, страшившимся мук ада. Характерным представителем вставших тех времен и является мой покойный дядя, которому посвящены эти страницы.

Я хорошо помню, что в те дни большинство проповедей в мечети касалось намаза. Обещая ревнителям намаза общество гурий и гыльманов, проповедники страждали всевозможным ужасами тех, кто не совершал намаза или совершал его неаккуратно. Даже в нашей школе один из уроков, которые вел с нами Молла-Багир, целиком был посвящен этому вопросу. Однажды Молла-Багир спросил нас:

— Каким карам подвергает господь бог грешников за несоблюдение намаза?

Я уже не помню, что мы ответили, но Ахунд-Молла-Багир очень рассердился и велел записать в тетрадках:

— Наказаний, предназначенных господом богом для тех, своих рабов, кои не совершают намаза, пятнадцать. Шесть из этих наказаний виновные понесут на этом свете, при земной жизни, три — при приближении смерти, три в могиле и, наконец, последние три — в судный день. К числу наказаний, кои подвергаются виновные в несовершении намаза, относятся следующие: во-первых, лица этих грешников лишены мухаммедова света; во-вторых, век их сократится; в-третьих, богатства их не умножатся; в-четвертых, аллах не приемлет их жертв и так далее. С того момента, как тело этого грешника

будет предано земле, вплоть до страшного суда он будет пребывать в муках. Однако самое страшное наказание не это. В аду обитает огромный дракон. Головой он достигае до седьмого неба, а пасть тянется от востока до запада. Во время страшного суда этот дракон выползет из ада и начнет кого-то искать. Его спросит: кого он ищет? Чудище ответит, что оно ищет людей, повинных в пяти различных грехах, и первый из этих грехов есть несовершенство намаза.

Надо принять во внимание, что эти рассказы не были сочинены Молла-Багиром. Он черпал их из книг и писаний всевозможных ученых богословов и мужтехидов. Точно так же взяты из книг и писаний мужтехидов и богословов все проповеди, которые произносятся в мечетях.

В то время наиболее известным и влиятельным среди ученых богословов был исфаганский мужтехид Ага-Мухаммед-Багир-Меджлис. Имя его произносилось во время проповедей с особенным уважением. Затем часто ссылались во время проповедей на книгу Мирза-Абуль-касыма Фазила «Мурид-иль-авам»*. Но еще большей славой пользовалась среди набожного мусульманского общества богословская книга «Шейх-Баха-эд-Дина» «Джамен-Аббаси»*, по которой тогда учили нас в мечетях грамоте. Большим влиянием пользовались у правоверных книга уже названного мужтехидна Меджлиси «Бист баб» и сочинение Сеид-Мухаммед-Багира Решти «Вопрос и ответ». Если какой-нибудь проповедник плел неправду, что называется, высосанную из пальца, то есть самую несусветную чушь, он ссылался на эти книги, сообщая своему вздору железную убедительность.

Вот пример из подобных проповедей.

— О несчастные рабы аллаха! Вы считаете все эти слова вымыслом. Но послушайте, что пишется в книге «Толкование веры». Наступит день страшного суда, — пишет сочинитель, — и всех совершающих намаз призовут к ответу. И высший судия, и посланник аллаха с потомками своими, и Джебран, и Исафила, и Микаил призовут туда тех, кто совершает намаз, и станут подвергать их испытанию. Они начнут спрашивать названия тех намазов, которые они совершили. Да, я знаю, ты выступишь только вперед и скажешь: воистину, я вовремя совершал все намазы. Ну-ка, назови их! И ты

начнешь перечислять: ежедневный намаз, намаз пятницы, намаз в месяц рамазан, намаз за упокой души, намаз уверения, намаз обета, намаз при аренде в случае землетрясения, суховея, смерча, затемнения луны и солнца, в праздник жертвоприношения, брачный, такой-то и такой-то. Я знаю, ты перечислишь все эти намазы. Но горе тому, у кого в судный день усмотрят свидетели несоблюдение среди множества принесенных молитв особого намаза, который совершается в девятнадцатый день месяца рамазан и состоит из шестисот сорока четырех рукетов. Так вы его не совершили? Почему не совершили? Да потому, что эту ночь проспали, проспали в теплой и мягкой постели, отлеживали бока, не захотели лишать себя сладкого сна, не захотели покидать теплого ложа. Увы, увы! Какое нерадение! Разве вам неведомо повеление всевышнего хранителя истины в его священной книге: «О Мухаммед, скажи своим подданным, чтобы в полночь, когда чресла их согреются в ложе, восстали они и возделали очи горе и творили молитвы?»

Ночные бдения

Самые важные и известные из ночных намазов — это те, что совершаются в месяц рамазан; о них у нас пойдет разговор на следующих страницах, где будет сказано о молитвенных обрядах, связанных с постом.

Однако, кроме намазов месяца рамазан, есть и другие, которые лишают набожных сородичей моих сладкого ночного сна, и среди них намаз, совершение коего дает возможность благочестивому мусульманину лицезреть во сне самого пророка.

Дядя, родители и соседи мои столько раз совершали при мне этот намаз, что когда Молла-Багир проверял мои познания на этот счет, и я отвечал ему, он принимался хвалить меня:

— Счастливы твои родители, что в твои годы посвящают тебя в таинства шарната и прививают тебе с детских лет склонность к молитвам. Будьешь счастлив и ты, мой сын. Расскажи-ка, что надо сделать, чтобы увидеть во сне пророка?

Вначале я стеснялся товарищей и пытался отделать-ся кратким ответом.

— Надо совершить намаз из четырех рукетов. — скороговоркой отвечал я.

— Нет, нет! Так не годится! Расскажи подробно, чтобы увидели твои товарищи, какой ты молодец, — говорил Молла-Багир, заставляя меня выкладывать все, что я знал.

И я принимался рассказывать подробно о том, что неоднократно слышал и от отца, и от дяди: приписывают имаму Джафару, да будет благословенно имя его, слова о том, что всякий, кто пожелает увидеть во сне пророка, обязан после ночного намаза хифта совершить омовение всего тела и совершить четыре рукета намаза с условием, чтобы после каждой благодарственной молитвы стократ прочесть главу Корана, а по окончании намаза тысячу раз произнести славословие Мухаммеду и его роду, славословие аллаху, молитву о том, что аллах един и велик, еще стократ повторить то-то, тысячу раз то-то и еще стократ пятое, еще столько-то раз десятое и так далее, и тому подобное...

Если принять во внимание этот намаз и, кроме него, еще вечерний намаз, ночной намаз хифта, особенно те ночные намазы, кои совершаются в месяц рамазан, тогда не останется сомнения в том, что религиозных мусульман той поры, о которой идет речь, я всегда видел по ночам совершающими намаз. Эти счастливые рабы аллаха все ночи до утра то искали ночь предопределений, то старались увидеть во сне пророка Мухаммеда. А что до того, удалось ли им увидеть во сне пророка или найти ночь предопределений, об этом будет рассказано на следующих страницах.

Я заканчиваю здесь рассказ о намазах теми же словами, которыми начинал его: в том самом мире тьмы, где я впервые открыл глаза, чтобы зреть, и обрел слух, чтобы слышать, в том самом мире мрака и темноты я постоянно, днем и ночью, видел моих родителей, родственников, соседей и всех моих соотечественников за намазом. Аллаху-акпер, аллаху-акпер! Днем — аллаху-акпер, ночью — аллаху-акпер!..

Теперь может возникнуть такой вопрос: так когда же занимались они трудами насущными?

В чем заключались в те времена дела и труды моих

соотечественников? Я веду речь только о горожанах того времени, и все события относятся только к городу.

Вспоминаю лишь то, что днем все гаджи, кербелан и мешади сидели в своих лавках, поджав колени, на корточках, за весами и перебирали четки; когда появлялся покупатель, они взвешивали на весах или мерили аршином и отпускали им товар. Как только покупатель удалялся, они снова принимались за четки, призывая аллаха. И так до того момента, когда муэдзин с минарета призывал к молитве: «Аллаху-акпер!» И этот самый святой торговец повторял за муэдзином: «аллаху-акпер» и поднимался на ноги. Далее он заирал свою лавку и отправлялся совершать намаз в мечеть, или совершал его тут же, в своей лавке. Если во время азана в лавке оказывался покупатель, наш богомольный торговец, произнеся слова «аллаху-акпер», занимался покупателем и приступал к намазу, отпустив покупателя.

Азан, как неотъемлемая часть намаза, воспринимается правоверными как самая приятная и желанная вещь, словно проникающая в самую глубину души. Азан несет свет тем, у кого темно в душе. Азан призывает общество мусульман к намазу священными словами велик аллах, велик аллах; свидетельствую и верую, что нет бога, кроме аллаха; свидетельствую...

Произносить азан, распевать азан такое же благое дело, как совершать намаз. А может, благодати в нем еще больше, ибо муэдзин своим азаном призывает к намазу тысячи мусульман. Произносит азан громко и нараспев, поэтому принято приглашать в муэдзинны людей с приятным голосом.

Для каждого благочестивого объявлять азан — благое дело. Утром, в полдень или вечером, когда придет срок намаза, муэдзинны поднимаются на минареты или просто на крыши домов, прикладывают руки к ушам, поднося лицо к небу, туда, где аллах, начинают петь азан.

Услышав первые звуки азана, все мусульмане приходят в движение; нет бога, кроме аллаха, и Мухаммед пророк его, и Али его наместник... Воистину, воистину..

Каждый мусульманин, покорный раб аллаха, услышав звуки азана, приходит в такое возбуждение, что старается подражать муэдзинну. Особенно те, кто не ли-

шен голоса и выразительности произношения, потому что дело не только в ожидаемом воздаянии, но и в том, чтобы показать себя народу, похвастаться.

Как только наступает полдень, с минаретов и крыш домов начинается как бы переключка муэдзинов, которые выступают чаще всего в кварталах с наиболее набожным населением. Иной раз азан раздавался даже на базаре из крытых рядов, ибо мусульманин, следующий азану где бы то ни было, совершает благо. Вот почему в Иране, то есть среди религиозных иранцев, которые первенствуют в постоянном поминании аллаха, приняю — как об этом рассказывают и чего свидетелем был я сам — при первых же словах муэдзина «аллаху-акпер» вторить ему повсюду, будь то дома, на улице или на базаре, остановившись, а может, продолжая движение.

Тут я считаю не лишним отступление, свидетельствующее об уважении, которое питают мусульмане к азану.

В 1920 году, будучи в Тебризе, я заметил на базаре, в крытом ряду, покупателя, выбиравшего себе шапку. Лавочник, он же шалочник, снимал с ниши шапки и давал покупателю примерить. Был полдень. Внезапно с минарета донесся звук азана. И тут моментально лавочник вскочил на ноги, повернулся лицом в глубину лавки, в сторону гилез, поднял правую руку к правому уху, левую руку к левому и стал громко нараспев произносить слова азана: «Аллаху-акпер». Покупатель тоже произнес громко: «Аллаху-акпер» и присел перед лавкой на землю подождать, когда хозяин кончит азан. Дочитав азан до конца, лавочник еще раз повторил: «Нет бога, кроме аллаха», достал из кармана четки, погладил бороду и возобновил торговлю.

В других городах Ирана, кроме Тебриза, я не бывал. Но как рассказывают, даже теперь, в нашу эпоху, в Исфагане, Ширазе и прочих больших городах в полдень, когда наступает срок исполнения полуденного намаза, как только с минаретов раздаются голоса муэдзинов, люди на базаре или на улице, сидя или на ходу, начинают громко петь азан.

В том самом 1920 году, когда я был в городе Тебризе, туда приехал из Шираза один мой знакомый по имени Мирза-Мамедали Натиг. Однажды при встрече

Мирза-Мамедали начал рассказывать мне о набожности ширазских мусульман.

— Однажды, — рассказывал Мирза-Мамедали Натиг, — я отправился за чем-то на ширазский базар. Был полдень. К слову сказать, то был мой первый приезд в этот город, и я не знал местных обычаев и порядков. Когда я находился на базаре, случилось такое, что меня поразило и даже напугало. Я услышал издали звуки азана, и в то же мгновение все, кто находился на базаре, сидя или стоя на месте, принялись петь азан. Вокруг поднялся такой гул, что я растерялся. Конечно, тут в городе привыкли к таким зрелищам, и это никого не удивило, кроме меня. Впрочем, им и некогда было задумываться по той простой причине, что все до единого здания были намазом. Но самое забавное было то, что однажды на моих глазах какой-то носильщик, согнувшись в три погибели под громоздким и тяжелым грузом на спине, шел и кричал азан. Разумеется, покочив с азаном, благочестивые начали готовиться к намазу. Кто совершал намаз в лавке, а кто заперл свою лавку, чтобы сходить в мечеть и совершить намаз там.

Столь ревностное отношение мусульман Шираза к совершенно намаза наблюдается и поныне. А сумрачные дни моей младенческой поры минули пятьдесят лет тому назад. Эти несколько строк рассказа о набожности ширазских мусульман имеют глубокий смысл. Знаменательность их заключается в том, что не видно никакой разницы между сумасбродством, которое было свойственно мусульманам пятьдесят лет назад, и сумасбродством мусульманского населения Шираза или других городов в настоящую эпоху.

Если и произойдет какая-нибудь перемена, то лишь в будущем. И если есть какая-нибудь надежда, то это надежда на будущее. Единственная наша надежда это опять-таки социалистическая революция. Вся надежда на то, что народы, исповедующие ислам (как и народы, исповедующие другие религии) под эгидой социализма, следуя его лозунгам, приобщится к мировой науке, поймут вздорность религии и ее служителей, разом откажутся и от азана, и от муэдзина, и, записав в большой мешок все молитвы — обязательные и необязательные, — бросят в Араке и Куру во время половодья: пусть канут в бездну.

Кончается ли на этом вся музыка с намазом?

А подготовка к намазу? А дастамаз — омовение перед намазом? А такие вопросы, как гусл — омовение всего тела, и тасммум — самоочищение землей или песком при отсутствии воды?

Кто незнаком с записанными в книге «Джамен-Аббаси» правилами шарната на этот счет, никогда должным образом не поймет этих вещей. Все это доступно было тем, кто пятьдесят лет тому назад целый день был вынужден корпеть в медресе подобно мне, грешному над книгой «Джамен-Аббаси», а вечерами вместе со своими родителями и родственниками — претворять их в жизнь.

Правила одного только дастамаза — предмолитвенного омовения — пространнее «Шахнаме»... О том, сколько времени вынуждены были тратить (как тратят и в настоящее время) благочестивые мусульмане на подготовку к совершению намаза, могут составить себе представление лишь те, кто знаком с книгой муджтехида Мирза-Абул-Касима «Муршид-иль-авам», где описаны омовение всего тела, очищение землей или песком при отсутствии воды, посещение уборной, виды скверны, способы очищения, правила совершения дастамаза...

Как тебе кажется, легкое дело совершить дастамаз? Если ты скажешь, что легкое, я спрошу тебя, а как надо мыть руки? То есть знаешь ли ты вопрос о локте, или не знаешь? Или все это кажется тебе пустяком? Известно ли тебе, что вокруг этого вопроса происходили в мечетях и на собраниях бесконечные споры и даже ссоры между учеными богословами? Или ты не признаешь значения вопроса о локте?

Может, тебе покажется смешным и забавным, если я расскажу о случае, который вспомнился мне. Но надобно знать, что в те времена все молитвы и религиозные обряды моих набожных соотечественников состояли как раз из таких вопросов, которые кажутся тебе смешными и забавными.

Однажды утром шел я в мектеб на урок. Перед городской мечетью Завия сидело несколько человек. Имена двоих из них я помню, это были Гаджи-Наджаф и Гаджи-Имамкули. Остальные трое тоже были из нашей махаллы, но имена их я запомнил.

Левая рука Гаджи-Имамкули была обнажена по ло-

коть. Отчетливо помню волосатую темную руку Гаджи-Имамкули. Остальные ревнителю шарната стояли вокруг Гаджи-Имамкули и уставились на его локоть. Пошел и я. Оказалось, что здесь решается вопрос о локте: с какой стороны следует поднести руку к локтю и сколько пальцев надо приложить к нему?

Гаджи-Имамкули держал несколько пальцев (сейчас я не помню, сколько именно) правой руки на локте левой и, склонив голову, внимательно смотрел на свой локоть.

— Нет, нет! — сказал один из правверных. — Ошибаешься, господин гаджи. Агайи-Джебели много месяцев. Надо приложить пальцы вот так.

Сказав это, он принялся засучивать рукав на левой руке, так как Гаджи-Имамкули с ним не согласился, и приложил правую руку на обнаженный локоть.

— Вот как надо! — сказал он.

Остальные правверные повернулись теперь к нему и стали слушать его объяснения, как следует совершать дастамаз. Одни поддержали его, говоря, да надо так, а другие не согласились с ним.

Я опаздывал на урок, поэтому оставил их и побежал в мектеб.

После полудня прошло уже часа два или три, когда я возвращался из мектеба домой и вновь застал тех же благочестивых, то есть Гаджи-Наджафа, Гаджи-Имамкули и всех остальных сидящими на выступе перед мечетью Завия. Я опять подошел к ним и увидел, как упрямится Гаджи-Наджаф в совершении дастамаза; засучив рукав на правой руке и приложив пальцы левой руки к локтю правой, поглаживает его, как бы совершая дастамаз. Одни из окружающих его говорили: правильно, вот так, а другие не соглашались: нет, Ага-Багир-Меджлиси велит иначе.

Помню, что с того времени, как я шел в школу, прошло, по крайней мере, пять часов, и в течение этих пяти часов мои благочестивые сограждане заняты были решением одного вопроса: как следует обмывать во время дастамаза правый локоть пальцами левой руки и в каком положении держать при этом пальцы?..

Видя тогда, как мои благочестивые братья по вере тратят целых пять часов на решение религиозных проблем шарната и еще больше — на молитвы и обряды, я

не мог понять одного: какое же время дня или ночи посвящают они добыванию средств к существованию...

И сейчас, спустя пятьдесят лет, вспоминая дела тех дней, я никак не могу понять, как и когда добывали себе хлеб насущный мои набожные земляки, если все двадцать четыре часа суток они заняты были поисками ключа к вратам рая? Когда и как они обеспечивали себя изысканным пловом на ужин со всеми его приправами и приложениями?

Итак, одним из свидетелей религиозных занятий тогдашних благочестивых гаджи и мешади был я; кроме меня, такими свидетелями были также все подобные мне школьники и дети с улицы. Правда, в тринадцать лет я покинул эту священную землю и поехал учиться в другие края, но до десяти лет я прожил на родине отца и матери, и того, что мне пришлось слышать в мечети, в медресе, с минбаров, от святых отцов и мудрецов, оказалось вполне достаточным, чтобы в тринадцать лет быть посвященным в кое-какие тайны бытия.

В тринадцать лет я был послан учиться в другие края, и, когда через год вернулся домой на летние каникулы, то застал многих моих четырнадцатилетних сверстников женатыми. И ничего удивительного в этом не было, потому что я и мои сверстники еще с семи лет были в мечетях, чалмоносными наставниками в медресе и набожными дялчочками дома были посвящены во все истинные тайны шарията.

Нас, семи-восьмилетних мальчуганов, учили правилам посещения уборной, посвящали в такие вопросы, как деторождение, месячные и даже сонитие. И если я в десять лет уехал из этого благословенного края и позабыл все это здесь науки, даже несколько отдалился от мира ислама, то мои товарищи, оставшиеся дома, сделали за год-два отцами семейств, некоторые из них успели совершить паломничество в святые места, отпустили бороды и надели на головы высокие папахы, как настоящие мусульмане.

Наиболее способные и благонравные из них были преданы религии и ревностны в молитвах; они уезжали в далекий Багдад или Наджаф-уль-Ашраф учиться в духовных университетах мусульманскому законоведению и прочим шариятским, богословским наукам, чтобы через несколько лет вернуться на родину и посвятить ее

ми-восьмилетних малышей в правила посещения уборной, законы деторождения, месячные и сонитие по шарияту.

Пост

Ругаться, произносить бранные слова непристойно для каждого человека, но когда речь заходит о посте, я чувствую потребность ругаться и говорить бранные слова. Это потому, что когда речь заходит о посте, мне вспоминаются черные дни моего детства. Те летние дни, когда я, распластавшись ничком на сыром прохладном полу в погребе и высунув на целую пядь язык, ожидал вечернего азана. Ожидал, чтобы муэдзин своим возгласом «аллаху-акпер» разрешил народу напиться воды и поесть хлеба...

Когда речь заходит о рамазане, я вспоминаю дни моего детства, те дни, когда мои родители заставляли меня, семи-восьмилетнего мальчика, поститься...

Когда мне было семь-восемь лет, месяц рамазан приходился на лето. Летние дни продолжались восемнадцать часов. Родом я из равнинных мест с жарким климатом. Летом мои именные земляки, уезжали на дачи. В городе оставались лавочки и бедный люд. Известно, что лавочки и бедняки всегда повиновались духовенству, поэтому они и были ревностны в молитвах.

Я рос в бедной семье и сызмальства видел своего отца и мать во власти религии и шарията, видел их служащими религии и шарияту, видел их рабами религии и шарията.

Словом, в детстве, пятьдесят лет тому назад, я соблюдал восемнадцатичасовой дневной пост в месяце рамазане, так же как и многие мои сверстники.

А что это значит? Что значит соблюдать пост?

Это значит, что я, бедный карапуз, летом еще до рассвета, до азана, как только раздавался минаджат — призыв к молитве, просыпался и вставал, нехотя, кое-как, съедал кусок хлеба с остатками ужина и, когда доносились до нас звуки азана, вставал, совершал утреннюю молитву и снова влезал в постель и спал до одиннадцати часов. С полуденным азаном я совершал дастамаз и снова принимался за намаз.

С этим тоже покончено. Что же дальше? Постепенно мною овладевал голод и жажда. Как быть? От нечего делать беру Коран и начинаю читать, пока не надоест. Начался. Что же делать дальше? Жарко, душно, во рту пересохло. Но ничего не поделаешь. О том, чтобы нарушить пост, и думать не смею.

Пока еще четыре часа полудни. До наступления вечера остается целых четыре часа. Хочешь не хочешь — герпи. Иду в мечеть, чтобы убить время. Там Ахунд-Молла-Таги читает проповедь о месяце рамазане, говорит об условиях и правилах соблюдения поста, о значении его для загробной жизни правовежного и заключает свою проповедь словами:

— Имам Джафар-Садик* изволил сказать, что в дни благословенного месяца рамазана необходимо после каждого намаза произносить следующие слова...

Каждую фразу арабской молитвы вслед за ним хором повторяют все прихожане.

Возвращаюсь домой. Солнце еще не зашло. Воздух накален до такой степени, что дышать невозможно. Губы горят, в горле пересохло. Из крана перед баней струится вода. Водоносы наполняют из крана свои бурдюки и уносят куда-то.

Прозрачная родниковая вода, журча, льется из железного крана на камни. Но никто не осмеливается выпить эту воду, хотя и умирает от жажды, потому что сейчас благословенный месяц рамазан. Сейчас губы должны трескаться от жажды, потому что идет благословенный месяц рамазан. Сейчас от жажды в горле должно пересыхать, потому что идет благословенный месяц рамазан. Сейчас семилетние дети мусульман, вроде меня, должны с утра до вечера изнемогать от жажды, молить о пощаде, и все потому, что идет благословенный месяц рамазан!

Но почему, ради чего? Кому нужны эти муки твои от жажды?

В те времена никому нельзя было задавать этот вопрос. В те времена никому из благочестивых мусульман и в голову не могло прийти, что муки семилетнего ребенка, обреченного в течение семнадцати часов терпеть голод и жажду, никому не нужны. Не могла прийти им в голову такая мысль, ибо сам шарнат обязал семилетних детей соблюдать пост, как об этом сказано в

книге Агаи-Меджлиси «Бист баб» и в писаниях других муджтехидов, даже в книге Шейх-Баха-эд-Дина «Джамен-Аббаси», которая служит учебником. Так что в этом вопросе нет и не может быть места никаким сомнениям и кривотолкам.

Помнится, что разница между детьми и взрослыми проводилась в том, что нас, детей, обязывали соблюдать пост лишь в дни месяца рамазана; мы были освобождены от некоторых обязательных и необязательных намазов.

А что до взрослых, я крепко закрываю сейчас глаза и напрягаю память, обращаюсь к прошлому, стараюсь оживить в воображении мусульман того времени, когда я был ребенком, со всем вниманием прислушиваясь к голосам минувших лет. И неизменно вижу перед собой всех мужчин и женщин, родных и близких, гаджи, кербалаев, и мешади, не говоря уж о моллах, весь тот народ, постящимся круглый год.

И это потому, что, кроме тридцати дней рамазана, благочестивые мусульмане того времени соблюдали не только обязательные, но и необязательные посты. Общеизвестно, что шарнат установлены восемь обязательных и бесчисленное множество необязательных видов поста.

Когда мы говорим «бесчисленное множество», это надо понимать буквально, так как этих желательных постов столько, что, касаясь их в своей книге «Джамен-Аббаси», Шейх-Баха-эд-Дин пишет, что список этих видов поста просто не уместился на страницах книги: такое их множество.

Тем не менее этот покойный ревнитель шарната и толкователь законов мухаммедова учения подробно описал в своей книге двадцать видов необязательных постов. Однако автор книги премудрый Баха-эд-Дин допустил такой просчет, что выставил себя на всеобщее посмеяние. Дело в том, что если сложить перечисленные в книге «Джамен-Аббаси» обязательные и необязательные виды поста, а количество дней в году принять за триста шестьдесят шесть, то можно убедиться в том, что по «Джамен-Аббаси» дней поста больше трехсот шестидесяти шести...

Все эти дни, предназначенные для поста, мои набожные соотечественники соблюдали со всей строгостью.

Разумеется, были и такие дни, когда они не постились. Это были те дни, когда пост запрещен, как, например, день праздника, связанного с истечением месяца рамазана, день жертвоприношений и еще несколько подобных дней, когда нельзя поститься, ибо такой пост не только не будет принят аллахом, но, быть может, даже навлечет его гнев.

На окутанный мраком родной мне земле мои набожные соотечественники начинали поститься еще задолго до наступления месяца рамазана и постились весь месяц шабан. До чего же сильна была приверженность моих благочестивых сограждан к постам и молитвам, если благочестивый месяц рамазан они встречали за тридцать дней до его наступления, постясь в течение предшествующего ему месяца шабана.

Я помню моего дядюшку, постящимся во все дни месяца шабана. Мои родители, тетушки и прочие родственники, соседи в все горожане начинали соблюдение поста с месяца шабана.

Дядюшка предлагал поститься и мне с моим двоюродным братом Ахмедом. Помните, я несколько дней постился, но Ахмед отказался. Потом то ли дяде стало жаль меня, то ли по какой другой причине, он больше не настаивал. В иные дни этого месяца отец мой не постился, потому и меня не заставлял.

А между тем в мечетях проповедники на все лады расписывали блага, обещанные за соблюдение поста и совершение молитв в месяце шабана. И не бывало дня, чтобы дядюшка или моя мать во возвращении из мечети не начинали укорять нас и всех других, кто уклонялся от соблюдения поста в этом месяце.

Однажды дядя, только что вернувшись из мечети после проповеди Гаджи-Молла-Таги, сообщил матери и всем нам, что мы не мусульмане, а скорее армяне. И начал рассказывать содержание проповеди Гаджи-Молла-Таги, который говорил, что, когда будет проходить через волосяной мост те, кто не соблюдает поста в месяце шабана, мост может рухнуть. Аллах может проявить к ним милосердие, может и не проявить его. В этот решающий день творец скажет тебе: как позволила тебе совесть уклоняться от соблюдения поста в месяце шабана?

Правда сей месяц не предназначен для обязатель-

ного поста, однако это — испытание, которому подвергает своих рабов всевышний, чтобы измерить силу их веры и преданности своему создателю. Вай, вай! Какая же разница между вами и армянами?

Однажды, я не помню, в какой из дней шабана, дядюшка пришел к нам, совершил дастамаз, а затем и намаз и по окончании его принял, перебирая четки, шептать молитву о покаянии. Прочитав эту молитву несколько раз, он остановил палец на одном из зерен четок и позвал мою мать.

— Сегодня Гаджи-Молла-Таги читал в мечети проповедь, — сказал он своей сестре. — Оказывается, в одной из книг по шариаду написано, что если кто в месяце шабана семьдесят раз прочитает молитву о покаянии, тому простят все совершенные им грехи, и геенна огненная не поглотит его.

Сказав это, он закрыл глаза, обратил лицо к небу и снова зашептал слова молитвы. Вслед за ним повторяла слова молитвы моя мать.

Когда молитва была повторена раз десять или пятнадцать, дядя вдруг открыл глаза и спросил мать:

— Ты постишься сегодня?

Мать смущенно начала объяснять своему брату, почему она сегодня не постится, и привела какую-то причину. Должен сказать, что мать моя была не менее строга к постам и молитвам, чем ее благочестивый брат. И если она в этот день нарушила пост, то по всей вероятности имела на то уважительную, с точки зрения шариада, причину, которую и высказала брату. Но несмотря на это, старый сердитый мой дядюшка молча поднялся с места, сунул четки в карман, и, нахмурив брови, ни слова не проронив, ушел из дома.

Ночь на шестнадцатое число месяца шабана для благочестивых рабов аллаха нечто вроде светопреставления. За все годы с семи до тринадцати лет я не помню ни одной ночи на шестнадцатое число месяца шабана, чтобы я мог до рассвета сомкнуть глаза.

В эту ночь дома превращаются в подобие мечети. Особенно наш дом. Особенно, когда дядя бывает у нас.

О ночь, делящая месяц шабан пополам!..

Как тогда, так и ныне дорогим сердцу набожных мусульман месяцем после рамазана считается месяц шабан, потому что сам посланник аллаха пророк Му-

хаммед изволил объявить, что месяц рамазан принадлежит аллаху, а месяц шабан — ему самому. И посему день, отмечающий середину этого месяца, является наиболее значительным в этом месяце, поскольку знаменует собой приближение благословенного месяца рамазана. И пятнадцатая ночь шабана посвящается молитвам и бдению. По толкованию ученых богословов, эту ночь напролет надо проводить за намазом, за чтением молитв.

Одна такая ночь шабана особенно мне запомнилась. Был у нас дядя. Был и наш сосед, муэдзин Ахунд-Молла-Керим. Были совершены и вечерний и ночной намазы. Молла-Керим открыл какую-то книгу и вычитал из нее предуказание змира благочестивых: кто совершит в эту ночь месяца шабана сто рукетов намаза и тысячу раз повторит главу из Корана об очищении веры, то в судный день будут приданы ему сто ангелов в помощь.

Начали молиться, — и гость, и все домочадцы, стар и млад. Не знаю, сколько рукетов я исполнил, когда вдруг сон одолел меня, и я, как был, в одежде, свалился и уснул. Увы, когда я распластался на полу, мохир — кусок земли со святых мест — оказался подо мной. Потом дядя с бранью разбудил меня и сказал матери:

— Убери отсюда этого нечестивца, сына нечестивца, чтобы глаза мои его не видели! Пропадли он пропадом со своей молитвой!..

После меня благочестивые молились до утра. Они молились с таким усердием, что вовсе позабыли о сне. Но на следующий день мать два-три раза валилась с ног у очага, точно во хмелью, когда варила нам обед, и чуть не угодила в огонь. И все-таки не забывала призывать аллаха и святого Али.

Месяц шабан приближался к концу, моллы призвали горожан последние три дня месяца также соблюдать пост. Поэтому Ахунд-Молла-Таги сказал с мечетского минбара, что всевышний убережет от козней дьявола всех, кто посвятит посту последние три дня месяца шабана.

И когда месяц шабан истекал, во всем городе началось сильнейшее волнение: надо было определить, какой день считать последним в месяце шабана, а какой — первым днем благословенного месяца рамазана и когда будет новолуние, знаменующее начало месяца?

Двадцать девятого числа месяца шабана большая часть лавок в городе бывала закрыта, а их хозяева уходили в мечеть, где решался важнейший вопрос: народится ли сегодня луна или нет? Когда истечет последний день месяца шабана — сегодня или завтра? Сколько дней в месяце шабана нынешнего года: двадцать девять или все тридцать?

Это весьма важные вопросы. Если знать твердо, что сегодня последний день месяца шабана, то надо вечером караулить серп молодой луны и во что бы то ни стало, пусть даже за густыми тучами, разглядеть хотя бы кончик серпа. Увидев же серп луны, надо исполнить все условия, связанные с появлением луны нового рамазана.

Каковы же эти условия?

Во-первых, тот, кто первым увидит лунный серп, должен тут же закрыть глаза и начать произносить слова салавата, и, как только он откроет глаза, его взору должна явиться сабля. Общеизвестно, что среди мусульман принято, увидев впервые серп нового месяца, закрывать глаза и открывать их затем на какой-нибудь определенный предмет. И для каждого из двенадцати месяцев года имеется свой особый предмет. Так, например, при виде лунного серпа в месяц мухаррам следует смотреть на золото; в месяц сафара — на зеркало, в месяц раби-уль-эввель — на воду и так далее.

Увидеть лунный серп благословенного месяца рамазана составляет особое счастье. Имам Джафар-Садык возвестил, что тот, кому посчастливилось увидеть серп новой луны рамазана в последний день месяца шабана, должен прочитать до конца известную молитву, и тогда в течение целого года будет защищен всевышним от гнета лиходеев, от колдовства и козней нечистой силы.

В самом деле, какое счастье! Стоит тебе, взобравшись на крышу, увидеть молодой месяц и прочитать несколько слов молитвы — как ты избавишься на целый год от лиходеев. Что может быть лучше этого? Чтобы избавить народы от гнета лиходеев, люди сплачиваются и встают на борьбу, выказывая непопеченные господам тиранам, изучают науки, трудятся в поте лица, отдают детей в школы для получения образования, чтобы разорвать сети козней коварных святош, совершают геро-

ические поступки, жертвуют собой, чтобы пресечь насилие угнетателей, а тебе всего этого не надо, стой тебе, забрав с собой четки, подняться на крышу и постараться увидеть новолуние, и если это тебе удастся, ты на целый год будешь спасен от колдовства и всяких козней.

Единственное затруднение заключалось в том, что невозможно было знать заранее: в ущербе ли в этом году месяц шабан. Или полный, то есть тридцать дней в нем, или двадцать девять? Ожидается ли новолуние завтра, или послезавтра? Откуда и как узнать это? По календарю. А по какому календарю?

Конечно, в европейском календаре на основе астрономических наблюдений даются сведения о движении луны и солнца, и там можно почерпнуть точные сведения о первом и последнем дне месяца шабана и любого другого месяца. Но в те благословенные времена европейских календарей не пользовались среди мусульман никаким доверием, потому что их составляли и печатали христианские народы, которым чуждо было совершать намаз и соблюдать пост. И разумеется, в глазах моих правоверных соотечественников эти календари были «поганые собаки».

Единственным неоскверненным календарем считался месяцеслов Гаджи-Наджм-уд-Довле, который получали из Тегерана и из которого мои набожные земляки черпали все необходимые сведения, за исключением того, когда начинается и в какой день кончается тот или иной месяц. Календарь почтенного Гаджи-Наджм-уд-Довле, который и поныне печатается в Тегеране, едва ли может быть известен уважаемым читателям. Если кто-нибудь из них знает месяцеслов почтенного Гаджи и знаком с его содержанием, может пропустить эти строки, где я хочу сказать несколько слов об этом календаре...

В те времена священный календарь Гаджи-Наджм-уд-Довле служил каждому правоверному бесценным справочником по его ежедневным молитвам и вообще по распорядку дня. Начать хотя бы с того, что ни один правоверный не возьмется ни за какое дело, пока не узнает о характере каждого часа каждого дня. А особый характер каждого часа, в каждом дне каждого месяца на весь год расписан и определен в этом календаре.

В нем сообщалось даже о том, какие произойдут

события в каждом месяце предстоящего года. Будут ли воевать падишахи, или не будут; будет ли дороговизна, или, наоборот, дешевизна; какая предстоит зима; какие нагрянут налести; когда произойдет затмение луны или солнца; ожидается ли землетрясение; будут ли люди тверды в вере, или отвернутся от нее? Далее сообщалось о том, какие дни месяца сафара наиболее благоприятны для тех или иных молитв; какие дни благоприятны для путешествий; какие дни следует избрать для свадьбы; в какие часы лучше всего посещать баню, даже удалять волосы на теле; в какие дни можно пускать кровь; какие дни данного месяца могут принести несчастье; какие часы наиболее удобны для окраски волос хной?

Тут придется немного отвлечься.

Гаджи-Самед-хан из нашего города задумал как-то съездить в священный город Мешед на поклонение гробнице имама Рзы. В отличие от других ханов Гаджи-Самед-хан был человеком набожным и благочестивым, поэтому решил избрать наиболее благоприятный для такого важного путешествия день и, естественно, обратился к святым отцам. Гаджи-Молла-Таги погадал по Корану и предложил хану выезда из города семнадцатое число месяца раби-ус-сани. Но каким-то образом в календаре Гаджи-Наджм-уд-Довле этот день был обозначен благополучным для поездки по торговым делам, но отнюдь не в паломничество. И я помню, что из-за этого разноречия хану пришлось задержаться с выездом на несколько недель.

Затем, согласно с гаданием Гаджи-Молла-Али, выезд был назначен на тридцатый день месяца раби-ус-сани, но и тут возникло непреодолимое препятствие, так как по календарю Гаджи-Наджм-уд-Довле в этом году месяц раби-ус-сани оказался неполным, то есть в нем было всего двадцать девять, а не тридцать дней. Двадцать девятому же дню его соответствовал знак, уж не помню, какого-то созвездия, а такие дни считались совершенно неблагоприятными для путешествий.

Гаджи-Самед-хан обратился тогда к третьему молле. После него обратился еще к другому молле. В конце концов все тот же Гаджи-Молла-Таги назначил для выезда Гаджи-Самед-хана шестой день месяца джумада-эль-звель, но вскоре выяснилось, что это пятница, а

святой имам Рза, как известно, возбранял начинать путешествие в пятницу, так как это нарушает распорядок намаза.

Таким образом, паломничество Гаджи-Самед-хана снова было отложено. Тогда опять обратились к календарю Гаджи-Наджм-уд-Довле. А в нем было написано, что начинать путешествие четвертого, пятого, тринадцатого, шестнадцатого, двадцатого, двадцати четвертого, двадцати пятого и двадцати шестого числа месяца джумада-эль-эввель чревато неприятностями. А от Гаджи-Молла-Али поступило сообщение, что он не советует хану выезжать восьмого и двадцати третьего числа месяца. А Гаджи-Керим доложил хану, что первые числа месяца безусловно противопоказаны для выезда.

В конце концов бедняга Гаджи-Самед-хан вынужден был наметить для выезда восемнадцатое число месяца, но и тут возникла загвоздка. Оказалось, что это число совпадает с понедельником, а в этот день недели, как известно, представился посланник аллаха пророк Мухаммед, поэтому сей день ни в коем случае не годится для отправления в путь. После этого бедный Гаджи-Самед-хан вынужден был отложить путешествие то ли на двадцать первое, то ли на двадцать второе число месяца. И в этот день он выехал в Эривань. Хорошо помню, как провожал хана в дорогу весь город. Но...

Через два дня сообщили, что хан с полдороги возвращается назад. Оказалось, что хан на фаэтоне проехал деревню Хок и подъехал к деревне Гывраг; когда он проезжал через эту деревню, какая-то женщина развешивала на крыше белье и вдруг чихнула*. Хан велел вознице остановить лошадей, повернулся к женщине и сказал:

— Пусть сгинет ваш род на земле!..

Затем он велел поворачивать и ехать обратно. Тогда-то и распространилась по городу молва, что в дороге кто-то невзначай чихнул, и Гаджи-Самед-хан возвращается в город. И пошла гулять среди уличных мальчишек прибаутка: кто-то на крыше чихнул, и хана с дороги вернул!..

До сих пор среди мусульман редко удается определить число дней в каждом месяце и точно знать заранее: сколько дней будет в таком-то лунном месяце, двадцать девять или тридцать. Поэтому-то, как я-помню,

невозможно было определить конец месяца шабана и начало месяца рамазана.

Поэтому мои бедные соотечественники испытывали массу треволений, тратили массу трудов, чтобы рассмотреть на небосклоне новую луну месяца рамазана. И сам я, начиная с семи лет, вместе со взрослыми поднимался на крышу и часами вглядывался в вечернее небо, тщетно пытаюсь узреть волнулки. Либо облака скрывали народившуюся луну от взоров людей, чтобы испытать степень благоверности мусульман, либо тот день оказывался не последним числом месяца шабана.

В те дни, когда выслеживали на небе молодую луну, на крышах домов, минаретах и прочих возвышенных местах в городе бывало полно народу. Устремив глаза на запад, где только что зашло солнце, мусульмане напряженно искали рожки, нового месяца. И если не находили их, то медленно расходились по домам, удрученные и подавленные. А когда им удавалось застать появившиеся луны, то с восторгом приносили салават и шли домой, ликующие и возбужденные, перебирая четки.

Какое счастье! Завтра начинается благословенный месяц рамазан, тот самый месяц, когда сонмы ангелов выстроятся в небесном царстве и будут наблюдать за тем, как проведут этот месяц приверженцы ислама, как они будут молиться своему творцу. Они будут любоваться тем, как благочестивые сыны ислама ревностно будут исполнять молитвы, призывать всевышнего творца не спать ночи и совершать бесконечные намазы, а затем старательно искать ночь предопределений.

Это еще что за ночь предопределений?..

Однако тут, как говорят проповедники, требуется долгий разговор.

По разъяснению мусульманских толкователей шариата и мужтехидов, одна из тридцати ночей месяца рамазана считается ночью предопределений. Из учений мусульманских святых также известно, что над одной из трехсот шестидесяти шести ночей года довлеет предопределение.

Над которой же?

Имеется лишь одно указание: эту ночь следует искать между девятнадцатым и тридцатым числом месяца шабана. Значит, это одна из двенадцати последних ночей месяца шабана.

Это уж ближе к разгадке. Теперь, кажется, не так трудно будет его определить. Поскольку эта благословенная ночь приходится на последние двенадцать чисел месяца шабана, то стоит ли огорчаться? Ради успеха дела я проведу все эти ночи с вечера до утра в бдении и молитвах, ревностно исполню все полагающиеся обряды, посвящу себя совершенно всех молитв, предуказанных для исполнения в ночь предопределений толкователями шариата — Ага-Багиром Меджлиси, Молла-Ахмедом Ардебилли, Гасаном Джилани, Баха-эд-Дин-Мухаммедом Джебели и тысячами других святых отцов; исполнив все это, я не упусти той единственной ночи, которая считается ночью предопределений.

Именно так и делали мои соотечественники в те времена, когда я был ребенком. И я хорошо помню, что все ночи, начиная с девятнадцатого числа месяца шабана до тридцатого, я, семилетний мальчуган, не знал сна.

Надо сказать, что покойный дядюшка мой был довольно таки грамотным человеком. Одно время он занимался торговлей в Тебризе и близко общался с моллами, так что и сам стал, в конце концов, чем-то вроде моллы, свободно читал и толковал Коран.

Я ничего не имею против того, чтобы двенадцать ночей не спать, потому что ночью можно и спать, и не спать. Однако одно обстоятельство угнетало меня; глупо было уверовать в существование рая и ада, страшась гнева аллаха, я тем не менее настолько изнывал от рвения моего дяди, что часто плакал, хотя и знал, что, плача, я совершаю грех.

Привередливость дяди и в молитвах изводила в то время не только меня, но даже и мою мать, которая была весьма набожна. От страха, который внушал ей аллах, мать моя не смела и пикнуть, но нелегкий труд днем и голод, предписанный постом, бдения и молитвы, к тому же не одну ночь, а целых двенадцать ночей подряд — все это приводило к тому, что нередко днем она падала в обморок.

Тут я хочу заметить, между прочим, что человек и в самом деле чрезвычайно выносливое существо. В только что описанных мною условиях моей матери все-таки удалось прожить на свете пятьдесят с лишним лет. По

этому одному можно судить о том, как же живуча была эта женщина.

То же и другие...

Мне пришлось покинуть мой родной край — Нахичевань и Эривань — и переселиться в Тифлис.

В декабре 1903 года жена моя сильно разболелась в Эривани, до того сильно, что местные врачи рекомендовали везти ее в Тифлис.

Зима выдалась суровая. Толщина снега на улицах доходила местами чуть ли не до аршина. Движение было расстроено. Но, несмотря на столь неудачное время, пришлось подчиниться решению врачей и ехать с больной в Тифлис.

Ехал с нами и мой шуринок Мамед-Кули-бек, из нахичеванских дворян, горячо любивший свою сестру. Он сам вызвался ехать в Тифлис с нами. Вернее сказать, главным инициатором этой поездки был не я, а он, потому что и Тифлис, и тифлисских врачей он знал лучше меня и вообще был куда расторопнее, чем я. Он же взял на себя и все расходы по поездке и по лечению сестры.

В один из последних дней декабря мы вместе с больной выехали по новооткрытой железной дороге из Эривани в Тифлис.

Состояние больной было весьма тяжелое, и на ее выздоровление у меня лично больших надежд не было. Шуринок мой тоже был очень удручен. Как мне помнится, от самой станции Эривань, до станции, которая тогда называлась Александрополь*, он не вымолвил ни слова. Больная лежала молча, отказываясь от еды и питья.

Когда мы отъезжали от станции Александрополь, было утро. Шуринок мой несколько оживился, потому что и сестра его начала понемногу разговаривать. Было похоже на то, что в состоянии больной происходит перелом к лучшему.

Поговорив немного о том, о сем, Мамед-Кули-бек спросил о моем самочувствии и между прочим справился, нет ли у меня каких-нибудь новых сочинений. Я ответил, что ничего нет, но солгал. Рукопись нового рас-

сказа «Почтовый ящик», написанного месяц назад, была у меня в боковом кармане.

Я ответил так потому, что не одобряю, более того, питаю неприязнь к тем писателям, которые охотно показывают свои произведения тому, другому. И аллах свидетель, что для меня нет более обременительной задачи, чем доставать свое произведение и демонстрировать всем. Ни один из знающих меня не может вспомнить, чтобы я с легкостью показывал или читал кому-нибудь свое сочинение.

Вот почему я дал моему шурина отрицательный ответ. Но тут же я заметил, что, услышав мой ответ, бедняга опустил голову и снова погрузился в горестные думы, потому что и сестра его лежала молча, с закрытыми глазами. С другой стороны, темные тоннели, в которые часто входил наш поезд, еще больше усугубляли подавленное настроение моего шурина и больной.

Поэтому, говоря по правде, мне стало жаль моего шурина, и только из-за этого я вынул из бокового кармана тетрадку и протянул ему. Шурина мой, казалось, дрсмал и, словно проснувшись, нехотя протянул руку, взял тетрадку и как бы нехотя медленно развернул ее. Он хотел было начать читать, но вагон вошел в темный тоннель.

Словом...

Вдруг, вижу, Мамед-Кули-бек смеется про себя. Смотрю, читает «Почтовый ящик». Тут я понял, что рассказ мой шурина нравятся.

— Очень хороший рассказ написал ты! — сказал он мне, смеясь. После этих слов он продолжал чтение и, читая, смеялся. И когда поезд входил в тоннель, шурина мой сердился, потому что темнота не давала ему читать.

Этими строками о «Почтовом ящике» я хочу сказать, что рассказик мой, сам по себе, конечно, не такое уж значительное произведение, чтобы о нем распространяться так долго и так подробно.

Я потому обращаю внимание читателей на «Почтовый ящик», что этот рассказ сыграл в моей жизни важную роль. То есть, может быть, именно благодаря этому моему рассказу, уехав в Тифлис с больной, я больше не вернулся в Эривань и остался в Тифлисе, а потом стал постоянным тифлисцем.

И случилось это вот каким образом.

Проведя в дороге целый день, на другое утро прибыли мы в Тифлис и остановились в известной гостинице «Кавказ» на Эриванской площади. В тот же день мы поместили больную в Михайловскую больницу на лечение.

Я и мой шурина, выйдя из больницы, решили где-нибудь пообедать и направились в довольно известный в то время ресторан. Здесь мы встретили уважаемого Мамед-агу Шахтахтинского*, который обедал за отдельным столиком. Завидев нас издали, он пошел нам навстречу, радушно поздоровался и, пригласив к своему столу, заказал нам обед.

Мы приступили к еде. Поговорили о больной; разговор перешел на печать и литературу. Тут шурина мой достал из кармана тетрадку с «Почтовым ящиком» и протянул Мамед-агу.

Я снова повторяю, что такие дела мне не по душе. Те, кто хорошо меня знает, понимают, о чем я говорю: я не люблю читать кому-нибудь написанное мною, тем более пускать его по рукам в обществе. Но возражать в чем бы то ни было моему шурина я не мог, особенно в эти дни, когда он был так сильно настроен болезнью сестры.

Читая «Почтовый ящик», Мамед-ага стал так громко хохотать, что привлек внимание других посетителей. Я смотрел на разноцветных рыбок, что плавали в бассейне, и отлично помню, когда Мамед-ага начинал громко хохотать, рыбки принимались подпрыгивать в воде. Казалось, и эти крохотные божьи твари смеются над наивностью и простодушием Новрузали.

Однако, аллах свидетель, что чувствовал я себя совсем неважно.

Мамед-ага кончил чтение. Мы отобедали и поднялись уходить. Тут-то Мамед-ага и предложил мне не возвращаться в Эривань, остаться в Тифлисе и писать для его газеты «Шаркы-Рус»* рассказы и фельетоны.

Никакого определенного ответа я ему не дал, потому что весь был поглощен мыслями о болезни жены и не думал ни о будущем, ни о прошедшем, не знал, вернусь ли в Эривань или останусь в Тифлисе.

Однако Мамед-ага был так настойчив и решителен, что, выйдя на улицу, я увидел себя в фэатоне. Приехали

прямо в гостиницу «Кавказ», где мы остановились. Там шурин мой собрал свои вещи, чтобы ехать на вокзал и отправиться в Эривань ночным поездом, а меня Мамед-ага усадил в фазтон, прихватил и мои вещи, сел сам и повез в свою квартиру, где помещалась и редакция газеты «Шаркы-Рус». В то время эту улицу называли Песковская, но как называется она теперь, я не знаю.

Издатель и главный редактор газеты «Шаркы-Рус» Мамед-ага Шахтахтинский — уроженец весьма известного селения на берегу Аракса, недалеко от города Нахичевани. Известно это селение тем, что является родиной ряда видных деятелей и просвещенных людей. К числу уроженцев этого селения относятся также и прославленный певец, первый среди кавказских мусульман марсияхан Гаджи-Молла-Абдулла, отец одного из самых известных ныне здравствующих писателей.

Еще в молодости я встречался однажды с Мамед-агой в Нахичевани. То ли в 1894, то ли в 1895 году Мамед-ага приехал по какому-то делу в Нахичевань. В то время среди моих товарищей много разговоров вызвал мой рассказ об истории с дядей Мамед-Гасаном. По настоянию Мамед-аги, я вынужден был отнести и показать ему этот рассказ. Он прочел несколько страниц с начала рукописи и остался доволен. Я хочу отметить и то, что первая страница рукописи была написана русским алфавитом.

В то время востоковед и миссионер Радлов из Казани предлагал азербайджанским тюркам новый алфавит, составленный из русских букв. Для некоторых звуков, которые отсутствовали в русском алфавите, им были изобретены несколько новых знаков. Образцы этого алфавита в то время печатались иногда в сборниках материалов по изучению Кавказа, которые издавались Кавказским учебным округом.

Я принял составленный Радловым для тюрков новый алфавит. Кроме меня, принял его и некоторые другие деятели просвещения в городе Нахичевани. Наиболее ревностным среди них был Мирза Мамед-кули, служивший в те годы переводчиком у уездного начальника.

Первая страница моего рассказа о дяде Мамед-Гасане была написана этим самым русским алфавитом Рад-

лова. Лет шесть или семь тому назад (в 1921 году) я представил эту рукопись вместе с другими моими рассказами в комиссариат просвещения в Баку для опубликования. Я так и не узнал, что стало с этой рукописью и куда она делась.

Рассказывая здесь об этом, я хочу лишь отметить, что неприятие арабского и стремление к новому удобному алфавиту у меня возникло еще в те времена. Впоследствии, как известно, я всегда был в числе тех, кто стоял за новый тюркский алфавит и выступал против старого*.

Мамед-ага Шахтахтинский — человек давно известный. Сейчас уважаемый наш писатель живет в Баку и получает от Советского государства пенсию. Старый наш писатель происходит из дворян Шахтахты, однако с юных лет он посвятил себя наукам, и, наряду с восточными языками, изучил и западноевропейские; долгое время он прожил в Европе. Как я слышал, он постоянно увлекался литературой и печатался как в Европе в тамошних газетах, так и в России в русских газетах. Вскоре он задался благородной целью издавать азербайджанскую газету и после долгих лет хлопот и трудов добился права на издание газеты «Шаркы-Рус».

Известно, что в те годы великодержавной царской деспотии, когда к таким многочисленным народностям, как азербайджанская, относились с пренебрежением, нельзя было рассчитывать на то, что петербургское правительство даст разрешение на издание самостоятельной газеты на азербайджанском языке. А между тем такое разрешение Мамед-ага получил, а как получил, этого я не знаю. Но как земляк Мамед-аги, я слышал еще тогда, когда наш писатель только задумал свое предприятие, что он продал свою долю родового имени за восемнадцать тысяч и уехал с этими деньгами в Тифлис издавать газету.

Уже впоследствии, поступив на работу в редакцию газеты Мамед-аги, я понял, что ходившие по Нахичевани слухи имели основание и что восемнадцать тысяч были истрачены на организацию типографии, так что вскоре газета «Шаркы-Рус», печатавшаяся в других типографиях, начала печататься в собственной типографии.

В первые же дни, когда я поступил в редакцию (в

самом начале 1904 года), был опубликован в газете мой рассказ «Почтовый ящик».

Редактором-издателем газеты был сам Мамед-ага. Когда я начал свою работу в редакции, там уже работали литературными сотрудниками Омар-Фанк Нзмазаде* и Самед-ага Ганбов*. Об Омар-Фанке речь будет впереди, а Самед-ага Ганбов окончил горийскую учительскую семинарию и в настоящее время является учителем тридцать третьей советской школы.

Поступив на работу, я начал писать для газеты статьи и фельетоны.

Что касается направления газеты, могу сказать одно: общезвестно, что в ту эпоху и в тех условиях ни один человек не мог бы набраться смелости, чтобы дать волю своему перу, начать борьбу с деспотической властью или в самой осторожной форме стать в оппозицию правительству. И, естественно, никаким силами нельзя было бы получить разрешение на издание подобной демократической газеты. Вот почему ни у Мамед-аги, ни у нас, его литературных сотрудников, не могло быть никаких иных целей и стремлений, кроме пропаганды среди мусульманского населения просвещения и культуры. Даже о религиозных предрассудках мы писать не решились.

Хорошо помню, какие кривотолки и недовольные отклики вызвали среди мусульман слова «раскрепощение женщины» в статье Мамед-аги, где говорилось о необходимости просвещения женщин. А что до политики — да онемеют уста мои: суровость тогдашней цензуры доходила до того, что мы не то что политики, но даже буквы «п» остерегались.

Вначале, когда я только поступил в редакцию, газета выходила трижды в неделю, и цензура была такой придирчивой, что нам с трудом удавалось провести через ее рогатки эти три номера в неделю. Часто за разрешением цензуры ходил я сам.

В то время в азербайджанском отделе цензуры не было ни одного азербайджанца. В этом отделе работали двое армян — Кишмишев и Караханов, и оба были по существу очень милые люди, а Караханов слыл даже либералом. Но беда в том, что оба они плохо знали азербайджанскую грамоту и вынуждены были читать печатавшиеся в газете материалы по слогам, чтобы оз-

накопиться с их содержанием и выдать разрешение, а это тянулось долгие часы.

Пока газета выходила в неделю три раза, мы кое-как справлялись с этим делом, но потом, когда она стала ежедневной, мы не спали ночами. Чтение газеты в цензурном комитете затягивалось до полуночи, и мы приступали к печатанию очередного номера лишь к двум часам ночи.

О газете «Шарки-Рус» среди мусульман и в те дни и после иной раз можно было услышать такое суждение, что владеет ее Мамед-ага служит своим органом интересам русского царизма на Востоке. Подобные отзывы я считал необоснованными, бездоказательными и несправедливыми. Повод к таким суждениям давало лишь название газеты. Название «Русский Восток», конечно, может давать повод каждому истолковать эти слова как приверженность восточной политике царского правительства. Может быть, и петербургское правительство обманулось именно названием газеты, давая разрешение на ее издание. Но мы, работавшие тогда в газете, не видели, чтобы газета поддерживала интересы русского царизма на Востоке, и если иной раз о кавказском наместнике говорилось «его превосходительство», то это было тогда в порядке вещей.

Заговорил я тут о газете «Шарки-Рус» потому, что это имеет непосредственное отношение к журналу «Молла-Насреддин», потому что с моим товарищем Фанком Нзмазаде впервые я встретился и подружился в редакции этой газеты.

Память о газете «Шарки-Рус» очень дорога мне по двум причинам.

Во-первых, привлечением меня к работе в редакции газеты «Шарки-Рус» наш уважаемый писатель Мамед-ага Шахтахтинский ввел меня в мир печати, прессы.

А во-вторых, в редакции этой газеты я встретился с таким товарищем, чье участие дало мне возможность основать журнал «Молла-Насреддин». Вернее, вместе с ним мы основали журнал «Молла-Насреддин». Журнал, благодаря которому короткое время после выхода его первого номера имя мое стало известно не только кавказским мусульманам, но даже среди всех тюркских народов Ближнего Востока.

«Шарки-Рус» была тогда единственной на Кавказе

азербайджанской газетой и в силу этого пользовалась немалой популярностью и влиянием. Когда началась русско-японская война, тираж ее возрос до нескольких тысяч.

Но в конце концов она скончалась естественной смертью. Это настолько интересная история, что я не могу не сказать тут еще несколько слов.

Если бы я верил в рок, то мог бы сказать, что закрытие газеты произошло по воле рока. Известное дело, что газета может быть прекращена изданием либо из-за отсутствия материальных средств, либо по решению властей, либо же в исключительных случаях, вследствие смерти издателя. В закрытии газеты «Шаркы-Рус» не было ни одной из этих причин.

Прекращение издания газеты произошло вот каким образом.

Как уже было сказано выше, «Шаркы-Рус» была единственной на Кавказе мусульманской газетой на азербайджанском языке. Известно и то, что она была основана в Тифлисе, где и продолжалась изданием...

Можно с уверенностью сказать, что получить в то время разрешение на издание азербайджанской газеты было делом нелегким. Так или иначе сейчас можно предположить, что в те дни Ахмед-беку Агаеву* и Али-беку Гусейн-заде* либо Петербург отказал в разрешении издавать газету, либо же они сами, учитывая политику Петербурга, не обращались туда вовсе с соответствующим ходатайством и решили действовать иначе; поскольку получить разрешение на издание новой азербайджанской газеты дело безнадежное, не лучше ли всего протянуть руку к уже выходящей газете «Шаркы-Рус», войти в ее редакцию на правах компаньона или на каких-либо других условиях и перевести ее в город Баку.

В конце концов Мамед-ага дал согласие на участие Ахмед-бека Агаева в редакции газеты «Шаркы-Рус» на правах товарищества. Почему он дал такое согласие, из каких соображений, я тогда не знал. Однако кавказские власти воспрепятствовали участию Ахмед-бека в газете. Для получения этого разрешения Мамед-ага вынужден был выехать в Петербург, где такое разрешение и получил.

И в январе 1905 года, когда повсюду оживленно шла

подписка на газету на новый год, Мамед-ага внезапно приостановил газету и стал готовиться к переезду в Баку. Весь январь ушел на упаковку имущества редакции в ящики; все было уже упаковано и подготовлено к перевозке, однако ящики так и остались лежать на месте.

Рок, о котором речь шла выше, заключался в том, что ни газета «Шаркы-Рус» не была перевезена в Баку, ни сам Мамед-ага не переехал туда. В конце концов с отнятием подписчиков была возвращена подписная плата и было сообщено, что газета временно приостановлена изданием. Это временное закрытие оказалось навечным.

Так-то вот и прекратила свое существование газета «Шаркы-Рус», а Мамед-ага, как мне помнится, собрался уезжать из Тифлиса. Если память мне не изменяет, он хотел переехать в Баку. Однако после закрытия газеты осталась без дела довольно хорошо оборудованная по тем временам типография. Остались без дела и типографские рабочие, а также сотрудники редакции...

Надо иметь в виду, что активными помощниками Мамед-аги по редакции были Омар Фанк и я (к тому времени Самед-ага Ганбов уже ушел из редакции). С другой стороны, у газеты «Шаркы-Рус» накопилось до двух тысяч рублей долгу. Дело в том, что Мамед-аге нужна была в то время еще некоторая сумма денег, а у нас вовсе не было денег; задумав приобрести типографию для использования ее в будущем, мы начали искать третьего компаньона, который бы имел необходимую для этого сумму. И мы нашли такого товарища. Им стал почтенный нахичеванец Мешади-Алескер Багиров, который имел тогда торговое дело в Тифлисе, где и сейчас занимается тем же.

Этот наш товарищ обязался уплатить и на самом деле уплатил Мамед-аге некоторую сумму денег. Тогда-то, а это было весной 1905 года, мы, то есть я, Омар Факи и Мешади-Алескер, с одной стороны, и Мамед-ага, с другой стороны, заключили заверенный у нотариуса контракт о том, что типография переходит в наше владение, и мы берем на себя уплату долга газеты и типографии в сумме двух тысяч рублей.

Получив на этих условиях типографию, мы перевели ее на той же Песковской улице в другой дом по сосед-

ству, официально закрепили за ней название «Гейрат» и пустили ее в ход.

Однако эксплуатировать в те времена типографию было делом отнюдь не простым, тем более, что мы не имели никакого практического опыта в таком деле и совершали массу ошибок в налаживании работы типографии, и ошибки эти обходились нам очень дорого.

Поэтому мы были вынуждены перевести типографию с Псковской улицы на Красноводскую в двухэтажный большой дом. В обширных комнатах нижнего этажа мы разместили типографию, а верхний этаж я и Омар-Фанк заняли под жилье. На том же верхнем этаже мы организовали нечто вроде небольшой школы-пансиона. Собрав тут пятнадцать-двадцать детей, мы готовили их к поступлению в различные школы.

Официально ответственным за эту школу, как и за типографию «Гейрат», был утвержден правительственными органами один я. И это по той простой причине, что учреждение этих предприятий тогдашние власти могли доверить и разрешить только мне, а не Омару-Фанку, потому что я окончил государственную учительскую семинарию, а Омар-Фанк получил образование в Турции. Этим мне думается, все объяснено.

И работа нашей типографии, и наша школа приносили нам большие убытки. Но так как ни я, ни мой товарищ не имели никаких материальных средств, все расходы и убыток ложились на нашего третьего товарища Мешади-Алескера.

Я вспоминаю этого товарища Мешади с бесконечной благодарностью и полагаю, что редко можно найти у другого мешади такое расположение к просвещению и такую готовность тратить средства на просвещение, как у этого нашего товарища Мешади с его верностью своим убеждениям. Во всяком случае, он понес большие затраты и на укрепление нашей типографии «Гейрат», и на содержание нашего пансиона. И все это в конечном счете было для него сплошным убытком.

В типографии мы исполняли частные заказы со стороны и печатали свои произведения. Там я напечатал отдельной книжкой свой рассказ «Почтовый ящик», Омар-Фанк свою брошюру «Призыв». Кроме того, мы выпускали отдельные листовки с ежедневными телеграфными сообщениями.

К этому времени окончилась русско-японская война. В американском городе Портсмуте велись мирные переговоры между русским и японским правительствами, и вот-вот народ должен был избавиться от грохота пушек и ружей, от кровопролития и страдания тысяч и тысяч людей. В этот самый момент и началась армяно-мусульманская резня.

Снова настали тревожные дни, особенно для нас: типография, школа и квартиры наши были размещены в доме армянина и находились в армянском районе. Нам пришлось очень туго. Вначале, когда армяно-мусульманские столкновения происходили в других городах Кавказа, мы надеялись на то, что они не перекинутся в Тифлис. Но когда специальные агенты правительства и провокаторы принесли это немислимое несчастье и в город Тифлис, наше положение очень осложнилось.

Кое-как нам удалось перевести своих учеников и семейства в другой район и скрыться. Типография же наша была захвачена армянами, но на другой день освобождена.

Я с большой благодарностью вспоминаю двух армянских юношей, которые взяли нас в населенном армянами районе под свою защиту и добились возвращения нам нашей типографии. Кто они были и к какой партии принадлежали? Этого мы не знали.

Я прекращаю на этом рассказ об армяно-мусульманской резне, так как не это входит в мою задачу, и перехожу к основному вопросу. Но хочу добавить к сказанному еще несколько строк.

Армяно-мусульманская вражда составляет черную страницу и кровавое воспоминание в истории двух народов-соседей. Что было, то прошло, и я искренне с твердой уверенностью заявляю, что те черные дни в нашей стране останутся лишь печальным воспоминанием, и только воспоминанием. И как всегда сгнинула спровоцировавшая и разжигавшая эту вражду власть, так же кануло в вечность и безрассудство этих двух соседей, двух братьев.

Но меня беспокоит одно обстоятельство: заговорив о столкновениях между армянами и мусульманами, я представил армян захватчиками азербайджанской типографии, обратившими хозяев типографии в бегство и

выпудившими их прибегнуть к защите армянских главарей.

Боже сохрани, если кто-нибудь сделает отсюда вывод: будто во всех случаях армяне были стороной нападающей, а азербайджанцы — стороной, обороняющейся от армян.

Надо признать, что эти строки относятся к истории и то, о чем здесь рассказывается, тоже есть достойная история. И все, что здесь написано, может дать в будущем ценный материал историкам, поэтому не беда, если и я выскажу свое скромное мнение по одному крайнему важному вопросу.

Спрашивается, который из этих двух народов был зачинщиком вражды, а который только защищался? Который был злодеем, а который жертвой? В свое время мы и на собраниях и в печати давали ответ на эти вопросы.

Мы нашли нужным высказать нашу точку зрения на тот главнейший и важнейший вопрос также и в первом номере журнала «Молла-Насреддин». Кто помнит содержание нашего журнала или сохранил на память его первый номер, тот знает, что на одной из страниц первого номера журнала за шестое апреля 1906 года, когда армяно-мусульманские столкновения достигли наивысшего ожесточения, мы поместили такую карикатуру: крестьянин-мусульманин предлагает русскому солдату свою корову и просит у него взамен его винтовку; тут же крестьянин-армянин предлагает такому же солдату пачку ассигнаций за его винтовку. Эта карикатура показывала, что оба народа были совершенно одинаковыми участниками в армяно-мусульманской резне.

Как в то время, так и после, исследуя на протяжении многих лет условия возникновения и развития вражды между двумя соседними народами и их кровопролитных столкновений, мы неизменно приходили к выводу, что если тут имеется чья-нибудь вина, то вина эта ложится в равной степени и на один, и на другой народы. И если один из них совершенно неповинен и явился жертвой, то и второй из них также не виновен и тоже явился жертвой.

Тогда как же получилось, что два соседа, жившие в прошлом на протяжении веков в братстве, вдруг, ни с

того, ни с сего, превратились в хищных зверей и набросились друг на друга?

Всякий, кто был знаком с состоянием и политикой ослабленного неудачной русско-японской войной царизма, не мог не видеть, что армяно-мусульманская резня во всех отношениях отвечает интересам петербургской политики: если эти сильные народы Кавказа будут отвлечены сугубо своими бедами, то им будет не до политики царского правительства.

Впоследствии, изучая историю армяно-мусульманской распри и разбираясь после свержения Николая в государственных архивах, секретных фондах, лодки нашли документы, неопровержимо доказавшие виновность царского правительства, которое натравливало армян на мусульман и мусульман на армян.

Вот почему, как ни старались сознательные, передовые, человеколюбивые правители этих двух соседней предостеречь вражду между ними, однако благодаря усердию тайных поджигателей и провокаторов, эта проклятая вражда тянулась долгие годы и причинила тысячам трудящихся немовременные страдания.

В течение 1905 года мы заняты были лишь исполнением частных заказов в типографии и некоторое время выпускали и распространяли телеграммы.

Времена становились все тревожнее. С одной стороны, армяно-мусульманская резня вынуждала нас вмешиваться в общественные дела и добиваться прекращения столкновений между двумя нациями. С другой же стороны, угнетенные нации, воспользовавшись ослаблением русского правительства после войны с Японией, начали поднимать голову и предъявлять правительству свои требования.

Некоторое время мы не имели надежды на издание газеты. Памятуя о тюркских газетах, которые после мучительной борьбы кончали свое существование, мы не питали надежд на лучшую судьбу. Мы знали, что еще живы ненавидящие азербайджанскую печать цензоры типа Караханова и Кишмишева. И пока они живы и пребывают в цензорах, мы не сможем писать, если даже добьемся разрешения. Последнее тоже было делом весьма трудным. Мы знали о том, что такой муж вска, как Гаджи-Зейналабдин*, вынужден был послать в Петербург к самому царю специального человека, что-

бы получить разрешение на газету «Гейт». Мы знали и то, что, даже получив разрешение, мы вынуждены будем либо заискивать перед духовенством, как это делала газета «Шарки-Рус», чтобы приходские моллы подписывались на нашу газету, либо же с первого номера начать петь дифирамбы господину наместнику, как это делал издатель газеты «Мезхер» Кямал-эфенди, чтобы добиться расположения властей.

Как раз на это мы и не были способны. Поэтому, временно ограничивая нашу деятельность печатанием телеграмм, уповали на благоприятный момент в будущем.

А момента пришлось ждать недолго. День за днем народы роптали и требовали у правительства все новых и новых свобод. А правительство уступать не хотело, но и стоять на своем не могло. Тут и начались по всей России всеобщие рабочие забастовки. Прекратилось сообщение, прервалась связь, и Октябрьским манифестом русское правительство предоставило населению все свободы. Этот манифест внес некоторое успокоение в общество.

Общезвестно, что в это самое время азербайджанцы не имели, или почти не имели своей печати. Многие литераторы как у нас, так и у других соседних народов, жаждавшие, подобно нам, возможности громко заговорить о своих насущных нуждах, начали обращаться к органам власти за разрешением на издание газет. Из азербайджанцев с такими ходатайствами обратились к властям Ахмед-бек Агаев из Баку, Мамед-бек Векилов и Рашид-бек Исмаилов из Тифлиса. Еще с таким ходатайством выступил один духинец по фамилии, кажется, Мустафаев. Из Батума просил разрешения Мамед-бек Санджа-бек-заде, а из Тифлиса я.

Однако трехсотлетняя романовская деспотия была еще крепка, как сталь. Настолько крепка, что даже в те бурные дни, когда заколебалась почва под ногами, она долго думала-гадала — дать или не дать разрешение и в конце концов решила не давать. Правда, Алибеку Гусейн-заде и Ахмеду-беку Агаеву было дано разрешение на издание в Баку газеты «Гейт», но на мое ходатайство и на ходатайства перечисленных мною просителей никакого ответа от властей так и не последовало.

Газету, на издание которой я просил разрешение в 1905 году, я задумал назвать «Новруз», то есть «Новый день». Я надеялся на то, что поскольку народу даны свободы и наступает новая эра, быть может, и на нашу долю выпадет действительно новый день. Быть может, у правительства заговорит совесть; и оно пожалует нам право на издание этой газеты и приблизит наступление нашего «Нового дня».

Хочу добавить, что, обращаясь к правительству за разрешением на издание газеты, я очень мало надеялся на получение этого разрешения; так оно и вышло*.

Правда, газета «Гейт» начала выходить в Баку с лета 1905 года, но разрешение на ее издание было получено не у кавказских властей, а в Петербурге. Узнав тогда о назначении Воронцова-Дашкова на пост царского наместника на Кавказе, Гаджи-Зейналабдин послал прямо в Петербург к Воронцову-Дашкову специального человека с ходатайством. Тогда-то, насколько я помню, еще до прибытия на место назначения в Тифлис наместник Воронцов-Дашков выдал разрешение на газету «Гейт».

Собственно говоря, когда я прочитал первые номера газеты «Гейт», то, насколько помню, не очень пожалел о том, что другие имеют такую газету, а я не имею. Я признаю тут редакторов газеты Али-бека и Ахмед-бека журналистами очень способными, но все-таки газета их вовсе не пришлась мне по душе, потому что уже в первом номере в передовой статье почтенные литераторы чересчур восхваляли ислам и мусульманство, и я не ошибусь, если скажу, что, следуя в этом самым обыкновенным религиозным проповедникам и пропагандистам ислама, они призывали братьев-мусульман крепко стоять на почве ислама.

Я не знаю, что время то было периодом национального возрождения, и литераторы и журналисты того времени были в какой-то мере правы, твердя «нация, нация!» (хотя они могли, конечно умерить свой пыл). Но тогдашние проповеди газеты «Гейт» опять-таки не могли, конечно, прийти по вкусу безбожнику, который считал ислам единственным виновником того, что мусульманские народы в течение многих веков не могли избавиться от страданий и невежества. Не могли прийти по вкусу потому, что я никак не мог понять, что вынуждало поч-

тенных литераторов проводить в газете такую линию. Если же ничто их не вынуждало и они сами преследовали цель расположить таким образом к себе невежественные массы, то я и в этом случае не мог найти оправдания редакторам газеты. Я даже считал, что в этом отношении газета «Гейт» ничем не отличалась от газеты «Шаркы-Рус», которая считала возможным ради увеличения тиража входить в сделку с духовенством.

Ах, как жаждал я получить права и высказать публично горе души моей!

Взял я перо, написал ходатайство и подал губернатору, чтобы мне было разрешено издавать газету «Новруз». Я не знал, будет ли дано такое разрешение, или не будет. А горя на сердце накипело много.

Мир ислама, с которым я сталкивался в Тифлисе на Шайтан-базаре¹, вынуждал меня писать ежедневно, ежедневно. Материала было так много, что, как говорят поэты:

Я, горе свое изливая,
Бумагу извел всю, и мне
Осталось одно лишь: поведать
Печали свои на стене*.

Наконец, я взял да и написал рассказ.

Рассказ о злосчастном труженике мусульманине по имени Уста-Зейнал, который из-за страшного своего невежества переживает неисчислимые бедствия. Я видел, как моллы внушали этому несчастному Уста-Зейналу: что существуют на свете чистые и нечистые. К чистым относятся те, кто верен шариату, кто убежденный шиит, даже если он шив и весь в гнидах. А нечистым считается тот, кто, будь он в данную минуту и чист и опрятен, и даже выкупался только что в бане, но является иноверцем — армянином, русским или грузином; такие люди — нечистые.

Не найдя бумаги, я использовал страницы-стены, чтобы описать печальный удел Уста-Зейнала. И написал летом 1905 года рассказ «Уста-Зейнал».

Я писать хотел! Очень хотел писать! Но не знал, зачем писать и для кого писать. Потому что я не был уверен, что власти дадут возможность напечатать, обнародовать написанное мною. Я видел, что если невозможно

получить разрешение на издание газеты, то и на издание рукописи в виде книжки цензура разрешения не даст. Что же делать? И я писал, решив ждать, когда все это можно опубликовать.

Кто же были цензоры? Самое большое несчастье наше заключалось в том, что, с одной стороны, врагами нашей тогдашней печати были законы и циркуляры, с другой стороны, существовали цензоры вроде Кишмишевых.

Те самые двое цензоров из цензурского комитета, о которых уже упоминалось, одно время повели в издававшейся в Тифлисе на русском языке газете «Тифлисский листок» усиленную кампанию против азербайджанской прессы. Газету эту издавал армянин по фамилии Хачатуров. Хотя издавалась эта газета на русском языке, но преследовала только две цели: первая — набить мошну издателя, и вторая — защищать интересы армянских националистов.

Если говорить по справедливости, издатель газеты всей душой добивался достижения обеих целей. Газета была ежедневной и считалась по распространенности второй после официальной газеты «Кавказ». В самом городе она имела широкое распространение; последние две полосы ее занимала большие и маленькие рекламные объявления. Эти объявления принесли издателю такие доходы, что тот приобрел в самом центре Тифлиса большой дом, куда перевел типографию, редакцию и контору газеты; там же он отвел себе квартиру.

Успев, таким образом, в достижении первой своей цели, издатель газеты продолжал радеть о благе нации и, когда начались армяно-мусульманские столкновения, усердно подливал масла в огонь.

Упомянутые выше цензоры Кишмишев и Караханов постоянно выступали на страницах «Тифлисского листка» против азербайджанской печати. Они пользовались каждым случаем, чтобы напомнить русскому правительству о том, что все азербайджанские литераторы и журналисты «панисламисты», что они добиваются объединения всех народов Кавказа под знаменем ислама и мечтают о том, чтобы это знамя единения ислама находилось в руках турецкого султана, ради чего, мол, и стараются.

В результате печатавшихся в газете «Тифлисский листок» статей, подобных журналистов и рвеня других

деятели, выступавших на их стороне. газета «Гейт» в Баку была в конце концов закрыта правительством.

Между тем по мере ослабления царской власти, не дремали народы, жаждущие свободы, и силы, стремившиеся к ниспровержению правительства. Эти силы приходили в движение и готовились к вооруженному восстанию. Все чаще происходили всеобщие стачки и забастовки рабочих и покушения на жизнь правительственных чиновников. Положение настолько обострилось, что петербургское правительство вынуждено было выступить с известным «Манифестом от 17 октября».

Хотя манифест этот давал российским поданным различные свободы, но этим пустым обещаниям народ не очень-то верил. И на самом деле, с течением времени манифест постепенно был сведен на нет, и деспотия вновь стала бесчинствовать.

И тем не менее на какой-то срок в мире печати появился некоторый простор для действия. Я вспоминаю, что в течение 1906 года начали писать и публиковать все, что бог на душу положит. Вспоминаю также, свобода печати зашла так далеко, что однажды на улице я увидел мальчиков — продавцов газет, которые с выкриками «кукареку», продавали какой-то иллюстрированный журнал. Издавался он на русском языке. Назывался «Кукареку». В номере, который попался мне в тот день, был нарисован петух. Петух был изображен с головой самодержца Николая. Шея и туловище у него были петушиные. Сейчас я не помню уже деталей рисунка. Но этот номер журнала стал для меня очень памятным.

Боже ты мой, что это? Сон или явь? Оказывается, можно смеяться над падишахом, можно изображать его петухом и выставлять на всеобщее посмешище..

Схватив журнал, я поспешил к моему другу Фанку.

— И ты еще сидишь сложа руки? Разве время сидеть спокойно? Разве можно молчать? Как можно упустить удобный случай? Тут рисуют карикатуры на бога эпохи, изображают его в виде петуха, а ведь нам не давали до сих пор не только рисовать падишаха, но даже произносить его имя без восхвалений и молитв во здравие. Нынче издеваются над самим падишахом, а нам не позволяли до сих пор критиковать проделки какого-нибудь дервиша, плутни какого-нибудь марсияхана; не давали говорить о насилии, которые творили над нами тысячи

разных самодуров; не позволяли вскрывать зло миллионно-вреднейших гадюк, разлагающих мусульманские народы, открыть людям глаза! Но ты взгляни, друг мой Фанк! Взгляни, какое выкинули с властителем века!

Однако мне не было дела до Николая-падишаха, избраженного в журнале «Кукареку». Карикатура эта заинтересовала меня только как свидетельство свободы печати в виде петуха падишаха, чей род на протяжении нескольких веков безраздельно распоряжался жизнью и смертью населения, то зачем стоять, почему медлить, для чего упускать случай?

Оставим Николая-падишаха; как же нам быть с нашими собственными повелителями, почему бы не справиться о самочувствии наших собственных падишахов? Почему нам не позаботиться о наших собственных самодержцах? Разве же нет у нас своих Николаев? Разве сгинули все Мамедали-шахи* Востока? Разве Мамедали одинок? Разве отстают от Николая все эти бесчисленные принцы, ханы и султаны, сановные и чиновные? Далее, что нам делать с чалмоносными насекомыми? До каких пор они будут обманывать несчастные мусульманские народы обещаниями рая и райских источников, высасывать у них кровь? До каких пор они будут занимать невежественный народ проповедями в мечетях и сказками об имамах, отвлекать его от просвещения?

Мы не имели в виду особенно много заниматься Николаем-падишахом еще потому, что видели значительно более сильных по сравнению с нами наших северных братьев по перу христиан, которые нацелили свои отточенные перья против русского царя и русской деспотии.

Против нас возвышалась горой другая деспотия — деспотия религиозного фанатизма, безудержный разгул шахов и султанов в иранской части нашей родины, разнузданное самодурство муджтехидов и шейх-уль-исламов и бекский произвол всяких лис, окопавшихся в глухих ущельях*.

Тьма-тьмущая подобных паразитов, на которых не было управы, пользуясь тем, что народ был глух и слеп, кесел в невежестве, безнаказанно творили свое черное дело...

С Николаем было проще! Это падишах, которого можно уподобить петуху, можно даже вовсе спихнуть с трона. С шахами и султанами тоже справиться легко; их

тоже можно свергнуть. Но как быть с другими шахами и султанами, которые носят чалму на голове, с блюстителями шарната, святыми отцами?

Убедить религиозный народ в том, что можно управлять страной и без шаха и султана, через соответствующие общественные органы, дело еще возможное. Но что сказать невежественному народу об охранителях шарната и святых отцах? И как убедить темного правоверного, что они не только не нужны, но и вредны?

Постой, постой, что ты говоришь, о ком говоришь? Слова твои кровью пахнут! Ты о ком это говоришь? О моллах? Об ахундах? Тысячу лет никто не поспел и пальцем их коснуться. Даже николаев, бывало, задевали, а об этих святых отцах и заикнуться не смели.

Я не говорю даже о том времени, когда газета «Шаркы-Рус» считала нужным угрожать моллам и ахундам. Но и после октября 1905 года азербайджанские газеты не смогли освободиться от влияния духовенства и в угоду пастырям и пастве выдавали себя часто за ревнителей веры.

Бакинская газета «Гейт» в своих передовицах объявляла османского халифа верховным главой всех мусульман, лебезила перед служителями шарната, льстиво свидетельствуя их «святейшестью».

Даже после того, когда октябрьским манифестом были объявлены народу все свободы, газета «Гейт» печатала статью Молла-Абутураба Ахунд-оглы под названием «Какие науки нужны нам». В этой статье их редактор так автор писал:

«Наши читатели полагают, что европейские народы достигли высот науки и культуры, я же заявляю, что народы Европы находятся в состоянии полного одиночества, поскольку не подчиняются божеским законам... Знанием естественных законов нельзя стать человеком, людей делает людьми знание божеских законов».

Допустим, что на эти высказывания редактор газеты «Гейт» дал тогда исчерпывающий по тому времени ответ. Но дело в том, что в условиях господства невежества и религиозного фанатизма страницы газеты с непонятной готовностью представлялись всевозможным абутурабам, которые уже не довольствовались мечетями и минаретами.

Еще раз повторяю, что в дни, когда фанфары затру-

били об октябрьских свободах и стали изображать Николая в журнале в виде петуха, мои мысли, занимали не столько султаны и падишахи, сколько духовенство, потому что я был убежден: покуда среди мусульманских народов крепка власть религии, покуда охранители шарната обещаниями райских благ усыпляют народ, покуда невежественная мусульманская паства чахнет в болоте религиозных предрассудков, она будет не в силах различать добро и зло, знать цену свободе. А пока люди не поймут этого, не сумеют воспользоваться своими правами и свободами.

В самом деле, и тогда, и в наши дни, когда вспоминаешь о тьме, в которую был погружен Восток, не можешь не развести в удивлении руками и начинаешь по-неволле смеяться. Действительно, как удержаться от смеха, когда некий хан возвращается с полдороги из-за того, что у какой-то деревенской бабы, развешивающей белье на крыше своей избы, вдруг зашипало в носу, и она чихнула? Разве не смешон больной, лежавший в постели и совершающий намаз, закатывая глаза и беззвучно шевеля губами?

И разве не было естественным появлением «Молла-Насреддина», чтобы в такое вызывающее смех время написать историю, изобразить обычаи и нравы этих диковинных людей?

«Молла-Насреддина» создала сама природа, создало само время.

Первый номер «Молла-Насреддина»

И когда представился случай, когда революционные партии повели наступление на ослабленное войной николаевское правительство, тогда и мы воспользовались моментом и стали искать средства для выражения мучивших нас мыслей.

Однако борьбу против царского правительства мы временно оставили на втором плане. Нашим первым делом, первой нашей задачей было подумать о мусульманских народах, которые были погружены на наших глазах в глубокий сон. И первой нашей просьбой к нашему дорогому и незаурядному художнику Шмерлингу было —

изобразить своей меткой кистью глубокий сон злочестных народов нашего Востока.

И на первой странице первого номера журнала «Молла-Насреддин», вышедшего в свет седьмого апреля 1906 года, появилось изображение погруженных в сладкий сон правоверных мусульман, выполненное мастерской кистью нашего бесценного художника Шмерлинга.

Эти спящие люди представляют несчастный наш народ. Это — мусульмане, несчастные при жизни, но обещанные райским блаженством.

Эти счастливые рабы аллаха крепко спят. Пусть себе Николай, потерпевший военное поражение, растерявшийся перед надвигающейся революцией, объявляет о временном предоставлении народу свободы, но счастливые мусульмане спят. Пусть Николай-падишах под всевозможными предлогами пытается отобрать эти свободы, будущие обитатели рая все равно спят.

Грохот бомб, которые мечут грузины в представителей власти, кажется, изредка беспокоит спящих. Но они все-таки спят. Потому что сон очень сладок.

Какие приятные сны видят эти спящие счастливицы! Вот отворяются врата рая, видно, как хозяева рая — пророки и имамы — наслаждаются там полным счастьем; заметив издали своих верных последователей, они приглашают их к себе. Тут налицо всевозможные блага. Блага, о которых было сказано раньше в коране, а затем в писаниях муджтехидов и богословов.

Ах, какой рай! Под сенью пышных садов текут прозрачные реки! Эти блага в раю вековечны, и никогда не будет им конца.

Но здесь не все спят: есть и такие, что потягиваются, есть и такие, кто протирает глаза.

При виде такого зрелища «Молла-Насреддин» в своей передовице обращается к этим самым полусонным, полупроснувшимся братьям-мусульманам и говорит:

«С думой о вас я пришел к вам, о мои братья-мусульмане!»

Молла-Насреддин хорошо знает, что братья-мусульмане не очень-то уж большие охотники до чтения газет и журналов. Молла-Насреддин хорошо знает, что его братья-мусульмане останутся равнодушными к журналу дяди Молла-Насреддина точно так же, как равнодушны они к чтению других журналов и газет. Эти самые бла-

гочестивые братья-мусульмане не станут читать газеты и предпочтут пойти к гадалщикам погадать, стравливать собак, слушать сказки дервиша, спать в бане и заниматься всякими подобными делами. Хотя Молла-Насреддин и знает, что его братья-мусульмане избегают чтения газет, тем не менее он обращается к своим набожным братьям и говорит им:

— Я к вам явился, а не к кому-либо другому.

То есть я пришел не к тем, кто жаден до газет и журналов, не к друзьям просвещения, не к образованным и культурным братьям-мусульманам я пришел, не к тем, кто считает гадание пустым занятием.

Как же иначе! Если бы не было на свете людей, бегущих к гадалщикам или слушающих дервишей, если бы не было на свете людей, предпочитающих чтение газет стравливание собак, если бы эта земля была населена одними людьми просвещения и культуры, тогда не было бы и нужды в «Молла-Насреддине», ибо мудрецом сказано: слово свое обрати к тем, кто не слушает тебя.

Эти несколько слов были написаны в передовой статье первого номера.

В те дни, начиная с первого номера, журнал «Молла-Насреддин» с такой силой обрушился на всякие предрассудки ислама, что каждый, кто называл себя истым мусульманином, затыкал пальцами уши, чтобы не слышать слов этого вероотступника, бежал без оглядки от «Моллы».

Так на самом деле и было. Увидевши первый номер «Молла-Насреддина», благочестивые братья-мусульмане шарахнулись от «безбожного» журнала. Дошло до того, что через год-другой тираж журнала пошел на снижение. Каким успехом мог пользоваться среди широких масс и слоев населения журнал, который вступил в борьбу против религиозных предрассудков, стал-мишенью для проклятий влиятельных муджтехидов-священных городов, а с другой стороны, возбудил ненависть беков и ханов, пользовавшихся тогда большим авторитетом, журнал, который, кроме всего этого, объявил себя врагом всех дервишей, сендов, гаджи и мешади, заполнявших улицы и базары?

Объясняется все это тем, что, с одной стороны, тру-лящися» массы, темные и невежественные, проводили

жизнь в тяжелой работе и лишениях и были очень далеки от просвещения, от газет и журналов, а с другой, все остальное население, за исключением этих трудящихся, которые не пользовались тогда никаким влиянием, состояло из благочестивых шинтов, да еще из беков, ханов и их приспешников.

И все-таки, те, кто бежал, зажавши уши, останавливались на расстоянии и оттуда иной раз поглядывали на наш журнал; а прочитав то, что там было написано, и увидев нарисованные там картинки, принимались громко хохотать. Хотя после этого они начинали проклинать и изливать свою ненависть, но затем снова принимались хохотать.

Почему они смеялись и над кем смеялись? Об этом было написано в той же переводнице:

«О мои братья-мусульмане! Если вы услышите от меня нечто смешное и начнете смеяться, тогда не воображайте, что смеетесь над Молла-Насреддином. Если захотите узнать, над кем смеетесь, поставьте перед собой зеркало, и всмотритесь в свое изображение».

Вопрос о языке в нашем журнале

Как известно нашим читателям, мы начали писать в журнале «Молла-Насреддин» на простом народном языке, на языке материнском. Мы потому называем этот язык материнским, что, когда при письме нам приходилось заговорить о матери, мы так и писали «мать», другие наши литераторы и тогда, и теперь вместо слова «мать» пишут по-персидски «мадэр», так же, как и вместо слова «отец», пишут по-персидски «падэр».

Те, кто пишет вместо «мать» — «мадэр» и вместо «отец» — «падэр», соответственно заменяют без всякой нужды и другие азербайджанские слова персидскими или арабскими словами. Так, например, вместо слова «внук» они написали и пишут «хафид» и «эффад»; выбросив слово «родители», заменяли и заменяют его словом «валидейн»; даже хлеб, который мы едим каждый день, они называли по-персидски словом «нан».

Не ограничиваясь заменой слов, они отбрасывали и отбрасывают теперь грамматические формы тюркского языка и заменяли и заменяют формами персидского и

арабского языков. Такие слова, как «мадэр», «падэр» и «нан» — пустяки. Иной раз употребляли (как и ныне употребляют) такие замысловатые витиеватые словеса из арабского и персидского языков, что недостаточно владеющие этими языками не могли их понять. И это-то искусственно созданный ими засоренный язык они называли «литературным языком», а понятный, народный язык — языком чабанов.

Известно, что склонность к такому усложненному вычурному языку мы переняли у Турции: хорошо знакомые с историей османской литературы знают и то, что с древних времен турецкая литература по языку была настолько близка к арабской, что исключи из нее некоторые специфические турецкие слова и приставки вроде «иштэ», «шу», «дыр», «лар», и нельзя будет отличить ее язык от арабского. Самые известные и даровитые турецкие поэты писали сложным и малопонятным, вычурным слогом, и это известно всем и каждому.

Под таким туманным и насыщенным языком мы разумею тот, в котором о слова и словосочетания преимущественно арабские. К тому же не та лексика, которая более или менее нам известна из корана или из арабских книг, а та, что ее даже в арабских словарях не всегда откопашешь...

С языком в «Молла-Насреддине» дело обстоит совсем иначе.

«Молла-Насреддин» стал выходить в Тифлисе с 1906 года. Тифлис — центральный город Кавказа и столица кавказского наместничества. Этот город может считаться также центром кавказских тюрков. Так оно и есть на самом деле. От Тифлиса недалеко до Нахичевани и Ордубада; расположен он между Владикавказом, Баку и Батумом. Дорога идет отсюда до Джульфы, и через реку Аракс ведет прямо в город Тебриз, центр и столицу Иранского Азербайджана. Из Баку, переправившись через Каспийское море за день, можно съездить с Ашхабадом, Мервом и другими городами Туркестана. Дагестан находится также поблизости. Из Тифлиса через Баку двенадцатичасовая дорога по морю привезет нас в иранскую провинцию Гилян.

Все перечисленные здесь края и города населены тюрками, которые говорят на одном с нами тюркском языке. И все они прекрасно поняли то, что было напи-

сано нами на простом народном языке в «Молла-Насреддине» седьмого апреля 1906 года; настолько легко они поняли нас, что искать какой-либо другой язык не было никакой нужды. Как сказано отцами: «Пока умный раздумывал, верблюд взял да и перешел Куру».

И пока наши лингвисты были заняты поисками литературного, научного, академического языка, «Молла-Насреддин» своим простым, понятным тюркским языком перешел не только Куру и Аракс, но перешагнул даже через Каспийское и Черное море, дошел до Турции, Туркестана и Гиляна; перелетев через Кавказские горы, он пришел во Владикавказ, Крым и другие тюркские края.

Доказательством сказанному служит то, что с распространением первого номера нашего журнала по тюркскому миру, за одну только неделю посыпались написанные на том же понятном и простом языке «Молла-Насреддина» бесчисленные ответы на поставленные нами вопросы. Эти ответы служили подтверждением одной единственной истины, что языком «Молла-Насреддина» должен быть именно тот простой и понятный язык, который и был нами избран.

Это тот самый язык, на котором «Молла-Насреддин» говорит вот уже целых двадцать три года. И опыт этих двадцати трех лет убедил нас в том, что если наш журнал так легко нашел широкое распространение во всех тюркских краях и донес до них наше слово, этим мы обязаны только простому языку журнала. Вот почему мы крепко стоим на своем, стоим без колебаний и сомнений.

Как знать, может быть, польза простого языка журнала, принесенная нашему народу, гораздо больше, чем мы предполагаем. Не следует забывать, что в целом во всем мире ислама и в целом среди кавказских мусульман, в частности, из-за трудности арабского алфавита и по некоторым другим причинам грамотность была весьма низкая. И каждый раб божий, взявши перо, не знал, на каком языке и на каком наречии писать, и как соблюсти правила грамматики, и какой звук каким изобразить знаком. Поэтому-то до сих пор можно перечесть по пальцам наших смельчаков, которые решились взять перо в руки.

Журнал «Молла-Насреддин» послужил примером и застрельщиком для всех «робких», которые не реша-

лись взять перо в руки, показал им выход из положения.

Ого! Оказывается, и так можно писать! Это же легче легкого! Так и я могу писать!

И начинали писать. И получалось!

Ежедневно в редакцию «Молла-Насреддина» приходило с разных сторон и из разных городов пятьдесят-шестьдесят писем. Их авторами были те самые бедняги, что после долгих лет учения все же не считали себя овладевшими грамотой.

Разумеется, язык, на котором мы писали в «Молла-Насреддине», мы отнюдь не рекомендуем как литературный язык всех тюркских народов; это нам и не нужно. Нашей целью было донести нашу мысль в данный момент на понятном языке до азербайджанцев. И, как мне кажется, цель эту мы достигали.

В то время вопрос о литературном языке для тюркских масс не мог занимать нас. Каждый ставит перед собой определенную цель, и нашей целью не было создание литературного языка. Мы добивались лишь того, чтобы высказать наше горе народу на языке, который сегодня ему понятен. И высказали. И стали получать отклики от многочисленных наших корреспондентов, что и служит доказательством нашей правоты.

Мы не постыдились

Наша неслыханная дерзость в области словесности заключалась в том, что мы не постыдились писать на понятном родном языке.

В передовице первого номера нашего журнала мы писали, что писать на простом языке, на понятном тюркском языке стыдно, потому что это свидетельствует о недостаточной грамотности пишущего.

Наша смелость именно в том и заключалась, что мы взяли на душу грех. Мы видели, что каждый, взявший перо в руки, стыдился написать слово «ана» и вместо этого слова пишет «мадэр». Но мы не постыдились написать «ана»; потому что мы не знали, почему надо стыдиться писать это слово.

Короче говоря, в своих статьях мы боялись нарушить первейший закон всякого сочинительства: мы боялись того, что тюркским читателям трудно будет понять нас.

Мы добивались того, чтобы каждый легко и быстро мог понять написанное нами. И кажется, мы этого добились.

Скажем еще несколько слов о языке и перейдем к другим вопросам.

Выходит так, что и на таком легком языке «Молла-Насреддин» тоже надо уметь писать. Эти слова я услышал впервые из уст достопочтенного нашего литератора Али-бека Гусейн-заде.

Уезжая в последний раз из Баку в Турцию, Али-бек прибыл в Тифлис, чтобы отсюда отправиться в Батум. В Тифлисе он пожаловал и к нам в редакцию. После обычных приветствий разговор зашел о языке.

— Хорошо пишете, — сказал он мне.

Я ответил, что слова столь маститого литератора не могу отнести к числу необязательных.

Али-бек повторил свои слова и по обыкновению, опустив голову, пробормотал как бы про себя:

— Писать ясно тоже надо уметь!

После этого предисловия о языке в первом номере журнала перейдем к следующим вопросам.

Гадание

Тот век, когда мы жили, был веком гадания. Наши благочестивые братья ни за какое дело не принимались без гадания. Для того чтобы высмеять этот обычай, мы обратились к своим читателям с советом: прежде чем стать подписчиком нашего журнала, обязательно надо погадать.

Слов нет, это наше обращение не могло понравиться нашим набожным братьям, ибо общеизвестно, что гадание обычно совершают духовные лица на коране.

Тут я считаю нужным сделать небольшое отступление.

Появление «Молла-Насреддина» в Тифлисе дало служителям ислама повод взяться за дубинку анафемы; но же самое произошло в 1920 году в Тебризе, когда в первом номере вышедшего там журнала высмеивалось это злополучное гадание.

В фельетоне о тебризских публичных домах мы писали:

«В прошлые годы в мусульманском районе города Тифлиса находились публичные дома. Мусульманское население погадало насчет удаления этих публичных домов из их района. Первое гадание принесло отрицательный ответ, и население решило не настаивать на перенесении публичных домов. Через некоторое время гадание было повторено, и ответ получился положительный. Тогда население решило обратиться к властям с ходатайством о том, чтобы публичные дома были удалены из их района. И обратились, и публичные дома были удалены...»

Как только первый номер нашего журнала распространился по городу Тебризу, поднялся переполох, закрылись лавки, опустели базары, и люди собрались в мечети.

О горе, спасайте шарият! «Молла-Насреддин» смеется над гаданием!

И я не знаю, чем бы кончилась эта история, если бы не выступил почтенный богослов Сигат-уль-ислам и не разъяснил невежественным людям, что здесь Молла-Насреддин задался целью не над гаданием смеяться, а показать вред публичных домов. Упомянутый здесь Сигат-уль-ислам приходится родным братом тому самому Сигат-уль-исламу, который был вместе с несколькими другими поборниками свободы казнен русскими властями в Тебризе при правлении недоброй памяти Шуджауд-Довле*.

Вторым нашим советом читателям был следующий: письма в редакцию писать не стальным пером и русскими чернилами, а тебризской тушью. Смысл этого совета заключался в том, что в то время большинство набожных людей считало русские чернила погаными и писало тростниковым пером, макая его в черную тушь, которую доставляли из Тебриза, причем писали на подставленном колене, пыхтя от натуги.

Третий совет касался вопроса: что считать чистым: и что нечистым, поганым. У нас было написано:

«К деньгам, присылаемым в нашу редакцию в счет подписки, не должны прикасаться руки почтовых чиновников; ибо руки этих служащих могут оказаться потными или мокрыми и в этом случае редакция вынуждена будет подвергнуть эти деньги очищению, а это доставит ей лишние хлопоты».

В настоящее время разговоры о «чистом» и «нечистом» в значительной степени кажутся устаревшими. Пройдет еще некоторое время, и строки из первого номера «Молла-Насреддина» о чистом и нечистом покажутся беспочвенной выдумкой. А между тем все это сущая правда. Да не только в те дни, может быть, даже и теперь находятся такие ретивые братья-мусульмане, которые считают мокрую руку армянина или русского нечистой, а мокрую руку мусульманина чистой, русское и грузинское масло или сыр — нечистыми, а сыр и масло мусульманина — чистым. Это может показаться странным, но это так.

Четвертый пункт наших советов снова касался вопроса о языке. Мы писали и советовали, чтобы в присылаемых в редакцию письмах не было ни одного тюркского слова, потому что писать по-тюркисты стыдно и свидетельствует о необразованности пишущего.

Проблема языка для наших дней не нова, но в то время никто не поднимал этого вопроса. Каждый писал так, как ему вздумается. Но мы наблюдали такое явление, что наши литераторы в большинстве старались писать нарочито сложным языком. Очень может быть, они избегали писать на простом и понятном языке потому, что на этом языке писали обычно малограмотные.

Ясное дело, что беря в руки перо, каждый старался использовать в своем писании по возможности больше слов и оборотов из арабского и персидского языков, которые он изучал в свое время, при этом не считаясь с тем, насколько это будет понятно читателю. Хотя такие авторы не были признанными мастерами и настоящими писателями, но выглядели в глазах невежественных людей подлинными учеными. Действительно, бывали случаи, когда какой-нибудь недостаточно грамотный человек, читая написанное таким смешанным и непонятным языком письмо и ничего в нем не понимая, все-таки принимался хвалить автора, считая его «ученым» человеком.

Часть, может быть, и незначительную часть таких авторов составляли моллы, изучившие персидский и арабский языки. Но страдало этой болезнью также большинство тюркской молодежи, которая получила восточное, арабское образование. Известные в то время наши литераторы в Баку и Тифлисе избегали писать на простом и понятном языке.

О проблеме языка мы писали и раньше немало: с другой стороны, эта проблема сейчас встала с такой остротой, что о ней еще долго придется писать и говорить. Поэтому мы считаем сказанное пока достаточным и переходим к другим вопросам.

Последним пунктом в наших советах был затронут довольно важный вопрос. В нем было написано:

«Не подписывайтесь на наш журнал в перечисленные ниже дни, которые считаются злополучными. И если кто-нибудь предпримет в один из этих дней какое-нибудь дело, того непременно постигнет неудача».

Какие же это дни?

Таких «злополучных» дней много. Потерпев неудачу в каком-нибудь деле или начинании, невежественный, темный фанатик мусульманин приписывал неудачу тому дню, когда было предпринято дело, и объявлял этот день «злополучным». Так и отмечал в календаре. С течением времени появилось столько «злополучных» дней, что в каждом месяце их оказалось чуть ли не больше тридцати.

Делению дней на «злополучные» и «благополучные», на «несчастливые» и «счастливые» немало страниц посвящено во всех книгах по шариаду и писаниях муджихов. Этого рода литература вместе с месяцесловом Гаджи-Наджм-уд-Довле оказали настолько сильное влияние на умы благочестивых рабов аллаха, что, предпринимая какое-нибудь дело или собираясь куда-нибудь ехать, они считали обязательным справиться в календаре или обращаться к ахундам с просьбой погадать.

С этим гаданием связано столько уморительных происшествий и необыкновенных случаев из жизни благочестивых рабов аллаха, что небольшая часть могла бы послужить великолепным материалом для нескольких номеров таких сатирических журналов, как «Молла-Насреддин». И в самом деле, многие журналы типа «Молла-Насреддин» могли бы черпать материал из жизни и быта этих смешных подданных аллаха.

И что нам за дело до всевозможных казусов, связанных в жизни моих сородичей с «благоприятными» и «злополучными» днями, если подобные безобразные приключения то и дело случались с каждым из нас.

Тут я хочу извиниться перед читателями и рассказать об одном случае, который произошел со мной...

В августе месяца 1888 года решением попечителя

Кавказского учебного округа я, двенадцатилетний молодой человек, был назначен учителем начального училища в селении Улукханлу Эриванского уезда. В это время я жил в родном городе Нахичевани. За три месяца до того я окончил Горийскую учительскую семинарию и ожидал назначения.

Легко понять, как обрадовало меня это первое назначение мое на место народного учителя и с каким юношеским пылом я стал готовиться к выезду в Эривань. Как указывалось в распоряжении попечителя, я обязан был через неделю приступить к работе.

Событие это произошло в середине августа месяца, и я за три дня собрал постель, белье и прочие свои вещи и хотел уже пойти договориться с извозчиком и поискать себе спутника.

Надо сказать, что мои чрезвычайно набожные родители без моего ведома успели уже позаботиться о выборе дня моего выезда из дому и по совету и результатам гадания Моллы-Али назначили его на какое-то, уж не помню, число месяца. Но этот день почему-то пришелся не по душе моему дяде, который по образованности и грамотности хотя и не мог равняться с Молла-Али, но по религиозности далеко превосходил его.

Мы, трое пассажиров, уже выдали извозчику Мурсалу по рублю в виде задатка и условившись что в назначенный день он запряжет свой фаэтон и придет за нами, но дядя мой послал к Мурсалу человека предупредить, что выбранный нами день — двадцать девятое августа — неблагоприятен для поездки.

В тот день мы не выехали, и каждый из нас, ездоков, добавил к плате по пятьдесят копеек и назначили новый день для выезда. Этот день пришелся по душе и родителям моим, и нашему соседу Мешади-Мамеду, и даже дядя мой его принял и утвердил.

Но отец одного из компаньонов по поездке посетил Гаджи-Моллу-Таги и прерсил его погадать. Тот не стал гадать и по календарю Гаджи-Наджм-уд-Довле объявил этот день неподходящим для выезда из дома, потому что третий день каждого месяца считается злополучным и предпринимать в этот день какое-либо дело, в том числе и поездку, нежелательно.

Услышав об этом, моя мать молча развязала мафраш с моими вещами и положила их на свои места.

Нам удалось и на этот раз уговорить извозчика отложить поездку еще на два денька, добавив к плате несколько гривенников.

По совету наших соседей и всех умудренных жизненным опытом гадки и мешади снова был избран подходящий день для выезда, и мы сообщили извозчику, что на этот раз решение серьезное и изменений не предвидится.

А между тем время шло, уже наступил сентябрь и плотную подошел срок, указанный в полученном мною предписании.

Накануне дня, назначенного для выезда, отец пришел домой и объявил, что завтра выезжать нельзя, так как луна будет на зодиаке Скорпиона.

Одним словом, и назавтра выезд не состоялся. Но мы узнали, что извозчик забрал трех студентов армян и укатил в Эривань.

Восьмого сентября извозчик Гулам-Гусейн, запрягши лошадей, подъехал к нашему дому. В фаэтоне уже сидел Мешади-Джафар, который ехал по торговым делам в селение Баш-Норашен Шарурского уезда. Братья вынесли мои вещи и погрузили в фаэтон. Я обнялся с матерью на прощание и вышел на улицу. В это время показавшись из своего дома Ахунд-Молла-Тарверди и подошел к нам. Увидя, что мы готовимся к выезду, он выразил крайнее удивление и, обратившись к моему отцу, сказал:

— Братец Мешади-Мамед-Кули, я удивляюсь тебе, что в такой день ты отправляешь ребенка (то есть, меня) в путь. Разве ты не знаешь, что этот день относится к дням «восьми звезд?» Неужели ты че боишься, что в дороге понесут лошади и ребенок попятит под колеса, или им встретятся шарурские злодеи-разбойники?

Тут из-за прикрытых ворот нашего дома я услышал плач матери и пошел к ней. Бедная женщина заливалась слезами.

Хотя я и уехал в этот день, в дороге колесо не сломалось и «шарурские злодеи-разбойники» нам не повстречались, но в Улукханлы я заметил, что смотритель училища мною недоволен. Я не стал рассказывать ему о причине моего опоздания. Смотритель был христианином и человеком просвещенным. Мне не хотелось выста-

вить перед ним на смех кербелаев, мешади, гаджи и молл моей несчастной родины.

Я-то все-таки уехал, хотя и с опозданием, но вспоминают мне многие другие, которые откладывали важную поездку из-за дня, «освященного лучам», или из-за дня «восемьи звезд», или дня, когда луна будет находиться в зодиаке Скорпиона, или назначенный день пришелся на какой-нибудь из «злосчастных» дней месяца, а к ним относятся третий, пятый, тринадцатый, шестнадцатый, двадцать первый, двадцать четвертый и двадцать пятый дни каждого месяца.

Нередки были и такие случаи, когда верующий принимал решение о поездке, но, не найдя благоприятного дня для осуществления своего решения, вынужден был вовсе отказаться от своей затеи.

Подав в первом номере нашего журнала подобные советы нашим подписчикам, мы обратились к телеграфным сообщениям.

Первое сообщение из Петербурга. Наш мнимый корреспондент пишет нам оттуда: «Полный порядок. Волки пасутся с овцами».

Это должно было обозначать, что в том самом 1906 году по всей России, особенно же в столице, Петербурге, постоянно происходили выступления и даже волнения. Побоищики свободы и оппозиционные партии, как уже было сказано, призывали к восстанию. А царское правительство не хотело отказываться от своей волчьей повадки — душить и пожирать. Оттуда ежедневно приходили в Тифлис все новые и новые сообщения о стачках, покушениях и тому подобное.

Второе сообщение было из Тегерана. Наш воображаемый корреспондент сообщал оттуда по телеграфу, что его величество шах готовится к поездке в Европу.

Это напоминало о присущем шахам из династии Каджар, наряду со многими другими прихотями, известном всем пристрастии к европейским путешествиям.

Нет сомнения, поездка падишаха одной страны в другую несколько не унижает его страну, наоборот, служит даже ее интересам. Однако с одним условием, чтобы эта поездка преследовала цель принести стране пользу. Но иранских шахов привлекали к поездкам во Францию вовсе не эти соображения. Начиная с Насреддин-шаха, и Музаффереддин, а затем и Мамедали, ездили в Европу,

имея одной единственной целью кутежи и утехы в обществе французов. И не было ни одного случая, чтобы эти бессовестные люди хоть раз изменили своей порочной привычке.

Однако природа свершила-таки свой суд. Эта болезнь, замеченная с давних времен за этими коронованными хлюстами из династии Каджар, до того укоренилась в них, что последнего отпрыска этой династии Ахмеда лишили шахской власти и навсегда предоставили в распоряжение французских проститутток.

Третье сообщение из Стамбула. Было написано, что Османское правительство запретило кашлять на улицах.

Эта шутка изобличала и высмеивала деспотизм султана Абдул-Гамид, принявший в то время наиболее жестокий характер. Известно, что, почуввав приближение революционного взрыва, турецкий султан настолько усилил всевозможные репрессии и ограничил гражданские свободы, что о его деспотизме ходили анекдоты. Дело дошло даже до того, что в таком крупном городе, как столица страны — Стамбул, султан Абдул-Гамид запретил проводить телефон.

Четвертое сообщение из Тебриза. В нем говорилось о том, что тебризскому населению объявлено о даровании свободы, так что правительство отпускает солдат заняться мирными делами — продавать на рынках жареные потроха, работать мясниками или идти по миру.

При переводе с сатирического языка «Молла-Насредина» на обычный язык это означало, во-первых, что населению города Тебриза придется еще долго ждать желанной свободы, а во-вторых, что иранские сарбазы по-прежнему занимаются своим привычным делом — продают мелкий товар, работают мясниками и попростайничают.

Пятое сообщение из Петербурга. На пост оренбургского муфтия назначается сенатор Череванский, а оренбургский муфтий господин Султанов переходит на службу в жандармерию.

Это шутовское телеграфное сообщение было недалеко от истины. В те времена делами духовных управлений мусульман ведал сенатор Череванский, а оренбургский

муфтий Султанов с такой покорностью выполнял все приказы и распоряжения петербургского правительства миссионерского характера, что он никогда не отказался бы от предложения занять пост хандарма, если бы такое предложение было ему сделано.

Болезнь монархизма свойственна была, однако, не одному лишь оренбургскому муфтию: ею были заражены и все другие муфтии и святые отцы, что мы особо подчеркивали в специальной карикатуре на последней странице номера. Тут была изображена толпа мусульман, которые с воздетыми к небу руками молятся за императора, а городской прикалывает к груди стоящего впереди толпы ахунда медаль. Карикатура была подписана следующим двустишием:

Кошка — львица против мыши,
Перед львицей — мышки тише*.

Мы хотели сказать, что наши ахунды слывят властями дум темного народа, но ради ничтожной царской медали по-рабски стоят перед ничтожными городовыми.

Шестое сообщение было из Шемахи. Некому русскому аптекарю разрешено открыть библиотеку-читальню, но с условием, чтобы в ней не было ничего на азербайджанском языке.

Это означало, что шемахинскими библиотеками-читальнями управляли аптекари и издания в них были не на азербайджанском, а, по-видимому, на русском языке.

Седьмое телеграфное сообщение из Нахичевани. Русские казаки обратились к генерал-губернатору с ходатайством, чтобы им выдавали спички вместо патронов.

Это было намеком на то, что во время армяно-мусульманских столкновений потерявшие рассудок соседи убивали друг друга, а в это время казаки поджигали город.

Последнее телеграфное сообщение из Тебриза было следующего содержания: сгорел сахарный завод Гаджи-Курбана, причем убыток исчисляется в два миллиона.

Это — намек на то, что в Тебризе и вообще в Иране, не было фабрик и заводов какого-либо промышленного производства.

Вслед за этими телеграфными сообщениями в «Мол-

ла-Насреддине» под рубрикой «Это надо знать» были напечатаны разные вопросы.

Первый вопрос. В каком городе из двенадцати гласных городской думы мусульман лишь один умеет с трудом написать свое имя, а все остальные вовсе неграмотны?

Этот вопрос «Молла-Насреддина» уже в первом же году его издания отражал тогдашнее положение в городских учреждениях, где служили неграмотные мусульмане.

Второй вопрос. Можно ли выпить шину воду из посуды, которой до него воспользовался суннит? Надо ли вымыть эту посуду, или нет?

Вопрос намекал на ту нетерпимость, с которой мусульмане шиитского толка относились к мусульманам омарова учения—суннитам.

Третий вопрос. Чего больше: звезд на небе, или игорных домов на мусульманском базаре?

Намек прозрачный.

Четвертый вопрос. Каким средством можно избавиться от молл, которые насильно лезут в дом покойника, чтобы нажраться плова, и от женщин, которые рвутся в тот же дом, чтобы поплакать?

Такое положение, господствовавшее тогда, имеет место и ныне, и приходится сожалеть, что в этом вопросе мусульманский род остался верен себе.

Пятый вопрос. Где можно найти такой учебник, по которому можно было бы обучить мусульманского ребенка грамоте на азербайджанском языке?

Шестой вопрос. В какой стране фабрики выпускают лень и беспечность?

Седьмой вопрос. Чем объяснить, что змен, доставляемые в коробках из Ирана, не жалят никого, кроме жителей Ирана?

Восьмой вопрос. Чем объяснить, что каждый раз, когда вспыхивали армяно-мусульманские столкновения, царские солдаты серьезно заболели и врачи им предписывали не выходить на улицу?

Девятый вопрос. Куда девались четыреста рублей денег, собранных в Эривани с театрального представления в пользу населения деревни Ушну?

Пословицы

Нет на свете ничего долговечнее слова. Все преходяще — добро, богатство, но слово — вечно. Слово мудрецов и поэтов прошлого живет и поныне. Мы поместили в журнале некоторые дельные изречения азербайджанских мудрецов под рубрикой «Пословицы», чтобы наши читатели могли использовать их в нужных случаях*.

Привяжешь коней бок о бок, увидит хан и скажет: подари одного мне.

При отцовском достатке грешно зарабатывать самому.

Смерть человека — праздник для бездельника.

Лошади и женщине не доверяй, обеих загощи в копыто и крепко запри дверь.

Голодной курице плов снится.

С голоду не мрут; притворе не верь, гони за дверь.

Пусть живот — бог спасет: трухи на улицах хватит.

Вечернее дело отложи до утра, а утреннее — до вечера.

Побольше спи, ученым станешь.

Слово человеку надо говорить тысячу раз, не поймет — не беда.

Будь рабом и мудрецу, и глупцу.

Чему быть — того не миновать: пусть будет, что будет.

От покойника и дьявол отстанет, если отстанут женщины.

Мой ослик, не подыхай, весна придет, «свобода» расцветет.

Разумный ребенок бежит с урока.

Сытнее плов — усерднее молитва.

Конь с конем кусается, у властей дела идут.

С ослом не справляется, мусульманина лупит.

Дело делать — себя губить.

Безделье — ключ к богатству.

При двух женах дом благоденствует.

Начатое дело оставь на половине.

Одна из заметок первого номера под названием «Горе от языка» имела следующую историю.

На предыдущих страницах мы уже говорили, что в то время в газете «Гейт» время от времени печатались статьи бакинського ахунда Абутураба-Ахунд-оглы. В пер-

вые дни появления нашего журнала в этой газете была напечатана еще одна статья ахунда Абутураба.

С тех дней прошло уже двадцать три года, и подробное содержание статьи не осталось у меня в памяти. Но тот пункт в статье, который вызвал нас на разговор, заключался в том, что автор спрашивал: что приличествует человеку — говоренье или молчанье? И отвечал господин ахунд на свой вопрос с полной определенностью: «Пристойно не говорить и по возможности хранить молчанье».

Для подтверждения своих слов господин ахунд сослался даже на Иисуса Христа, который на обращенный к нему вопрос о том, что лучше — ведереchie или мало-словие, будто высказался за второе. Помню, в наставлении ахунда Абутураба было сказано: «кто глагольствует, тот делает себя презренным и ничтожным, ибо ни один орган не приносит человеку столько зла, сколько его язык».

Немногословие — одно из требований старого воспитания. Издревле у темного народа малоразговорчивость считалась непременно условием приличия. К примеру, когда люди собирались вместе по поводу скорбного или радостного события, они садились, поджав под себя ноги, и начинали творить про себя молитву, молча вспоминая аллаха, внешне держась степенно и чинно. Поэтому в детстве нам не разрешалось находиться в обществе взрослых мужчин. И если мы находились в их обществе, то разговаривать нам при них не полагалось.

Этот вопрос можно было бы связать с вопросом о затворничестве женщин. Мусульманке не подобает показываться на глаза мужчине, разговаривать при мужчине — то же и мусульманский ребенок. Если мусульманскую женщину держат в стороне от мужчин с целью уберечь ее от не дозволенных действий, то есть от незаконных сношений с посторонним мужчиной, то на Востоке оказалось необходимым защитить от посторонних мужчин также и мальчиков. Потому что половое влечение к женщине у нас, на Востоке, в такой же степени может проявляться и к мальчику. Это и может быть сокровенной причиной недопущения детей в общество взрослых мужчин.

Таким-то образом, привыкнув с детства избегать общества мужчин, мальчик, даже став взрослым парнем,

очувтившись в непривычном мужском обществе, настолько робел и стеснялся, что и слова не мог вымолвить. И если кто-нибудь заговаривал в этом обществе, то—либо сидящий во главе угла ахунд с чалмой на голове, либо же какой-нибудь знатный или богатый человек. Первый старался показать собравшимся свои познания в арабском языке, непонятном окружающим, и в догмах шариа, а второй— удивить людей своими богатствами или знатностью своего рода. А собравшиеся вокруг люди слушали их со всем вниманием и почтительно поддакивали.

Опубликованные в газете «Гейт» наставления Абу-тураба Ахунд-оглы о пользе молчания были в то время совершенно ненужными и неуместными. Они никому не пришли бы на ум, в момент, когда потерпевший поражение в войне русский царизм переживал тяжелые дни и висел на волоске от гибели, когда веками терпевшие угнетение народы России, воспользовавшись этим, готовили восстание, чтобы добиться светлых дней. С другой стороны, представители царского правительства на Кавказе, столкнув армян и мусульман в братоубийственной резне, со стороны взирали на безумие этих двух народов.

И к чему же призывал в такой исторический момент народ через газету духовный глава мусульман? К смирению и молчанию! Что такое молчание? Молчать—значит, забиться в угол и призывать аллаха. Что такое смирение? Это—сидеть немым и глухим в ожидании смерти, переселения в мир иной. Не нужно мне прав и свобод. Мне не нужно выйти вперед и протянуть соседу руку, вместо того, чтобы враждовать, объединиться с ним, свалить нашего общего врага в лице деспотической власти, после чего установить в стране новый порядок в братском союзе и жить свободно.

Вместо всего этого ахунд Абутураб проповедовал молчание, призывал к смирению.

Только что вступивший в царство печати журнал «Молла-Насреддин» не мог пройти мимо статьи ахунда Абутураба. Во-первых, потому, что то ли мы не поняли философии автора статьи, то ли в тех условиях статья показалась слишком уж неуместной. Во-вторых, потому, что автором статьи был действительно ахунд, духовное лицо. Как в этой статье, так и в нескольких других статьях его мы не обнаружили даже намека на то, что миро-

зрение этого ахунда отличается сколько-нибудь от взглядов всех прочих ахундов своей прогрессивностью и трезвостью.

Поэтому-то на статью Абутураба Ахунд-оглы мы ответили в первом номере нашего журнала следующим образом:

«Каждый, заговорив, обречет себя на презрение, поругание и убожество. Ибо ни от одного из органов своего тела человек не страдает столько, сколько от языка своего. Спросили Иисуса, да будет благословенно имя его: «О спаситель! Направь нас по такой стезе, чтобы она привела нас в рай!» И ответил Иисус: «Не глагольте!» И сказали ему: «О спаситель! Ведь нельзя онеметь!» И ответил Иисус: «Подлинно можно!»..

Пророк Сулейман, да будет благословенно имя его, изрек: «Слово—серебро, молчанье—золото. Бессловесность ценнее велебесия.»

Ни один мусульманин не должен говорить, будь то невежественный и глупый, или просвещенный и мудрый. Тем прекраснее человек, чем он безмолвнее и молчаливее. Стоит ему заговорить как исчезает его красота. Не зря же сказал Муслих-эд-дин Ширази:*

Скажи, мудрец, что есть людской язык наш?
— Ключ от казны, и имя ей—уменье.
Дверь на замке—никто пока не знает,
Что ты сбываешь: хлам или каменья?*

Желая внести в этот вопрос полную ясность, Молла-Насреддин считает нужным добавить от себя следующее:

Закрой уста и проглоти язык. Пора понять:

Язык—он враг тебе!

Вниз голову сложи, глаза не смей поднять.

Покорен будь судьбе!

Ударят кулаком в живот, не смей вопить, молчи!

Пригнут к земле и по затылку будут бить, молчи!

Пусть враг нагрянет, чтоб тебя поработить, молчи!

Впряжет тебя, как скот в ярмо, не вздумай выть, молчи!

И голову тебе захочет отрубить, молчи!

Закрой уста и проглоти язык. Пора понять:

Язык—он враг тебе!

К чему печалиться, грустить и без толку стонать.

Покорен будь судьбей!*

Далее шли еще три такие же строфы в стихах, чем и заканчивалось стихотворение. Помещать здесь остальные строфы считали излишним.

Среди материалов первого номера журнала был еще рассказ под названием «Цирюльник». Вот его краткое содержание.

Десятилетний сын Садыха по имени Мамед-Вели сунул в нос колючую травку, чтобы вызвать кровотечение и тем «излечить» больные глаза. Однако кровотечение оказалось настолько сильным, что мать мальчика начала беспокоиться и послала мужа за цирюльником Уста-Гусейном, который по ее мнению, сведущ во врачевании. Дядя Садых бежит к цирюльнику Уста-Гусейну и застаёт его за делом: цирюльник бреет своему клиенту голову.

Тут рассказ прерывается, с указанием от редакции, что окончание следует: оно помещено во втором номере.

Содержание этого номера завершалось двумя заметками из «Почтового ящика» журнала. Вот содержание заметки:

«Баку. Господину Молла-Ф...заде. На ваш вопрос мы можем только ответить, что хотя проект сенатора Череванского о духовных управлениях еще не утвержден, но по дошедшим до нас сведениям, руководители мусульманских духовных управлений и кази обязаны пройти испытание на звание моллы в духовном управлении экарха Грузии в Тифлисе, после чего заверят свидетельства у городских...»

Вторая заметка в «Почтовом ящике» гласила:

«Господину Исмаил-беку Шафибекову в Эривани. Мы весьма рады вашему приветствию в адрес нашего журнала. Присланные вами стихи мы не имели возможности опубликовать в первом номере и обещаем поместить их во втором номере. Но стихи настолько прелестны, что ради интереса мы сочли необходимым напечатать один отрывок:

Однажды шел по улице с корзиною в руках,

И повстречался мне один знакомый мой.

И спросил я: друг, куда идешь, скажи.

Ответил он: не спрашивай, плохое настроение у меня...

Чтобы не возвращаться к содержанию первого номера, считая излишним добавить, что, кроме литературных материалов, о которых было здесь сказано, в журнале были опубликованы также условия подписки: на три месяца (тридцать номеров) — рубль шестьдесят копеек, на шесть месяцев — три рубля. И так как журнал начал выходить с апреля, мы вместо годового подписки указали цену девятимесячной подписки в сумме четырех рублей. Начиная с нового года, подписка с января до конца года была оценена в пять рублей.

Адрес журнала был следующий: Тифлис, Воронцовская улица, дом номер 47, редакция журнала «Молла-Насреддин».

К сведению корреспондентов и авторов статей объявлялось лишь одно условие: «Присланные в редакцию письма и заметки могут быть возвращены при условии, если авторы попросят об этом, приложив соответствующую почтовую марку».

Что касается помещенных в этом номере карикатур, то о двух из них уже было сказано выше. В первом номере мусульмане крепко снят в объятиях сна невежества. На последней же странице толпа мусульман молится за падишаха и полицейский прикалывает медаль к груди стоящего впереди моллы.

На средних страницах журнала помещены еще две карикатуры. На одной из них изображен цирюльник Уста-Гусейн из упомянутого рассказа. В своей цирюльне он бреет голову клиенту, когда входит к нему дядя Садых и приглашает его, к сыну, чтобы остановить кровотечение из носа. Цирюльник Уста-Гусейн протягивает Садыху зеркало и говорит ему:

— Послушай, лучше назови себя армянином, чтобы весь народ знал, что ты не мусульманин... Неужели не совестно тебе так отращивать волосы на голове и не бриться...

На другой из средних страниц были помещены две карикатуры. Наверху крестьянин-мусульманин предлагает вооруженному казаку своих овец и просит:

— Прошу тебя именем аллаха, возьми эту животинку и отдай мне твоё ружье!

А внизу изображен армянин, который протягивает русскому солдату с винтовкой сторублевку и просит его на ломанном русском языке:

— Пажалуста, вазми динги, давай ружью!

Если все карикатуры были зеркалом той эпохи, то эти два рисунка показывали состояние армяно-мусульманских отношений. В те дни, когда стал выходить наш журнал, между двумя соседними народами разгоралась такая вражда, что эти несчастные готовы были пожертвовать чем угодно, только бы уничтожить друг друга. Состоятельные армяне жертвовали ради этого свои деньги, а мусульмане скотоводы распродалаи свой скот и разоряли свои хозяйства.

Вот и все содержание первого номера журнала «Молда-Насреддин».

Когда весь этот материал был готов у нас в рукописи, мы приступили к верстке журнала. С технической стороны это не представляло для нас больших трудностей, потому что мы владели первым условием печатного дела — типографией.

Типография «Гейрат» была на полном ходу, и товарищ наш Фаик управлял ею со знанием дела. Не хватало нам лишь одного. Того самого, без чего невозможно ни одно предприятие..

Самую большую трудность при наших пустых карманах представлял вопрос о деньгах.

Деньги были нужны, чтобы оплачивать карикатуры. Это мы как-то утрясли: наш уважаемый художник Шмерлинг согласился выполнить карикатуры для журнала в долг.

Вспоминая минувшие дни и перебирая в памяти каждого, кто радел о нашем журнале, я выделяю среди них неосенимого помощника нашего Оскара Ивановича Шмерлинга, которому выражаю всей душой бесконечную благодарность.

Вопрос с карикатурами был урегулирован, и дорогой наш художник взялся к сроку приготовить все указанные рисунки.

Итак, карикатуры есть, литературный материал также готов. Оставалось решить последний вопрос: о бумаге.

Мы решили, на первых порах, не заглядывая в будущее и не желая рисковать, отпечатать первый номер в количестве только одной тысячи экземпляров. И это в первую очередь по соображениям финансовым. У нас

совсем не было денег: не было даже девяти рублей, которые были необходимы на выпуск этой тысячи экземпляров.

Я вспоминаю, что когда я попросил эти деньги у одного из близких моих друзей, он поставил условие, чтобы я ознакомил его с содержанием журнала.

Я начал читать ему рукописи. Прочитал передовицу. Денежный друг наш прослушал и промолчал. Когда же я перешел к условиям подписки на журнал и дошел до того места, где редакция советует остерегаться потных рук «нечистых» почтовых работников, наш благодетельный друг опустил голову. Я понял, что дело плохо и наш друг денег не даст. Когда же я дошел до «злосчастных» дней и начал было читать эти материалы, мой красноречивый приятель остановил меня и попросил далее не утруждать себя. А насчет денег он решительно заявил, что сейчас у него в кассе (разговор происходил в его лавке) девяти рублей не имеется и поступление их в ближайшие дни не ожидается.

Я был крайне расстроен. Расстроился, во-первых, потому, что если в течение часа я не раздобуду где бы то ни было эти девять рублей, то журнал задержится еще на сутки. Во-вторых, огорчила меня реакция на содержание журнала. Ведь мы готовили весь этот материал для того, чтобы его читали мусульмане. Мой приятель принадлежал к их числу. И если он не захотел даже дослушать мое чтение, то горе нам! Для кого мы писали эти слова? Сей муж не одобрил их, прочие братья-мусульмане поступят так же! Ради чего же мы трудимся, для чего и для кого мы писали?

Удрученный, ушел я от своего приятеля и направился в магазин, в надежде получить бумагу в кредит. Тут тоже у меня ничего не вышло: хозяин магазина отказался отпустить бумагу без денег. Оттуда пришел я к товарищу моему Фанку.

— Товарищ Фаик, денег на бумагу не достал, а бумаготорговец не соглашается отпустить без наличных. И приятель наш Мешади.. тоже отказался одолжить девять рублей.

— Как-то есть не дает? Как смеет не давать? А ну, пойдем, посмотрим, как это не дает..

Мы пришли в лавку нашего приятеля. Вначале он ответил и Омару Фанку:

— Нет у меня денег.

Омар Фанк рассердился, стал настойчиво требовать, даже начал наступать на него и стыдить:

— Как тебе не совестно, скупишься на девять рублей! Неужели дружба наша в твоих глазах и девять рублей не стоит?..

Мешади молча выдвинул ларь, достал оттуда три бумажки по три рубля и протянул нам.

Так достали мы деньги на бумагу.

Вечером шестого апреля 1906 года, а по хиджре двадцать четвертого числа месяца сафара 1324 года карикатуры были отпечатаны в литографии еврея Вихова и доставлены в типографию «Гейрат», чтобы здесь отпечатать страницы с текстом. Четыре страницы текста были уже набраны днем: сверстанные уже страницы были укреплены вечером на станке, и мы приступили к печатанию.

Типография «Гейрат» помещалась в мусульманском районе на Воронцовской улице в трех комнатах: в одной из них работали наборщики, в другой находилась печатная машина, а в третьей сидел заведующий типографией. Как было уже сказано раньше, типографией завеловал Омар Фанк.

В тот день, когда в типографию «Гейрат» поступили отпечатанные в литографии полосы с карикатурами, был закончен и набор текста. Но оставалось сверстать страницы с текстом, уложить их на станке, укрепить и выровнять, все это было для нас ново и потребовало довольно много времени, так что мы запустили машину лишь поздно вечером.

Печатный станок использовался вручную. В те времена в Тифлисе печатные машины, работавшие на электричестве были лишь в больших типографиях и стоили, разумеется, огромных денег. В типографии «Гейрат» оборудованной всего-то на шесть-семь тысяч рублей, конечно, таких машин не могло быть.

Одним словом, запустили машину. Колесо крутили двое рабочих. Иначе говоря, они исполняли роль приводного ремня.

Наборщики, закончив свою работу к трем часам, уже разошлись. Вечером в типографии оставались лишь двое рабочих и наш машинист Джахангир. Этот старый машинист-азербайджанец занят сейчас тем же своим бла-

городным трудом в одной из типографий Баку, и встречает свою старость, как и мы, на своем посту печатника.

Товарищ Джахангир и есть тот машинист, который своими руками отпечатал номер «Молла-Насреддина».

— Бог в помощь, товарищ Джахангир! А ну-ка, взись, други рабочие! Веселей! Крути!..

Не надо думать, что крутить тяжелый маховик руками то же самое, что приводить его во вращение силой электричества. Известное дело, что электричество неумимо, а человек устает. Это раз. А во-вторых, если при электрическом приводе можно отпечатать за час тысячу листов, то вручную можно выпустить лишь сто. Вот почему к полуночи мы успели отпечатать лишь половину тиража журнала, то есть пятьсот экземпляров.

Мои слова «мы успели отпечатать» не должны напомнить читателю басню знаменитого русского баснописца Крылова о мухе, которая сидела во время пахоты на лемехе плуга, а потом говорила своим подружкам: «Мы пахали!»

Дело в том, что бедные наши рабочие устали. Было уже за полночь, когда они совсем выбились из сил. Разумеется, мы вознаградили по достоинству их труд, но речь шла не об оплате. Измотанные, получив деньги за работу, они ушли. Остались мы троим: я, Омар Фанк и товарищ Джангир.

Как быть? Мы уже решили выпустить номер 7 апреля, о чем оповестили всех. А тут отпечатали всего пятьсот экземпляров. Вправе ли мы опустить руки и дожидаться утра, оставив на полдороге? Ограничиться только пятьюстами экземпляров? Слов нет, может случиться, что эти пятьсот тоже никто не возьмет, и они останутся у нас на руках. Но как знать? А может, завтра читатели потребуют у нас еще пятьсот, а то и пять тысяч экземпляров?!

О чем только мы не думали. Могли ли мы надеяться, что наш журнал придется по душе публике? Нет, мы не могли на это надеяться, и будущее было покрыто для нас мраком неизвестности. Из наших друзей и приятелей тоже мало кто поддерживал нас своим одобрением и поощрением, потому что наше выступление с подобным материалом им самим казалось несколько странным и необычным.

Когда же мы представляли себе косность и темноту

мусульманской массы, то тут впадали в полнейшее отчаяние.

Как-то я прочитал одному из наших образованных друзей некоторые из подготовленных к первому номеру материалов. Этого нашего друга уже нет в живых, несколько лет назад он скончался в Иране. Наш образованный друг, ознакомившись с некоторыми материалами, решительно высказался против их опубликования.

— Не имеет смысла, — заявил он. — Никто не станет читать!

Но, как выяснилось впоследствии, наш приятель оказался весьма и весьма недалководидным. Поэтому, чтобы не нанести обиды его потомкам, мы не называем тут его имени.

Кроме того, некоторые рукописи я прочитал и одному моему земляку из Нахичевани. Это был старый работник телеграфа. Ознакомившись с этими материалами, он высказался так:

— Очень хорошо, но единственный недостаток вашего журнала в том, что он вскрывает пороки мусульман. Очень жаль, что не хвалит (не превозносит) их...

По окончании нашей беседы, уже собираясь уходить, он повернулся ко мне и стал наставлять меня:

— Пишите, что хотите, только хвалите мусульман, пишите об их достоинствах...

Итак, мы отпустили двух рабочих, выдав им плату за их труд в двойном размере, и они ушли.

Осталось нас трое: машинист товарищ Джангир, товарищ Омар Фаик и я... Делать нечего. Принялись сами крутить колесо.

— Ну, товарищ Фаик, крути!..

— Ну, товарищ Джалил, налегай!..

Тут вспомнилось, как Молла-Гамид раздувал мех горна.

Я хочу сделать небольшое отступление и вернуться к минувшим дням.

В 1893—94 годах любители театрального искусства, в том числе и я, ставили в Нахичевани спектакли. Сбор с представлений шел в пользу нуждающихся школьников. В те времена имелось в Нахичевани всего одно подходящее для спектаклей небольшое помещение — в здании армянской церковно-приходской школы. И каждый раз, когда ставили там свой спектакль азербайджанские любители, разумеется, платили армянской школе опре-

деленную сумму за аренду помещения. Ставили тогда в Нахичевани комедии Мирза-Фатали «Гаджи-Кара», «Масталишах», «Алхимик», «Визирь Ленкоранского ханства».

Здесь я хочу рассказать о комедии «Алхимик», которую мы, любители, поставили однажды на сцене.

Первое представление решено было дать исключительно для школьников. Так и сделали. В тот день все учащиеся нахичеванской городской и других школ, зная о том, что спектакль бесплатный, заполнили зал театра. Нам удалось разместить в зале двести или даже триста учащихся.

Представление началось в два часа пополудни и прошло неплохо, произвело на учащихся большое впечатление. Замечательная комедия, вышедшая из-под пера талантливому мастеру слова Мирза-Фатали, исполненная остроумия и тонкого юмора, настолько понравилась детям, что по окончании спектакля, собравшись на дворе, а затем высыпав на улицы, они принялись громко выкрикивать запомнившиеся слова:

— Молла-Гамид, раздувай мех!

Не прошло и несколько минут, как по всему городу, на всех улицах, в каждом уголке базара стали раздаваться звонкие голоса ребятшек:

— Молла-Гамид, раздувай мех!..

Ого, черт возьми! В то время, когда нахичеванские моллы были заняты в мечетях молитвами, до ушей их донеслись зазорные выкрики детей:

— Молла-Гамид, раздувай мех!

Что это значит? Какой еще Молла-Гамид? Что это за Молла-Гамид, раздувающий мех?

Наконец, выяснилось, что Молла-Гамид является персонажем пьесы из театрального представления, которую группа молодых нахичеванских учителей-мусульман ставила на сцене армянской церковно-приходской школы, имея целью высмеять перед армянами и русскими мусульманских молл.

Какое бесчинство! Какой срам!

Торговцы закрыли лавки и побежали к почтенному городскому ахунду Молла-Таги. Там они решили обратиться к нахичеванскому уездному начальнику с жалобой и просить впредь запретить подобные представления. Так они и сделали.

В результате начальник сделал нам, любителям сцены, строгое внушение, чтобы мы были впредь осторожны и не задевали молл в своих представлениях.

Итак, рабочие, устав, ушли глубокой ночью, а мы труженики, выбившись из сил, прекратили работу к утру. Когда мы уходили, первый номер «Молла-Насреддина» был уже отпечатан в тысяче экземплярах.

Это было седьмого апреля 1906 года, а по хиджре — двадцать четвертого числа месяца сафара 1324 года.

Считаю нужным заметить, что в то время я жил в Тифлисе в населенном грузинами районе на улице Шейх-Санана. Русское название этой улицы было — Давидовская, потому что у христиан Шейх-Санан именуется святым Давидом. Район наш расположен на склоне горы, а выше от нас, на склоне горы стоит храм святого Давида — Давидовская церковь. Тут-то, по преданию, Шейх-Санан и пленился молодой грузинкой.

Я же здесь никем не был пленен. Но меня заворожил вид, который открывался передо мной с зеркальной ясностью. То был район Шайтан-базара, который видел бы, как на ладони.

Такие районы имеются во всех мусульманских городах. Шайтан-базар в Шуше, в Эривани, в Баку, и даже в Тебризе, шайтан-базары всех прочих городов и поселков имеют один и тот же вид: пыль и сор, покосившиеся, ветхие дома и лавки, на улицах полно кошек и собак и чуждой мусульманской ребятни. Каждое второе помещение — непременно чайхана, или притон для курильщиков опиума, или игорный дом.

На узких улицах выюнные животные и люди смешались в одну кучу. Кругом одни мужчины. Культуры, чистоты, опрятности, здесь нет и в помине. Все население состоит из мусульман. И если случайно окажется здесь пришлый человек, его поднимут на смех. А если и не сделают этого, то начнут пялить на него глаза будто сроду не видывали ничего подобного. То же происходит и с тем, кто сам впервые попадет сюда: он начинает с удивлением и недоумением взирать на эту дикость.

Я был совершенно растерян и поражен, когда попал впервые на Шайтан-базар такого столичного города, как Тебриз, не говоря о таких городах, как Шуша, Шеки. При виде мусульманского квартала и базара в Ташкенте, который считается центром Туркестана, невольно уно-

сились мыслями в мир диких индейцев, о которых пишут в книгах.

Итак, когда появился на свет «Молла-Насреддин», я проживал в Тифлисе на упомянутой Давидовской улице, которая значилась в каждом номере журнала как наш постоянный адрес.

Проживание мое на Давидовской развязывало руки. Это был район грузинский, куда не могли дотянуться мусульмане.

Известно, что главной мишенью «Молла-Насреддина» были религиозные предрассудки и шарнатские бредни; далее, он выступил против аристократов, дворян и кулаков-насильников. Вести такую борьбу, сидя, в окружении мусульман, было в те времена невозможно: тебя могли там же побить камнями.

Поэтому, порой разворошив осиное гнездо, я укрывался в укромном уголке грузинского квартала и пережидал, пока утихнут осиные страсти. Так, например, из Баку приезжали как-то в Тифлис бакинские кочи, искали меня, но так и не нашли. Или когда в одном из номеров во втором году издания журнала была опубликована статья по женскому вопросу, от Омара-Фанка пришло настойчивое предупреждение, чтобы я не показывался на улице, так как на Шайтан-базаре закрылись лавки, и мусульмане ополчились искать меня.

Подробный рассказ об этом случае будет на следующих страницах.

Оставив сто экземпляров вышедшего только что — седьмого апреля — первого номера журнала в типографии «Гейрат» для распродажи, мы отвезли остальные девятьсот экземпляров в нашу редакцию на Давидовской улице. Из них двести экземпляров я отправил по почте в Баку на имя Аббас-Кули Кязимова и еще двести экземпляров в другие города, в адрес моих знакомых, чтобы каждый организовал продажу, по своему усмотрению.

Аббас-Кули Кязимов был в свое время представителем газеты «Шаркы-Рус» в Баку, и я знал тогда его заочно. Все оставшиеся в редакции экземпляры были распроданы в тот же день в Тифлисе до двенадцати часов за наличные. Поэтому второй номер мы напечатали в количестве двух тысяч экземпляров.

Выпустив первый номер в количестве тысячи экземп-

ляров; тираж второго номера мы увеличили вдвое.

Здесь проявилась наша несмелость. Ведь журнал разошелся за день, до полудня, в одном лишь Тифлисе в количестве пятисот экземпляров, то сколько же тысяч могло найти распространение по всему Кавказу и Закавказью! Однако эта наша несмелость, насколько я понимаю, объяснялась двумя причинами: первая заключалась в том, что, как было уже сказано, мы были очень бедны. Мы благодарили «аллаха» за то, что у нас хватило средств на выпуск этой тысячи экземпляров. И если нам удалось выпустить с такими трудностями эту тысячу, то как же мы должны быть благодарны, если у нас достанет сил выпустить две тысячи экземпляров!..

Второй причиной нашей несмелости было то, что мы не очень-то могли рассчитывать на мусульманскую публику. Вспоминая историю распространения среди мусульманского населения других газет и учитывая их опыт, мы не могли надеяться на то, что будет пользоваться успехом журнал «Молла-Насреддин», говорящий на языке сатиры, высмеивающий религиозные суеверия мусульман-фанатиков.

Две тысячи экземпляров, которые мы наметили для выпуска второго номера, сами по себе были уже большим тиражом! И мы думали: что если нам удастся распространить такое количество журнала, это будет огромной удачей.

Сдав первый номер на почту и заказав в литографии две тысячи экземпляров второго номера, мы этим — до поры до времени — удовлетворились.

МОЯ БИОГРАФИЯ

Родился я в городе Нахичевани, в пяти-шести верстах от реки Аракс и в сорока верстах от поселка Джульфы. Слова Аракс и Джульфа называю я здесь не без умысла. Известно, что река Аракс — это наша граница с Ираном, а поселок Джульфа — таможня между нами и Ираном. И я горжусь тем, что имею отношение к этой реке и к этому поселку, по двум причинам: во-первых, Иран — родина моего деда*, а во-вторых, иранские края, прославившиеся на весь мир своей религиозностью, всегда были для меня источником особой гордости, то есть постоянно благодарили аллаха, что явился на свет по соседству с такой священной страной.

Когда я родился? Ей-богу, не помню, потому что на сей счет нет у меня никаких документов или письменных свидетельств*. Это вовсе не значит, что я утерял метрику о моем рождении. Нет, я говорю о том, что мое появление на свет никто нигде не зарегистрировал: в те времена не было метрических тетрадей, и родители не считали нужным записывать рождение своих детей для памяти.

Так и мои родители. Мне кажется, что спроси шестьдесят лет назад кого-нибудь, почему он не отмечает рождения своих детей, тот только удивился бы, потому что подобный вопрос считался беспочвенным.

И все же по некоторым признакам я могу предположить, что сейчас, то есть в тысяча триста сорок четвертом году хиджры и тысяча девятьсот двадцать шестом году рождения Христова мне должно быть пятьдесят шесть, или пятьдесят семь, а то, может, и все пятьдесят восемь лет.

Вспоминаю я русско-турецкую войну. Стояли мы с товарищами на пригорке в квартале Кала в Нахичевани. Было это вечером. Солнце только что зашло, багряно-красные облака заволокли небо на западе, и казалось, что там подождли огромный пороховой склад. Тогда товарищи уверили меня, что этот багрянец не что иное, как отблеск объятых пожаром города Карса, и что там-то и происходит русско-турецкая война. И на самом деле тогда была русско-турецкая война, и происходила она в 1877—8 годах, но географические познания у нас, восьми-девятилетних мальчишек с нашей улицы, были таковы, что красный цвет облаков нахичеванского заката мы объясняли военными действиями вокруг осажденного Карса.

Кроме того, у меня есть еще и вторая мета для определения моего возраста. Я вспоминаю 1881 год, когда русскими народолюбцами в Петербурге был убит царь Александр Второй. В ту пору было мне лет одиннадцать-двенадцать. Учился я во втором классе нахичеванского городского училища. Нас отпустили по домам. Базар и лавки были закрыты. Народ собрался в мечеть, и там была совершена принудительная панхида. Молла поднялся на минар и стал так расписывать достоинства и заслуги убиенного падишаха, что в конце концов и сам расслабался и у молящихся вызвал слезы. Затем была прочитана марсия, и горе по умершему падишаху слилось воедино с горем по имаму — великомученику, и мечеть огласилась душераздирающими воплями.

Итак, место моего рождения — город Нахичевань, и аллах свидетель, что если действительно существуют рай, ад и судный день, и если те, кто неуклонно следует по предопределенному господом и указанному пророком пути, будут награждены на том свете, то местопребыванием моим после смерти должен быть один из самых живописных уголков рая. Ибо благ, причитающихся мне за пост и молитвы в дни моего нахичеванского детства и отрочества, хватило б с лихвой и на мою долю, и на долю моих близких родственников, даже просто друзей и знакомых.

Ежели судить по справедливости, ныне времена совсем испортились; ежели сравнить Нахичевань нынешнюю и Нахичевань пятидесятилетней давности, наверняка ничего общего между ними не найдется.

Смутно, как сон, вспоминаю, что в те времена, то есть пятьдесят лет назад, когда я был желторотым школьником, все, что я слышал дома, на улице, в школах, на базаре, в лавке было о мечети, минарете, намазе, посте, ночном бдении, проповеди и мдрисе. Мужчины и женщины, которых я видел с утра до вечера, были заняты только тем, что с утра до вечера совершали намаз, постились, и снова намаз, и снова пост, мечеть, жертвоприношения, траур по имамам, шумные и торжественные шествия в месяце мухарраме, шествия белору-башиенников.

Я помню и то, как семи-восьмилетним мальчишкой ходил к молле учиться по молитвеннику и корану. Учился я в школах известных тогда в Нахичевани учителей Гаджи-Молла-Багира и Моллы-Али, и кажется, по сей день чувствую на своих пятках ноющую боль от фалакки и розог Гаджи-Молла-Багира.

После того как в грязных и затхлых мектебах этих молл я потерял вступую года четыре-пять, отец отдал меня в городское училище. Еще три года проучился я здесь, учился по-русски и по-мусульмански. Но сказать по правде, после того, как я покинул замызганные стены мектеба сколько-нибудь серьезных занятий мусульманским языком я не видел. Общеизвестно, что в тогдашних правительственных школах урокам на тюркском языке отводилось для профмры несколько часов в неделю, а все остальное время посвящалось урокам на русском языке. Таким образом, и в этом самом городском училище и в Горькой учительской семинарии, где я учился позже, учителя тюркского языка занимались с нами только для виду, чтобы двадцатого числа получить свое жалованье. Да и сами директора этих учебных заведений в те времена оберегали учителей тюркского языка от излишних трудов.

Создание тюркского отделения в Горькой учительской семинарии совпало приблизительно с моим вступлением в возраст зрелого ученичества. Помню в 1883 году отец отправил меня из Нахичеванского городского училища в Горькую семинарию, где за пять лет я прошел полный курс, и осенью восьмидесяти седьмого года был назначен младшим учителем в школу селения Улуханлы Эриванской губернии.

Тут я хочу прервать мое повествование и перейти к другому вопросу. В самом деле, кому могут быть интересны рассказы о том, что я в таком-то году учительствовал там-то, в таком-то был переведен в селение Данабаш. Однако тут имеются некоторые пункты, о чем я хочу написать несколько слов.

Это относится к временам, когда я обучался в учительской семинарии.

Итак, детство мое прошло в благословенном городе Нахичевани, и, как я уже сказал, вокруг только аллах и пророк. Направо мечети, налево минарет, и повсюду моллы и дервиши. Выйдя из такого святого окружения, попал я в грузинский город Гори, в среду преподававших в семинарии инородных учителей. Однако большой разницы между этим городом и моей родиной в смысле религиозности я не заметил, потому что церковью в городе Гори было ничуть не меньше, чем в Нахичевани. Даже в учительской семинарии для христианского отделения имелась специальная церковь.

А что до нашего тюркского отделения, правда, здесь особой мечети не было, но преподаватели закона божьего были для нас все равно, что проповедники, и не жалели сил, чтобы сохранить нас в мусульманской вере. Мы не ощущали никакого недостатка в обеспечении нашего загробного будущего. Дело дошло до того, что приблизительно в восемьдесят пятом или восемьдесят шестом году в месяце мухаррам семинарское начальство пригласило из Тифлиса специального маршняхана, чтобы он читал нам марсия, а мы плакали. В течение десяти дней этот господин маршняхан каждый вечер уплетал десять яиц, чтобы голос звучал ярче. И я хорошо помню, что, уничтожив за десять дней сотню яиц, он не сумел-таки улучшить голос и, не спев марсия, получил плату и был таков.

В те годы я был слишком молод и этих вещей как следует не понимал, но теперь, спустя сорок лет после моего обучения, ясно вижу: цель учреждения Горьской учительской семинарии заключалась в том, чтобы азербайджанские юноши, изучив русский язык и русскую историю, оставаясь при своем веровании, внедряли среди народных масс в деревнях и поселках русский язык и русское воспитание; для этого в программах, наряду с уроками закона божьего, придавалось большое значение

русскому языку и русской истории. Закон божий преподавался каждый день. Русский язык тоже преподавался ежедневно, и, кроме того, обращалось исключительное внимание на речь и произношение азербайджанцев.

На уроках закона божьего мы подтверждали бытие бога длинными рассказами, основанными на рассуждениях и на преданиях. Мы так усердно зубрили атрибуты утверждения и атрибуты отрицания, законы акеном и погрешностей, будто готовили из нас будущих проповедников.

А по-русски мы должны были разговаривать так, чтобы нельзя было отличить нас от русских. Все остальные дисциплины, кроме этих важнейших, считались не столь уж необходимыми. Так, например, азербайджанского языка в программе могло и не быть. Не научился я ранее кое-чему у моллы, за эти пять лет я не сумел бы овладеть азербайджанской грамотой настолько, чтобы правильно написать собственное имя. Поэтому и я, и мои товарищи во время летних каникул и по окончании учебы были вынуждены специально брать уроки у моллы, чтобы хоть немного усвоить мусульманскую грамоту.

Как ни удерживали нас на божеском пути нахичеванская религиозная среда и семинарские наставники в чалмах, равно же делали свое дело изучаемые нами география и естествознание. На одном уроке нас учили, что бог сотворил мир в шесть дней, а в пятницу предался отдыху; на другом же уроке объяснения учителя естествознания своим смыслом ставили под сомнение самое существование творца, полностью отрицали рай, праотца Адама и Ноев ковчег.

По окончании семинарии я встретил в Нахичевани единомышленников, более успешных, чем я, и сошелся с ними. Первым из ровесников, в ком я нашел отклик, был дорогой моему сердцу Эйялы Султан. Разговоры о закреплении наших женщин в те времена только-только начинались, и первые слова в защиту женщины я нашел при помощи нашего товарища Эйялы в книге известного поборника женской свободы Джона Стюарта Милля. Эта книжка была переводом с английского на русский язык, и прочитанное в то время забыто мною. Знаю лишь одно, что Джон Стюарт Милль в этой книжке вступал в спор с каким-то европейским писателем о свободе женщины и в своей книге доказывал, что нужно

уничтожить все препятствия, какие чинились до сих пор свободе женщин.

В 90-х годах, когда я был учителем в селении Неграм, я наблюдал странные явления в наших деревнях и записывал то, что наблюдал. Под названием «События в селении Данабаш» сперва я написал рассказ о пропаже осла дяди Мамед-Гасана. В нем говорится о том, как староста селения Данабаш Худайр-бек взял у бедного крестьянина по имени Мамед-Гасан осла, продал в городе и с помощью этих денег устроил себе брак сийга. А между тем дядя Мамед-Гасан, распродав все, что имел, купил этого осла и целый месяц ухаживал за ним, чтобы совершить на нем паломничество в Кербелу.

В бытность мою учителем в селении Неграм, в девяносто пятом году, в Нахичевани открыли большую азербайджанскую школу. Руководить этой школой был приглашен из Ордубада известный педагог и поэт Мешади Таги-Сидги.

Эта школа не только обучала азербайджанских ребяташек грамоте по новой методике и давала им знания, вместе с тем и для нас, новоиспеченных учителей и литераторов, она явилась целым университетом.

Больше десяти лет на педагогической работе я не выдержал и в девяносто восьмом году переселился из Нахичевани в Эривань, чтобы заняться каким-нибудь другим делом. Некоторое время прослужил переводчиком в канцелярии начальника, был даже полицейским чиновником, но вскоре убедился, что эта служба не по мне. Уйдя отсюда, подался я в ведомство юстиции, задумал стать юристом, адвокатом и для этой цели стал изучать гражданский кодекс и прочую юридическую литературу. Однако мне очень мешало то, что за какое бы дело я ни брался, обязательно доставал большой лист бумаги и набрасывал всякие рассказы и истории.

В 1903 году я повез больную жену в Тифлис и встретился там с редактором «Шаркы-Рус» Мамед-агой Шахтахтинским. Мамед-ага пригласил меня в ресторан «Аунунну», угостил меня обедом и спросил, есть ли у меня что-нибудь из написанного; я вынул из кармана рассказ о том, как Новрузали опускал письмо в почтовый ящик, и передал Мамед-аге. Читая рассказ, наш уважаемый писатель так громко смеялся, что соседи

начали с удивлением поглядывать в нашу сторону. Тут Мамед-ага силком потащил меня в гостиницу «Кавказ», где я остановился, положил мои вещи в фазтон и повез к себе, чтобы я остался и писал для его газеты рассказы.

Я остался...*

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Эта книга, по существу, впервые представляет русскому читателю Джалила Мамедкулизаде как публициста. В нее вошли избранные публицистические произведения замечательного азербайджанского сатирика — фельетоны, статьи, мемуары. Таким образом, не только русский читатель, но и читатели других братских народов получают возможность еще глубже, всестороннее ознакомиться с публицистическим наследием Дж. Мамедкулизаде, который популярен на всем Востоке под именем Молла-Насреддина.

Как известно, фельетоны Дж. Мамедкулизаде были в свое время опубликованы в журнале «Молла-Насреддин». Народный писатель Азербайджана Мехти Гусейн как-то рассказывал, что в конце 20-х годов в Баку, на одном литературном диспуте, посвященном вопросу, каким должен быть журнал «Молла-Насреддин» на данном этапе, Дж. Мамедкулизаде сказал: «Если меня спросят, что тебе дороже, что ты больше любишь — свою художественную прозу, свои пьесы, или свой журнал, — я бы ответил прямо: конечно, журнал...» И писатель извлек из кармана уже желтевший первый номер «Молла-Насреддина», показал его публике и произнес:

— Здесь все мое — и тексты и оформление...

Это верно. Хотя журнал «Молла-Насреддин» являлся коллективным органом прогрессивной интеллигенции Азербайджана в годы первой русской революции, в мрачные времена столыпинской реакции, в годы февральской буржуазно-демократической и Великой Октябрьской революций, он, по существу, являлся кровным детищем Дж. Мамедкулизаде. По сути дела, именно он создал журнал, на страницах которого развернулась его бурная деятельность сатирика и публициста. Своим публицистическим творчеством Дж. Мамедкулизаде открыл новую эпоху в истории литературы и общественной мысли своего народа. Его революционная сатира и публицистика так быстро завоевали умы, так широко распространились, что вскоре ознаменовали собой возникновение новой литературной школы, сатиры нового типа.

Конечно, и до Дж. Мамедкулизаде в азербайджанской литературе развивалось и крепло сатирическое направление. Нам известны сатирические произведения таких писателей, как Г. Закир, С. А. Ширвани. С сатирическим творчеством мы встречались и на страницах «Экинчи» («Пахарь»), издававшейся во второй половине

XIX века Г. Зарраби. Еще ранее выдающийся мыслитель Азербайджана М. Ф. Ахундов говорил о том, что время проповедей прошло, теперь надо смеяться над невеждами и смешить их самих, чтобы вырвать из кабала исламской религии. И он создал образцы сатирической литературы, обретшие бессмертие.

Но честь создания публицистического жанра сатиры безусловно принадлежит Дж. Мамедкулизаде. Он придал, этому жанру необычайный блеск и остроту, и не будет преувеличением сказать, что заслуга его в том, что сатира впервые в азербайджанской литературе стала достойным общепародным и завоевала признание на всем Ближнем Востоке.

Каковы были отличительные черты новой публицистической сатиры? В чем заключалась ее своеобразие? В том, что писатель в ней учитывает особенности национального восприятия и психологического склада современного ему читателя, его социальные и эстетические склонности. Сатира Дж. Мамедкулизаде чеканна, афористична и доступна по форме. Она инкогнито. Дж. Мамедкулизаде-публицист никогда не скажет прямо, «в лоб» что хорошо и что плохо, а всегда найдет соответствующее выражение, образ, намек, таинный юмор или издевку. И вся его сатира наполнена глубоким смыслом. Как бы опасаясь, что не все могут понять его злоповский язык, скрытый подтекст, писатель еще в первом номере своего журнала предупредил читателя:

«О мои братья мусульмане! Если вы услышите от меня нечто смешное и, растянув рот до ушей, закрыв глаза, будете хотеть так, что у вас, того гляди, лопнут от смеха кишки, потом будете вытирать не платком, нет, подолом рубахи проступившие на глазах слезы и посылать проклятия шайтану, — не подумайте, что смеетесь над Моллой-Насреддином.

О мои братья мусульмане! Если вы захотите узнать, над кем смеетесь, положите перед собою зеркало и внимательно всмотритесь в свое изображение».

С той поры, когда Дж. Мамедкулизаде-публицист бичевал современное ему недостатки общественной жизни — мракобесие, невежество, социальную несправедливость — прошло много времени, и, естественно, что нашему читателю иной раз могут быть не совсем понятны характер событий, которые оставались в центре внимания писателя-публициста, его намеки, даже некоторые специфические обороты речи и сравнения. Не случайно сам Дж. Мамедкулизаде, спустя много лет после создания своих публицистических работ, в своих воспоминаниях сам их комментирует для читателей более позднего поколения.

Дж. Мамедкулизаде-публицист всегда выступал с последовательной программой, отстаивая и пропагандируя основные требования буржуазно-демократической революции. Он вел неустанную борьбу за демократическую республику, сущность которой, по его мнению, заключалась в следующем: «При республиканском строе управление государством принадлежит народу, народ — хозяин страны. При этом никто не имеет права, назвав себя царем, вмешиваться в дела государства, вопреки воле народа. Страна управляется определенными законами, эти законы пишутся и утверждаются лишь представителями народа».

Разумеется, Дж. Мамедкулизаде, не будучи марксистом, не мог полностью воспринять и приобщиться к большевизму, как самой не-

редовой силе современности. Но своей ожесточенной борьбой, своим блестящим пером публициста-сатирика он фактически содействовал делу революционного пролетариата, стремившегося свергнуть реакционный режим.

Неукротимая гражданская смелость — главная черта публицистики Дж. Мамедкулизаде. Он с одинаковым гневом бичевал все черные силы своего времени, начиная с кровавого Николая, посточных деспотов, капиталистов и помещиков, духовенства, и кончая, так сказать, рядовыми носителями зла — ханжами, изуверами, мещанами. Для сатиры Дж. Мамедкулизаде не было мелких, незначительных мишеней. Его сатира была по всем антинародным явлениям. И все же надо сказать, что у писателя был свой излюбленный «сектор обстрела» — реакционное духовенство, и это было неспроста: пока существовали религиозный дурман, изуверство, невежество, нельзя было и думать о настоящей борьбе за счастье трудового народа. Дело дошло до того, что служители культа с кафедр крупных мечетей проклинали его, как вероотступника. В республиканском рукописном фонде АН Азербайджанской ССР хранится один любопытный документ — «фата», т. е. «священный приговор», подписанный высшими духовными сановниками — муджтехидами и скрепленный их печатью. Документ этот гласит: «Лица, издающие журнал «Молла-Насреддин», заслуживают по законам шариа смертной кары, и тот, кто осуществит это, обеспечит себе место в раю...»

Для публицистики Дж. Мамедкулизаде не существовало ни национальных, ни географических рамок. В ней отражены многие важные события, имевшие место не только в Азербайджане и России, но и на Ближнем и Среднем Востоке. Этим, в частности, и объясняется его широкая популярность и слава. В его публицистике мы видим грозный ответ революционных событий, происходивших под влиянием первой русской революции в Иране, Турции, Индии и других странах. Своими уничтожающими фельетонами писатель клеймил врагов национально-освободительного движения и вдохновлял борцов за демократию.

У читателя, знакомящегося с этой книгой, может возникнуть вопрос: неужели Дж. Мамедкулизаде только и делал, что разоблачал темные силы, смеялся над невеждами, издевался над бесчестьем и глупостью? Неужели у него не было положительных идеалов?

Ответ прост: конечно, у писателя был свой светлый идеал, своя мечта о справедливом устройстве мира. Он видел в жизни и светлое, и доброе. И только во имя этого светлого, сохраняя верность характеру своего дарования, он и воевал со всем темным и нечестным. Здесь невольно вспоминаются слова великого русского критика И. А. Добролюбова о том, что «...надо вызывать читателей на внимание к тому, что их окружает, надо колоть глаза всякими мерзостями, преследовать, мучить, не давать отдыху, — до того, чтобы противно стало читателю все это богатство грязи, чтобы он, задетый, наконец, за живое, вскричал с азартом и вымолился: «да что же, дескать, что, наконец, это за каторга!» Лучше уж пропадай моя душонка, а жить в этом омуте не хочу больше».

Именно этим и руководствовался Дж. Мамедкулизаде в своем творчестве, в публицистической деятельности, в неумолимой критике современного ему общества.

Конечно, при чтении фельетонов Дж. Мамедкулизаде надо

учесть и своеобразие его эпохи, и особенности его манеры выражения, и специфику тогдашних социальных проблем.

Произведения, вошедшие в этот том, по праву входят в золотой фонд азербайджанской литературы. И наш современник, читая эту книгу, познакомится со многими, уже забытыми страницами прошлого и воздаст должное писателю-гуманисту, борцу за человеческое достоинство и социальную справедливость. Он вновь ощутит дыхание мощного таланта Дж. Мамедкулизаде, почувствует его горячее, неукротимое сердце, бьющееся любовью к народу.

Аббас Заманов.

КОММЕНТАРИИ

В комментариях даны, с указанием страниц, пояснения к словам, помеченным в книге звездочкой.

ФЕЛЬЕТОНЫ

Стр. 5. Тюрки — имеются в виду азербайджанцы.

Стр. 9. Перевод С. Мамедзаде.

Стр. 10. Демдемек (буквально) — легкомысленный, вертопрах. В дореволюционном «Молла-Насреддине» и других сатирических журналах — один из наиболее распространенных псевдонимов. Этим псевдонимом подписывались художник А. Азимзаде (1880—1943) и другие. Пользовался иногда этим псевдонимом и сам Дж. Мамедкулизаде.

Г л а с н ы й — член Городской думы, городской депутат.

Стр. 12. Молла-Хасреддин. «Хасреддин» означает причиняющий вред, иносказательно: святоша. Слово «молла» имеет два значения: «молла» — это и духовное лицо, и образованный, начитанный человек.

Стр. 14. Перевод П. Панченко. Вопрос об авторстве этого стихотворения, включаемого до сих пор в сочинения Сабира, все еще остается спорным.

Стр. 15. Демдемек — см. прим. к стр. 10.

Стр. 16. «Г е я т з» («Жизнь») — ежедневная газета, выходившая в Баку в 1905—1906 годах; редактором был буржуазный идеолог А. Гусейнзаде (1864—1941). Издавалась газета на средства бакинского миллионера Г. Э. Тагиева. В целом газета по своей направленности была реакционной, но на ее страницах выступали порой и прогрессивные писатели, журналисты того времени.

«Иршад» («Наставление») — ежедневная газета, издававшаяся в Баку в 1906—1908 гг. Редактором газеты был буржуазный журналист А. Агаев (1869—1939), который впоследствии эмигрировал в Турцию. Благодаря активному участию в газете отдельных прогрессивных писателей и журналистов по ряду вопросов «Иршад» стояла на демократических позициях.

Стр. 16. Витте С. Ю. (1849—1915) — царский министр; в 1905 г. был председателем Совета Министров Российской империи.

Дурново П. В. (1844—1915) — в 1905 г. был министром внутренних дел Российской империи.

- Стр. 20.** Стихотворение Сабера. Перевод А. Ахундович.
Стр. 22. Стихотворение Сабера. Перевод П. Панченко.
Стр. 25. Мозалап — буквально: овод. Один из широко распространенных псевдонимов, которым подписывались некоторые молланасреддинцы.
- Хоп-хоп — буквально: угод. Псевдоним, которым М. А. Сабир подписывал подавляющее большинство своих сатир, опубликованных на страницах журнала «Молла-Насреддин».
- Лаглаги — буквально: болтун. Псевдоним, широко используемый молланасреддинцами.
- Хардамхалл — буквально: ветреный человек, на каждом шагу меняющий свое мнение. Псевдоним, которым выдающийся азербайджанский писатель-романист М. С. Ордубади (1872—1950) подписывал свои произведения в «Молла-Насреддине» и других сатирических журналах. Этим псевдонимом иногда пользовались и другие молланасреддинцы.
- Стр. 28.** Шаки — буквально: жалующийся, недовольный. Псевдоним известного азербайджанского просветителя и поэта Р. Эфендиева (1863—1942).
- Стр. 29.** Учкислэ — так называли азербайджанцы религиозный центр армян город Эчмиадзин.
- Стр. 31.** Намек на распад I Государственной думы.
Мозалап — см. прим. к стр. 25.
Лаглаги — см. прим. к стр. 25.
Стр. 43. Гаджи-Наджмуд-Довле — астролог конца XIX века при дворе иранских шахов.
Хоп-хоп — см. прим. к стр. 25.
Музафарадиншах Каджар (1853—1907) — иранский шах (годы царствования: 1896—1907).
- Гыздырмалы — буквально: горячий. Псевдоним поэта-молланасреддинца М. Г. Зейналова (1870—1919). Этим псевдонимом иногда пользовался и сам редактор журнала «Молла-Насреддин» Дж. Мамедкулизаде.
- Стр. 31.** Голошарпов — генерал-майор. В начале 1906 г. был направлен наместником Кавказа в Азербайджан для подавления крестьянского движения.
- Стр. 40.** Джабилга, Джабилса — мифические города, которые часто упоминаются в религиозных книгах.
- Даджал — мессия, который, по старому поверью, появится верхом на осле перед концом света.
- Стр. 45.** Перевод В. Кафарова.
Стр. 52. Перевод В. Кафарова.
Стр. 55. Ибрагим-бек — герой романа Зейналабдина Марраган (1839—1910) «Дневник путешествия Ибрагим-бека», одного из замечательных произведений персидской литературы XIX века.
- Стр. 56.** Султан Абдулгамид (1842—1918) — турецкий султан, правивший в 1876—1909 гг.
- Стр. 58.** «Умдятаул-фикра» — дословно: «Начало мыслей». Название несуществующей книги, придуманное Дж. Мамедкулизаде для высмеивания религиозно-схоластических трактатов, названия которых, как правило, начинаются словом «умдат» (начало).

- Хоп-хоп** — см. прим. к стр. 25. Перевод В. Кафарова.
Стр. 63. Мирза Мелжумян (Мирза Мелкумян, 1833—1908) — прогрессивный иранский писатель и общественный деятель. «Дневник путешествия Ибрагим-бека» — см. прим. к стр. 55.
Стр. 64. Хоп-хоп — см. прим. к стр. 25. Стихотворение М. А. Сабера. Перевод П. Панченко.
Стр. 66. «Меджлис» («Парламент») — официоз иранского парламента, издававшийся в то время в Тегеране.
Стр. 67. «Ихтиярат» (буквально: «позволения») — название книги, толкующей религиозно-правовые законы.
Мамелали-шах Каджар (1872—1925) — предпоследний иранский шах из династии Каджаров. Своей антинародной политикой он вызвал всеобщий гнев населения, был низложен и изгнан из страны.
Стр. 68. Козьма Прутков — псевдоним, которым подписывались русские писатели XIX века А. К. Толстой и братья Жемчужниковы.
Стр. 71. «Иршад» — см. прим. к стр. 16.
Агасв Ахмед-бек — см. прим. к стр. 16.
Стр. 75. Гаджи-Меджид-Эфенди — крайне реакционный религиозный деятель, который жил в начале XX в. в азербайджанском городе Шемахе и часто бывал объектом критики молланасреддинцев.
«Тарджуман» («Переводчик») — газета, издававшаяся в 1883—1914 гг. в городе Бахчисарае, в Крыму, известным буржуазным журналистом И. Б. Гаспринским.
Гаджи-Мирза-Гасанага — религиозный деятель периода иранской революции 1906—1911 гг. За крайне реакционную деятельность был с позором выдворен революционерами из города Тебриза.
Стр. 76. Муртуза-Кулихан — крупный помещик, которому принадлежали почти все земли Маку — одной из областей Южного Азербайджана.
«Тазехаят» («Новая жизнь») — газета, издававшаяся в Баку в 1907—1909 гг. либеральным журналистом Г. Везировым (1868—1916).
Стр. 79. Казимир-Керим-ага — в то время глава бакинского духовного управления.
Стр. 82. Хорасан — область в Иране.
Стр. 84. Молла-ами (дядя Молла) — так обычно журналисты-молланасреддинцы называли в своих фельетонах Дж. Мамедкулизаде.
«Ихтиярат» — см. прим. к стр. 67.
Стр. 87. «Ганузи» («Закон») — прогрессивная газета, которую в 90-х гг. XIX века издавал в Лондоне на персидском языке Мирза Мелкум-хан.
Стр. 91. «Хаблюль-метин» (дословно: «Крепкий оплот») — популярная на Востоке прогрессивная газета, которую в конце XIX — начале XX вв. издавали в Калькутте на персидском языке иранские политэмигранты.
Стр. 92. «Тазехаят» — см. прим. к стр. 76.
Стр. 93. Мамед-ага Шахтахтинский (1848—1931) —

известный азербайджанский ученый, журналист и общественный деятель.

Стр. 94. «Джамеи-Аббаси» — книга религиозных толкований шейха Бахазд-дина, по которой обучали детей в школах-моллаханах.

Стр. 95. «Фьюзат» («Благод») — реакционный журнал, выходивший в Баку в 1906—1907 гг.

Ахунд Чаир-теке (дословно: Ахунд Саранча) — так насмешливо называл «Молла-Насреддин» реакционного религиозного деятеля Ахунда Зиюн Тальбазда.

Стр. 96. Бакинский падишах — имеется в виду известный бакинский миллионер Г. З. Тагиев.

«Йилдыз» («Звезда») — название двора турецких султанов.

Стр. 97. Джалал Унсизаде — азербайджанский журналист, редактор и издатель (в 1883—1891 гг.) газеты «Кешюлю» («Дароносица»), выходившей в Тифлисе. Впоследствии эмигрировал в Турцию.

Стр. 100. «Горе Фахраддина» — трагедия выдающегося азербайджанского драматурга Н. Везирова (1854—1926).

Стр. 106. Джамеи-Аббаси — см. прим. к стр. 94.

Стр. 107. «Закавказье» — ежедневная газета, издававшаяся в 1907—1914 гг. в Тифлисе на русском языке грузинским просветителем и журналистом П. А. Готуа (1873—1936).

Стр. 111. После 1905 г. на страницах азербайджанской печати развернулась широкая дискуссия по вопросу об эмансипации женщин. Выступая против раскрепощения женщин, буржуазные журналисты и духовенство пригласили порой к таким нелогичным доводам, как, например, утверждение, что женщины Запада, которые ходят с открытым лицом, лишены всякого чувства стыда и т. п. Ответом на эти смехотворные утверждения и явился фельетон «Философы».

Жанна д'Арк (1412—1431) — французская крестьянка, возглавившая борьбу за свободу и независимость своей страны. Имеется в виду героическая дочь болгарского народа Баба Тонка Тиховица-Обретенюва.

Стр. 112. Румели — Западная часть Анатолии, бывшей Османской империи.

Волконская и Трубецкая — жены сосланных в 1826 году в Сибирь декабристов.

Стр. 113. Агехи — персидский поэт XVIII века.

Стр. 116. В этом фельетоне автор в присущей ему сатирической манере показывает страх турецкого султана перед национально-освободительным движением малых народностей страны.

Стр. 117. Султан Абдулгамид — см. прим. к стр. 56.

Стр. 118. Мамедалишах — см. прим. к стр. 57.

Стр. 120. В этом фельетоне автор критикует беспоследовательность и ограниченность турецкой революции 1908 года.

Султан-Абдулгамид — см. прим. к стр. 56.

Стр. 122. «Хаблюль-метин» — см. прим. к стр. 91.

Стр. 124. «Саадат» («Счастье») — азербайджанская школа в Баку, существовавшая за счет сбора благотворительных средств.

Овд-ж-би-Ун-гюп — мифический великан, которому даже море было по колено.

Стр. 129. Саттархан (1870—1914) — признанный вождь национально-освободительного движения в Южном Азербайджане в 1906—1911 гг., которого русская и зарубежная печать называла «азербайджанским Пугачевым» и «персидским Гарибальди».

Рахим-хан — крупный иранский помещик, крайне реакционный общественный деятель. Был одним из ярых противников и душителей революционного движения.

«Тарагги» («Прогресс») — ежедневная газета, выходившая в Баку в 1908—1909 гг.

Стр. 131. Мусульманский язык — имеется в виду азербайджанский язык.

Стр. 133. «Тарагги» — см. прим. к стр. 129.

«Таза хаят» — см. прим. к стр. 76.

«Алиф», «лям», «мям», «ну» — буквы арабского алфавита.

Стр. 134. Двустичие, данное в заглавии фельетона, — пародия на стихотворение поэта-схоласта Молла Махмуда Чакера (1871—1933 гг.), воспевшего мучеников-имамов.

Стр. 136. «Тарджуман» — см. прим. к стр. 75.

«Тарагги» — см. прим. к стр. 129.

Гусейнзаде Алибек — см. прим. к стр. 16.

Стр. 137. Вопрос о хиджабе — В развернувшейся на страницах дореволюционной азербайджанской печати дискуссии об эмансипации женщин одним из основных вопросов был вопрос о хиджабе (чадре), т. е. о том, с открытым или закрытым лицом должна ходить женщина.

Книга учителей — здесь речь идет об учебнике «Второй год», который был составлен группой известных учителей того времени по решению I съезда азербайджанских учителей, состоявшегося в Баку, в 1906 г.

Абдулла Джовдат (1869—1932) — известный турецкий ученый и писатель.

Стр. 138. Шамсаддин Сами (1850—1904) — турецкий ученый, лексикограф и переводчик.

Абдулгамидхан Сани — имеется в виду турецкий султан Абдулгамид (см. прим. к стр. 76).

Стр. 139. Фируддинбек Кечарли (1863—1920) — известный педагог, литературовед и критик; автор двухтомного монументального труда по истории азербайджанской литературы.

Узеир Гаджибеков (1885—1948) — выдающийся азербайджанский композитор, ученый, журналист и общественный деятель.

Стр. 140. На арабском алфавите слово «Гоголь» пишется так, что его можно прочесть по-разному. Джалил Мамедкулизаде, активный сторонник введения в Азербайджане нового алфавита, лишний раз хочет доказать на этом примере непригодность арабского алфавита для азербайджанского языка.

Стр. 141. Султан Абдулгамид — см. прим. к стр. 56.

«Хаблюль-метин» — см. прим. к стр. 91.

Стр. 143. Мамедалишах — см. прим. к стр. 93.

Стр. 144. Шейх Фазлуллах — крупный религиозный деятель, который вел ожесточенную борьбу против иранской революции.

Иттихад-и Мухаммедия — дословно: «Союз приверженцев Мухаммеда» (т. е. мусульман) — религиозно-политическая партия в Турции.

Стр. 146. «Тарагги» — см. прим. к стр. 129.

- Стр. 153. «Аб в абуд-джинан (дословно: «врата рая») — религиозно-шолоастический трактат персидского мудреца М. Казвини. Этот трактат неоднократно подвергался критике на страницах журнала «Молла-Насреддин» — см. прим. к стр. 94.
- Стр. 155. «Джаме-Абаси» — см. прим. к стр. 95.
- Стр. 160. Ахунд Талыбзаде — см. прим. к стр. 95.
- Стр. 164. Город Христианин — ныне Осло.
- «Религия и страдания» — автор здесь пародирует название выходящей в Оренбурге (в 1906—1917 гг.) на татарском языке газеты «Религия и быт».
- Стр. 165. Демдески — см. прим. к стр. 10.
- Стр. 166. «Сохбат» («Беседа») — газета, издававшаяся тогда в Тебризе.
- Стр. 167 «Ирани-нов» («Новый Иран») — газета, выходящая в Тегеране в период иранской революции.
- «Шарк» («Восток») — название издававшейся в Иране газеты.
- Стр. 171. «Хагигат» («Правда») — ежедневная газета, издававшаяся в Баку (с декабря 1909 по июль 1910 г.) под ред. Уз. Гаджибекова.
- «Ташрихуль-фарайиз» (дословно: «Трактат о наследстве») — книга азербайджанского религиозного деятеля Молла Арасзаде, где разъясняются религиозные законы о наследстве.
- Стр. 172. Туран — обширная местность в Средней Азии, где в древние времена жили тюркские народы.
- Стр. 173. Столыпин П. А. (1862—1911) — государственный деятель в царской России, с 1906 года — министр внутренних дел, затем председатель Совета Министров. Яркий враг и душитель революционного движения.
- Стр. 179. Ма медали — см. прим. к стр. 67.
- «Тифлисский листок» — газета, издававшаяся в начале XX в. в Тифлисе на русском языке армянским журналистом Хачатуровым.
- Стр. 180. Насреддин-шах Каджар (1831—1896) — шах Ирана, правивший в 1848—1896 гг.
- Стр. 185. Темирхан-Шура — ныне город Буйнакс Дагестанской АССР.
- Стр. 188. «Бахрул-масаб» (дословно: «Море бед») — книга сказаний о бедствиях имамов-мучеников.
- Стр. 192. Двуступице знаменитого персидско-таджикского поэта Саади Ширази.
- Стр. 195. Искандербек Меликов — прогрессивный дореволюционный журналист.
- Стр. 196. Г. Минназов (1880—1932) — один из известных деятелей и публицистов дореволюционной закавказской печати.
- Стр. 200. Имеется в виду пророк Мухаммед.
- Стр. 202. «Медресей-Тамадун» (дословно: «Школа культуры») — школа, существовавшая до революции и в 20-х годах в Баку, в районе Сабунчи, в которой обучались, главным образом, дети подданных Ирана.
- Стр. 210. Перевод В. Кафарова.
- Стр. 211. Профессор Бахметьев П. И. (1860—1913) — знаменитый русский физик и биолог.
- Стр. 212. Перевод В. Кафарова.
- Стр. 215. «Арпазуваний» — ироническое словообразова-

ние; «арпа» — ячмень. Здесь автор высмеивает псевдообразованных людей.

Стр. 220. Азербайджанское слово данышмышыг (говорили) при написании арабским шрифтом требовало проставления пятнадцати точек. Здесь автор намекает на трудности упрощения арабского алфавита.

Стр. 222. Имеется в виду свержение царизма.

Стр. 249. «Шарк кадыны» («Женщина Востока»). Речь идет о журнале для женщин, издававшегося в Баку.

Стр. 257. Ахмедшах (1837—1929) — шах Ирана (годы правления: 1909—1924).

Шейх-Мухаммед. Речь идет о Шейхе-Мухаммеде Хиябани (1880—1920), руководителе национально-освободительного движения в Южном Азербайджане в 1920 году.

Мир-Таги-Харирин — монархист, реакционный общественный деятель, один из душителей южноазербайджанского национально-освободительного движения.

Стр. 258. Басирус-Салтане — реакционный персидский военачальник, который принимал активное участие в подавлении национально-освободительного движения в Южном Азербайджане.

Стр. 259. Клуб им. Али Байрамова — Центральный женский клуб, существовавший в Баку с 1922 по 1937 г. и сыгравший огромную роль в приобщении женщин-азербайджанок к общественной жизни.

Стр. 262. «Ени фикри» («Новая мысль») — газета, орган Закавказского краевого комитета партии и правительства ЗСФСР, издававшаяся в 1922—1927 гг. в г. Тифлисе на азербайджанском языке.

Стр. 263. Плезе В. К. (1846—1904) — реакционный государственный деятель в царской России.

Стр. 268. Мирза-Мелкум-хан — см. прим. к стр. 63.

Стр. 280. Насреддин-шах — см. прим. к стр. 173.

СТАТЬИ

- Стр. 294. Обещанное продолжение не последовало.
- Стр. 297. «Шарк кадыны» — см. прим. к стр. 249.
- Стр. 298. Мешад-Сижимкули-Кефесиз — псевдоним поэта-молланасреддинца Али Назми (1882—1946).
- Гаджи Молла-Меджид-Эфенди — см. прим. к стр. 71.
- Стр. 299. Переводы П. Панченко и С. Липкина.
- Алидейекли (буквально: человек с дубинкой) — один из псевдонимов поэта-молланасреддинца Али Назми.
- Стр. 301. «Джаме-уд-дават» (Сборник молитв) — религиозный трактат.
- «Табирн-хаб» (дословно: толкование сновидений) — религиозный трактат.
- Стр. 304. Переводы В. Кафарова.
- Стр. 305. Переводы В. Кафарова.
- Стр. 306. Мирза-Мохаммед Ахундов (Хатиф) (1875—1923) — поэт, драматург, педагог.
- Перевод В. Кафарова.

- Стр. 307. Перевод П. Панченко.
Перевод В. Кафарова.
- Стр. 308. Переводы В. Кафарова.
- Стр. 310. Речь идет о философском труде великого азербайджанского мыслителя и писателя М. Ф. Ахундова (1812—1878) «Письма индийского принца Кемал-уд-Доле к иранскому принцу Джалал-уд-Доле и ответ последнего».
- Стр. 313. Ахвердов Абдурагим-бек (1870—1933) — выдающийся азербайджанский драматург, прозаик, один из активнейших сотрудников журнала «Молла-Насреддин».
- Стр. 317. Кёчарли — см. прим. к стр. 139.
- Стр. 318. Переписка двух принцев — см. прим. к стр. 310. «Красное перо». Так называлось литературное общество молодых писателей, организованное в Баку в 1927 году и имеющее большое значение в становлении и развитии азербайджанской советской литературы.
- Стр. 320. Перевод С. Мамедзаде.
- Стр. 321. Абдурахман Джамил (1414—1492) — великий персидско-таджикский поэт.
- Шейх-Мухаммед Шабустари (?—1320) — великий азербайджанский философ-мыслитель.
- Стр. 322. «Хаблюль-метин» — см. прим. к стр. 91.
- Стр. 326. Гаджи-Меджид Эфендизаде — см. прим. к стр. 75.
- Стр. 327. Наджафов Аликули Гамкюсар (1880—1919) — поэт-сатирик, один из активных сотрудников «Молла-Насреддина». В 1913—1914 гг. был вторым редактором журнала.
- Перевод С. Мамедзаде.
- Стр. 328. Перевод С. Мамедзаде.

ВОСПОМИНАНИЯ

По поручению Азербайджанского филиала Академии наук СССР Джалил Мамедкулизаде писал в последние годы свои воспоминания, так и оставшиеся незавершенными. Писатель успел написать лишь о своих детских впечатлениях о мире темноты и мрака и о содержании первого номера своего прославленного журнала «Молла-Насреддин».

На первой странице рукописи имеется приписка Джалила Мамедкулизаде на русском языке: «Мои воспоминания с детства до журнала «Молла-Насреддин». Джалил».

«Мои воспоминания» были впервые опубликованы после смерти писателя в «Сочинениях» (составитель Г. Самедзаде).

Русский перевод, с незначительными сокращениями, печатается впервые.

Стр. 331. По-арабски: «Велик аллах». Первые слова азана — призыва к молитве.

По-арабски: «Свидетельствую, что нет бога, кроме аллаха». Стих из корана, произносится в азане.

Стр. 332. Арабский стих из корана, означает в переводе на русский: «содейший добро».

Арабский стих из корана, в переводе на русский означает: «содейший добро будет за это вознагражден».

Стр. 334. В переводе означает: «Мы доставили с неба».

Стр. 335. Бейты из известной сатиры Сабира в переводе П. Панченко.

Стр. 342. Имеется в виду битва под городом Кербелой (Ирак) между последователями четвертого халифа Али и их противниками (IX в.). Согласно преданию, многие последователи Али погибли от жажды в безводной пустыне.

Стр. 340. Инкир и Минкир — два ангела, записывающие добрые дела и грехи каждого смертного.

Стр. 351. Начальные строки сборника великого персидского поэта Саади (1184—1292) «Гюлистан» (буквально: цветник). Перевод С. Мамедзаде.

Имам Садык — один из двенадцати святых имамов, которых чтят шииты.

Стр. 352. Мусеи-Кязим — один из двенадцати святых имамов, которых чтят шииты.

Стр. 356. «Муршид-и-ль-аваз» (дословно: путеводитель для несведущих) — богословская книга муджтехида Мирза-Абдул-Касима.

«Джамен-Аббаси» — см. прим. к стр. 94.

Стр. 366. Имам Джафар-Садык — см. прим. к стр. 351.

Стр. 374. На Востоке существует поверье, что один чих не к добру. Верующий мусульманин не начнет работу и не отправится в путь, если перед этим кто-либо чихнул один раз.

Стр. 377. Александрополь — ныне город Ленинкан Армянской ССР.

Стр. 379. Шахтахтинский Мамед-ага — см. прим. к стр. 130.

Стр. 379. «Шарк-Рус» («Русский Восток») — ежедневная газета, издаваемая Шахтахтинским на азербайджанском языке в Тифлисе с марта 1903 года по 15 января 1905 года.

Стр. 381. Джалил Мамедкулизаде принимал активное участие в принятии нового азербайджанского алфавита (на латинской основе) и был редактором первой на этом алфавите газеты «Ени Йол» («Новый путь»), которая издавалась в 20-х годах.

Стр. 382. Нэманзаде Омар Фанк (1872—1937) — прогрессивный журналист, один из революционных деятелей дореволюционной азербайджанской печати. Дж. Мамедкулизаде основал и вел журнал «Мслла-Насреддин» при активнейшем участии Нэманзаде.

Гайбов Самед-ага — воспитаник Горькой учительской семинарии, сотрудник газеты «Шарк-Рус»; позже и в первые годы Советской власти занимался педагогической деятельностью.

Стр. 384. Агасев Ахмед-бек — см. прим. к стр. 16.

Гусейн-заде Али-бек — см. прим. к стр. 16.

Стр. 389. Тагиев Г. З. — крупный бакинский нефтепромышленник, миллионер.

Стр. 390. «Мезхер» (буквально: выразитель) — еженедельная газета, выходившая в Тифлисе в 1908—1917 гг., редактором-издателем которой был либеральный журналист Кемал Улиси-заде.

Стр. 391. Следует отметить, что в данном случае память изменила писателю, так как по армянским материалам установлено, что разрешение на издание газеты «Новруз» ему было дано, но по каким-то соображениям он сам отказался от ее издания, о чем сделало даже публикацию в газете «Тифлисский листок».

Стр. 392. Шайтан-базар — название одного из районов старого Тифлиса, где по преимуществу жили мусульмане.

Перевод С. Мамедзаде.

Стр. 395. М а м е д а л и ш а х — см. прим. к стр. 67.

Автором использована известная народная поговорка о полном провозоле: в глухом ущелье и леса — владыка.

Автор имеет в виду революционные события в Южном Азербайджане и Иране в 1907—1911 годах.

Стр. 412. Перевод С. Мамедзаде.

Стр. 414. Приводимые изречения — умышленно перефразированные пословицы. Они направлены против дворянства, духовенства, патриархально-феодалных порядков. Некоторые пословицы сочинены автором — Дж. Мамедкулизаде.

Стр. 417. М у с л и х - э - д - д и н Ш и р а з и н — имеется в виду Саади (1184—1292).

Перевод С. Мамедзаде.

Стр. 418. Перевод П. Панченко.

МОЯ БИОГРАФИЯ

Время написания неизвестно. Опубликовано впервые после смерти писателя в журнале «Худжум» («Наступление») за 1933 г. (№ 1—2). Русский перевод печатается впервые.

Стр. 429. Дел писателя, каменщик Гусейн-Кули, выходец из Иранского (Южного) Азербайджана, переселился в начале прошлого столетия в Нахичевань, где обзавелся семьей и остался навсегда.

В архиве Горнской учительской семинарии в Тбилиси профессором А. Шарифом было обнаружено дело ученика семинарии Джалила Мамедкулизаде, где среди прочих документов было найдено и метрическое свидетельство, согласно которому Джалил Мамедкулизаде родился 10 февраля 1866 года. После опубликования этого документа дата рождения писателя, ранее помечавшаяся на основе этой автобиографии 1869 годом, была соответственно изменена.

Стр. 435. На этом автобиография писателя обрывается.

- Аба — восточная верхняя одежда.
 Азан — призыв к молитве.
 Аксакал — почтенный человек, старейшина.
 Алиф-лам — одна из глав (сур) корана.
 Амшари — согражданин, земляк. Так называли пришедших иранских рабочих.
 Ахунд — духовное лицо у мусульман.
 Бабиты — последователи Баба, расстрелянного при Насреддиншахе за стремление осуществить общественно-политические реформы.
 Бек — дворянин.
 Бозбаш — мясной суп с горохом и картофелем.
 Ванз — духовное лицо, религиозный проповедник.
 Валлах-бйалах — ей-богу, клянусь богом.
 Визирь — министр.
 Гаджи — мусульманин, совершивший паломничество в Мекку.
 Гейрат — честь, доблесть, достоинство.
 Гибляз — ориентация на Мекку со священным храмом Каабы.
 В эту сторону обращаются лицом мусульмане во время намаза.
 Гиямат — страшный суд, воскресение из мертвых.
 Гурид — райская дева.
 Гаур — неверующий.
 Дагаржик — котомка.
 Дервиш — странствующий отшельник.
 Джин — злой дух, бес.
 Джусллаги — проказник, плут.
 Джумада-эль-эввель — 5-й месяц мусульманского лунного года.
 Дирхам — иранская монета.
 Дошаб — вареный сок из винограда и других фруктов.
 Зекат — десятая часть годового дохода, выдаваемая в пользу бедных — потомков Мухаммеда.
 Зульхиджа — 12-й месяц мусульманского лунного года.
 Имам — почитаемый мусульманами святой, ближайший потомок и родственник Мухаммеда.
 Казн — духовный судья.
 Кальян — трубка.
 Караван-сарай — постоялый двор, заезжий двор.
 Касида — ода, панегирик.

Кербелай — мусульманин, совершивший паломничество в святой город Кербелу.
Киши — мужчина (употребляется и как обращение).
Кочи — соринголова, занимающийся убийством, разбоем.
Курбан — жертва.
Курбан-байрам — религиозный праздник жертвоприношения.
Лоту — пройдоха; весельчак.
Марсия — рассказ о мучениях имамов.
Марсияхан — лицо, нараспев читающее марсию.
Мафраш — мешок из ковровой ткани для упаковки постели, белья и других вещей.
Махалла — городской район, квартал.
Машаллах — bravo; молодец!
Медресе — духовное учебное заведение.
Мектеб — школа.
Мечеть — молитвенный дом у мусульман.
Мешаид — мусульманин, совершивший паломничество в святой город Мешед.
Минаджат — молитва.
Минбер — кафедра в мечети.
Мола — мусульманское духовное лицо; образованный человек.
Мохир — кружок глины, взятый из почвы Кербелы, к которому шииты прикладываются лбом при совершении намаза.
Муджтехид — высшее мусульманское духовное лицо, толкующее догмы шариа.
Мутавалии — попечитель, наместник.
Муфтий — главный судья по религиозному закону шариа.
Мухаррам — 1-й месяц мусульманского лунного года.
Муэдзин — служитель мечети, призывающий к молитве.
Мюстриб — мальчик-плясун, танцующий в женском костюме.
Наиб — уполномоченный, заместитель.
Намаз — молитвенный обряд у мусульман, совершаемый пять раз в день.
Насх — название почерка арабских рукописей и шрифта печатных книг.
Новруз-байрам — праздник нового года у мусульман (21 марта).
Отайлы — человек с той стороны, с того берега.
Падишах — царь, государь, шах.
Папах — высокая меховая шапка.
Паша — почетный титул высших военных и гражданских сановников.
Пехлеван — силач, богатырь, борец.
Пити — порционное блюдо вроде бозбаша.
Плов (пйлав) — блюдо из риса.
Раби-ул-аввель — 3-й месяц мусульманского лунного года.
Руби-ус-сани — 4-й месяц мусульманского лунного года.
Рамазан — 9-й месяц мусульманского лунного года.
Рукет — часть намаза, коленопоклонение.
Салават — религиозная формула, славящая пророка Мухаммеда и его род.
Санджак — область (здесь: зная).
Сарбаз — иранский солдат.
Сардар — наместник (здесь: владелец).
Сафар — 2-й месяц мусульманского лунного года.

Сейд — титул потомков Мухаммеда.
Сийга — временный брак у шиитов.
Субханаллах — славословие бога.
Сур — рожок, труба, в которую, по верованию мусульман, будет трубить архангел Исрафил в день страшного суда.
Сура — глава корана.
Тумен — иранская монета.
Уста — мастер.
Фалакка — приспособление для наказывания, палка, к которой привязывали ноги провинившегося, когда его били розгами по пяткам.
Фарсах — мера длины, равная примерно 6—7 километрам.
Фатиха — звукопокойная молитва.
Ферраш — служитель.
Хадими-миллет — национальный деятель, слуга народа.
Хадис — религиозное предание, притча.
Хала — тегя по матери (употребляется и как обращение).
Халифа — духовный и религиозный глава у мусульман.
Хамбал — носильщик, грузчик.
Халвар — мера веса.
Хатамаллах — приказывающий, волеизъявляющий (бог).
Хиджра — мусульманское летоисчисление (начало: 16 июля 622 года — дата бегства пророка Мухаммеда из Мекки в Медину).
Хна — порошок алканна, служащий для окраски волос, рук, ног, ногтей.
Хол-хоп — угод.
Хутба — особая молитва, обращение.
Чадра — покрывало, в которое женщины-мусульманки закуты-вались с головы до ног, оставляя открытыми только глаза.
Чиннар — платан.
Чувал — шерстяной мешок дмотканной ковровой выделки.
Шабан — 8-й месяц мусульманского лунного года.
Шайтан — сатана, демон, дьявол, черт.
Шайтан-базар — рынок, «толкучка».
Шариат — религиозное право у мусульман, свод религиозных догм, основанный на коране.
Шахсей-вахсей — религиозный обряд в месяц мухаррама, когда шииты, в память о погибших имамах-мучениках, истязают себя.
Шейх — старец, почтенный человек, староста.
Шейх-ул-ислам — духовный глава мусульман-шиитов.
Шият — приверженец одной из мусульманских сект.
Эми (ами) — дядя (по отцу).
Эмме — одна из глав (сур) корана.

ФЕЛЬТОНЫ

Тифлис, 7 апреля. Перевод Ч. Гусейнова	5
Письмо из могилы. Перевод Ч. Гусейнова	6
Тайный ответ Молла-Насреддина. Перевод Ч. Гусейнова	10
За что вы меня бьете? Перевод Ч. Гусейнова	12
Бакинцам. Перевод И. Печенева	15
Почему я убежал из школы? Перевод А. Алиева	17
Очень странно. Перевод Ч. Гусейнова	23
Новый учебник. Перевод А. Алиева	25
Консулы Ирана. Перевод И. Печенева	23
Что делать? Перевод Ч. Гусейнова	31
Голошапову. Перевод И. Печенева	34
Что я видел среди мусульман? Перевод Ч. Гусейнова	36
Из книги путешествий Рейнгарта. Перевод Ч. Гусейнова	39
Абирин ве гилаб. Перевод Ч. Гусейнова	41
Ответ господину Ахмед-беку Агаеву. Перевод А. Алиева	42
Куда идут деньги иранских рабочих? Перевод И. Печенева	46
Бусы. Перевод А. Алиева	46
Наши мечети. Перевод Ч. Гусейнова	53
Толстопузые. Перевод А. Алиева	56
Наш доход. Перевод И. Печенева	60
Амшари. Перевод Ч. Гусейнова	62
Бесчестие. Перевод Ч. Гусейнова	65
Домовой. Перевод Ч. Гусейнова	68
Шутка. Перевод Ч. Гусейнова	71
Приговор «Тарджумана». Перевод Азиза Шарифа	75
Два открытых письма казакскому шейх-уль-исламу. Перевод Ч. Гусейнова	77
Молла-Джафаркули. Перевод Ч. Гусейнова	80
Чушь. Перевод Ч. Гусейнова	83
Наши дела. Перевод Ч. Гусейнова	87
Лягушки. Перевод И. Печенева	90
Бочка воды. Перевод И. Печенева	92
Болото. Перевод И. Печенева	95
Чан. Перевод И. Печенева	99
Бу-бу-бу. Перевод А. Алиева	102

Микробы. Перевод Ч. Гусейнова	105
Поганое. Перевод Ч. Гусейнова	107
Стена. Перевод Ч. Гусейнова	109
Философы. Перевод Ч. Гусейнова	111
Черепная коробка. Перевод Ч. Гусейнова	114
Чувал. Перевод Ч. Гусейнова	116
Бабиты. Перевод И. Печенева	118
Молитва. Перевод Ч. Гусейнова	120
Лесть. Перевод Ч. Гусейнова	122
Гучи. Перевод И. Печенева	124
Учителя. Перевод И. Печенева	125
Шайтан. Перевод Ч. Гусейнова	128
Будущее. Перевод Ч. Гусейнова	131
Даже камни заплачут... Перевод Ч. Гусейнова	134
Цени. Перевод Ч. Гусейнова	136
Гоголь. Перевод Ч. Гусейнова	139
Все о том же. Перевод Ч. Гусейнова	141
Заплата. Перевод Ч. Гусейнова	143
Четыреста душек. Перевод Ч. Гусейнова	146
Триста миллионов. Перевод Ч. Гусейнова	148
Музыкальное образование. Перевод И. Печенева	151
Присносный горшок. Перевод И. Печенева	155
Магнит. Перевод И. Печенева	158
Кербелай. Перевод Ч. Гусейнова	160
Дагаржик. Перевод Ч. Гусейнова	163
Ребро адамово. Перевод Ч. Гусейнова	165
Враги. Перевод И. Печенева	168
Кровавая трагедия. Перевод И. Печенева	170
Единение мусульман. Перевод Ч. Гусейнова	173
Опьянение. Перевод А. Алиева	174
Утешение. Перевод И. Печенева	176
Родство. Перевод Ч. Гусейнова	179
Цель. Перевод И. Печенева	181
В память о святом Ибрагим-Ханлиле или праздник жертвоприношения. Перевод Ч. Гусейнова	182
Несправедливость. Перевод Ч. Гусейнова	184
Наш ответ. Перевод Ч. Гусейнова	185
Мечеть. Перевод Ч. Гусейнова	188
Крупая-продажа. Перевод И. Печенева	190
Новый год. Перевод А. Алиева	192
Очень хорошо. Перевод Ч. Гусейнова	195
Оспа. Перевод Ч. Гусейнова	198
Экзамены. Перевод Ч. Гусейнова	201
Алфавит. Перевод Ч. Гусейнова	204
Манифест. Перевод И. Печенева	207
Горе. Перевод А. Алиева	209
Голова. Перевод А. Алиева	211
Мужчина идет! Перевод Ч. Гусейнова	213
Пятигорск. Перевод И. Печенева	215
Благодарение. Перевод Ч. Гусейнова	217
Съезд духовенства. Перевод И. Печенева	220
Поздравление. Перевод Ч. Гусейнова	222
Счастье. Перевод Ч. Гусейнова	224
Разврат. Перевод Ч. Гусейнова	226

Свобода совести. Перевод И. Печенева	230
Азербайджан. Перевод Ч. Гусейнова	230
Нация. Перевод И. Печенева	233
Публичный дом. Перевод И. Печенева	235
Колочка. Перевод Ч. Гусейнова	237
Дым. Перевод И. Печенева	239
Ах, Николай! Перевод И. Печенева	241
Бела. Перевод Ч. Гусейнова	243
Нужна революция. Перевод Ч. Гусейнова	245
Аэроплан «Молла-Насреддин». Перевод И. Печенева	247
Женщина Востока. Перевод И. Печенева	249
Кооператив. Перевод Ч. Гусейнова	251
Детский театр. Перевод Ч. Гусейнова	253
Угощение. Перевод И. Печенева	255
Дела иранские. Перевод Ч. Гусейнова	257
Клевета. Перевод И. Печенева	259
Какого цвета простокваша? Перевод Ч. Гусейнова	261
Халифы. Перевод И. Печенева	263
Друг. Перевод Ч. Гусейнова	265
Английская культура. Перевод И. Печенева	267
Разницы нет. Перевод Ч. Гусейнова	269
Латинская графика и англичане. Перевод Ч. Гусейнова	271
В деревню! Перевод И. Печенева	273
Я вспоминаю. Перевод И. Печенева	275
Накльется. Перевод Ч. Гусейнова	277
Покой или седьмая годовщина. Перевод Ч. Гусейнова	278
Нефть чистая и нечистая. Перевод И. Печенева	280
Театральная конференция. Перевод Ч. Гусейнова	282
Благоприятный момент. Перевод Ч. Гусейнова	284
Рука. Перевод И. Печенева	286
Чей праздник — Октябрь? Перевод И. Печенева	288
План работы на 1930 год. Перевод Ч. Гусейнова	289

СТАТЬИ

Обездоленные	293
Напутствие	295
Давняя боль. Перевод С. Мамедзаде	297
Мешади-Сижмюкли-Кефсиз. Перевод А. Алиева	298
Мирза-Фатали Ахундов и женский вопрос. Перевод С. Мамедзаде	310
Мирза-Фатали Ахундов о религии. Перевод С. Мамедзаде	316
Мои воспоминания о Сабире. Перевод С. Мамедзаде	324
Аликули Гамкюсар. Перевод С. Мамедзаде	327

ВОСПОМИНАНИЯ

Мои воспоминания. Перевод А. Шарифа	331
Моя биография. Перевод А. Шарифа	429
Послесловие	436
Комментарии	441
Словарь	453

Редакторы *Али Сабир, С. Мамедзаде*
 Художник *Ф. Сафаров*
 Художественный редактор *Ф. Кулиев*
 Технический редактор *С. Аджиева*
 Корректоры *И. Фидлер, С. Аджиева*

Сдано в набор 29/VI-1966 г. Подписано к печати 3/XII-1966 г. Формат бумаги 84x10 1/2. Физ. л. 14,37. Условн. л. 23,57. Уч.-изд. л. 24,5. Заказ № 378. Тираж 1000. Цена 98 кп.

Азербайджанское госузд. издание издательства Баку, ул. Гусейн Гаджиева, № 4.

Типография «Красный Восток» Комитета по печати при Совете Министров Азербайджанской ССР. Баку, ул. Ази Асадинова, № 80.

226

228

Чөлүл Мәммадгулузаде

СЕЧИЛМИШ ЭСӨРДӨРИ

(рус тилинде)

Ики чилдә, икинчи чило

Баки Авернәшр - 1965

1870

2 1/2

1870